

**А.В. МУРАВЬЕВ
А.М. САХАРОВ**

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ IX – XVII ВВ.

КНИГА ДЛЯ УЧИТЕЛЯ

**ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ДОРАБОТАННОЕ
МОСКВА
«ПРОСВЕЩЕНИЕ»
1984**

ББК 63.3(2)4 М91

Авторы:

А. В. Муравьев (гл. I, II, введение и заключение, переработка); А. М. Сахаров (гл. III, IV, V, введение и заключение)

Рецензенты:

Доктор филологических наук О. А. Державина (Институт мировой литературы им. А. М. Горького); кандидат исторических наук Б. И. Краснобаев (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова); кандидат искусствоведения Н. В. Розанова (Государственная Третьяковская галерея)

На первом форзаце — Архангельский собор. Деталь решетки у гробницы царевича Дмитрия.

На втором форзаце — золотое шитье в прикреп золотыми, серебряными нитями и металлическими блестками. Деталь оплечья. Конец XVII в.

Муравьев А. В., Сахаров А. М.

М91 Очерки истории русской культуры IX—XVII вв.: Книга для учителя. — 2-е изд., дораб. — М.: Просвещение, 1984.— 336 с., ил.

В книге даны основные этапы истории культуры средневековой Руси, их особенности и отличительные черты. Развитие культуры рассматривается как часть истории, что помогает раскрытию объективных закономерностей исторического процесса. В книге обращено внимание как на развитие материальной культуры, в которой ярко воплощаются творческие силы народа, так и духовной культуры, которая в условиях феодальной церковной идеологии отражала особенности и противоречия феодального строя Руси. Эти две стороны культуры рассматриваются в тесном взаимодействии.

В пособии приведен большой фактический материал, который должен помочь учителю в проведении занятий.

© Издательство «Просвещение», 1984 г.

OCR и вычитка – Aspar, 2011. Постраничная нумерация сносок заменена сквозной.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Глава I. Культура Руси IX — первой половины XII в.

Глава II. Культура Руси второй половины XII — первой половины XIII в.

Глава III. Русская культура второй половины XIII — XV вв.

Глава IV. Русская культура конца XV — XVI вв.

Глава V. Русская культура XVII в.

Заключение

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемые вниманию учителя в качестве учебного пособия очерки истории русской культуры с IX по XVII в. охватывают средневековый период истории нашей страны, время утверждения и развития феодального строя в России.

При изучении отечественной истории в средней школе ознакомление учащихся с историко-культурными явлениями представляет собой одну из важнейших задач курса. Помимо огромной воспитательной функции изучение истории культуры дает возможность на ярком, доступном учащимся материале конкретно представить прошлые эпохи, способствует возбуждению живого интереса к истории — предмету, играющему исключительную роль в формировании мировоззрения учащихся.

Многими веками создавалась богатая и разнообразная культура человеческого общества, достигшая в наше время удивительных успехов. Великая, неисчерпаемая сила ума человека и упорство его неустанного труда привели ныне к смелому вторжению в космическое пространство, к созданию сложнейших вычислительных машин и автоматизации производства. Человек сумел познать не только многие тайны природы и создать совершенную технику, он овладел законами общественного развития. Гений Маркса и Ленина указал пути построения самого справедливого на земле коммунистического общества, в период развернутого строительства которого вступила ныне наша Родина.

В тысячелетней истории человеческого общества сменилось много эпох. Ушли навсегда в прошлое отжившие формы общественной организации. Изменились строй жизни и воззрения людей. Но, как и много сотен лет тому назад, современного человека волнуют и радуют дивные творения материальной и духовной культуры, созданные давным-давно. Не простое почтение перед седой древностью и не праздное любопытство влекут людей сегодняшнего дня смотреть полотна великих художников прошлого и любоваться неповторимыми формами древних сооружений, слушать бессмертную музыку, впервые прозвучавшую несколько столетий тому назад, вчитываться в строки, написанные мыслителями и писателями прошлого. «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество», — сказал В. И. Ленин на заре существования Советского государства. Идя к коммунизму, мы совершили настоящую культурную революцию в нашей стране. Богатства, выработанные человечеством, служат народу. Овладение этими богатствами — важнейшее средство воспитания нового человека, с его высоким благородством и многосторонностью его культуры.

Предлагаемая книга освещает ранние этапы развития культуры русского народа. Предметом ее является культура эпохи, отделенной от нас почти тремя столетиями последующего развития материальной и духовной культуры. Но достижения последующих веков не могут заслонить собой богатства древнерусской культуры не только в силу ее неповторимости, но и потому, что вся последующая культура опиралась в своем развитии на многовековые традиции предыдущих времен.

Культура средневековой феодальной Руси имеет свои особенности, определенные ее исторической судьбой. IX — начало XIII в. были периодом последовательного, поступательного развития культуры, достигшей наивысшего расцвета накануне монголо-татарского нашествия. Нашествие и установившееся затем иноземное иго затормозили культурное развитие Руси, привели к почти полному прекращению на длительное время внешних связей, что не могло не сказаться на состоянии культуры. Лишь с середины XIV в. в связи с общим экономическим подъемом Руси, наметившимися тенденциями к объединению после Куликовской победы, подготовившей реальные условия для освобождения русских земель от монголо-татарского ига, начинается новый, мощный подъем русской культуры. Восстанавливаются, приумножаются культурные традиции, устанавливаются культурные связи с другими, прежде всего Балканскими, странами. Дальнейшее развитие русской культуры было в это время неразрывно связано с созданием единого Российского государства, с теми социально-экономическими и политическими процессами, которые ему сопутствовали.

У истории культуры есть свой предмет исследования. Она изучает результаты человеческой деятельности в сфере материальной и духовной культуры в том виде, как они сложились и дошли до нашего времени. При этом подходе деление на материальную и духовную культуру исчезает уже потому, что произведения материальной культуры возникают не сами собой, а только через деятельность человека, осознающего свои ценности. Вне человеческого сознания, вне человеческого мышления не появляется ни одно произведение материальной культуры, ни одно проявление духовной культуры. Эта взаимосвязь всегда находится в поле зрения исследователя культуры. И в то же время в памятниках материальной культуры рассматриваемого периода творческие силы народа воплотились с наибольшей силой. Сложнее обстояло дело с развитием духовной культуры. «...Пока человеческий труд был еще так малопроизводителен, что давал только ничтожный избыток над необходимыми жизненными средствами, до тех пор рост производительных сил, расширение обмена, развитие государства и права, создание искусства и науки — все это было возможно лишь при помощи усиленного разделения труда, имевшего своей основой крупное разделение труда между массой, занятой простым физическим трудом, и немногими привилегированными, которые руководят работами, занимаются торговлей, государственными делами, а позднее также искусством и наукой»¹. Господствующему классу принадлежала большая роль в развитии духовной культуры. «Мысли господствующего класса,— отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс,— являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу общества, есть в то же время и его господствующая *духовная* сила. Класс, имеющий в своём распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчинёнными господствующему классу»². Основным средством материального производства в феодальную эпоху была земля, находившаяся в распоряжении феодалов. Поэтому феодальная идеология являлась господствующей духовной силой средневекового общества.

Это не значит, конечно, что в производстве духовной культуры народные массы не принимали никакого участия. Наоборот, их роль была весьма значительной, и не только в создании многочисленных произведений народного творчества, но и в создании ряда произведений культуры господствующего феодального класса. Так, например, устное народное творчество оказало большое влияние на форму и содержание литературных памятников феодальной эпохи — летописей, повестей, сказаний и т. п. произведений, возникших в феодальных кругах.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 186.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 45—46.

Но при всем этом господствующей идеологией оставалась идеология эксплуататорского класса, она подчиняла себе, как отмечали основоположники марксизма-ленинизма, мысли трудящихся. Отсюда — широкое распространение в народных массах веры в «справедливость» верховной власти, облечение антифеодальных выступлений в религиозную оболочку, столь характерные для средневековья. В феодальную эпоху существовало «верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности», что являлось «необходимым следствием того положения, которое занимала церковь в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя»³. Вот почему борьба различных по содержанию классовых тенденций в культуре феодальной эпохи, как правило, протекала в одних и тех же мировоззренческих формах, свойственных этой эпохе в целом. При этом отражение классовой борьбы в процессе развития культуры выступает с полной отчетливостью и в феодальную эпоху.

Развитие культуры, таким образом, было органически связано с господствующим строем, оно отражало этот строй и его противоречия. И вместе с тем создававшиеся в феодальную эпоху произведения материальной и духовной культуры имели и более широкое значение, являясь этапом и основой дальнейшего культурного развития человеческого общества. Без этого этапа был бы невозможен блестящий расцвет культуры в позднейшее время.

Изучение истории русской культуры IX—XVII вв. имеет определенные сложности. Несмотря на успешную разработку советскими историками вопросов развития культуры в период феодализма, значительное число работ обобщающего характера и исследований, посвященных отдельным проблемам и отраслям культуры, многие аспекты истории культуры требуют как привлечения новых памятников материальной и духовной культуры, так и дальнейшего изучения и осмысления накопленного. Так, в хронологические рамки настоящих «Очерков» практически укладывается вся история русского летописания, имеющая свои особенности и характерные черты, присущие отдельным ее этапам: Дневнерусскому государству, периоду феодальной раздробленности, Российскому государству. В свою очередь каждый из этих этапов имеет внутренние хронологические и территориальные подразделения. Если успехами историков, литературоведов летописание Древнерусского государства изучено достаточно полно и всесторонне, то история летописания XIII—XVII вв. имеет много пробелов. Многочисленные наслоения, переработки, переписки материалов, введение новых текстов, оценок зачастую затрудняют создание полной картины дела летописания. Имеющаяся специальная литература может помочь учителю более глубоко познать эти проблемы.

Аналогичные трудности имеются и при изучении других аспектов и отраслей культуры. Например, изучение живописи требует не только простого зрительного восприятия, хотя оно и имеет большое значение, но и проникновения в образный мир художника, его мироощущение, умение художественными средствами подчеркнуть определенную идею, которую он вкладывает в свое творение. Восприятие прекрасного, требует: «Если ты хочешь насладиться искусством, то ты должен быть художественно образованным человеком»⁴. Художественные приемы, идеи, вкусы художника со временем меняются. Они зависят от социального заказа, окружающего художника реального мира и многих других условий. Все это требуется учитывать при оценке живописных творений прошлого. Цель настоящих «Очерков» показать существенные черты и особенности истории русской культуры с IX до XVIII в.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 360—361.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. М., 1967, т. 1, с. 155.

В XVIII в. русская культура вступает в качественно новый этап своего развития, основные особенности которого изложены в «Очерках истории русской культуры XVIII века» Б. И. Краснобаевым⁵.

ГЛАВА I КУЛЬТУРА РУСИ IX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XII В.

Во второй половине IX в. на территории Восточной Европы сложилось Древнерусское государство. Это было раннефеодальное государство, производственную основу которого составляло земледелие. Древнерусское государство не было однородным в отношении социально-экономического строя и культуры. В одних районах — в Поднепровье, в Новгородской земле процесс феодализации шел интенсивнее, в других — пережитки патриархально-родовых отношений сохранялись дольше. Это накладывало определенный отпечаток на развитие материальной и духовной культуры Древней Руси. Однако существовали общие тенденции в развитии самобытной культуры Древнерусского государства. Они заключались в тесной связи с культурными традициями земледельческих скифских, а затем раннеславянских племен, во взаимодействии древнерусской культуры с культурой соседних стран, в складывании в рамках Древнерусского государства единой древнерусской народности.

Высокий уровень материальной и духовной культуры, достигнутый в Древнерусском государстве, опирался на длительный предшествующий процесс развития культуры восточных славян. Подъем древнерусской культуры заложил прочные основы для развития в дальнейшем единства культуры русского, украинского и белорусского народов.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Памятники IX—XII вв. сохранили немало данных о высоком уровне развития культуры Древней Руси.

Мы можем получить довольно ясное представление об орудиях, применявшихся в сельском хозяйстве, в ремесле, о продукции, изготовлявшейся кузнецами, оружейниками, гончарами, ювелирами и другими умельцами.

Материалы археологических раскопок в соединении с дошедшими до нас письменными сообщениями позволили сделать бесспорный вывод о высокой хозяйственной культуре Древней Руси.

Нет никакого сомнения в том, что земледелие здесь имело вполне устойчивый характер, в нем широко использовалась переложная, или залежная, система, когда пахотной земле давался периодический отдых. Повсеместное распространение пашенного земледелия требовало применения различных орудий труда. «Рало» — деревянный плуг, плуг с железным лемехом, борона широко использовались в южных районах. В лесных районах Днепра, Волги и Оки, где было подсечное, огневое земледелие, лесной перелог, основными орудиями были топор, железная мотыга, деревянная борона-«суковатка», сделанная из ели с подрубленными сучьями, а также соха с железными сошниками, как правило, двузубая. Хлеб убирался серпом. Коса использовалась при сенокосении.

Охота, рыболовство и бортничество, хотя и играли подчиненную роль в хозяйственной жизни Древней Руси, тем не менее достигли высокого уровня развития.

Данные письменных источников и археологические находки говорят, что орудия ловли рыбы — невод, бредень, крючки — почти не отличались от современных. Охотники пользовались луком со стрелами, капканами, рогатками, сетями. Бортничество в X—XIII вв. носило промысловый характер. Специалисты-«бортники» существовали уже в XII в.

⁵ См.: Краснобаев Б. И. Очерки истории русской культуры XVIII века. М., 1972.

Сравнительно высокий уровень сельскохозяйственного производства (земледелия и скотоводства), а также охоты, рыболовства и бортничества в Древнерусском государстве невозможно представить себе без достаточно развитого ремесленного производства.

Ремесленное производство Руси своими корнями уходит в глубокую древность. Обслуживая вначале несложные потребности родовой и территориальной общины, оно достигло к X—XI вв. заметных успехов. Среди ремесленников выделялись мастера ювелирного дела, умельцы по обработке металла, дерева, камня, кожи, изготовлению тканей, одежды, гончарных и стеклянных изделий, иконники, книжные писцы и др.

Развитию ремесла способствовал быстрый рост городов. Летопись уже для IX—X вв. называет 25 городов, но число их в это время было, несомненно, больше: ведь летописец не стремился рассказать о всех городах, а упоминал некоторые из них лишь в связи с каким-либо событием.

В XI в. число городов увеличивается до 89, а к концу XII в. отмечается уже 224 города. К началу монгольского вторжения, по исследованию М. Н. Тихомирова⁶, на Руси было около 300 городов и в них жило значительное ремесленное население.

В системе, натурального хозяйства, господствующего при феодальном способе производства, а связи с ростом общественного разделения труда прежде всего обособилось наиболее сложное металлургическое производство. Оно имело большое распространение как в городе, так и в деревне, с той лишь разницей, что городская обработка железа была более дифференцирована, сложна и искусна.

Сырьем для получения железа служили болотная, озерная и дерновая руды, не требовавшие при обработке сложной технологии. Железо выплавляли в сырودутной домнице.

Лом, клещи, молот (кувалда), наковальня и горн были основными орудиями в руках плавильщиков железа и кузнецов.

Русские кузнецы производили самые разнообразные предметы из металла. Железные лопаты и оковки для деревянных лопат, лемеха, серпы, косы, топоры, гвозди, ножницы, рыболовные крючки, наконечники, копыя, ножи, долота, сковороды, цепи, удила, остроги выковывались кузнецами. Широко применялись в кузнечном деле пробойники, при помощи которых железо обрубалось и пробивалось. Встречаются склепанные металлические изделия.

Продукция городских ремесленников, специалистов по обработке железа, была очень разнообразна. Они изготавливали бытовые предметы, инструменты, оружие.

Изделия городского ремесла получили высокую оценку не только на Руси. Затеиловы висячие замки с ключами сложного рисунка находили сбыт в соседних странах под названием «русских» замков.

Но особое развитие получило производство оружия и военных доспехов. Мечи и боевые топоры, копыя, колчаны со стрелами, сабли и ножи, кольчуги и щиты вырабатывались мастерами-оружейниками.

Изготовление оружия и доспехов было сопряжено с особенно тщательной обработкой металла, требовало умелых приемов в работе. Специализация в оружейном производстве появляется довольно рано. Летописи говорят о мастерах-седельниках, лучниках, тульниковых («тул» — колчан), щитниках, мастерах по производству осадных машин-пороков. Известны также ремесленники, специалисты по выделке мечей, копий, топоров, шлемов и других видов вооружения. На Руси, кроме распространенных по всей Европе широких, длинных и массивных мечей, выделяли также мечи другого типа. Они были узкие, с медным навершьем, узорчатым перекрестьем и кольцом для темляка. Такие мечи найдены в кургане села Гочева в Курской области и в городище Княжая Гора у Канева. Боевым оружием были и топоры. До нашего времени дошел декоративный топорик, владельцем которого предполагают Андрея Боголюбского. Железный, покрытый

⁶ См.: Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956.

серебром с золотым узором и чернью, с изображением дракона, птиц, буквы «А», топорик являет собой образец тонкого мастерства ремесленника.

Овальные или миндалевидные щиты делались из дерева с железной сердцевинкой и железными оковками. Археологические раскопки и письменные памятники позволяют говорить о красной окраске щитов как наиболее распространенной. Отсюда и неоднократное упоминание «Слова о полку Игореве» о «червленых», красных щитах русских дружинников.

Кольчуги — «брони» — состояли из переплетенных железных колечек. Одним из видов кольчуги были «бармицы», предохранявшие шею и плечи воина от стрел и ударов сабли.

Русские шлемы-шишаки склепывались из железных клиновидных полос. К такому виду шлемов принадлежит шлем, найденный в XIX в. под Ярославлем на поле, где была в 1216 г. Липицкая битва. Шлем изготовлен из железа, он заканчивается стержнем, обложен серебряными, позолоченными бляхами с чеканкой травы, птиц, святых образков покровителей владельца шлема: Федора, Георгия, Василия. Спереди к шлему для защиты приделан железный же «нос», над которым почти во всю высоту шлема изображен в рост архангел Михаил с подписью по бокам пластины: «Великий архистратиге господень Михаиле, помози рабу своему Феодору». Шлем, вероятнее всего, был сделан для сына Юрия Долгорукого князя Мстислава Юрьевича (в крещении — Федора). Об этом косвенно свидетельствуют изображения Георгия (в крещении имя Юрия Долгорукого) и Василия (в крещении имя Владимира Мономаха).

В Липицкой же битве шлем мог быть на племяннике Мстислава Юрьевича — Ярославе Всеволодовиче, которого, как и дядю, в крещении звали Федором.

Показателем высокого развития ремесла было и ювелирное производство. Ювелиры удовлетворяли потребности широких слоев населения в украшениях, а также изготавливали предметы роскоши для феодальной знати и утварь для церкви.

Бронзовые, медные, серебряные украшения высоко ценились в русских землях: цветные металлы получали из соседних стран, а русские мастера создавали из них высокохудожественные произведения.

Основным техническим приемом «злотарей», «серебряников», т. е. ювелиров того времени, было литье. Расплавленный в специальных глиняных тиглях металл при помощи глиняной же ложки — «льячки» — заливался в форму, а после остывания извлекался из нее. Использование формы давало почти неограниченные возможности для получения различных весьма сложных изделий. Отливались кресты, подвески, височные кольца, колокола, подсвечники, браслеты, поясные бляшки, пуговицы, перстни и т. д.

Особой формой литья было литье по восковой модели. Приготовленная восковая модель, часто очень сложной формы, с измельченными деталями, обкладывалась сырой глиной. Глина обжигалась, затвердевала, а воск через специально сделанный леток вытапливался. Металл заливался в глиняную форму, которая после остывания разбивалась. Отсюда сам характер литья получил название «потерянной формы». Полученная вещь отличалась точностью формы, приятным внешним видом, отсутствием так называемого литейного шва. Выдающимся образцом такого литья является бронзовая арка XII в. из г. Вщижа с плетеным жгутовым орнаментом и птицами в медальонах.

Применение литья способом «потерянной формы» давало возможность получения объемных вещей высокого качества. Вполне естественно, что продукция, сделанная по восковым формам, не могла быть массовой, создавались отдельные, уникальные экземпляры, которые, как правило, изготавливались на заказ.

Ювелирное ремесло X—XII вв. не ограничивалось литейным производством. Ковка и чеканка, чернь, позолота, зернь, скань, эмаль в руках русских мастеров давали изумительные образцы художественных изделий. Тонкое понимание свойств материала в сочетании с высокой техникой исполнения были характерны для мастеров Древней Руси. Кованые изделия из меди, серебра: кубки, чары, блюда, братины — делались из листов

при помощи деревянных болванок и специальных молоточков. На изделия пуансонами наносился узор-украшение. Геометрические узоры X в. в дальнейшем усложняются, приобретают причудливые формы фантастического орнамента.

На севере, в Новгороде и Суздале, большое развитие получает рельефная чеканка («обронная» работа). Суть ее заключается в выдавливании рисунка рельефом наружу. Лицевая сторона рельефа подвергалась детальной обработке. Такой характер носит чеканка шлема, найденного на Липицком поле.

Для изготовления массовой продукции использовали матрицы. Особенно широко они применялись при изготовлении наиболее распространенных украшений — колтов, височных колец, бляшек, нашивок для ткани и т. д. На серебряных или золотых пластинах выдавливали на матрице рисунок, пластинки спаивались между собой, приделывались ушки — и колт в основном был готов. Дальнейшая обработка его шла по линии украшения дополнительными деталями.

Мастера-ювелиры достигли высокого искусства в сканном деле. Сканию или филигранью назывались на Руси изделия из скрученной, свитой серебряной или золотой проволоки. «Скати» означало сучить, скручивать. Изделия из скани были двух видов. В одном случае скрученная проволока служила основой для создания объемных, ажурных узоров, в другом — накладывалась на пластины. И в том и в другом случае мастера применяли пайку. Изделия из скани были очень красивы и изящны.

Близко к сканному мастерству стоит техника зерни. Мельчайшие серебряные или золотые зерна накладывались по рисунку на пластины и припаивались, создавая сложный и красивый орнамент. На отдельных колтах насчитывается до 5000 зерен, так что на каждый квадратный сантиметр поверхности приходилось до 300 мельчайших шариков. Изделия из скани и зерни были широко распространены в Дрерней Руси.

Хорошо были знакомы русские мастера X—XIII вв. с золочением и инкрустацией золотом и серебром по железу и меди с применением черни. На металлические пластины предварительно наносили рисунок резцом. Затем в углубления разогретых пластин молоточком вбивали тонкие серебряные или золотые нити. Пространство между нитями иногда покрывалось чернью, и получался красивый серебряный или золотой рисунок по черному фону. О высоком искусстве русских мастеров черни и эмали свидетельствовал немецкий автор Теофил. Он писал, что читатель его трактата может узнать, «что изобрела Русь в искусстве эмали и разнообразии черни». Серебряные изделия, покрытые чернью, часто встречаются в археологических раскопках. Чернь представляла собой сплав (из олова, меди, серебра, соли буры и серы) черного матового цвета, хорошо гармонирующий с серебряным блеском основы. Вычеканенный или вытисненный рисунок рельефно выделялся на темной поверхности.

Еще более эффектной была эмаль — «финифть», «химипет», как называли ее на Руси. Вначале эмали на Руси были выемчатые. Золотую или медную основу для них с толстыми перегородками отливали предварительно. Однако этим способом трудно получить сложный и в то же время изящный узор. Метод выдавливания также не давал должного эффекта.

С X—XI вв. получает распространение перегородчатая эмаль. Рисунок наносился на поверхность припайкой золотых полосок, высота которых колебалась в пределах одного миллиметра. Стекловидная масса эмали разных цветов покрывала подготовленные ячейки, создавая красивые и долговечные украшения. Эмаль имела широкое распространение. Обильно украшались эмалью колты, ожерелья, перстни, подвески и т. п.

Мастера-эмальеры умело использовали лучшие образцы византийской перегородчатой эмали, переняли и усовершенствовали технику, создали свои мастерские. Две такие мастерские обнаружены археологами в Киеве: одна была непосредственно близ княжеского дворца, вторая — на окраине города. В мастерских найдены тигли для плавки эмали, горны различного устройства, остатки расплавленной эмалевой массы и т. д.

Отдельные дошедшие до нас эмалевые вещи имеют надписи, сделанные на русском языке.

Произведения ювелирного искусства Древней Руси, как правило, сочетают самые различные способы обработки, требовавшие от ремесленников не только хорошей техники, но и знания физических и химических свойств материала. «Не было, пожалуй, такой отрасли художественного ремесла, в которой русские ремесленники XI—XII вв. не создали бы замечательных, поражающих своим совершенством вещей»⁷, — указывает Б. А. Рыбаков. Недаром, отмечает летопись, «многие приходящие из Греции и других земель» говорили, видя обработанные русскими мастерами-ювелирами позолоченные гробницы Бориса и Глеба: «Нигде такой красоты нет».

Большая группа ремесленников занималась гончарным делом. Гончарная глиняная посуда была основной в хозяйстве древнерусского человека, хотя в княжеской и боярской среде в обиходе была посуда из золота и серебра.

Уже с IX в. в Древней Руси стала преобладать посуда, сделанная на гончарном круге. Посуда орнаментовалась, сушилась, а потом обжигалась.

Сосуды славянского типа были широко распространены по всем землям, входившим в состав Древнерусского государства. При всем своем разнообразии у них были общие черты: нижняя часть имела вид усеченного конуса, выше середины — выпуклые плечи, верх заканчивался пухлым, сильно отогнутым вперед венчиком. Сосуды эти различных размеров и разного назначения. Одни предназначались для варки пищи, другие, «корчаги», — большие сосуды — для хранения зерна, меда и других продуктов. Изготавливались кринки, плошки, чашки, блюда. В городах, где предположительно с XI в. применялся ножной гончарный круг, ассортимент гончарных изделий был шире и сложнее. Здесь делались кувшины, жбаны, черпаки, миски, светильники, амфоры, различные глиняные игрушки.

Ремесленники-гончары очень рано стали ставить клейма на свою продукцию. Колечки, ромбики, розетки, кресты, ключи, звезды и другие изображения в изобилии встречаются на поделках гончаров. Иногда на гончарных изделиях попадаются надписи, сделанные рукой мастера.

Гончары занимались также выделкой кирпичей — «плинфы» и различного рода глиняных поливных плиток, черепицы, изразцов, служивших для украшения пола, стен и потолков зданий.

Особым видом ремесла было стеклянное производство. Долгое время считали, что на Руси стеклянные изделия были только привозные. Однако обнаруженная в Киеве древняя мастерская по выделке стеклянных браслетов позволила сделать вывод о местном характере стеклянного дела. В мастерской найдены инструмент, перстни и браслеты, так часто встречающиеся в раскопках древнерусских городищ. Вероятно, стеклянные перстни и браслеты были украшениями горожанок.

Вполне естественным было исключительно широкое развитие в Древней Руси обработки дерева. Строительное дело прежде всего было связано с деревом. О строительстве городов и мостов говорит «Русская Правда», определяя «уроки» (размер оплаты) строителю города или крепостных стен, укреплений, мостов. Источники неоднократно упоминают «древodelей», т. е. плотников, которые строят деревянные дома, церкви, монастыри, мостят бревнами мостовые, сооружают стены, башни, мосты..

«Древodelей» имели разнообразные строительные инструменты: топоры, секиры, столярное тесло, пилы, долота, резцы, сверла, скобель, рубанок, скобы, заклепки, молотки. Топоры и теслы были основными инструментами. С их помощью мастера рубили избы, делали городские укрепления, мостовые, различные деревянные поделки. Даже доски изготавливались при помощи топора и тесла. Пила применялась сравнительно редко.

⁷ История культуры Древней Руси. М. — Л., 1951, т. I, с. 118—119.

Обилие различных деревянных предметов в раскопках свидетельствует об определенной специализации мастеров деревянного дела. Вполне вероятно существование особой профессии бочаров (бондарей), специалистов по токарному делу, по выделке гвоздей (деревянных).

Появление каменного строительства привело к выделению группы ремесленников, занятых строительством и отделкой каменных зданий, хотя источники говорят о них очень скудно.

Особую группу ремесленников составляли люди, занятые изготовлением одежды, тканей, обработкой кожи.

Прядением льна и шерсти занимались в основном женщины. Пряслицы (грузики для веретен) являются наиболее распространенными и обычными предметами археологических раскопок. О прядении и ткачестве как об основном занятии женщины говорит и летопись: «достав шерсть и лен, делает все необходимое руками своими», «руки свои протягивает к полезному, локти свои устремляет к веретену», «двойные одежды сделает мужу своему, а червленые и багряные одеяния — для самой себя», «покрывала сделает она и отдаст в продажу».

Были и специалисты-ремесленники, изготавливавшие более дорогие ткани. Опонники выделывали «опону», особо ценную ткань; ручечники специализировались на выделке тонкого холста-«ручошника». Были специалисты и по пошиву одежды, носившие название портных швецов. «Порт»—означало одежду.

Нужда в кожаной обуви, шапках, оружейных ремнях, поясах, сбруе, седлах, колчанах, щитах, переметных сумах, рукавицах, пергамене для письма стимулировала развитие кожевенного дела. В нем происходит специализация. Выделяются скорняки («скора»— мех)— мастера по выделке меха, кожемяки, усмошве-цы, обрабатывающие кожи и шьющие сапоги, седельники, сафьянники, тульники.

Знала Древняя Русь и другие ремесленные специальности. Источники говорят о существовании мастеров иконописного дела, книжных писцов, косторезов.

Можно спорить о количестве тех или иных ремесленников, о выделении отдельных производств в самостоятельный вид ремесла, но остается несомненным, что древнерусское ремесло носило всеобъемлющий характер, достигло большого мастерства, создало основы для дальнейшего развития материальной культуры.

Говоря о материальной культуре Древней Руси, нельзя не коснуться вопроса о жилищах, одежде, средствах и путях сообщения. Жилые и хозяйственные постройки, определявшие облик русских городов и поселений, представляли собой полуземляночные или деревянные срубные сооружения. Деревянный каркас полуземляночного жилища сооружался над вырытым в земле прямоугольником. Внутренние стены и поверхность каркаса обмазывались глиной. В жилище устанавливалась топившаяся по-черному куполообразная глинобитная печь. Деревянные, срубные жилища были наиболее распространенными. Сравнительная техническая простота постройки и доступность материала создавали возможность для возведения различных жилых и хозяйственных построек. Об их характере дают нам представления как данные письменных источников, так и археологические исследования. Основой деревянных построек был четырехугольный бревенчатый сруб, поставленный или прямо на землю, или на подставки (столбы, пни, камни). Пол был или земляным, или деревянным, из толстых, гладко отесанных досок. Деревянный, настланный на балках потолок закрывался двускатной крышей. Такой тип постройки определял простейшую форму жилья — избу. Сам термин «изба» («истба», «истопка», «истобка») означает жилье с печью. Большинство построек жилого типа отапливалось по-черному, и только в богатых жилищах отмечались некоторые усовершенствования в отоплении.

Свет в жилища проникал через прорубленные в бревнах «оконца». Обычно они были «волоковыми», узкое продолговатое отверстие в бревне в случае надобности

закрывалось («заволакивалось») доской. Иногда встречались стеклянные и слюдяные оконницы, но они широкого распространения не имели.

Были в Древней Руси и деревянные постройки, состоявшие из сочетания нескольких срубов. В едином, цельном ансамбле соединялись: жилое теплое помещение — «изба», сени и холодная «клеть», служившая летней спальней и кладовой.

Во дворах князей и крупных феодалов срубы-клетки сочетались таким образом, что они составляли крытую галерею второго этажа. Галереи эти покоились на опорных столбах. Составной частью ансамбля были терема, т. е. сени, принимавшие шатровую гранную или круглую коническую форму. Обычно весь этот жилой комплекс назывался «хоромами».

Источники донесли до нас существование в Древней Руси особых палат — «гридни», которые играли роль парадных, приемных зал при дворцах князей.

Служебные и хозяйственные постройки состояли из многочисленных погребов, медушь, скотниц, бань, бретьяниц (амбар, кладовая).

О внутреннем убранстве жилищ судить очень трудно. Отрывочные письменные сообщения позволяют говорить о столах, скамьях, деревянных кроватях, коврах, подставках для лучин — железных светцах, глиняных масляных светильниках. Чрезвычайно трудно восстановить одежду жителей Древней Руси. Дошедшие до нас остатки одежды дают представление главным образом о тканях, а рисунков и описаний одежды в источниках очень мало. Считают, что одежда русского крестьянина состояла из холщовой рубашки-косоворотки с деревянными, металлическими или костяными пуговицами, узкого кожаного ремня, штанов, заправленных в высокие сапоги или замотанных в онучи, если носили лапти или порши (обувь, сделанная из цельного куска мягкой кожи). В холодное время года одевалась грубошерстная теплая одежда, меховые, овчинные шубы.

Князья, бояре, дружинники носили «корзно» — плащ, изготовлявшийся из дорогой ткани. Верхняя одежда знати у «оплечья» (выреза ворота), «припола» (полы одежды), «опястья» (рукавов), так же как и пояс, обшивалась золотом и драгоценными камнями. Обувь — высокие сапоги — делалась из цветного (синего, желтого, красного) сафьяна.

Если одежда крестьян, ремесленников делалась из дешевых дмотканых материалов, то феодалы пользовались одеждой из дорогих тканей: «аксамита» (род бархата), «паволоки» (шелковые ткани), которые ввозились из Византии и восточных стран.

Судя по изображениям русских князей на фресках, иконах и миниатюрах, они носили мягкие круглые шапки, отороченные мехом. Эти же изображения позволяют говорить о богатстве расцветок и пышном орнаменте тканей.

Зимние одежды знати делались из дорогих мехов: соболя, бобра, куницы.

Данных о женской одежде мы почти не имеем. Сохранившиеся фресковые изображения и миниатюры дают представление лишь об одежде знатных женщин. На фресках киевского Софийского собора дочери Ярослава Мудрого имеют одежду разного покроя и из различных тканей. Мы можем отметить длинные нижние одежды, покрывало, плащ, платки на головах.

Обширные территории требовали хороших средств и путей сообщения. Письменные и материальные памятники позволяют утверждать, что важнейшими путями сообщения были реки и озера. Именно по ним, а не по сухопутным неустойчивым дорогам осуществлялась связь между отдельными частями древнерусских земель. Сравнительная мелководность многих рек, пороги, необходимость преодоления водоразделов по суше предопределили создание сравнительно небольших, с низкой осадкой легких речных судов. «Русская Правда» называет простую и морскую ладью, набойную ладью, челн, струг.

Наиболее распространенным был челн, представлявший собой долбленную однодеревку. Ладьи также были долбленные, но они были внушительных размеров и могли

поднимать десятки людей и много груза. Большие ладьи приспособляли и для морского плавания. К основному корпусу наращивали борта. Эта была набойная ладья, или «насад». На крупные суда, помимо весел, ставили мачту. Небольшие струги и «учаны» с их небольшой осадкой могли отлично перевозить людей и грузы по мелководью через отмели и перекаты. На водных путях в опасных для плавания местах ставились предупреждающие знаки. Такой характер носят так называемые «Борисовы камни» на Западной Двине под Витебском. Огромные валуны с высеченными изображениями крестов и надписи: «Господи, помози рабу своему Борису» — являются немymi свидетелями заботы полоцкого князя Бориса Всеславича (XII в), об улучшении речных путей. Известный Тмутараканский камень, лежавший у переправы между Тмутараканью и Керчью, напоминал о ширине пролива. Береговой путевой каменный крест стоял при выходе из реки Нерли в реку Клязьму. Он предупреждал о песчаных косах и перекатах.

К первой половине XII в. относятся попытки искусственного улучшения водных путей путем их расчистки и прорытия каналов. Так новгородцы пытались обеспечить себе водный путь до Волги через реки Полу и Ловать. Свидетельством этого стала надпись на так называемом «Стерженском камне».

Близкое соприкосновение Днепровской, Волжской, Волхово-Ильменской и Западнoдвинской речных систем привело к появлению «волоков», т. е. сухопутных путей перевода судов из одних рек и озер в другие. В частности, известный «путь из варяг в греки», описанный «Повестью временных лет», шел от Днепра до реки Ловати волоком. Волоки связывали Волгу с Днепром через притоки Дона и Днепра, с Новгородом — через озеро Селигер и реки Ловать и Полу и т. д. Многие сохранившиеся до нашего времени названия (Волоколамск, Вышний Волочек и др.) являются как бы памятниками древним волоковым путям.

Развитие сухопутных путей и средств сообщения было менее интенсивным, чем водных. Прокладывать дороги было трудно. Они быстро зарастали, заболачивались, размывались, требовали постройки постоянных мостов. Однако отметим, что «Русская Правда» засвидетельствовала существование крупных торговых сухопутных дорог — «гостиницы великой», поддержание которых входило в обязанность общин. Мы знаем также и о двух крупных мостах, возведенных в Древней Руси через большие реки. Один из них был построен Владимиром Мономахом через Днепр у Киева, а второй соединял Софийскую и Торговую стороны Великого Новгорода. Степные районы имели более широкое развитие сухопутных дорог.

В качестве транспортных средств в Древней Руси применялись «волокуши», колесные повозки, сани, а как тягловая сила использовались быки и лошади.

ФОЛЬКЛОР

Развитие устной поэзии предшествовало появлению письменной литературы, формировало и определяло ее идейную направленность и художественную особенность. «От глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории», — говорил М. Горький, оценивая значение устного творчества народа. Песни, былины, пословицы, сказки, плачи-причеты, загадки, различного рода легенды долго сохранялись в народной памяти. И хотя письменные источники времен Древней Руси сохранили их только частично, а большинство литературных записей сделано в XVII—XIX вв., все-таки по ним можно представить основной характер и содержание фольклора X—XII вв.

Значительное место в фольклорном творчестве Руси занимали мифологические сюжеты, корнями своими уходящие в языческие представления древних славян о природе, жизни и смерти, в культовые обряды доклассового общества.

Обрядовый фольклор был тесно связан с календарными и некалендарными праздниками. Праздновали встречу зимы — коляду и проводы зимы — масленицу. Праздник красной горки и радуницы означал встречу весны, которую провожали на

семик. Были летние праздники — русалии и Купала, осенние — обжинок и др. Кроме того, определенным обрядом обставлялись свадьбы, похороны. Эти и другие события сопровождалась специально к тому приуроченными песнями и плясками, гаданиями и заклинаниями.

Особенно широко были распространены на Руси песни. Их пели на свадьбах. Песенные причитания — «плачи» — входили в похоронный обряд. Исполнялись песни на тризнах и пирах. Источники, отрицательно относившиеся ко всякого рода языческим пережиткам, называя многие праздники «бесовскими», «сатанинскими», донесли до нас рассказы об играх и плясках, песнях, загадках, гаданиях на праздниках, в которых участвуют 4 мужа и жены», которых якобы прельщал «трубами и скоморохы» дьявол. Так же описывается и свадьба: «И егда же у кого их будет брак и творять с бубьны и с сопельми и с многими чудесы бесовьскими».

Наиболее живучими формами фольклорного творчества были заговоры и заклинания. В них наши предки видели средство магического воздействия на внешний мир. Они были тесно связаны с повседневной жизнью человека, с стремлением обеспечить свое хозяйственное благополучие, сохранить здоровье близких людей и т. п. Летопись донесла до нас блестящие образцы заговора-заклинания. В договоре князя Игоря с греками от 944 г. мы читаем: «А кто из русской стороны замыслит разрушить эту любовь, то пусть те из них, которые приняли крещение, получают возмездие от бога, вседержителя, осуждение на погибель в загробной жизни, а те из них, которые не крещены, да не имеют помощи и от бога, и от Перуна, да не защитятся они собственными щитами, и да погибнут они от мечей своих, от стрел и от иного своего оружия, и да будут рабами во всю свою загробную жизнь».

То же можем мы увидеть и в договоре, заключенном в 971 г. Святославом: «Если же не соблюдем мы чего-либо из сказанного раньше, пусть я и те, кто со мною и подо мною, будем прокляты от бога, в которого веруем,— от Перуна и Волоса, бога скота, и да будем желты, как золото и пусть посечет нас собственное наше оружие».

Конечно, бытовые заговоры и заклинания носили несколько другой характер и имели другую форму. В них обращались к силам природы, к духам, к богам-покровителям. Они сопровождалась определенными обрядами, которые в представлениях жителя Древней Руси должны были способствовать хорошему урожаю, удачной охоте, выздоровлению, исполнению желаний и т. п.

Существовали на Руси сказки, предания, легенды. Вполне возможно, что большинство сказочных сюжетов своими корнями уходит глубоко в толщу веков. Таковы многочисленные сказки о борьбе со змеем, вплетенные и в былинный эпос, сказки о вещей девице, о бабе-яге, сказки о зверях, например о хитрой лисице, медведях, волке. В них также ясно видно стремление людей силой слова, заговора, заклинаний повлиять на стихийные, враждебные людям силы природы.

В то же время жители Древней Руси в сказках выражали свою мечту о хорошей, счастливой жизни. Отсюда сказки о ковче-самолете, сапогах-скороходах, скатерти-самобранке, о дворцах, вырастающих в одну ночь, о чудесной прялке.

Сказочные мотивы нашли свое отражение и в летописном материале, в памятниках житийной литературы, в различных литературных сочинениях.

Следы многочисленных преданий и легенд донесли до нас письменные источники. Большинство легенд имеет религиозный характер и трактует вопросы о сотворении мира, крещении Руси, деяниях церковников. Однако, есть и легенды другого, светского содержания. К числу таких относятся предания о Кие, Щеке, Хориве и сестре их Лыбеди и основании Киева, сказания об Олеге и его смерти, о мести Ольги древлянам, о призвании варягов на Русь и др.

Знала и любила Русь пословицы, поговорки, загадки. Они вплетены в письменные источники. Авторы литературных произведений по-разному пользуются пословицами и поговорками. В одних случаях это своеобразные примечания для описываемых событий, в

других — изречения исторических лиц. «Погибоша аки обри», рассказывает «Повесть временных лет» о гибели племени обров, воевавших со славянами. Выражение «беда аки в Родне» напоминало о голоде в городе, осажденном Владимиром в 980 г. «Мир стоит до рати, а рать до мира», «мертвии бо сраму не имуть», «един камень много горнцев (горшков) избивает», «аще ся волк овця ввадит, то выносит все стадо, аще не убьют его», «безумных ни орют, ни сеют, сами ся рожают» — все эти пословицы исторического, политического, военного, бытового характера возникли именно в Древней Руси.

Отзвуком бытовой поговорки веет от изречения князя Владимира Святославича: «Руси есть веселье пити, не можем бес того быти». В значительной степени использованы бытовавшие в то время пословицы, поговорки, афоризмы, поучения в двух, связанных между собой сюжетно, памятниках XII и XIII вв. — «Слове» и «Молении» («Послании») Даниила Заточника, что создало им большую популярность на Руси.

Народные загадки также использовались летописцами. Новгородская 1-я летопись под 1016 г. рассказывает о борьбе сыновей Владимира — Ярослава и Святополка. Однажды Ярослав направил в лагерь противника разведчика, который должен встретиться с тайным сторонником Ярослава и спросить его: «...что ты тому (т. е. Ярославу) велиши творити? Меду мало варено, а дружины много». Посланец получил ответ также в форме загадки: «Рци тако Ярославу: «да аще меду мало, а дружины много, да к вечеру дата». И Ярослав понял, что в ночь нужно идти в бой.

Среди памятников устного творчества особое место занимают былины, известные в народе под названием «старинок». Сюжеты большинства былин зародились в эпоху Древнерусского государства и отражают исторические факты, идеологию и бытовые черты того времени.

Былинный эпос возник в период развития феодальных отношений, когда становится особенно ощутимым обособление феодальной знати, усиливается эксплуатация крестьян, разворачивается борьба между христианской религией и язычеством. Именно в это насыщенное борьбой с печенегами и половцами время возникает у древнерусских людей потребность выразить свою любовь к русской земле, свои надежды и чаяния в художественных, эпических произведениях.

К числу былин, возникших в Древней Руси, можно отнести былины о борьбе Добрыни со змеем, о Добрыне-свате, об Алеше Поповиче и Тугарине, о Соловье-разбойнике, целый цикл былин об Илье Муромце, Микуле Селяниновиче и др.

Наиболее ранние былины о князе Вольге Святославиче (или Волхе Всеславьевиче) во многом переплетались с языческим мировоззрением. Это образ князя-кудесника, искусного охотника, хитреца и оборотня.

Большинство же былинных сюжетов связано со временем Владимира Святославича как времени единства Русской земли, времени успешной борьбы Руси со своими врагами. Владимир в народных представлениях как бы олицетворял собой образ «хорошего» князя, окруженного богатырями, готовыми постоять за обиженных людей и за всю Русскую землю против ее врагов. В Владимире Святославиче народ видел выдающегося политического деятеля своего времени, символ государственного единства Древней Руси.

Но, положительно относясь к Владимиру, былины не идеализировали княжескую власть. Наоборот, в них ясно видно стремление подчеркнуть разницу между князем и богатырями. Князь лишь является центром, вокруг которого группируются богатыри. Именно богатыри с их героическими подвигами, силой, добротой, справедливостью являются истинными выразителями идеалов народных масс.

В былинах нет идиллической картины прошлого, в них отразились мечты народа о справедливом социальном мире, о могуществе Руси, которые можно добыть только руками самого народа в лице его представителей — богатырей.

Былины о Добрыне — «Добрыня-сват» и «Добрыня и змей» — связываются именно с этим временем. В определенной степени в них отразились исторические

события. Вполне вероятно, что прототипом для былинного Добрыни был дядя Владимира Святославича — воевода Добрыня, имя которого упоминается в связи с женитьбой князя на полоцкой княжне Рогнеде.

Этот сюжет воплотился в былинный рассказ о Добрыне-свате, добывающем для князя прекрасную Апраксию-королевичну. В былине о борьбе Добрыни со змеем отразилась борьба Руси с внешними врагами. В сознании людей змей был воплощением злой силы, и победа над ним символизировала победу Руси над ее недругами. Обращает на себя внимание исключительная теплота, с которой рисуется образ Добрыни. Он — храбрый воин, хороший дипломат и в то же время искусный певец и «игрец» на гусях.

Одним из самых любимых народом былинных героев был Илья Муромец, «сын крестьянский». В нем — все лучшие черты русских богатырей. «Илья — защитник трудового народа, «вдов и сирот», идеальный воин-патриот, непоколебимый страж границ Русской земли, блюститель ее единства и мощи»⁸.

Я иду служить за веру христианскую,
И за землю российскую,
Да и за стольный Киев град,
За вдов, за сирот, за бедных людей
И за тебя, молодую княгиню, вдовицу Апраксию,
А для собаки-то князя Владимира
Да не вышел бы я вон из погребца,—

с этими словами обращается Илья Муромец к богатырям, призывая их выступить против врагов, осадивших Киев. Наделив богатырей патриотизмом, силой, любовью к свободе, былины в то же время подчеркивают их миролюбие, отсутствие корыстных стремлений. Ни Илья Муромец, ни другие богатыри не являются слугами князя. Они служат интересам народа, а князь вынужден лишь прибегать к их помощи. Он даже боится богатырей и часто бывает несправедлив и вероломен по отношению к ним.

Наряду с образом богатыря-воина русская былина воспевает и крестьянина-пахаря Микулу Селяниновича. В нем воплощены мечты народа о мирном, радостном и благодатном труде. Не ратными подвигами прославил он себя, а трудом на земле русской. Могуч и красив русский пахарь, возделывающий землю:

У оратая кудри качаются,
Что не скачен, не жемчуг рассыпаются.
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя.
У оратая сапожки зелен сафьян:
Вот шилом ляты, носы востры,
Вот под пята воробей пролетит,
Около носа хоть яйцо прокати.
У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчик у него да черна бархата.

Микула Селянинович работает на полях, до которых дружина князя не может три дня добраться. Сошка его так тяжела, что дружина с ней не справляется, а кобыла соловая — лучше княжеского коня.

В былине о Микуле Селяниновиче симпатии народа явно на стороне пахаря, в то время как образ князя Вольги дается в иронической окраске. Характерно, что и Илья Муромец, прежде чем вступить в княжескую дружину, был хлебопашцем. В предста-

⁸ История культуры Древней Руси. М. —Л., 1951, т. II, с. 151.

влении народа фигура богатыря тем значительнее, чем больше он связан с трудом. Он мог быть крестьянином или ремесленником, он должен был познать трудности и радости мирного труда, прежде чем совершить свои подвиги в ратном деле.

Несколько позже, в начале XIII в., оформляются былинные сюжеты об Алеше Поповиче. В них отразились события разных времен, объединенные общей идеей борьбы Руси с иноземными захватчиками. В летописи есть упоминания об участии Алеши Поповича в борьбе с половцами еще в начале XI в. Другая летопись говорит об Алеше Поповиче как участнике битвы при Липице (1216 г.), погибшем затем вместе с другими семьюдесятью богатырями в битве на Калке (1223 г.). В самих же былинах образ этих двух богатырей слился в один, а сюжеты былины охватывают время начиная с X в.

Возникновение былинного эпоса в Древнерусском государстве было не случайным явлением. Если первоначально в устном творчестве преобладали легенды, загадки, предания, песни, пословицы и поговорки, то с образованием государства и складыванием древнерусской народности с ее определенной языковой, территориальной, экономической, культурной общностью возникает потребность и создаются условия для создания широких эпических произведений устного народного творчества. Былины создавались как исторические произведения. В них в синтезированном виде отражалось представление народа о князе и его власти, о дружине и ее ратных делах, о богатырях-героях, отвечавших идеалам трудовых масс. Характерно, что одно из главных мест в былинах занимает идея борьбы народа за свою независимость. Былины проникнуты духом патриотизма и гордостью за свою родину.

Нет никакого сомнения, что большинство сюжетов "былин возникло и разрабатывалось в народе. В них отражалось отношение народа к историческим событиям, фактам и явлениям, давалось свое понимание социальных отношений, сложившихся в Древнерусском государстве.

Как правило, большинство былин, даже возникших в более позднее время, переносит своих героев в эпоху Древнерусского государства в Киев, ко двору Владимира Святославича. Именно это время в народной памяти приобрело эпические черты, с ним связываются богатырские подвиги, прославление исторического прошлого.

Устное, фольклорное творчество Руси, сформировавшееся задолго до появления письменности, оказало большое влияние на развитие древнерусской литературы. Литературные письменные памятники не просто использовали богатейший материал народного творчества, но и восприняли в определенной степени его формы, поэтический стиль, языковую традицию. Легенды, записанные в Киево-Печерском патерике, десятки лет были известны в устной передаче, прежде чем приняли письменную форму. Отзвуки устного творчества видны и в «Слове о полку Игореве», автор которого вспоминает далекое от него «время Бусово», «вещего Бояна» — творца и певца песен; «Жития» Бориса и Глеба, несомненно, были составлены на основе устных рассказов о их гибели. Устным творчеством как источником пользовались авторы «Повести временных лет». Страницы летописи пестрят передачей прямой речи, которая произносилась до появления письменных источников и сохранялась в памятниках устного характера. Летописец использовал и многочисленные сказания, предания, легенды о походах на Константинополь, о князьях-варягах, о вещем Олеге и мудрой Ольге и др.

Возникнув ранее появления письменности, фольклорное творчество продолжало жить и развиваться. Наслаивались новые темы и элементы, совершенствовалась форма, вкладывались новые идеи и содержание, но характер творчества оставался прежним, отражая прошлое, события настоящего, надежды народа на лучшее будущее.

ПИСЬМЕННОСТЬ

Вопрос о появлении русских письменных памятников тесно связан с проблемой возникновения письменности у восточных славян. Эта проблема до конца еще не решена,

однако основные пути и особенности зарождения письменности могут быть прослежены. Составление упорядоченной славянской азбуки относится ко второй половине IX в. Тогда же великие славянские просветители братья Кирилл и Мефодий перевели с греческого на славянский язык многие, в первую очередь богослужебные, книги. Эти переводы, дошедшие до нас в рукописях X—XI вв., были написаны на старославянском языке. По мере своего развития этот язык претерпевал значительные изменения под влиянием живых языков, на которых говорили славянские народы, пользовавшиеся церковными книгами на старославянском языке. Ряд исследователей, особенно дореволюционные (А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев, А. А. Шахматов и др.), полагали, что утверждение христианства на Руси в 988 г. как государственной религии требовало и установления письменности, прежде всего путем распространения церковных, богослужебных книг.

Другие ученые, главным образом советские (С. П. Обнорский, Д. С. Лихачев, П. Я. Черных, В. А. Истрин), указывают, что в распоряжении историков имеются неоспоримые свидетельства о наличии письменности у восточных славян задолго до крещения Руси. Черноризец Храбр в своих сказаниях «О письменах», датируемых концом IX— началом X в., писал: «Прежде убо словене, не имеху книг, но чертами и резами чьтеху и гадаху», а после крещения они «римсками и гречьскими писмены нуждаахуса словенску речь без устроена», т. е. он сообщает, что, пока славяне были язычниками, они пользовались в качестве письменности какими-то «чертами» и «резами», а после принятия христианства они стали применять латинские и греческие буквы.

«Чертами» и «резами» можно было пользоваться как символами для обозначения определенных языческих понятий, но они стали непригодны с принятием христианства, и славяне по необходимости перешли на латинский и греческий алфавит.

Другое указание «о русьских писменах» содержится в «Пан-нонских» житиях Константина (Кирилла) (X в.). Константин во время своего путешествия в Хазарию был в Крыму. В городе Корсуне (Херсонесе) в его руки попали Евангелие и Псалтырь, написанные «русьскими писмены»: «обрете же ту евангелие и псалтырь русьскими писмены писано, и человека обрет глаголюща тою беседою, и беседова с ним и силу речи приим, своей беседе прикладаа различнаа писмена, гласнаа согласнаа, и к богу молитву творя, вскоре начат чести и сказати, и мнози ся ему дивляху...»

Таким образом, Константин не только нашел Евангелие и Псалтырь, написанные русскими письменами, но познакомился с человеком, умевшим читать эти книги. Сам Константин быстро научился читать и толковать русские письмена.

О наличии у восточных славян письменности сообщают арабские и немецкие источники. Так, Ибн-Фадлан рассказывает о погребении знатного русского воина с надписью на памятнике имени этого воина и имени царя. В другом сочинении арабского географа X в. ал-Масуди есть запись о пророчестве, написанном на камне в славянском храме. Арабский писатель Ибн-Эль-Недим (X в.) видел русскую запись, сделанную на куске дерева (дощечке), но «не знаю,— пишет он,— были ли это слова или отдельные буквы...». Немецкий хронист Титмар Мерзебургский (976—1018 гг.) рассказывает, что он видел в языческом храме славянских идолов, на которых особыми знаками были начертаны их имена.

О несомненном существовании письменности на Руси говорят тексты договоров, заключенных русскими князьями с Византией в X в. «Повесть временных лет» сохранила нам тексты этих договоров. В записи в Лаврентьевском списке повести под 912 г. мы читаем, что «мир сотворихом Ивановым написанием на двою харатью», т. е. мирный договор был составлен в двух экземплярах. На одном из них подписались русские послы, на втором — греческие. Вероятно, что перевод договора с греческого языка на русский был сделан по его заключению. На двух харатьях был записан и договор 944 г. В этих же договорах упоминаются письменные завещания (договор 911 г.), грамоты, посылаемые с послами (договор 944 г.).

Существование письменности на Руси до принятия христианства подтверждается археологическими находками. Глиняный сосуд, найденный во время раскопок в районе Старой Рязани в конце XIX в., носит на себе, как предполагают, знаки письмен. Сходные знаки имеются на медных бляхах из Тверских курганов XI в. Аналогичные «чертам» и «резам» знаки — на кости из Черниговских курганов X в.

Но особый интерес для решения вопроса о древнерусской письменности имеет находка, сделанная советским археологом Д. А. Алтдусиным во время раскопок так называемых Гнездовских курганов под Смоленском⁹. На глиняном сосуде типа амфоры первой четверти X в. рукой русского человека кирилловским алфавитом сделана надпись. Она прочитывается и расшифровывается учеными по-разному. Одни считают, что написано «гороухща», другие читают, как «горушна». И в том, и в другом случае это слово означает горчичные семена, горькую пряность. Таким образом, перед нами сосуд для хранения или перевозки горчичного семени, пряности.

Приведенные материалы позволяют утверждать, что появление письменности на Руси не связано с принятием христианства. Восточные славяне были знакомы с письменностью еще раньше. Возможно, на первых этапах в разных районах были свои письменные знаки. Развитие языка, являющегося продуктом целого ряда эпох, вызывало к жизни потребность не только в устной передаче мыслей, но и фиксацию их в письменной форме. Разложение первобытнообщинных отношений способствовало распространению письменности, сближению различных форм письма, появившихся у разных племен.

Как и письменность других народов, русское письмо прошло сложный путь от рисунка, изображавшего образ или понятие, к звуковому, фонетическому письму.

Все дошедшие до нас памятники древнерусской письменности используют алфавит, получивший распространение среди ряда славянских народов во второй половине IX в.

Вопрос о создании этого алфавита весьма сложен. Обычно его появление связывают с именами Кирилла и Мефодия — византийских монахов. Будучи в качестве миссионеров в Моравии, Паннонии, они переводили на славянский язык церковные книги, готовили местные кадры церковнослужителей. Оба брата были известны своей ученостью, знали славянские языки. Разрабатывая славянский алфавит, Кирилл и Мефодий, очевидно, приспособляли уже имевшиеся славянские письмена для передачи церковных, греческих текстов.

Русские письмена могли быть в определенной части использованы при составлении азбуки. Не случайно одна из русских рукописей XV в. («Толковая палея» — церковная книга с выборками из Ветхого завета) считает, что в основе славянского алфавита лежит русская азбука: «А грамота русская явилася, богом дана, в Корсуни русину, от нея же научился философ Константин (светское имя Кирилла), и оттуду сложив и написав книги русским языком».

Древнейшие же славянские памятники имеют два алфавита: кириллицу и глаголицу. Название «глаголица», по-видимому, означает азбуку вообще, подобно позднему русскому названию азбуки — «буквица». Термин «кириллица» связывают с именем Кирилла.

Вопрос о появлении двух алфавитов у славян и их связи между собой до настоящего времени не решен окончательно. Славянские рукописи, сохранившиеся с конца IX — начала X в., написаны на обоих алфавитах, поэтому решить вопрос о первоначальном появлении глаголицы или кириллицы очень трудно. Эпиграфический материал, т. е. надписи, сделанные на твердом материале, также не могут дать решающего ответа об очередности появления этих азбук. В исторической и лингвистической науке было высказано несколько гипотез о славянских азбуках. Суть их сводится к выяснению вопроса, какой алфавит был создан Кириллом.

⁹ См.: Авдусин Д.А., Тихомиров М.Н. Древнейшая русская надпись. — Вестник Академии наук СССР, 1950, №4.

Большая группа ученых считает, что глаголица предшествовала появлению кириллицы. Первоначально якобы Кирилл создал глаголический алфавит, на котором писались первые переводы церковных книг для славянского населения Моравии и Паннонии. Однако резкое отличие глаголицы от характера греческого письма заставило через несколько десятилетий изменить написание букв применительно к греческому письму. Этот новый алфавит получил название кириллицы и вскоре вытеснил глаголицу.

Другая группа ученых является сторонницей раннего происхождения кириллицы, причем в основу ее составления кладут византийское уставное литургическое письмо. Резкий протест немецкого духовенства в Паннонии и Моравии против изобретенного славянского письма, близкого к греческому, заставил, как они считают, изменить греческий характер азбуки, в результате чего появилась глаголица. Впоследствии, к концу IX в., когда усилилось византийское влияние в Болгарии и начался расцвет славянской письменности, надобность в глаголице исчезла. Глаголица уступает место более легкому кирилловскому алфавиту.

Обе эти гипотезы исходят, как мы видим, из предпосылки, что и глаголица и кириллица возникают под непосредственным влиянием византийского, греческого письма, заимствуя его основные начертания.

Окончательное решение вопроса об этих двух алфавитах нужно искать в конкретно исторических условиях появления письменности. Глаголица могла появиться в результате развития письма из «черт» и «рез» или клинописного, не расшифрованного еще письма Северного Причерноморья. Возможно, что Кирилл, создавая славянский алфавит, был знаком с какими-то чертами раннего восточнославянского письма. Созданное же им письмо вобрало в себя не только элементы алфавитов соседних со славянами стран, но и местные славянские элементы.

На Руси кириллица стала официальным алфавитом, хотя некоторые элементы глаголического письма встречаются в отдельных памятниках.

Сложная и трудная история Древней Руси не сохранила нам большинства памятников письменности. Они гибли во время многочисленных пожаров, уничтожались при иноземных нашествиях, навсегда терялись в результате плохого хранения. Лаврентьевская летопись донесла известие об истребительном пожаре 1124 г. в Киеве и пожаре 1185 г. во Владимире-Залесском, во время которых погибло много книг. Катастрофическим для судьбы русских письменных памятников оказалось монголо-татарское нашествие. В 1240 г. захватчики не только разрушили Киев и перебили его население, но и уничтожили книжные богатства, собиравшиеся в течение более чем двух столетий.

Согласно «Предварительному списку славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР»¹⁰ из 1493 учтенных рукописей (среди них — 960 русских) за время от XI в. до монголо-татарского нашествия сохранилось 192 рукописи (149 русских, 13 старославянских, 18 болгарских, 10 сербских и 2 не определенных). Среди ранних рукописей, безусловно относящихся к XI в., такие выдающиеся памятники древнерусской книжности, как Остромирово евангелие 1056/1057 гг., два Изборника — 1073 и 1076 гг., Архангельское евангелие 1092 г., три новгородских служебных Минеи 90-х гг. XI в., псалтыри, поучения, требники, жития, патерики и другие произведения.

Все рукописи до середины XIV в. писались на пергамене. На Руси пергамен первоначально называли «кожами», «телятинами», «мехом», «харатьями».

Приготовление пергамена требовало большого умения и мастерства. Для его изготовления употребляли главным образом телячьи и бараньи кожи, причем самый хороший пергамен получался из кож молодых ягнят. Шкура животного обрабатывалась золой и поташом, тщательно очищалась от мяса, шерсти и щетины, растиралась мелом для обезжиривания, выглаживалась, пемзой и выстругивалась ножом для получения ровной

¹⁰ См.: Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966, с. 177—272.

поверхности. От степени подготовленности мастера во многом зависело качество пергамена.

Русские книги XI—XII вв. писались, как правило, на хорошем пергамене, который ввозился из Византии и из западных стран. В это же время появляется и русский пергамен, на котором написано большинство русских письменных памятников, начиная с XIII в.

В русских памятниках XI—XIII вв. господствовало так называемое «уставное письмо». Характерной особенностью этого письма была геометричность написания букв. Обычно они писались в границах двух горизонтальных параллельных линеек перпендикулярно к строке. Горизонтальные и вертикальные линии плавно переходили в закругления. Буквы не были связаны между собой, а слова не отделялись друг от друга. Буквы устава XI—XII вв. приближаются к квадратной форме, в то время как поздний устав имеет буквы несколько вытянутые вверх. Уже в уставном письме писцы прибегали к сокращенному написанию слов и выносу отдельных букв. Количество слов, писавшихся сокращенно, и выносных букв увеличивается по мере развития письма и достигает широкого применения в полууставном и скорописном письме. Каких-либо определенных правил сокращения слов не существовало, но можно заметить, что первоначально сокращались термины и понятия религиозного характера.

Самая древняя русская рукописная книга — Остромирово евангелие. Написанная дьяконом Григорием с помощниками для новгородского посадника Остромира, книга содержит евангельские чтения по дням недели, начиная с пасхи. Обращает на себя внимание исключительно красивый, кирилловский уставной почерк книги. Написанный на пергамене в два столбца текст производит неизгладимое впечатление высокохудожественной работы новгородских писцов. Изящно орнаментированные инициалы букв отделяют друг от друга «чтения». Иногда «чтениям» предшествуют рамки-заставки, раскрашенные, как и инициалы, золотом, зеленой, голубой, красной, белой красками. Сделанные на отдельных листах миниатюры с изображениями евангелистов Иоанна, Луки и Марка говорят об уверенной руке мастера, пользующегося богатой палитрой красок, высокой для своего времени техникой рисунка. Четвертого евангелиста, Матфея, нет, но для рисунка был оставлен чистый лист.

Остромирово евангелие является образцом книжного искусства Древней Руси, не имеющего себе равных среди памятников старославянской письменности XI в.

Если Остромирово евангелие по своему содержанию является памятником церковным, то два Изборника, 1073 и 1076 гг., были написаны для светских кругов и представляют сборники нравоучительных статей, утверждающие этические нормы господствующего класса. Оба Изборника были написаны дьяком Иоанном для киевского князя Святослава Ярославича. В них вошли статьи по богословско-философским, религиозным, этическим вопросам.

Изборник 1073 г., подобно Остромирову евангелию, богато орнаментирован. Помимо заставок, концовок, инициалов, имеются рисунки на полях. Из четырех красочных миниатюр одна изображает Святослава с женой и сыновьями.

Изборник 1076 г., по мнению некоторых исследователей, предназначался для более широких светских кругов, может быть для массы рядовых мирян. Поэтому он написан на пергамене худшего качества, в нем почти нет орнамента.

Изумительным памятником русской письменности является Мстиславово евангелие, написанное около 1115 г. по поручению новгородского князя Мстислава, сына Владимира Мономаха. Оно было написано сыном священника Алексой для основанной Мстиславом Благовещенской церкви на Городище в Новгороде. В украшении евангелия принимал участие еще один новгородский мастер — Жаден. Текст евангелия написан красивым уставным письмом. Многочисленные заставки и буквы разрисованы золотом и красками. Имеются миниатюры с изображениями традиционных четырех евангелистов.

Большой интерес вызывает древний роскошный переплет евангелия. Обычай покрывать книги переплетом рано появился на Руси. Переплет, предохранявший книгу от

порчи, делали из досок, обтянутых материей или кожей. Переплет Мстиславова евангелия был очень дорогим¹¹, Он представлял собой соединение работы мастеров двух стран. Вначале евангелие было послано в Византию и там украшено золотом, серебром и драгоценными камнями, а затем с помощью русских мастеров «skonchaja vse delo» у себя на родине. Несмотря на последующую переделку (очевидно, в XVI в.), переплет с серебряным покрытием, золотыми бляхами и финифтяными изображениями святых производит впечатление высокохудожественной работы мастеров XII в.

От начала XII в. дошла до нас древнейшая княжеская грамота. Киевский князь Мстислав Владимирович дал ее около 1130 г. новгородскому Юрьеву монастырю. Грамота говорит о пожалованиях монастырю земли и утверждает иммунитетные права монастыря на сбор дани и проведение суда.

На пергамене уставным письмом, золотом написан текст. Внизу грамоты прорезь для шнура, на котором висела печать. Печать сохранилась и представляет две серебряные позолоченные пластинки с изображением на одной сидящей фигуры Иисуса Христа с книгой, на другой — святого Федора Стратилата, покровителя Мстислава, имевшего христианское имя Федор.

Долгое время господствовало мнение, что письменность на Руси была уделом церковников и представителей высшей феодальной знати. Ссылались на то, что неизвестны письменные памятники, вышедшие из среды народных масс.

Однако в 1951 г. новгородские раскопки А. В. Арциховского дали ценнейший материал по истории русской письменности. Были найдены берестяные грамоты, часть которых относится к XI—XII вв.¹¹. Раскопки последующих лет показали, что ученые столкнулись с своеобразным «архивом» частных писем, бесхитростно повествующих о повседневной жизни новгородских людей. Не имея возможности писать на пергамене, который был сравнительно редок и дорог, простые люди использовали для письма бересту, на внутренней, мягкой стороне которой острым предметом (костьяным или металлическим) писался текст.

Новгородские находки берестяных грамот заставили археологов искать их и в других местах. Вскоре были найдены грамоты в Смоленске, а затем в Витебске, Пскове, Старой Русе. По-видимому, берестяные грамоты имели широкое применение в Древней Руси. На бересте писали письма, вели хозяйственные записи и т. п. То, что археологи обнаружили в разных городах и даже в слоях X в. многочисленные острые железные палочки-писала, как их называли на Руси, является еще одним, хотя и косвенным свидетельством раннего и широкого распространения грамотности среди простых людей: крестьян, ремесленников, мелких торговцев.

О развитии письменности говорят и эпиграфические памятники, т. е. надписи, сделанные на камне, дереве, металле и других твердых материалах. Мы уже говорили о древнейшей русской надписи на глиняном сосуде первой четверти X в. К числу древних записей относится и надпись, сделанная на Тмутараканском камне 1068 г. Надпись гласит: «В лето 6576 индикта 6 Глеб князь мерил море по леду от Тматороканя до Корчева 14 000 сажен».

Нередки надписи, сделанные на каменных крестах. Эти кресты ставились на дорогах, реках, заделывались в церковные стены. Многочисленные надписи встречаются на пряслицах XI—XII вв. Пряслицы были необходимым предметом в каждой русской семье. Их часто метили какими-либо значками или ставили надпись, говорящую о владельце: «Потворин пряслень», «Молодило», «Мартын», «княжо есть», «невесточь».

Свои надписи на изделиях ставили гончары. На голоснике в новгородском Софийском соборе мастер расписался «Стефан пел» (писал). Иногда эти надписи носят своеобразный, символический характер. У горлышка глиняной амфоры XI в. киевский мастер сделал надпись: «Благодатна полная корчага сия».

¹¹ См.: Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953.

Интересны надписи, сделанные на новгородских серебряных кратирах (сосудах) XII в. Считают, что эти кратиры были сделаны мастерами в качестве образцов при испытании мастерства ремесленника, претендующего на звание мастера серебряных дел. На одном сосуде надпись: «Господи, помози рабу своему Флорови. Братило делал», на втором — аналогичного содержания: «Господи, помози рабу своему Костяньтину. Коста делал. Аминь».

Иногда на сосудах, подобно пряслицам, указывалось имя владельца вещи, например: «Се сосуд Петров и жены его Марье».

Встречаются надписи — «граффити», сделанные на штукатурке соборов в Новгороде, Киеве, Галиче и других городах. Простые люди, купцы, ремесленники выцарапывали на стенах храмов надписи, часто далекие от церковного благочестия.

Все это говорит о широком распространении письменности на Руси. Древняя Русь, особенно город, в XI—XII вв. была достаточно хорошо знакома с письмом. Грамотные люди не были редким исключением.

Летопись рассказывает о существовании специальных школ, учрежденных для распространения грамотности.

Уже Владимир после принятия христианства проявлял заботу об учении, «посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное».

Ярослав расширил круг людей, обучавшихся грамоте, предписав попам церковей «по городам и иным местам» учить людей, ибо «велика ведь бывает польза от учения книжного». Преследуя цели подготовки кадров своих русских церковников, Ярослав приказал также собрать «от старост и поповских» 300 детей и «учить книгам» их. Возможно, при Андреевском монастыре в Киеве существовала специальная женская школа, где, как писал В. Н. Татищев, «младых девиц» обучали «писанию, також ремеслам, пению, швению и иным полезным им ремеслам».

Источники позволяют сделать вывод, что в Древней Руси школы были двух видов. В одних, при монастырях, готовили церковнослужителей. В них преподавали чтение, письмо, пение, богословие. Школы высшего типа, для «лучших людей детей», давали, кроме того, знания по философии, риторике, грамматике.

Но, очевидно, самым распространенным было индивидуальное обучение.

Конечно, не все население Древней Руси было грамотным, но грамотность была распространена и за пределами феодального класса.

Распространение грамотности сопровождалось созданием библиотек. Князь Ярослав был известен не только тем, что сам «к книгам проявлял усердие, часто читая их и ночью и днем», но и тем, «что собрал книгописцев множество, которые переводили с греческого на славянский язык». Эти книгописцы написали много книг, положивших начало библиотеке при соборе Софии в Киеве. Летописец XI в. неоднократно прославляет книгу и книжное учение. «Велика ведь бывает польза от учения книжного, книги наставляют и научают нас», книги дают мудрость, они «реки, напоющие вселенную, ими мы в печали утешаемся», «если поищешь в книгах мудрости прилежно, то найдешь великую пользу для души своей» — эти изречения как бы наталкивают человека на познание духовных богатств, скрытых в книгах.

Киевская Софийская библиотека не была единственной. Собрания книг при храмах были и в других древнерусских городах. В Новгороде собирательницей и хранительницей книг была новгородская София. Существовала соборная библиотека в Полоцке.

Библиотеки собирались и крупными монастырями. В XI—XII вв. Киево-Печерский монастырь, новгородский Юрьев монастырь имели уже значительные собрания как переводной, так и своей, оригинальной литературы. Книжники этих монастырей принимали участие в составлении летописей.

С принятием христианства на Русь проникла большая переводная литература.

Переводная литература оказала определенное влияние на развитие всей древнерусской литературы. Первоначально, в своей основе, переводная литература была

тесным образом связана с чисто церковными интересами. Это вызывалось практическими задачами отправления служб в русских церквях и монастырях.

Богослужебные книги, переведенные с греческого языка на старославянский, первыми проникли на Русь. Среди них оказались собрания служб на весь год, т. е. служебная месячная Минея; тексты праздничных служб до и после пасхи — Триоди «постная» и «цветная»; различного рода служебники и требники, бывшие руководством при свершении богослужения. Из библии вначале были переведены части, имевшие непосредственное отношение к церковному богослужению: евангелие, тексты апостольских деяний и др.

Переводная литература включала в себя произведения христианских писателей, главным образом поучительного характера. Созданные в целях борьбы с ересями, для пропаганды христианской догматики и морали, сочинения Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина и других использовались русскими церковниками для борьбы с язычеством, для укрепления феодального правопорядка. Интересно отметить, что русские переводчики делали вставки в текст, приспособлявая произведения к потребностям русской действительности.

Знакома была Русь и с переводными произведениями житийной литературы. Жития появились как форма прославления различных деяний святых. В них ставились и разрешались вопросы христианской морали, монашеской жизни, борьбы с ересями, подробно разбиралось учение о конце мира и, наконец, описывались жизнь и подвиги деятелей церкви.

Известное распространение на Руси наряду с каноническими, так называемыми «истинными» книгами, получили апокрифические, т. е. «ложные», «отреченные», «тайные» сочинения, не признававшиеся христианской церковью. Апокрифы, корнями своими восходящие к античной мифологии, дохристианской и восточной религиям, фольклору и эллинистической философии, как бы дополняли канонические христианские книги своей трактовкой вопроса о происхождении мира, об истории человечества, о жизни, природе, о загробном мире. Среди апокрифов этого времени большое распространение имел отрывок из «Деяний апостолов» (Петра, Андрея и др.), рассказывающий о сказочных путешествиях, а также «Хождение богородицы по мукам» — о конце мира и о загробной жизни.

Апокрифическая литература на Руси получала дальнейшее развитие, в сочинения добавлялись примеры, взятые из русской истории, памятников устного творчества, главным образом легенд и преданий.

Церковная литература, за исключением, может быть, богослужебных книг, при переводах подвергалась на Руси некоторой переработке. Еще больший простор для осмысления текста был у переводчика светской литературы.

Попытка понять происхождение славян, их историческую судьбу, связь русской истории с мировой привела к появлению значительной переводной исторической литературы, главным образом византийской. Исторический процесс в византийских хрониках трактовался по определенной схеме, которая базировалась на утверждении божественного происхождения мира и торжества христианской веры. Составители хроник черпали материалы главным образом из библии, сочинений «отцов» церкви, историков древнего мира и средних веков, античных мифов и устных преданий. Такой характер носила переведенная на русский язык хроники Георгия Амартола.

Несколько иной характер имела хроника Иоанна Малалы. Автор попытался примирить античность и античную историю с официальной христианской точкой зрения на исторический процесс.

Две эти хроники, а также другие исторические сочинения: «Летописец вскоре» патриарха Никифора, хроника Георгия Синкелла — были известны русским людям.

Русские переводчики творчески подходили к созданию своего текста. Они, как правило, использовали подобного рода сочинения для составления больших сводных

трудов по всемирной и русской истории, дополняя и расширяя их материалами других авторов. Переписчики больше были озабочены правильным выбором фактического материала, чем рассуждениями автора. Составленные ими сводные сочинения носят ярко выраженный энциклопедический характер. В них собраны материалы не только исторического, но и географического, мифологического и литературного порядка.

Большой популярностью у русского читателя пользовались переводные повести и романы, среди которых на первое место можно поставить «Александрию», рассказывающую о жизни и подвигах Александра Македонского. Переплетение действительных исторических событий с фантастическим вымыслом, красочное описание Индии и Персии, занимательный сюжет способствовали распространению повести в средневековой Европе. Русский переводчик в ряде мест дополнил «Александрию» вставками из других произведений, приспособил повесть к вкусам русского читателя.

Переводная литература была также представлена «Повестью о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия, повестью о Василии Дигенисе Акрите, известной на Руси под названием «Девгениево деяние», Троянскими деяниями, повестью об Акире Премудром. Даже простое перечисление названий свидетельствует о широких интересах русских переводчиков. Они знакомят читателя с произведением известного писателя и политического деятеля Иосифа Флавия и героическими подвигами воина, охраняющего восточные границы Византийской империи; рассказывают о Троянской войне, давшей сюжет для гомеровской «Илиады», и вводят читателя в историю мудрого советника ассирийского и ниневийского царя Сеннахериба-Ахикара (Акира).

Не были чужды русскому переводчику и произведения, дававшие научнообразные сведения о мире природы. К их числу относятся «Христианская топография Косьмы Индикоплова» («плователя в Индию»); «Физиолог», с его описаниями действительных и воображаемых животных, фантастических камней и деревьев; различного рода «Шестодневны» со сведениями о Вселенной.

Как видим, переводная литература охватывала самые различные вопросы, начиная с церковно-богословских и кончая естественнонаучными (в той типичной полуфантастической форме, которая характерна была для мышления людей средневековья). Появление переводной литературы диктовалось естественными потребностями русского общества, стремившегося использовать культурные достижения соседних стран в интересах укрепления и развития феодального государства, усиления его идеологической основы.

ЛЕТОПИСАНИЕ

Среди письменных памятников древнерусской культуры первое место принадлежит летописи. Русское летописание возникает в XI в. и продолжается до XVII в. В разное время своего существования оно имело разный характер и разное значение. Достигнув значительного развития в XI—XII вв., летописание затем в результате монголо-татарского нашествия приходит в упадок. Во многих старых летописных центрах оно прекращается, в других сохраняется, но носит узкий, местный характер. Возрождение летописного дела начинается только после Куликовской битвы.

Под летописями, как отмечал М. Н. Тихомиров, «понимается особый вид исторического повествования, разделенного по годам»¹². Были и другие исторические повествования, не имевшие погодной формы изложения или получившие ее позже, как, например, Галицкая летопись XIII в., первоначально не имевшая деления по годам. Но в целом, вплоть до XVI в., летопись как форма исторического повествования доминировала над другими видами исторического рассказа.

¹² Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979, с. 7.

Образование Древнерусского государства, укрепляющиеся связи с соседними странами, развитие устного и письменного творчества очень рано поставили вопрос о создании больших исторических повествований.

Вопросы о времени возникновения летописей, этапах их развития, соотношениях, составе, авторстве сложны для решения. Древнерусское летописание дошло до нас в составе более поздних (в основном XIV—XV вв.) летописных сводов, которые представляют собой продукт неоднократной переработки как текстов предшествующих летописей, так и других источников с целью придания им определенной политической и идеологической направленности. Поэтому установить четкую картину развития древнерусского летописания начального периода очень трудно.

Долгое время господствовала гипотеза А. А. Шахматова о возникновении древнерусского летописания в 1039 г. в связи с установлением Киевской митрополии. Приезд в Киев митрополита-грека якобы послужил толчком для создания первой русской летописи. Однако тщательный анализ самих текстов летописей за этот период не дает оснований для подтверждения гипотезы. Более того, историки обратили внимание на статьи летописи за конец X — начало XI в., которые носят характер достаточно полных и обстоятельных рассказов и дают основание искать начало летописания на Руси в этих пределах. Так, Л. В. Черепнин связывал возникновение летописания с таким важным событием, как строительство и освящение в Киеве великокняжеской Десятинной церкви (996 г.). М. Н. Тихомиров датой появления первой летописи считает 1007 г., когда состоялось перенесение в Десятинную церковь мощей княгини Ольги. При этом историческую основу летописания составило «Сказание о русских князьях» (X в.), написанное в Киеве вскоре после крещения Руси и носившее нецерковный характер. Возможную роль Десятинной церкви в деле возникновения древнерусского летописания отмечал и Б. А. Рыбаков¹³.

Последующие этапы развития древнерусского летописания, по крайней мере до 70-х гг. XI в., также сохраняют многие неясности. Вероятнее всего, на протяжении всей первой половины и середины XI в. летопись, возникшая в конце X или начале XI в., дополнялась новыми материалами киевского, новгородского, черниговского и иного происхождения. Сам факт ведения летописных записей в это время в других центрах Древней Руси, помимо Киева, не подлежит сомнению. Следы этих записей сохранились даже в позднейших летописных сводах.

Не связывая возникновение древнерусского летописания с так называемым «Древнейшим», по А. А. Шахматову, сводом 1039 г., необходимо обратить внимание на характеристику деятельности Ярослава Мудрого по распространению просвещения. В записи за 1037 г., сравнивая время Ярослава со временем Владимира, летописец образно пишет: «Как бывает, что один землю распашет, другой же засеет, а третьи пожинают и едят пищу неоскудевающую, так и здесь. Отец ведь Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещеньем просветил. Этот же засеял книжными словами сердца верующих людей, а мы пожинаем, учение получая книжное».

Отмечая любовь Ярослава к книгам, летописец особо подчеркивает создание им библиотеки при Софийском соборе. Такое большое участие Ярослава в книжных делах, просвещении могло быть связано и с делом летописания. Однако большинство современных исследователей отмечают, что события этого времени отражены в летописи неполно, фрагментарно, что затрудняет решение вопроса о создании нового летописного свода.

Вероятно, что уже в первой половине XI в. летопись получила погодную форму изложения событий. Считают, что первой датой было сообщение о победе Святослава над печенегами в 968 г. В летописи оформилось сказание о трех братьях: Кие, Щеке, Хориве и

¹³ См.: Черепнин Л. В. Повесть временных лет, ее редакции и предшествующие ей летописные своды. — Исторические записки, т. 25, 1948; Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979; Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.

сестре их Лыбеди. Сказание легендарного характера повествует о построении Киева. Внимание летописца обращалось на описание соседей славян, княжения Олега, Ольги, Владимира, крещение Руси, истории Бориса и Глеба.

Одним из главных сюжетов, занимавших мысль составителей летописи, была победа христианства на Руси. Поэтому и подбор материала проводился с этой точки зрения. В центре этого повествования стоит речь греческого «философа», убеждающего Владимира принять христианство. Летописец стремился нарисовать картину образования и роста Древнерусского государства. Он показывал объединение земель, могущество киевского князя, большое международное значение Руси. Устные сказания и легенды, подвергавшиеся под пером летописца переработке, вплетались в историческую канву летописи.

Возникшая летопись была историко-литературным произведением, отражавшим высокий уровень русской культуры.

С большой степенью достоверности можно говорить о создании летописного свода в 70-х гг. XI в.

Созданию этого свода предшествовал ряд крупных и драматических событий во взаимоотношениях Руси с Византией. В 1043 г. вспыхнула война с Византией, закончившаяся для Ярослава Мудрого неудачно. Киевская митрополия после вынужденного отъезда грека Феопемпта долгое время была без митрополита. Лишь в 1051 г. «поставил Ярослав Илариона в митрополиты, русского родом, в церкви святой Софии, собрав для этого епископы». Этот акт имел очень большое значение не только для развития самостоятельности русской церкви. Он подчеркивал силу великокняжеской власти, ее противоборство политическим и религиозным притязаниям Византии.

Иларион был образованнейшим человеком своего времени. Он был «муж благ, книжен и постник», долгое время состоял священником загородной княжеской церкви в селе Берестове.

Иларион — автор «Слова о законе и благодати», ораторского произведения, где основной темой было установление равноправия между народами, права русской церкви на самостоятельность. Трудно точно установить время составления Иларионом «Слова». Считают, что оно возникло между 1037—1050 гг., вполне вероятно, что «Слово» создавалось как идеологическое обоснование похода 1043 г. на Византию.

Три части «Слова» прославляют землю русскую, «кагана» (царя, князя) Владимира и князя Ярослава.

Первая часть посвящена церковной теме, вопросу взаимоотношения Ветхого и Нового заветов. Иларион не отходит от обычных, установившихся в церковной литературе схем, однако богословская аргументация позволяет ему создать свою патристическую концепцию всемирной истории.

Иларион обращает внимание на всемирный характер христианства, выраженного в «благодати» Нового завета. «Благодати» противостоит «закон» Ветхого завета с -его национальной ограниченностью, теорией богоизбранничества.

В условиях борьбы между Русью и Византией церковная тема борьбы Ветхого и Нового заветов в устах Илариона приобретает большую политическую значимость, с ее помощью он стремится показать необоснованность притязаний Византии на политическое и церковное господство на Руси. В представлении Илариона всемирная история есть прежде всего история постепенного распространения христианства на все народы. В числе их Иларион отмечает и русский народ. Притязание Византии на всемирное распространение идеалов светской и церковной власти отрицается Иларионом как ветхозаветное выражение богоизбранничества. Иларион подчеркивает, что новая христианская вера требует новых людей, новых народов: «как для нового вина нужны новые меха, для нового учения нужны новые народы». Распространение христианства на новые народы, в том числе и на русский, означает расширение христианства. Оно возможно только при наличии равноправия, без рабского подчинения другим народам.

Для Илариона Византия представляется в виде Ветхого завета, поэтому с такой угрозой по адресу Константинополя звучат слова Илариона о разрушении Иерусалима за попытку сделать его носителем религиозной святости.

Вторая часть «Слова» посвящена распространению христианства на Руси. Она тесно связана с первой, что подчеркивается словами «благодать и истина всю землю исполни, и вера во вся языки простресея и до нашего языка руськаго». Бог не обошел Русь, «привел ее в разум истинный» — таков смысл второй части.

«Слово о законе и благодати» является своеобразным гимном христианству на Руси. Иларион радуется успехам христианства, призывает всех почитать и хвалить бога, стоящего высоко над всеми народами. И вновь Иларион обращается к русскому народу, говорит о его великой исторической миссии, о времени, когда все народы будут христианами.

Наивысшей силы патриотизм, гордость Илариона за свой народ, за русскую землю достигают в последней, третьей части «Слова» — похвале Владимиру Святославичу.

Иларион не случайно много места уделяет образу Владимира. И не только потому, что с именем Владимира связано крещение Руси. Вопрос канонизации Владимира как русского святого наталкивался на определенное сопротивление византийских церковных кругов. Отсюда понятно стремление Илариона возвеличить Владимира, показать его исключительные заслуги. Иларион подчеркивает, что Русская земля была большой и могучей, что князья ее были известны далеко за пределами страны. Владимир же, «внук старого Игоря, сын же славного Святослава», «единодержец быв земли своей, покорив по ся округныя страны, овы (одни) миром, а непокоривыя мечем».

Иларион особое внимание обращает на военные успехи Владимира и полноту его власти, чтобы показать независимость принятия христианства в русских землях. Как противовес распространявшейся греками версии о их заслугах в деле крещения языческой Руси Иларион утверждает, что Владимир сам пришел к мысли о крещении, сам выбирал веру и сам проводил крещение. Он сравнивает Владимира с Константином, крестившим греков, и приходит к выводу о несостоятельности возражений греков против канонизации Владимира. Если Константин является святым, то и Владимир должен быть причислен к этому лику.

В конце «Слова» Иларион как бы подводит итог заслугам Владимира. Он призывает его встать из гроба и посмотреть на созданное им, на дело Ярослава, расширившего, укрепившего и украсившего Киев, распространившего христианскую веру на многие земли.

«Слово о законе и благодати» Илариона было направлено против попыток Византии навязать Руси свою волю в церковных и политических делах, против притязаний Византии на вселенский характер ее церкви и империи. «Слово» ярко показывает великую гордость русского человека за свою родину.

Иларион сыграл большую роль в развитии русского летописания. Хотя он недолго пробыв митрополитом, его идеи нашли горячий отклик в среде книжников Киево-Печерского монастыря.

Высказывается предположение, что Иларион, приняв новое монашеское имя — Никон, ушел с митрополии в Киево-Печерский монастырь.

С именем же Никона связывается создание нового летописного свода, вышедшего из стен Киево-Печерского монастыря. Работа над составлением этого свода началась в начале 60-х гг. XI в. С 1061 г. в летописи идут довольно точные указания на время происходивших событий, приводится не только год, но и месяц, число, день недели. Это возможно было только при условии налаженной записи наиболее важных текущих событий.

Новый летописный свод сложился не сразу. Созданию его в Киево-Печерском монастыре предшествовала большая работа по обработке различных источников. Летописец был озабочен составлением связного и убедительного исторического повество-

вания и особое внимание обращал на составление хронологической сетки, устранение неточностей предшествующей летописи. В нее были внесены новые материалы, подвергнуты переработке старые. Летопись получила более светское направление. Появились новые сказания о первых русских князьях, в рассказ о крещении Ольги вводится эпизод о состязании в хитрости Ольги с византийским царем. Много внимания уделяется походам русских князей на Византию. Видимо, внесение этих эпизодов отвечало задаче возвеличивания Руси.

В текст о крещении Руси вносятся некоторые изменения, связанные с легендами о крещении Владимира не в Киеве или в Василеве, а в Корсуни. В связи с этим летописцу пришлось тщательно продумать весь рассказ, чтобы крещение в Корсуни выглядело достаточно убедительно.

Высказывается предположение, что ко времени составления этого свода относится внесение в летопись литературной записи легенды о призвании князей-варягов. Считают, что возможным источником записи был рассказ новгородца Вышаты. Он был участником похода в Византию в 1043 г., знал много родовых преданий и рассказов о походах русских князей.

Большое внимание уделяет летописец событиям 1068—1071 гг., периоду междоусобной борьбы между сыновьями Ярослава, периоду мощных антифеодальных восстаний, центром которых был Киев.

Работа над составлением нового летописного свода велась в 60-х — начале 70-х гг. XI в. Запись 1060 г. об исчезновении торков, потерпевших поражение от русских — «пробегоша и до сего дне», могла появиться не позже 80-х гг. XI в., когда торки вновь появились в сопредельных с Русью степях. Своеобразные сопоставления топографии Киева 945 г. и Киева, современного летописцу, где говорится о том, что при княгине Ольге город находился «идеже ныне двор Гордятин и Никифоров», а княжеский дворец был там, «идеже ныне есть двор Воротиславль и Чюдин», а также то обстоятельство, что Гордята и Чюдин были одними из составителей «Правды Ярославичей», позволяют отнести составление свода к 70-м гг. XI в. Работа над летописным сводом закончилась, вероятно, около 1072 г., что связывается со съездом князей Ярославичей (Изяслава, Святослава и Всеволода) в Вышгороде, под Киевом. Хотя они собирались официально для торжественной церемонии перенесения мощей Бориса и Глеба в новую церковь, съезд этот имел большое значение. Князья с княжескими советниками выработали новый законодательный памятник, так называемую «Правду Ярославичей», которая была прямым следствием антифеодальных выступлений 1068—1071 гг. Одновременно составлялись, очевидно, и последние части летописного свода, производящие впечатление историко-публицистической иллюстрации к «Правде Ярославичей».

Следующий летописный свод относится к 90-м гг. XI в. В историко-филологической литературе он получил название «Начального», так как при его определении еще не были известны предшествующие своды. Этот свод послужил базой составления в начале XII в. «Повести временных лет».

Свод 90-х гг. появляется в условиях начинающейся феодальной раздробленности, непрерывных феодальных войн, усиливающегося давления на русские земли со стороны половцев. Уже в своде 1072 г. чувствовалась тревога летописца за судьбу Руси. «Начальная» же летопись настойчиво обосновывает необходимость единства княжеских родов в целях сохранения Древнерусского государства. В связи с этим тщательно пересматривается содержание предшествующих летописей. Во имя поставленной цели — убедить князей прекратить междоусобную борьбу и сосредоточить свое внимание на грозящей русским землям опасности — летописец обращается за примерами к истории и нередко идеализирует их. Много внимания уделяет он первым русским князьям, ценит в них ратную доблесть и неутомимость в походах, готовность умереть за свою землю. Не случайно летописец приводит речь Святослава, обратившегося к 10 000 русских воинов перед лицом стотысячного византийского войска: «Да не посрамям земле Русские, но

ляжем костью, мертвый бо срама не имам (мертвые позора не имеют). Аще ли побегнем, срам имам. Не имам убежати, но станем крепко, аз же пред вами пойду. Аще моя глава ляжет, то промыслите собою (если моя голова ляжет, то о своих сами позаботьтесь)». И услышал ответ: «Идеже глава твоя, ту и свои главы сложим». Летописец противопоставляет старых князей новым, которые, вместо того чтобы защищать землю, спорили о своих правах, радовались поражению соседа. Летописец не раз обращается к ним: «почто вы распря имате межи собою? А погании (язычники) губят землю Русьскую».

Установить точное время составления Начальной летописи не представляется возможным. Высказывается предположение, что она могла быть составлена в 1097 г. в связи с Любечским съездом князей, провозгласившим принцип феодальной раздробленности: «каждо да держит отчину свою».

Но обычно этот свод называют сводом 1093 г. В основе свода 1093 г., как полагал А. А. Шахматов и что разделяют многие исследователи, лежали Киево-Печерский свод 1072 г. и летопись, возникшая в Новгороде в 1050 г. после постройки и освящения новгородского Софийского собора. Летопись эта использовала материалы предшествующего киевского летописания и имела продолжение до 1079 г.

Ни один из летописных сводов XI—XII вв. не дошел до нас в своем первоначальном виде. С составом и содержанием крупнейшего летописного свода Древнерусского государства — «Повестью временных лет», возникшей в начале XII в., мы знакомы только по летописным сводам XIV—XV вв. Сохранились две редакции повести. Одна из них — Лаврентьевская — представляет свод, написанный в 1377 г. монахом Лаврентием для суздальского князя Дмитрия Константиновича. В нее, кроме «Повести временных лет», входит Владимиро-Суздальская летопись. Вторая редакция — Ипатьевская (названная по имени Ипатьевского костромского монастыря, где она находилась) — написана в конце XIV — начале XV в. и состоит из «Повести временных лет», Киевской летописи XII в. и Галицко-Волынской летописи XIII в.

Дошедшие до нас списки изобилуют позднейшими летописными наслоениями. Поэтому сама повесть дошла до нас в несколько измененном виде.

«Повесть временных лет» как бы завершает историю древнерусского летописания в Киево-Печерском монастыре. Она подводит итог историческим, политическим, религиозным воззрениям, сложившимся к концу XI — началу XII в.

Автором повести считается монах Киево-Печерского монастыря Нестор. Имя Нестора как автора «Повести временных лет», называется в одном из списков летописи — Хлебниковском, где значится: «Повесть временных лет Нестора черноризца». Об авторе как черноризце Феодосьева, т. е. Киево-Печерского, монастыря говорит Ипатьевская летопись. Нестор как летописец называется в сборнике повестей об основании Печерского монастыря и об его наиболее известных монахах — Киево-Печерском патерике, составленном в начале XIII в.

Написана повесть около 1113 г. Поставив перед собой задачу выяснить, «откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуда Руская земля стала есть», Нестор стремится показать русскую историю на фоне мировой истории, дать широкую и полную картину жизни Древней Руси. Не ограничивая себя узкими рамками киевской истории, он включает в летопись известия новгородские, суздальские, черниговские, переяславские и других русских земель. Это придает «Повести временных лет» характер общерусского свода.

Для написания своего широкого и сложного исторического труда Нестор привлек большое количество источников летописного, литературного, фольклорного характера. Основой для составления «Повести временных лет» послужил свод 90-х гг. XI в. Но эта летопись подверглась серьезной историко-литературной и политической обработке, была дополнена новыми материалами, выверена была ее хронология.

«Повесть временных лет» начинается с характерного для эпохи средневековья введения во всемирную историю: с рассказа о «всемирном потопе» и разделении земли

между сыновьями Ноя. Летописец рассказывает о странах, отошедших к Симу и Хаму, но особое внимание уделяет «полуночным» (северным) и западным странам, перешедшим к Иафету. Среди них он указывает и земли, вошедшие затем в состав Древнерусского государства.

Приведя легендарный рассказ о Вавилонском столпотворении и образовании народов и языков, летописец подробно останавливается на славянах. Здесь его повествование приобретает геогра-фо-этнографический характер. Он говорит о западных, южных и восточных славянах; районах их расселения, приводит названия славянских племен, связывая их происхождение с местами, «где седеше на котором месте». Например, говоря о полочанах, он указывает, что назвались они так «речки ради, яже втечет в Двину, именем Полота», название древлян связывает с тем, что они «седоша в лесах», об ильменских славянах говорит, что они «прозвашася своим именем».

С большим знанием дела летописец дает географическое описание Русской земли. Подробно рассматривается «путь из варяг в греки», водоразделы Днепра, Западной Двины, Волги. В частности, о последней сообщается, что она «вьтечеть (втекает) семьюдесят жерел в море Хвалисьское (т. е. Каспийское)».

Краткий рассказ о всемирной истории и славянах как бы прерывается легендарной историей основания Киева тремя братьями — Кием, Щеком и Хоривом.

Рассказ о Русской земле довольно подробен и живописен. Летописец стремится дать характеристику племен, показать особенности их. Он подчеркивает, что в состав Руси, кроме славянских земель, входят земли, населенные другими племенами: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печора, ямь, литва, земигола, корсь, нарова, либь.

Нестор рассказывает, что были времена, когда славяне находились под властью других народов, но подчеркивает, что времена эти канули в вечность, а славяне сами теперь берут дань с других народов. Характерен в этом отношении рассказ летописи о судьбе полян. Покоренные хазарами, они платили дань мечами, что имело символическое значение. Хазарские мудрецы решили, что «станут они (поляне) когда-нибудь собирать дань и с нас, и с иных земель». «И сбылось, — констатирует летописец, — это все».

Рассказом о полянах заканчивается вводная часть «Повести временных лет», и дальше историческое повествование ведется в строгих хронологических рамках.

Летописец стремился собрать материал по каждому году, а если это ему не удавалось, то все равно он считал необходимым дать хотя бы простое перечисление дат.

После перечисления первых княжений Нестор обращается к легенде о призвании варягов, имевшейся еще в ранних сводах. Он придает ей законченную, развернутую форму, пытается связать ее с появлением названия Русь. Для него варяжские князья не просто пришельцы с севера, а представители якобы варяжского племени русь, переселившиеся в славянские земли и установившие здесь государственность.

В идее установления единого происхождения всех княжеских родов Нестор видел возможность предотвращения междоусобия и средство сохранения политического единства русских земель. Варяжские князья как бы воплощали для него порядок и закон. При этом теория призвания варяжских князей никоим образом не умаляла патриотических устремлений летописца. Традиции средневековой историографии требовали «выведения» княжеских династий из других стран. Эти традиции исходили из представления о внесении власти божественным путем из других стран, от других народов. В глазах современников выведение генеалогических связей за пределы Руси повышало значение княжеской власти.

К тому же «норманнская теория» летописцев носила явный антигреческий характер. Она противопоставлялась византийской теории, утверждавшей, что для появления законной государственной власти на Руси решающее значение имело принятие христианства.

Практически легенда о призвании варяжских князей не затрагивала вопроса о начале Русской земли, а говорила лишь о происхождении княжеской династии. Она отвечала уровню политических и исторических воззрений XI—XII вв.

Все дальнейшие рассказы «Повести временных лет» связаны с именами тех или иных русских князей. Они создают картину истории Руси X — начала XII в.

В текст летописи введены новые подробности о вокняжении Олега, его походе на Царьград; летописец использует легендарное предание о князьях Аскольде и Дире, много внимания обращает «преложению книг», т. е. рассказу о создании Кириллом и Мефодием славянской азбуки.

Особое значение имеют те части «Повести временных лет», где дается изложение древнейших русских актов-договоров, заключенных Русью с Византией. Нестор приводит тексты договоров Олега (911 г.), Игоря (944 г.), Святослава (971 г.). Вполне вероятно, что Нестор располагал самими текстами договоров, иначе трудно объяснить, как он смог так четко и подробно изложить их.

«Повесть временных лет» рассказывает нам о событиях княжения Святослава, о многочисленных походах, о борьбе, развернувшейся после смерти Святослава между его сыновьями — Олегом, Ярополком, Владимиром.

В центре повествования о Владимире по-прежнему находится повесть о крещении Руси.

Довольно много места занимает описание событий XI в. и особенно межкняжеских распрей второй половины его. Несомненно, что эту последнюю часть летописи Нестор писал на основе сведений, собранных им лично. Он указывает не только годы событий, но и месяц и число, вносит оригинальные рассказы о перенесении мощей основателя Киево-Печерского монастыря Феодосия (1091 г.), о набеге половцев на монастырь (1096 г.), о победе Святополка над половцами (1107 г.) и др.

Нестор видимо, как и собирався, довел изложение в летописном своде до 1113 г., т. е. до смерти Святополка.

Исследования «Повести временных лет», сделанные рядом ученых (А. А. Шахматовым, М. Д. Приселковым, Д. С. Лихачевым), покажали, что автор «Повести временных лет», кроме предшествующих летописей, использовал много других источников. Он был хорошо знаком с хроникой Георгия Амартола в ее русском изложении, взял оттуда материалы по всемирной истории, известия, относящиеся к обычаям различных народов, рассказ о нападении Руси на Царьград и ряд других сведений. Использовал он и «Летописец вскоре» патриарха Пикифора, который в соединении с хроникой Георгия Амартола был положен в основу хронологии повести для IX—X вв. Рассказ о походе Игоря на Царьград в 941 г. был известен Нестору по другому греческому переводному сочинению — «Житию Василия Нового».

Русское происхождение имели материалы, связанные с договорами Руси с Византией. Большое количество известий «Повести временных лет» заимствованы из многочисленных русских житий и сказаний, получивших широкое распространение не только среди духовенства, но и среди населения.

Вполне естественно, что при наличии сравнительно ограниченного круга письменных источников летописец должен был обращаться к народной памяти. Легенды, песни, предания могли сохранить о княжениях Олега, Игоря, Ольги, Святослава то, что нельзя было найти ни в одном письменном источнике того времени. Из фольклора, вместе с его исторической основой, в летопись проникли и легендарные подробности о смерти Олега, о мести Ольги древлянам, о волхвах и т. п.

«Повесть временных лет» отражала интересы великокняжеской власти. Киевский князь Святополк, заинтересованный в создании такого рода свода, всячески поддерживал Киево-Печерский монастырь в его антигреческих выступлениях, добился признания его архимандритии. Консолидации сил духовенства и светской власти способствовала боязнь

антифеодалных выступлений сельского и городского населения. Их объединило стремление защитить политические и идеологические принципы феодального общества.

Однако после смерти Святополка и восстания 1113 г. в Киеве летопись не смогла полностью удовлетворить интересы нового князя — Владимира Мономаха. Больше того, ее политическая ориентация имела известные противоречия с политикой Владимира Мономаха. Это и послужило причиной того, что летопись подверглась переработке. Она была взята из Киево-Печерского монастыря и передана в Выдубицкий монастырь — придворный монастырь Мономаха. Здесь в 1116 г. Сильвестр переработал летопись. Его труд дошел до нас в составе Лаврентьевской редакции «Повести временных лет», где в конце имеется приписка: «Игумен Сильвестр монастыря святого Михаила написал книги эти, летописец, надеясь от бога милость получить, при князе Владимире, когда он княжил в Киеве, а я в то время игуменствовал у святого Михаила, в 1116 году...» По этой причине было изъято имя Нестора как летописца из заголовка.

Сильвестр переработал главным образом текст «Повести временных лет» о событиях с середины 90-х гг. XI в. до 1110 г., т. е. того периода, который больше всего интересовал Мономаха. Из летописи было убрано все, что могло рисовать Святополка в благоприятном свете. Рассказывая о походе на половцев в 1103 г., Сильвестр на первый план выдвигает фигуру Владимира Мономаха, хотя по старшинству именно Святополк должен быть в центре повествования.

Сильвестр рисует образ мудрого и дальновидного князя Владимира, заботящегося о русском смерде. В ответ на рассуждения дружины Святополка, что «не годится теперь, весною, идти в поход, погубим смердов и пашню их», Владимир говорит: «Дивлюсь я, дружина, что лошадей жалеете, на которых пашут! А почему не подумаете о том, что вот начнет пахать смерд, и, приехав, половчин застрелит его из лука, а лошадь его возьмет, а в село его приехав, возьмет жену его и детей и все его имущество?, Так лошади вам жаль, а самого смерда разве не жаль?»

Сильвестр неоднократно приводит речи Владимира Мономаха, приписывает ему центральную роль в большинстве событий, даже не относящихся к его княжению. Он вставляет рассказ об ослеплении князя Василька Тербовльского в 1097 г., после только что окончившегося любечского съезда князей, где все князья целовали крест в знак братства и незыблемости феодальных границ. Летописец подчеркивает тревогу Владимира за судьбу русских земель и международных отношений, его стремление разоблачить вероломство и жестокость по отношению к Васильку, причастность Святополка к его ослеплению.

Сильвестр превозносит ум, смелость Мономаха, его заботу об общерусских интересах, чтобы «не погибла земля русская».

Конец повести под пером Сильвестра получил политическую заостренность, в ней ясно звучит тема борьбы с половецким натиском и княжеской междоусобицей.

В 1118 г. «Повесть временных лет» была подвергнута еще одной переработке, что было связано с вокняжением Мстислава, старшего сына Владимира, в Новгороде. Автор переработки, сохранив прежнюю политическую направленность летописи, насытил ее северными новгородскими известиями. Текст этой переработки сохранился в Ипатьевской редакции.

Древнерусские летописи, возникнув в условиях феодального общества, отражали идеологию господствующего класса феодалов. Политические события того времени, жизнь княжеской семьи, войны и заключенные договора, построение монастырей и церквей заполняют страницы летописи.

Жизнь же народных масс не нашла в них отражения. Лишь крупнейшие антифеодалные выступления не могли не привлечь внимания летописца, но он всегда отрицательно относится к народным восстаниям, видит в них проявление «божьей казни».

Трактовка событий в летописях, естественно, зачастую носила религиозный характер. Это объясняется не только тем, что летописи создавались в монастырях, но и тем, что религия активно способствовала укреплению феодального строя.

«Повесть временных лет» имела большое влияние на дальнейшее развитие русского летописания. Она не просто включалась почти во все местные летописи, но и играла роль политического введения. Основная идея повести — защита родины — находила горячий отклик в сердцах летописцев, заставляла их поднимать свой голос в защиту единства Русской земли, против феодальных междоусобиц.

ЛИТЕРАТУРА

Большинство литературных произведений XI—XII вв. не дошло до нашего времени. Их судьбу разделили памятники и более близкие к нам по времени. Некоторые из них дошли до нас случайно в более поздних списках, часто в единственном экземпляре, хотя они имели широкое распространение в русских землях.

Из памятников гражданской литературы Древней Руси до нас дошло так называемое «Поучение Владимира Мономаха». Оно сохранилось в виде вставки в тексте Лаврентьевской летописи под 1096 г., хотя само «Поучение» было составлено в 1117 г. Это объясняется тем, что позднему редактору «Повести временных лет» или Лаврентьевской летописи «Поучение» понадобилось для обоснования позиции Владимира Мономаха на Любечском съезде 1097 г.

«Поучение» состоит из трех самостоятельных частей: поучения детям, воспоминаний и послания князю Олегу Черниговскому. Однако эти части связаны между собой идеей борьбы с феодальной раздробленностью.

Литературный прием обращения отца к детям был широко распространен в средневековой литературе. Нет ни одной страны на Западе и на Востоке, где бы не было такого рода произведений. Разные по содержанию и окраске, они имели одну цель — дать наставления детям. Таков труд византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей», «Наставления» французского короля Людовика Святого, поучение англосаксонского короля Альфреда и др.

Но «Поучение» Владимира Мономаха выделяется среди них своею целенаправленностью и высокой художественностью. Исходя из собственного опыта, Мономах четко формулирует основные жизненные принципы. Он не ограничивается простым призывом сыновей к единству и прекращению усобиц, а обращает внимание и на образ самого князя, который в его представлении должен быть мужественным и смелым, деятельным и неутомимым правителем Русской земли. Князь должен проявлять заботу о смерде, челяди, «вдовицах», не давать «сильным погубить человека». Дав крестное целованье, нужно блюсти его, чтобы «не погубить души своей». Нужно заботиться о хозяйстве, рано вставать, поздно ложиться спать, не лениться, быть всегда готовым к походу. Как воинский устав звучат слова: «На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не потворствуйте, ни сну; сторожевую охрану сами наряжайте, и ночью, расставив воинов со всех сторон, ложитесь, а рано вставайте; а оружия снимать с себя не торопитесь, не оглядевшись, из-за лености внезапно ведь человек погибает».

Князь должен думать о распространении славы Русской земли, чтить «гостя, откуда бы он к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол... ибо они по пути прославят... по всем землям...»

Мономах стремится убедить детей собственным примером. Он подчеркивает, что с 13 лет находится в разъездах, охотах, походах. Мономах указывает, что военные походы и политические дела не заслоняли от него и хозяйственной деятельности. «Ночью и днем, в зной и стужу, не давая себе покоя», на войне и охоте «сам делал, что требовалось, отдавая распоряжения, и в доме у себя поступал также... весь распорядок... держал я в своих

руках», «также и бедного смерда, и убогую вдовицу не давал... в обиду сильным и за церковным порядком и за службой сам следил».

Автобиографические моменты «Поучения» должны были создать образ князя, достойный подражания. Поэтому здесь нет полной автобиографии Мономаха, а есть лишь примеры из его жизни, имеющие гражданский интерес и общественно-идейное звучание. Выступая за единство действий русских князей против внешних врагов, Владимир Мономах готов ради этого примириться со своим давним противником черниговским князем Олегом.

Своеобразие формы, простота и сжатость стиля, его идеи придали «Поучению» публицистический характер. В нем отразилась глубокая тревога за дальнейшую судьбу родины, стремление предупредить потомков, дать им советы, чтобы предотвратить политический распад Древнерусского государства.

В Древней Руси появились и первые записки русских путешественников. Путешествия в другие страны вначале были связаны с торговыми и военными интересами, после же принятия христианства к ним присоединился и религиозный момент. Путешествия знакомили русских людей с историей, нравами и обычаями чужеземных народов, способствовали обмену культурными и литературными ценностями. Отдельные летописные записи и устные предания сохранили известия о путешественниках XI—XII вв. Летопись под 1163 г. рассказывает о путешествии 40 новгородских мужей «ко граду Иерусалиму», о паломничестве в Иерусалим (1173 г.) полоцкой княжны Ефросиньи. Былины сохранили предания о походе Василия Буслаева со своей дружиной «ко христову гробу» и т. п.

Среди путешественников были люди просвещенные, книжники, записи которых имеют большую ценность. К ним принадлежит написанное не позже 1113 г. «Хождение Даниила».

Даниил был игуменом какого-то черниговского монастыря и с группой паломников, «дружиной», как он их называет, между 1093 и 1113 гг. совершил путешествие в Палестину. Вероятно, его записки вначале имели форму путевых заметок, затем они обросли выписками из различных литературных памятников, в результате получился законченный, связный рассказ. Своей миссии Даниил придавал очень большое значение. В далекой от Руси стране он чувствовал себя представителем всего русского народа, поэтому не случайно он именуется «игумен русский», «игумен Даниил Руския земли» ставит в Иерусалиме «кандило» (лампаду) от «всех русьскихъ земли».

Путешествие Даниила проходило вскоре после окончания первого крестового похода, когда большая часть Палестины еще контролировалась сарацинами, и Даниил «страха ради поганных» не смог побывать везде. Однако, пользуясь уважением и у крестоносцев и у сарацин, он сумел посетить некоторые земли, куда не смогли проникнуть другие путешественники. Он рассказывает, что в Вифлием его провожал «старейшина срациньский со оружием», а во многих местах путешествие его проходило под охраной дружины короля Иерусалимского королевства Балдуина.

Даниил был наблюдательным человеком. Его интересуют не только религиозные вопросы. Он описывает места, где ему довелось проходить, людей, природу. На острове Ахии его внимание привлекает «мастика и вино доброе и овощь всякий». Остров Икос, отмечает он, «богат вельми всем и людьми и скотом». Подробно описывает он плодородные земли вокруг Иерусалима, где «родиться пшеница и ячмень изрядно: едину бо кадь всеяв и взяти 90 кадей, а другащи 100 кадей по единой кади... суть виногради мнози... и овощная дресва многоплодовита, смоква и ягодичня и масличне, и рожци и ина вся различнаа дресва». Даниил сравнивает реку Иордан с родной ему Сновью, описывает леса и зверей, отмечает значение искусственного орошения. Где бы он ни был, в Хананее, Самарии или на Генисаретском озере, он стремится записать сведения о природе, земледелии, садоводстве, промыслах. Читатель иногда даже забывает, что автор этого увлекательного рассказа о путешествии в Палестину был духовным лицом. Даниил умело

сочетал хозяйственные наблюдения с задачей описания всех памятных мест Иерусалима и его окрестностей, связанных с библейскими преданиями. Он собирает легендарные рассказы о библейских героях, стремится узнать, где они жили, во что одевались, что ели, что делали. Описания святых мест очень конкретны и точны: он фиксирует местоположение, размеры зданий, материалы, из которых они построены, наиболее характерные их признаки. Даниил старается как можно точнее передать читателю все увиденное им.

«Хождение Даниила», за исключением выписок из библии и апокрифов, написано ясным, доступным простому русскому читателю языком. Яркость и четкость в изложении материала, обилие интересных сведений о неведомых землях, подробности, связанные с библейскими преданиями, сделали «Хождение Даниила» популярным литературным памятником, ставшим образцом для написания записок о путешествиях.

Значительно шире и полнее до современного читателя дошли памятники церковной литературы, и прежде всего жития. Возникновение их тесным образом связано с созданием русского пантеона святых и стремлением осмыслить ход исторического развития, обосновать божественность происхождения власти на земле. Ко времени крещения Руси в Византии уже довольно четко оформились жития многочисленных святых. Не могла остаться в стороне от этого процесса и Древняя Русь. Уже в начале XI в. были сделаны попытки канонизации князей Ольги и Владимира, имена которых были связаны с введением христианства на Руси. Для канонизации необходимы были жития, отражающие основные этапы их деятельности, утверждающие их права «на святость». Уже в первые летописи были внесены сказания об Ольге и Владимире, носившие житийный характер. Такой же характер носили и некоторые другие рассказы. Процесс оформления житий как самостоятельного церковно-литературного жанра шел в дальнейшем как в летописании, так и помимо него, в церковных писаниях.

Примером тому могут служить «Жития» Бориса и Глеба. Впервые они появляются в форме летописной статьи под 1015 г. Церковно-житийные элементы в ней нужны были летописцу для провозглашения Бориса и Глеба святыми мучениками, а Ярослава — ревностным хранителем их памяти. Политическая тенденция борьбы Ярослава против Святополка прикрывалась церковно-житийной формой отмщения за невинно убитых братьев-праведников. В дальнейшем эта летописная статья, а возможно, и какой-то предшествовавший статье самостоятельный рассказ выделились в отдельное законченное произведение — «Сказание о Борисе и Глебе». Центральная часть рассказа об убиении Бориса и Глеба была составлена в середине XI в., а сказание о чудесах создавалось, как предполагают, несколькими авторами с середины XI в. до 20-х гг. XII в.

Тема жизни и смерти Бориса и Глеба, намеченная в общих чертах летописцами, развивается автором «Сказания». Он не приводит новых материалов, новых фактов, а использует лишь то, что уже было в летописи. Но он усиливает патетическое звучание плачей Бориса и Глеба по поводу кончины отца, используя разнообразные стилистические приемы, восхваляет Ярослава, поднимается до сознания величия Русской земли.

Первым русским святым уделил внимание и Нестор. Им были составлены «Чтения о Борисе и Глебе». «Чтения» выдержаны в византийских традициях. Они состоят из вступления, биографии и заключительной похвалы. Нестор связал воедино сказание об убиении и сказание о чудесах, добавил вступление и заключение, заменил основную массу исторического материала церковно-назидательными рассуждениями, дал идеализированный образ святых Бориса и Глеба. С рождения своего они готовятся принять мученический венец, зачитываются «священным писанием» и ходят «по стопам святых».

Подчиняя свои «Чтения» чисто религиозным задачам, Нестор выбросил из «Сказания» исторические названия и собственные имена, ввел тем самым повествование в область нравоучения и богословской догматики.

Известны и другие сочинения церковного характера: жития Ольги, Владимира, Мстислава Владимировича и других, поучения Феодосия Печерского и Луки Жидяты и,

наконец, упоминавшееся «Слово о законе и благодати» первого русского митрополита Илариона.

Разные по своему содержанию и литературному достоинству, эти произведения вводят нас в круг политических, идеологических и религиозных вопросов, волновавших людей Древней Руси.

АРХИТЕКТУРА. ИСКУССТВО

Сохранившиеся памятники архитектуры свидетельствуют о высоком уровне строительной техники, мастерстве живописцев, тонком художественном вкусе народных умельцев.

Шедевры древнерусской архитектуры вызывают восхищение простотой и благородством форм, оригинальным решением строительных вопросов, богатством внутренней отделки.

Русские мастера, в течение веков возводившие в городе и деревне различные жилые и хозяйственные постройки, хоромы феодалов, городские башни, стены, мосты, накопили большой опыт и выработали свой архитектурный стиль.

С принятием христианства начинается сооружение храмов, монастырей.

Первоначально все эти постройки были деревянными. Такой была 13-купольная новгородская София, построенная в 989 г., таким был храм Бориса и Глеба начала XI в. в Вышгороде. С развитием феодального государства росли и требования к такого рода сооружениям. Они призваны были стать действенным средством пропаганды православия, должны были подчеркивать мощь и величие великокняжеской власти. Наряду с деревянными постройками начинают возводить сооружения из камня.

Каменное строительство в определенной степени возникло под воздействием Византии, где к X—XI вв. были достигнуты большие успехи в строительстве каменных храмов и выработаны более или менее устоявшиеся типы культовых сооружений. На Руси получила распространение так называемая крестово-купольная композиция, представляющая прямоугольный объем, расчлененный 4 столбами, на которых покоился центральный световой барабан. Прямоугольные в плане концы пространственного креста перекрывались цилиндрическими сводами, сделанными из кирпича и камня. Угловые части покрывались также купольными сводами. С восточной стороны, в алтарной части, к храму пристраивались апсиды — полуокружные выступы, покрытые половиной купольного или сомкнутого свода. Внутренние столбы делили пространство храма в поперечном направлении на нефы (межрядные пространства).

Таким образом создавался основной трехнефный крестово-купольный храм.

Для расширения храма в западной его стороне часто ставились дополнительные два столба, а в случае надобности столбы прибавляли и в поперечном направлении, тем самым создавалось еще два межрядных пространства, а храм из трехнефного превращался в пятинефный. В западной части иногда сооружались хоры, продолжавшиеся в некоторых случаях и по боковым нефам.

Русские мастера, взяв за основу крестово-купольную композицию, внесли в нее элементы русской деревянной архитектуры, придали храмам многоглавие и пирамидальность.

Первые каменные сооружения в Киеве появились во времена Владимира Святославича. В конце X в. была сооружена в центре Киева Десятинная церковь, названная так потому, что на ее содержание шла десятая часть княжеских доходов. Церковь была заложена в 989 г. русскими мастерами совместно с греками и спустя шесть лет закончена. Владимир придавал большое значение храму и считал его княжеским. Первоначально церковь была небольшим 6-столпным трехнефным храмом, но вскоре новые боковые пристройки расширили церковь, сделали ее пятинефной. 25 куполов украсили уступами храм. Как показали археологические раскопки, в отделке его широко

применялись мрамор, мозаика, фрески. На площади у храма были поставлены статуи, вывезенные из Корсуни. Во время монголо-татарского нашествия в 1240 г. захватчики, взяв город, разрушили церковь.

Древнейшим, хорошо сохранившимся памятником древнерусской архитектуры является киевский Софийский собор. Он относится ко времени бурной строительной деятельности Ярослава Мудрого, когда, помимо Софии, в Киеве возводятся Золотые ворота, церковь Богородицы, Юрьев монастырь, Ирининский монастырь, когда Ярослав церкви «ставил... по городам и иным местам».

Сам собор был задуман не только как главный храм создавшейся русской митрополии, но и как центр общественной и культурной жизни, как символ политического могущества Ярослава Мудрого.

Софийский собор для Киева был как бы основным архитектурно-композиционным стержнем, вокруг которого группировались другие постройки.

«Повесть временных лет» рассказывает о закладке Софийского собора под 1037 г. Очевидно, строился он несколько лет. В 1051 г. в Софийском соборе был торжественно провозглашен русским митрополитом Иларион. При разгроме Киева Батыем в 1240 г. Софийский собор был разграблен. В течение многих веков своего существования он неоднократно горел и приходил в ветхость, ремонтировался и подвергался переделкам.

Перестройка 1685—1707 гг. сильно изменила его первоначальный облик. Были надстроены галереи с двумя башнями и куполами, заложены наружные входы в башни, стены собора подведены под один карниз; древним низким параболическим куполам придана характерная для Украины XVII в. грушевидно-барочная форма. Фасад собора был оштукатурен и побелен, на западной и восточной частях стен появились барочные фронтоны, а купола и главки были позолочены.

В своем первоначальном виде собор представлял огромное пятинефное, крестово-купольное здание, окруженное с севера, запада и юга открытой одноэтажной галереей. Позднее, в конце XI или начале XII в., на галерее был надстроен второй этаж. Вокруг храма по северной, западной и южной сторонам пристроили новую одноэтажную галерею. Первоначально наружная, теперь надстроенная, галерея оказалась внутренней. Двенадцать крестообразных в плане столбов делили храм на пять продольных нефов. Центральный неф был вдвое шире других. Все пять нефов на востоке заканчивались апсидами, причем центральная апсида имела пятигранную форму. В центральной апсиде помещался алтарь, в северной — жертвенник (место хранения вина и хлеба для причащения), в южной — диаконник (место хранения сосудов, риз и церковных принадлежностей). Между первым и вторым (от апсид) рядами крестообразных столбов расстояние было вдвое больше, чем между другими. Оно равнялось ширине центрального нефа, и пересечение их создавало основное центрально-купольное пространство храма. На внутренние каменные столбы опиралась целая система арок, сводов и куполов, устремленная к центральной части и создавшая внутреннюю и внешнюю ступенчато-пирамидальную композицию храма. 13 параболических куполов, покрытых свинцом, венчали храм. Около центрального, на уступ ниже, располагались 4 купола меньшего размера, остальные 8 группами по 3 располагались в юго-западной части и по одному — около боковых апсид. Такое размещение куполов создавало некоторую асимметричность, но храм от этого не проигрывал.

Софийский собор имел так называемое «поакомарное» покрытие. Закомары представляли собой полукруглое завершение верхней части стены церкви, соответствующее внутренней форме свода. Кровля при закомарном покрытии укладывалась непосредственно на своды.

Боковые нефы и западную часть храма занимали поднятые над полом хоры. Наличие хоров во многих храмах Древнерусского государства было характерным явлением. Они предназначались для князя, его семьи и феодальной знати. Хоры как бы отделяли их от общей массы, возвышали над подданными, приближая к богу.

Подобно другим монументальным постройкам Древнерусского государства, киевская София сооружалась из камня и кирпича — «плинфы». Фундамент наружных стен делался из крупных камней на растворе, внутренние стены покоились на каменном фундаменте, сложенном насухо, без раствора. Стены выкладывались из чередующихся рядов камня и плинфы, причем строители применяли здесь метод так называемой «утопленной плинфы», когда ряды кирпича были несколько углублены в стену, а образовавшиеся промежутки заполнены цемянкой, т. е. раствором извести, песка и толченого кирпича. Серый гранит и красный кварцит в сочетании с оранжево-розовым цветом плинфы и розоватым оттенком цемянки придавали фасаду нарядный вид.

Такого характера кладка была и у стен киевской Десятинной церкви, так делали стены и большинства других храмов в Древней Руси.

Софийский собор производил исключительное впечатление. Расположенный на высоком берегу Днепра, блестя свинцовыми куполами, он как бы господствовал над окрестностями. Открытые арки галерей связывали храм с окружающей природой, а декоративные ниши, полуколонны, шиферные карнизы и другие украшения в сочетании с цветовой гаммой стен и общим обликом здания оставляли след в памяти и сердце человека.

Если внешний вид киевской Софии был прекрасен, то не менее великолепны, богаты и парадны были внутренние помещения собора.

Благодаря умелой внутренней композиции храма внимание вошедшего приковывалось прежде всего к алтарной части и пространству под центральным куполом, в центре которого помещено было изображение Христа-Вседержителя. Мозаика покрывала всю центральную часть храма. Даже сейчас, когда сохранилось далеко не все, мозаики покрывают и все подкупольное пространство, предалтарные столбы и алтарную часть. Стены храма, своды и столбы сверху донизу были расписаны фресками. Льющийся сверху, сквозь неширокие проемы окон, свет играет многообразными красками мозаики, создает полумрак под хорами.

Внутренняя отделка храма неразрывно связана с архитектурной формой, она усиливает впечатление монументальности сооружения.

Одним из шедевров Софии является фигура божьей матери — Марии-Оранты¹⁴, выполненная в мозаике и помещенная на «конхе», внутренней, сферической поверхности апсиды. В молитвенной позе, с поднятыми вверх руками, Мария обращается к Христу. Стоит она на широком помосте, украшенном драгоценными камнями. Различных оттенков синие одежды с черными складками выделяются из общей массы золотой смальты.

Перед художниками, авторами мозаичного изображения Марии, были большие трудности. Верхняя часть фигуры Оранты падает на вогнутую поверхность апсиды. Чтобы не допустить искажения, требовалось найти особые пропорции фигуры. И художник нашел их за счет увеличения размеров головы, изображенной на конхе.

В мозаике же даны изображения Христа-Вседержителя на купольной части, двенадцати апостолов в простенках между окнами центрального барабана и другие сюжеты. Художник достигает высокого эмоционального воздействия не только выбором, композицией, но и богатейшим сочетанием цветовой гаммы красок. В мозаичной палитре мастеров киевской Софии найдено около 130 оттенков (25 — зеленого, 23 — коричневого, 19 — синего и золотого и т. д.). Чтобы придать большую выразительность мозаике, художник использует еще один прием. Кусочки смальты, вносимые в сырую штукатурку, ставились под различным углом наклона. Свет, падавший на них, отражался под разными углами, и создавалось искрящееся, хорошо видимое с любого места в соборе мозаичное изображение.

Яркий, преобладающий в мозаике золотой цвет умело сочетался с приглушенными теплыми тонами мрамора, шифера.

¹⁴ *Оранта* — так называлась в греческой иконографии икона с изображением молящейся богородицы.

О высоком мастерстве художников свидетельствуют сохранившиеся мозаики из Михайловской церкви в Киеве (XII в.). Особенно выделяется мозаичное изображение Дмитрия Солунского, в настоящее время находящееся в Москве, в Третьяковской галерее.

Много места в киевской Софии занимают фрески. Техника фрески давала возможность на длительное время сохранять роспись, однако она требовала от художника большого мастерства и четкости в работе. На сырую штукатурку нужно было быстро нанести контур рисунка и наложить краски. Малейшая неточность в исполнении могла потребовать полной замены штукатурки. Фрески писались водяными красками, хорошо впитывавшимися в сырую поверхность грунтовки. И хотя в них не было той яркости, блеска и разнообразия, как в мозаике, фресковая живопись киевской Софии достигла большой выразительности. Исследования показали, что в древности фресковая живопись покрывала все стены и своды храма, пристройки, башни, галереи. Но затем от пожаров, разорений и небрежения часть фресок погибла, часть была забелена и записана.

Наряду с чисто церковными сюжетами среди фресок Софии удалось обнаружить два групповых портрета семьи Ярослава Мудрого. На одном сохранились фрагменты изображений двух младших сыновей Ярослава, остальные изображения, в том числе и самого Ярослава, погибли. Однако общий вид этой фрески нам известен благодаря зарисовке, сделанной художником Вестерфельдом в 1651 г. На ней Ярослав изображен идущим со своими сыновьями, с моделью храма в руках. Древнерусский художник этой композицией хотел подчеркнуть связь Ярослава Мудрого с сооружением собора.

Значительно лучше сохранилась фреска с изображением женщин из семьи Ярослава. Здесь мы видим четыре фигуры в рост, в разнообразных одеждах, с индивидуальными чертами лица.

Большой интерес представляют фрески, обнаруженные на стенах двух башен. Художник отступил здесь от религиозных сюжетов, выработанных каноническими правилами церкви. Он стремился запечатлеть явления светского характера. В одной из башен изображена императорская ложа, в которой сидит император в нимбе, придворные, процессия с охраной и др. Фрески с изображением императора, придворных и т. п. могли быть навеяны византийским придворным распорядком.

Но особенно интересны многочисленные, очень реалистические изображения бытовых сценок, близкие к нравам киевского княжеского дома. В северо-западной башне изображена охота на медведя, на другом рисунке — фигура сидящего музыканта со смычковым инструментом. Ряд фресок: «Человек ведет на поводу верблюда», «Борьба рязаных», «Стреляющий из лука», «Скоморохи», «Кулачный бой», «Акробаты» и другие — знакомит нас со многими сторонами жизни киевского общества. Отдельные фрески дают изображения животных и птиц: фантастических и реальных.

Фрески башен киевской Софии являются уникальными памятниками светской живописи Древнерусского государства. Манера исполнения этих фресок несколько своеобразна. Канонические положения религиозного письма требовали создания статической композиции. В светской же росписи мы видим динамику и пространственность в построении фигур и композиции, стремление показать движение человека, скачущих коней, бегущих зверей и т. д.

Вполне возможно, что росписи светского реалистического характера применялись и в княжеских дворцах Древней Руси.

С красками мозаик и фресок гармонировал сложный коврово-орнаментальный пол. Вскрытые участки древнего пола набраны из треугольных, квадратных, прямоугольных кусочков разноцветной смальты (зеленой, желтой, красной). Смальта использовалась также для инкрустации плит красного шифера.

Вслед за киевской Софией строятся также Софийские соборы в Новгороде и Полоцке.

Новгородская София возникла в 1045—1050 гг. По своему композиционному построению она близка к киевской. Мы опять видим огромное пятинефное крестово-

купольное сооружение, хоры, занимающие боковые нефы и западную стену, двухэтажные закрытые боковые галереи с арками.

Однако новгородская София имеет и свои особенности. Вместо многокупольной пирамидальной громады киевской Софии здесь 5 куполов, сгруппированных в центре. Мощные наружные лопатки на гладких стенах из плинфы, цемянки и камня подчеркивают внутреннюю, конструктивную часть собора. Глубокие, длинные проемы окон в сочетании с гладкими стенами и лопатками делают храм как бы еще выше, монолитнее. Три апсиды в алтарной части заканчиваются купольным перекрытием. Двускатные перекрытия чередуются с цилиндрическими сводами, выступают по краям фасада в виде фронтонычков. На восточной стороне цилиндрические четвертные своды сделаны в виде полузакомар.

Законченный лаконичный архитектурный образ новгородской Софии послужил образцом для последующих новгородских построек.

В отличие от киевской Софии в новгородском храме нет богатейших мозаик, мрамора, шифера. Внутреннее убранство соответствует простым, строгим формам объема. Вместо многочисленных сложных колонн, тройных арок в новгородской Софии нашли широкое применение двухарочные пролеты, четырех- или восьмигранные столбы.

Фресковая роспись собора создавалась не сразу, а постепенно. Законченный в 1050 г., собор стал расписываться только в 1108 г. Вначале была расписана центральная часть, а затем, в середине XII в., — притворы. Большинство фресок до нашего времени не сохранились. Однако оставшиеся фрагменты фресковой живописи позволяют говорить о плоскостном, условном характере фресок. Основное внимание художники обращали на подчеркивание контура фигуры, что привело к некоторой силуэтности изображения.

Полоцкая София, построенная во второй половине XI в., была пятинефным храмом с тремя апсидами и семью куполами и в основном повторяла архитектурные особенности киевского и новгородского соборов Софии.

Появление трех однотипных в своей основе Софийских соборов в Киеве, Новгороде и Полоцке было явлением знаменательным, подчеркивало политическое и культурное единство Руси.

Каменное строительство в XI в. велось во многих городах. Оно носило главным образом культовый характер. Но, конечно, строились и светские здания. Раскопки, проведенные в Киеве, свидетельствуют о строительстве каменных палат в X—XI вв. Рядом с Десятинной церковью были многокомнатные двухэтажные каменные дворцы с замечательной отделкой из мрамора, камня, мозаикой и фресковой живописью.

В XI в. строится каменный собор в Дмитриевском киевском монастыре; в 1070 г. был заложен, а в 1088 г. освящен собор архангела Михаила в Выдубицком монастыре под Киевом.

Важным этапом в развитии киевской архитектуры явилась постройка главного собора Печерского монастыря — Успенской церкви (1073—1078 гг.). С нее началось широкое распространение однокупольных храмов, основного типа храмов в период феодальной раздробленности. Церковь была разрушена в 1941 г. фашистами.

Несколько позже (в 1106 г.) в том же Печерском монастыре была построена надвратная церковь. Четырехстолпное однокупольное сооружение хорошо вписалось в каменные стены монастырской крепости. В 1108 г. была сооружена Михайловская церковь.

В 30-х гг. XI в. (около 1036 г.) был построен Спасо-Преображенский собор в Чернигове. Он был заложен сыном Владимира Святославича — князем Мстиславом черниговским и тму-тараканским. Строя храмы в Чернигове и Тмутаракани, он как бы соперничал со своим братом Ярославом Мудрым.

Спасо-Преображенский собор был пятиглавым, трехнефным. Его богато украшала фресковая живопись. На обширные хоры вела специальная каменная винтовая лестница в башенке. Хоры отделялись двухъярусными арками, часть которых покоилась на четырех

мраморных колоннах, Благодаря узким оконным проемам и лопаткам массивный наружный объем казался устремленным ввысь.

Интереснейшим памятником древнерусской архитектуры является Георгиевский собор Юрьева монастыря под Новгородом, построенный в 20-х гг. XII в. Летопись сохранила нам имя строителя этого великолепного сооружения — русского мастера Петра.

Собор представляет очень своеобразную и в то же время эффектную композицию. Шестистолпный трехнефный храм несет на себе три асимметрично расположенные главы, причем одна из них покоится на квадратной в плане башне, как бы пристроенной сбоку к собору⁵. Узкие проемы окон рельефно выделяются на гладкой стене, украшенной очень лаконичными плоскими нишами.

Вскоре после постройки собор был богато расписан фресками. Они сохранились до 40-х гг. XIX в., когда были почти все варварски уничтожены при реставрации собора. Лишь недавно были расчищены сохранившиеся фрески в башне собора, представляющие фигуры святителей, Георгия и поясные изображения Одигитрии между окнами барабана.

С именем Петра связывают также постройку собора Рождества Богородицы Антониева монастыря в Новгороде (1117 — 1119 гг.), в котором сохранилась часть древних фресок.

Постройку новгородского храма Николы на Ярославовом Дворище (1113 г.) обычно объясняют стремлением князя Мстислава иметь свой придворный храм. Новгородская София с усилением местного боярства все больше теряет связь с княжеской властью. Мстиславу нужна была своя церковь. Николо-Дворищенский собор по манере постройки родствен соборам Антониева и Юрьева монастырей. Возможно, что все три собора строил один мастер, хотя и высказываются сомнения в отношении причастности мастера Петра к строительству собора Антониева монастыря.

Памятники древнерусской архитектуры свидетельствуют о высоком развитии строительного дела в государстве. Освоив передовую для того времени строительную технику Византии, заимствовав первоначальный византийский тип крестово-купольного храма, русские зодчие сумели внести в архитектуру приемы, выработанные практикой деревянного строительства, творчески переработали внутреннюю и внешнюю композицию сооружений применительно к местным задачам и условиям. Строительство крупных архитектурных сооружений сопровождалось быстрым развитием монументальной живописи. Мозаика киевской Софии, Десятинной церкви, Успенского собора, Киево-Печерского монастыря, фрески киевской Софии, черниговского Спаса и других соборов говорят об освоении русскими мастерами сложных видов декоративного искусства.

Широкое распространение в Древней Руси имели произведения станковой живописи — иконы. И хотя до нашего времени сохранилось их немного и трудно с полной определенностью выделить относящиеся к киевскому периоду, они дают представление как о сюжетах, так и о характере живописи. Иконы писались на дереве (сухих, в течение нескольких лет выдержанных досках). На деревянную основу наклеивалась паволока (холст), на нее накладывался левкас (слой мела), по которому писали красками. Для написания больших икон несколько досок скрепляли сзади шпонами. Среди древнейших икон выделяется икона «Владимирская Богоматерь» византийского происхождения. Она многократно подновлялась и реставрировалась и практически от живописи XII в. сохранились только лица богоматери и младенца. Икона эта была широко известна на Руси. Она полна нежной лирики, мягкости и глубины чувств. Обратив взор к матери, прильнув к щеке, ребенок обнимает ее за шею. Взгляд матери полон глубокой, безмерной внутренней скорби. Образ «Владимирской Богоматери» послужил основой для возникновения на Руси целого ряда икон на эту же тему, получивших название «Умиление». Так, самая ранняя из сохранившихся икон

Владимирско-Суздальской земли — «Боголюбская Богоматерь» (XII в.) очень близка стилистически к иконе «Владимирской Богоматери».

Георгиевскому собору Юрьевского монастыря в Новгороде принадлежала монументальная по размеру и оригинальная по иконографии икона «Устюжское Благовещение», возможно написанная между 1119 и 1130 гг. Композиция отличается простотой и выразительностью. Спокойные плавные линии объединяют фигуры архангела Михаила и Марии, создавая гармоничную группу.

Древние, особенно большие иконы обычно были украшены золотым фоном, на котором выступали немногие крупные фигуры.

Появление письменных памятников привело к возникновению книжной миниатюры. В Древней Руси под миниатюрой понимали красочную иллюстрацию и называли ее «рукопись лицевая». Древнейшие русские миниатюры находим мы в Остромировом евангелии. Здесь имеются изображения трех евангелистов: Иоанна, Луки и Марка. Если сама рукопись была написана в Новгороде, то миниатюры безусловно принадлежат киевскому мастеру. Яркий оригинальный фон, обилие золота напоминают отделку ювелирного изделия. Автор следует церковным канонам письма, но рисунки его достаточно выразительны, краски колоритны.

Среди миниатюр Изборника Святослава 1073 г. наибольший интерес представляет изображение княжеской семьи. Оно сделано на согнутом пополам пергаменном листе. На переднем плане — князь Святослав, его жена и ребенок, сзади — сыновья. Семейная композиция миниатюры отлична от композиции семьи Ярослава Мудрого на фресках Софийского собора в Киеве. Если в последней фигуры расположены на некотором расстоянии друг от друга на одной линии, то в книжной иллюстрации художник считал возможным дать изображение княжеской семьи компактной группой.

Миниатюры русских художников вставлены в виде дополнительных листов в Трирский псалтырь XI в. Этот псалтырь принадлежал жене киевского князя Изяслава Мстиславича польской княжне Гертруде. Одна из миниатюр изображает Ярополка с женой и матерью Гертрудой перед апостолом Петром.

На второй — апостол Петр и Ирина, патроны княжеской семьи подводят Ярополка с женой к Христу, венчающему их коронами.

Имеются миниатюры и в Мстиславовом евангелии 1115 г. Там даны изображения евангелистов, близкие по характеру к миниатюрам Остромирова евангелия. Предполагают, что художник Мстиславова евангелия копировал их с Остромирова евангелия.

Древнерусские рукописные книги, кроме миниатюр, были украшены орнаментом в виде заставок, т. е. узора, виньеток перед началом главы, статьи; инициалов — разрисованных заглавных букв; концовок — виньеток, узоров в конце текста; полевых украшений — рисунков на полях книги. Имея в своей основе мотивы растительного характера, древнерусский («старовизантийский») орнамент использовал и геометрические фигуры. Так, заставки давались обычно в виде рамы — прямоугольника, арки или иной геометрической конфигурации. Внутри рамы оставлялось место для заголовка. Простейшие геометрические фигуры (полуокружия, кружки, ромбики, треугольники) в сочетании с веточками, листьями, стеблями, цветами заполняли пространство внутри рамы вокруг заглавия. С внешней стороны заставки рисовались растения или животные. Золотой фон заставок раскрашивался красками: белой, розовой, голубой, синей, желтой, зеленой.

Аналогичный вид имели концовки и инициалы.

Развитие форм орнамента книг всегда было тесно связано с народным творчеством, с мотивами, бытовавшими в прикладном искусстве. Очень рано в книжных орнаментах появляются народно-фантастические элементы.

Книжная миниатюра и орнамент имели много сходных черт с мозаикой, фреской и ювелирными изделиями. Орнаменты и миниатюры Изборника Святослава 1073 г.

напоминают мозаику киевских соборов. Стиль орнамента и миниатюр Остромирова евангелия близок к перегородчатым эмальям Древней Руси. Красочные детали миниатюр нередко заключены в золотые перегородки. Наконец, полевые рисунки из Изборника Святослава 1073 г. в какой-то степени перекликаются со светской фресковой живописью киевской Софии. Обращают на себя внимание два знака зодиака с подписями «стрелец» и «девица». «Фигура девы — это действительно русская «девица», ярко, хотя и наивно реалистически, охарактеризованная орнаментировавшим рукопись мастером: он изобразил ее с молодым курносым лицом, с торчащими в стороны косицами и в народном платье»¹⁵.

Утверждение на Руси церковнодогматических норм и положений постепенно направляло искусство, и прежде всего живопись, на путь условности, схоластики. Это нашло отражение уже в фресковых росписях киевской Софии, а позже, в начале XII в., стало господствовать в фресках Софии новгородской.

Величественные здания храмов, живопись, подчиненная духу религии и потребностям феодального класса, лишь преломленно отражали творчество народа. Полнее характер этого творчества раскрылся в произведениях прикладного искусства, которое для русского города и деревни X—XII вв. восстанавливается только фрагментарно, по археологическим раскопкам.

Сюжетам произведений прикладного искусства часто, особенно в более древний период, придавался магический смысл. Русский человек видел в них средство для спасения от бед или средство привлечь благоденствия. Позднее на первый план выдвигается эстетическое начало. Но сочетание этих элементов мы еще долго встречаем не только в украшениях, но и в самых обычных, повседневных предметах жизни. Жилища, посуда, ткани, наряды украшались орнаментом, рисунками, символами, носившими тот или иной заклинательный характер. Например, на многих предметах мы находим изображение коней, считавшихся символом добра, благоденствия и счастья. Дома около печи ставился специальный печной столб, олицетворявший хранителя домашнего очага — домового.

В X в. появляется орнаментированная композиция из четырех цветков или стилизованного «древа жизни» в форме лилии. Рисунок, сделанный в квадрате, имел четыре стороны, что перекликалось с народными верованиями о необходимости обезопасить себя от беды со всех четырех сторон.

Нередко встречаются изображения нехищных птиц — символ доброго начала. Это было связано с легендами о начале земли и жизни от птиц. В частности, на золотых эмалевых котлах XI—XII вв. часто встречаются изображения птиц с «древом жизни».

Судя по дошедшим до нас предметам, древнерусское прикладное искусство достигло к XI—XII вв. заметных успехов. Изделия из дерева, металла, кости, камня, глины должны были не просто удовлетворять элементарные потребности жителей деревни и города, но и своими формами, внешним видом радовать человека. Русским мастерам этого времени были знакомы почти все технические приемы прикладного искусства.

Характерной особенностью прикладного искусства Древней Руси было стремление развить в орнаментах собственный художественный вкус. Прочно входит в жизнь растительный орнамент. Он оттесняет геометрический орнамент, заимствованный в определенной степени у Византии. Листья, деревья, цветы вырезаются, гравированы, отливаются, рисуются на самых различных предметах.

Одновременно появляется так называемый «звериный» стиль в орнаменте. Изображения чудовищ и птиц соединялись с элементами растительного орнамента. На прекрасном образце русского прикладного искусства X в. большом турьем роге из кургана Черная могила в Чернигове мы видим именно такое сочетание. Серебряная основа рога с растительным орнаментом, наведенным чернью, прочеканена и позолочена. На позолоте рельефно выделяются фигуры людей, птиц, зверей, фантастических животных. Среди них

¹⁵ История культуры Древней Руси, т. II, с. 360.

изображение женщины (судя по косам — девушки) и мужчины, стреляющего из лука в птицу. Сцена эта, очевидно, является воплощением в прикладном искусстве былинного сюжета черниговского происхождения, рассказывающего о дружиннике, увезшем из Чернигова невесту Марью, просватанную ранее за царя Кащея. Кащей догнал дружинника Ивана Годиновича, склонил Марью на свою сторону и связал Ивана. Вещая птица пророчит Кащейю смерть. Кащей пускает в нее стрелы из лука, но они летят обратно, и одна из них убивает Кащея. Именно последнее событие изображено художником.

Значительно проще и непосредственнее было городское и деревенское прикладное искусство в предметах массового производства. Продукция же, изготовлявшаяся для феодальной знати, несла новые элементы, присущие феодальным верхам. Элементы языческого культа постепенно изгоняются из произведений, предназначенных для духовных и светских феодалов. Их место занимают изображения грифонов, сиринов, а также различные религиозные сюжеты.

В золотой диадеме XI в. мастер сделал семь щитков. На среднем изображен полет Александра на грифонах, остальные заполнены композицией из четырех узорчатых зеленых листьев, обращенных на «четыре стороны». Пышная стилизованная растительность красивым орнаментом заполняет пространство щитков. На диадеме XI—XII вв., помимо религиозных сюжетов, видны изображения женщин в кокошниках, с серьгами.

Мастера прикладного искусства выработали законы декоративного рисунка, достигли совершенства в расположении мотивов на орнаментируемой поверхности, нашли свои, отличные от византийских, традиции, сочетания цветовой гаммы. Для цветных эмалей характерны большие золотые пространства с резкими цветовыми контрастами синей, зеленой, голубой, желтой и красной эмалей. Византийские же эмальеры избегали резких цветовых контрастов, искали спокойные сочетания тонов, плавные переходы.

Элементы прикладного искусства нашли отражение и в резьбе по камню. Шиферные плиты полов храмов, каменные наличники и другие украшения имели плоский растительный или геометрический орнамент.

Бесспорно, что прикладное искусство оказало влияние на развитие искусства в целом.

В жизни людей Древней Руси большое место занимали музыка, песни и пляски. Песня сопровождала работу, с ней ходили в поход, она была составной частью праздников, входила в обряды. Плясками и инструментальной музыкой сопровождалась «игрища межю селы», княжеские развлечения. Нестор в «Житии Феодосия Печерского» так описывает это зрелище: «многыя играюща перед ним (князем): овы (одни) гусленыя гласа испущающим и инем мусикыискыя гласящем, иныя же органныя — и тако всем играющим и веселящимся, яко же обычай есть пред князем». Красочная картина описания пира богача дается в «Слове о богатом и убогом», где описывается выступление артистов — музыкантов «с гусльми и свирельми», певцов, танцоров, шутов.

Церковные круги отрицательно относились ко всем этим развлечениям, видя в них «пакость», «бесовство», связанное с языческим религиозным воззрением, отвлекающее людей от церкви.

Песенные мелодии, мотивы инструментальной музыки, танцы пока нам неизвестны. Однако некоторые суждения о них мы можем вывести на основе знакомства с сохранившимися источниками.

Среди музыкальных инструментов Древней Руси были ударные инструменты — бубен, накры, арган; духовые — рог, труба, рожок, сурна, окарина, кувички, дудка, жалейка, может быть, волынка; струнные — гусли и гудок, или смык. Знаменитые фрески башни Софийского собора в Киеве дают изображение музыкантов и плясунов. Степень применения и распространенность музыкальных инструментов были различными. Трубы и рога были сигнальными инструментами на охоте, в походах; струнные инструменты,

бубны и другие могли применяться как одиночные инструменты, а также в составе оркестров на игрищах и праздниках.

Можно говорить не только о распространении музыки, песни, плясок, но и о выделении профессиональных исполнителей. Одну группу составляли сказители, певцы былин и преданий, другую — скоморохи-затейники, потешники, увеселители, которые были и музыкантами и плясунами, акробатами, жонглерами, фокусниками, дрессировщиками.

Источники свидетельствуют и о том, что на Руси очень рано появились нотные записи. Этому способствовало распространение христианства. Богослужение сопровождалось пением, которое велось по специальным певческим рукописям-книгам.

Такого рода рукописи сохранились до нашего времени начиная с XII в. В них помимо обычного богослужебного текста сохранились особые древнерусские нотные знаки: «знамена» и «крюки» (отсюда названия рукописей: знаменные, крюковые). Уже с XII в. в певческих рукописях различают две основные нотные системы: кондакарную и знаменную. Первая была заимствована из Византии. Она представляет собой сложную двухстрочную систему многих специальных знаков, располагавшихся над основной строкой текста. Кондаками называли короткие хвалебные песни в честь святых, сборники которых соответственно назывались Кондакарями. Таких йотированных Кондакарей за XII—XIII вв. сохранилось всего пять. Видимо, с XIII, может быть с XIV в., кондакарная система на Руси вышла из употребления. Вторая система нотации — знаменная существовала одновременно с кондакарной. Она получила широкое развитие и после XIV в. заняла господствующее положение. Следует отметить, что если знаменная нотная система успешно расшифровывается, то кондакарные записи расшифровать еще не удалось.

Приведенные материалы свидетельствуют о высоком уровне развития материальной и духовной культуры Древней Руси.

История этой культуры неразрывно связана с историей создавшего ее народа. Истоки ее уходят в глубь веков, она впитала в себя опыт и традиции восточнославянских племен. Развитие феодальных отношений, формирование древнерусской народности Повлекло за собой изменения в области древнерусской культуры. Принятие и утверждение христианства способствовало развитию письменности и просвещения, литературы, искусства, созданию основ общерусской культуры, ярко проявившихся в последующем в новых исторических условиях.

ГЛАВА II

КУЛЬТУРА РУСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIII В.

Развитие феодальных отношений и феодальной собственности на землю в XII — первой половине XIII в. вызвало изменение формы политического устройства, нашедшего свое выражение в феодальной раздробленности, т. е. создании относительно самостоятельных государств-княжеств.

Феодальная раздробленность русских земель была закономерным историческим явлением.

Сельское хозяйство и ремесленное производство XII — первой половины XIII в. продолжало развиваться в целом в чертах, намеченных предшествующим периодом. Пашенное земледелие получает широкое развитие, распространяясь глубже на север. Деревянное рало, соха, борона были по-прежнему основными в хозяйстве смерда. Но в то же время несколько больше стал применяться плуг с железным лемехом, хотя он был преимущественно принадлежностью богатых хозяйств.

Ремесленное производство XII — первой половины XIII в., опираясь на высокие образцы ремесла предшествующего периода, получает свое дальнейшее развитие. Кузнечно-слесарное и оружейное дело, обработка меди, серебра и золота, литейное дело,

ковка и чеканка, тиснение и штамповка, чернь, позолота, инкрустация, филигрань, эмаль продолжали развиваться во всех княжествах.

Мастера ищут новые образцы, новые приемы работы. Новгородские мастера оружейного дела в XII—XIII вв., применив новую технологию, стали изготавливать клинки сабель гораздо большей прочности, твердости и гибкости. С XII в. стал применяться способ двустороннего литья по двум восковым моделям — это было очень важное технологическое открытие. В XII—XIII вв. в литейном производстве стали применяться каменные литейные формы. Повсеместное распространение получают с XII в. водяные мельницы. Совершенствуется техника ювелирного производства.

Вместе с материальной культурой растет и развивается и духовная культура.

Развитие материальной и духовной культуры в период феодальной раздробленности опиралось на подъем производительных сил и общее развитие феодальной экономики различных земель и княжеств. Особенно важное значение для развития культуры имел тот значительный рост городов, который характерен для времени феодальной раздробленности. В период феодальной раздробленности оформились многие местные особенности материальной и духовной культуры, однако при всем этом культура в своей основе оставалась единой, общерусской. Сознание единства Русской земли особенно было заметно в произведениях духовной культуры.

ЛЕТОПИСАНИЕ

Развитие летописания с начала феодальной раздробленности определяют новые, местные центры. В создании своих летописей были заинтересованы князья, церковь, города. Они были им нужны как политические документы для обоснования своих прав и притязаний в борьбе с противниками. Появляются семейные и родовые княжеские летописи, городские летописные записи в Новгороде, Полоцке, Ростове, Чернигове, Переяслав-ле, в Галицко-Волынской земле и других областях. На местах зарождаются новые идейные основы и художественные приемы, которые зависят от политических взглядов князей и местных условий. Летописи, как правило, приобретают узкоместный характер.

Киевское летописание продолжается в Выдубицком монастыре, т. е. там, где в начале XII в. были составлены две редакции «Повести временных лет».

Летописный свод, составленный в Выдубицком монастыре около 1200 г., носит характер «великокняжеского» свода. В основе его лежит описание киевских событий. Эти описания, погодные записи, делались в монастыре по поручению киевских князей и, вероятно, до конца XII в. не подвергались серьезной обработке. Характерно, что по сравнению с «Повестью временных лет» рассказы этой летописи за XII в. носят более пространственный характер, но интересы летописца все больше замыкаются в узкие рамки киевского княжения. Летописцы Выдубицкого монастыря по-прежнему считают Киев центром русских земель и призывают князей к единению, верности старшему князю, сопротивлению половецкому нашествию. Но эти призывы не находят практической поддержки у князей, занятых междоусобной борьбой.

Киевская летопись 1200 г. по композиции и манере изложения отличается от летописей XI — начала XII в. В ней отсутствует единый стержень, единая идея. Рассказы, собранные из разных источников, часто даются к тому же и без должной литературной обработки. Создается впечатление, что летописец был озабочен составлением сборника, а не летописи в прежнем ее понимании.

Но в то же время в своде отчетливо оформляются исторические повести, связанные с воинским сюжетом. Они положили начало воинским повестям, создающимся на Руси вплоть до XVI в. Летописец стремился нарисовать выразительную картину боев, заимствуя из прошлого военную терминологию, образность, приемы народного

героического эпоса. Реалистические описания событий перемежаются у него «небесными знаменами», молитвами.

Летопись, создававшаяся в условиях ожесточенной феодальной борьбы, не могла остаться в стороне от нее. Множество деталей, сообщаемых летописью, помогают восстановить реальную обстановку борьбы Мономаховичей с Ольговичами за киевский престол.

Вторым крупным летописным центром в период феодальной раздробленности становится Галицкая земля.

Галицко-Волынская летопись, возникшая еще в XII в., сохранилась в составе Ипатьевской летописи. В ней нашла отражение сложная и запутанная борьба феодалов в XIII в. Она описывает «бещисленные рати и великия труды и частыя войны и многия крамолы и частая востания и многие мятежи». В глазах летописца история родной страны предстает в виде бесчисленных феодальных войн, крамол и бедствий.

Галицко-Волынская земля рано обособилась от Киева, и боярство здесь вступило в ожесточенную борьбу с княжеской властью. Отзвуки этой борьбы мы видим в летописи, где много места отведено крупнейшим политическим деятелям Галицко-Волынской земли — Роману и Даниилу. Первая часть летописи с полным основанием может быть названа «Летописцем Даниила Галицкого». Она посвящена прославлению его самого и его дел. Летописец, не ограничивая себя рамками изложения по годам, ведет очень живой и непрерывный рассказ, считая, что «хронографу же нужна есть писати все и вся бывшая, овргда же писати в передняя, овогда же воступати в задняя; чьтый мудрый же разумеет; число же летом зде не писахом».

Летописец внимательно следит за деятельностью Даниила, который был «дерз и храбор, от главы и до ногу его не бе на нем порока», рассказывает о его походах, о любви к нему населения.

Резко и с раздражением летопись отзывается о боярах. Они льстивы и лживы, горды и малодушны, коварны и трусливы.

Совершенно ясно, что описания такого характера могли выйти только из-под пера человека, близкого к княжескому дому.

В целом Галицко-Волынская летопись отличается активной пропагандой идеи сильной княжеской власти, которая сможет положить конец разорениям и бедам от междоусобиц, сумеет расправиться с боярством. Но в то же время эта мысль тонет в массе мелких подробностей феодальных междоусобиц.

Язык летописи характерен соединением книжной цветистой речи с элементами народной поэзии, и этим она существенно отличается от прочих областных летописей.

Раньше других феодальных центров местное летописание складывается в Новгороде. Древнейшая новгородская летопись — «Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку» (Новгородская I летопись) — начинается с рассказа о событиях в Новгороде в 1015 г. По своему характеру новгородское летописание с первых дней своего зарождения сильно отличается от торжественных, широких исторических и политических обозрений киевского летописания XI — начала XII в. Возникшее при новгородском владычном дворе, оно прежде всего заботится о фиксации происходивших событий. Не прельщаясь высоким поэтическим стилем и широтой обобщения, летописцы точно записывали события, связанные с новгородской жизнью.

Особое значение для новгородского летописания имели события 1136 г. Восставшие горожане и крестьяне изгнали из Новгорода князя Всеволода Мстиславовича. С этого момента летописание, ранее в какой-то мере связанное с Киевом и княжеской властью, целиком переходит в руки белого духовенства и светских феодалов. По приказу архиепископа Нифонта доместик¹⁶ новгородского Антониева монастыря Кирик составил хронологическое пособие к летописанию. В том же году был начат основательный

¹⁶ Доместик — церковная должность.

пересмотр всего княжеского летописания Новгорода. Пересмотр летописи продолжался несколько лет, и в нем участвовал, как считают, поп новгородской церкви Якова — Герман Воята. Его записи за 40—80-е гг. можно считать почти личным дневником. Они рассказывают не только о крупных событиях, но и вводят читателя в обстановку повседневной жизни города. Здесь мы читаем сообщения об уличных происшествиях, об урожае, сене, дровах, о раннем громе и затянувшихся дождях, о пожаре и ценах на рынке. Лаконично и в то же время красочно говорится о посаднике Якуне, которого раздели «яко мать родила» и сбросили с Великого моста.

Местный характер придает летописям особый колорит. Жизнь древнего Новгорода с его характерными особенностями, с вечевым управлением, пограничным положением, ремеслом и торговлей восстанавливается по ним вполне отчетливо.

Лишь в отношении событий начала XIII в. интересы летописца выходят за пределы Новгородской земли. Это было связано с политикой новгородского князя Мстислава Удалого в северо-восточных княжествах.

Новгородские летописи почти не знают произведений вставного характера, повестей. Лишь под 1204 г. летописец вносит в текст повесть о взятии крестоносцами Константинополя (Царь-града). В конце XII — начале XIII в. Новгород был в довольно тесных сношениях с Византией по церковным делам. В Константинополь ходили многочисленные паломники. В их числе был знатный новгородец Добрыня Ядрейкович, впоследствии новгородский епископ Антоний. Он описал Царьград перед его разгромом, и, вероятно, если не сам был очевидцем захвата города крестоносцами, то составил повесть по рассказу очевидца.

Не раз новгородская летопись отмечает проявления классовой борьбы. Под 1136 г. она рассказывает о восстании против Всеволода Мстиславовича, а под 1209-м — о расправе новгородцев со сторонниками посадника Дмитра Мирошкинича.

Изобилует летопись сообщениями о событиях на западной и северо-западной границах, где часты были в XIII в. столкновения с немецкими рыцарями и шведами.

В отличие от летописей других районов новгородские летописи писались не в монастырях, а в среде белого духовенства, близкого к мирской жизни. Это и объясняет хорошее знакомство летописца со всеми сторонами жизни города.

Однако новгородские летописцы не сумели преодолеть естественной ограниченности местного патриотизма, подняться до уровня общерусских задач. Этим во многом объясняются их часто неверные оценки событий, имевших место в других частях Руси.

Близки по своему характеру к новгородским летописи Пскова. Возникли они гораздо позже, и собственно псковские известия в них начинаются только с XIII в.

Несколько позже по сравнению с югом и северо-западом оформляется летописание в Северо-Восточной Руси. Первым крупным возникшим здесь летописным сводом был Владимирский свод 1177 г.¹⁷ Он составлялся при главном храме Владимирского княжества — Успенском соборе по инициативе Андрея Боголюбского. Идея создания этого свода возникла не случайно. Уже в XII в. местная политическая мысль стремилась утвердить первенство Владимира в Ростово-Суздальском крае.

Во второй половине XII в. между Ростовом и Владимиром развертывается борьба за главенство в Ростово-Суздальской земле. Стремление Андрея Боголюбского перенести столицу княжества из старого боярского Ростова во Владимир было расценено ростовским боярством как открытая борьба княжеской власти с их привилегиями и стремлениями к независимости от князя. В 1174 г. Андрей Боголюбский в результате заговора был убит, и ростовское и суздальское боярство вступило с Владимиром в борьбу за княжеский престол. Борьба, продолжавшаяся в течение двух лет, закончилась победой

¹⁷ Приводимая датировка летописных сводов дается на основе более или менее общепринятой в литературе схемы летописания, хотя отдельные исследователи придерживаются других дат возникновения сводов.

Владимира, где с 1176 г. стал княжить Всеволод Большое Гнездо, окончательно разбив непокорных бояр, Всеволод стал проводить твердую, властную политику укрепления княжества, усиления Владимира как центра Ростово-Суздальской земли. Подбор материалов в летописи как раз и был подчинен этой цели. Летописец использует главным образом епископский Летописец Переяславля-Южного и частично Летописец Ростова.

Летописание Переяславля-Южного хорошо знали во Владимире. Между Ростово-Суздальской землей и Переяславлем во второй половине XII в. были определенные связи. Овладев Киевом в 1169 г., Андрей Боголюбский посадил в Переяславле Владимира Глебовича, после смерти которого Всеволод Большое Гнездо начал управлять переяславльскими делами как своими. Связи с Переяславлем сохраняются и в дальнейшем.

Изложение южнорусских событий в переяславльском Летописце было вполне приемлемо для владимирского князя. В то же время киевские летописи, которыми Андрей Боголюбский мог пользоваться после 1169 г., описывали эти события с позиций, явно враждебных владими́ро-суздальским князьям.

При составлении свода 1177 г. использовались материалы, отложившиеся в так называемом Летописце Ростова (Ростовском летописном сборнике), который возник на основе летописных записей в Ростово-Суздальской земле, ведшихся еще в первой половине XII в., и литературных произведений: «Житие Леонтия Ростовского» и «Завещание Георгия Симоновича». Возможно, что Летописец Ростова возник при Юрии Долгоруком. Из него владимирский летописец для свода 1177 г. брал только известия, благоприятные для Владимира, и отбрасывал все, что хоть сколько-нибудь противоречило политической направленности его труда.

Свод 1177 г., проводивший идею политического господства Владимира, в последующие годы пополнялся новым материалом. События, происходившие после 1177 г., летопись излагает довольно точно и подробно, часто в манере церковной проповеди. Видимо, летописание продолжало находиться в руках духовенства Успенского собора. Оно же в 1193 г. подвергло летопись переработке. Установить причины этой переработки не представляется возможным. Отметим только, что летопись по-прежнему выступает сторонницей сильной княжеской власти и сохраняет налет церковности. В свод 1193 г. был введен ряд новых материалов, которые поставил все тот же Летописец Переяславля-Южного. Летописец внимательно проследил все события 1177—1193 гг. и усилил поучительный характер церковных наставлений.

В целом оба эти свода отражают усилившееся влияние владимирских князей, подчеркивают переход руководящей роли в феодальном союзе русских княжеств от Киева к Владимиру, обосновывают авторитет Владимира церковным моментом — принадлежностью Владимиру известной иконы Богоматери, перевезенной в свое время князем Андреем Боголюбским из Киева во Владимир и получившей именование — «Владимирская Богоматерь».

Летопись, обильно уснащенная библейскими цитатами, проповедями, поучениями, в то же время большое внимание уделяла мирским делам.

В событиях второй половины XII в. летописец подчеркивает пагубность феодальной междоусобной борьбы, сопровождаемой предательствами и убийствами, нарушениями клятв и восстаниями. Свои симпатии он отдает Андрею Боголюбскому и Всеволоду Большое Гнездо, не только проводившим политику укрепления княжеской власти, но и активно вмешивавшимся в общерусские события. Владимирские князья в описаниях летописца выглядят святыми. Один из лучших рассказов летописи — повесть об убиении Андрея Боголюбского — носит явно житийный характер.

Церковный характер летописания в начале XIII в. перестал удовлетворять княжескую власть. Новый Владимирский свод 1212 г. отличается светским характером. Не затрагивая схемы русской истории и идейной направленности предшествующих летописных сводов, составитель его прежде всего постарался убрать многочисленные

церковные наслоения не только назидательного, поучительного, но и фактического характера. Он пропускает сообщения о смертях и назначениях некоторых епископов, об обновлении церквей и т. п. Летописец подверг пересмотру церковную лексику своих предшественников, заменив, правда не всегда удачно, устаревшие понятия и слова.

Владимирское летописание XII — начала XIII в., определив идею первенства Владимира, заложило основы не только северо-восточного летописания. Оно оказало влияние на формирование идеологии русских митрополичьих и великокняжеских летописцев XV—XVI вв.

Областные летописи XII — начала XIII в., основываясь в основном на летописных традициях Древнерусского государства и используя «Повесть временных лет» для описания событий раннего периода русской истории, сужают повествования рамками местных интересов. По-своему поэтическая и героическая, летопись Галицко-Волынской земли занята главным образом описанием княжеских усобиц. Киевская летопись скорбит о прошлом, замыкается в кругу местных церковных и княжеских интересов. Новгородский летописец уводит нас в мир «боярской республики», весьма далекой от понимания общерусских задач, и лишь Владимирская летопись, при всех присущих ей церковных аскетических мотивах, пронизана идеей единой и сильной княжеской власти.

Но все это не умаляет большой ценности областных летописей XII — начала XIII в. При утере некоторых черт, присущих летописанию Древнерусского государства, при определенной суженности взглядов местных летописцев в них в то же время стал проявляться интерес к повседневным событиям. Летописец стал больше обращать внимания на жизнь города, где он жил, людей, его окружавших, их быт и дела. Летописи этого времени отражают русскую историю и культуру во всем ее многообразии, вырабатывают местные литературные традиции и приемы, создают картину развития русских земель.

ЛИТЕРАТУРА

В XII — первой половине XIII в. развитие церковной и гражданской литературы в значительной степени связано было с узкими интересами местных феодальных центров. Церковная, учительская литература все больше уходит от политических вопросов. В проповедях, поучениях, сказаниях ведущее место занимают далекие от реальной жизни «кистины веры и благочестия». Среди памятников церковной литературы XII в. выделяются сочинения Кирилла Туровского и Климента Смолятича.

Кирилл Туровский был видным церковным деятелем второй половины XII в. Образованный и опытный проповедник, он снискал себе широкую известность. «Русским Златоустом» называли его впоследствии источники. Из многих написанных или произнесенных Кириллом Туровским проповедей до нашего времени дошли лишь некоторые, но и они свидетельствуют о глубоком знании им церковной литературы, греческого языка, блестящей форме его выступлений.

В своих проповедях Кирилл следовал канонам византийского красноречия, старался в библейских текстах показать «сокровенный» смысл. В вопросо-ответной форме изложения он часто прибегал к сравнениям, аллегориям, противопоставлениям, вводил некоторые элементы народной речи.

Почти все произведения Кирилла Туровского посвящены церковным темам; лишь одно «Поучение о слепце и хромце» было направлено против Андрея Боголюбского и ростовского епископа Федора. Оно является важным свидетельством активного участия Кирилла в междоусобной феодальной борьбе.

Климент Смолятич был вторым, после Илариона, русским митрополитом. По свидетельству летописи, он «быть книжник и философ так, яко же в Российской земле не бьшеть... и много писания написав, предаде». До нас дошло только одно его послание

пресвитеру Фоме, который обвинял Климента в незаконном занятии митрополичьей кафедры. Климент, подобно Кириллу Туровскому, был образованным церковником. Он хорошо знал ораторские приемы и был знаком с философией Аристотеля и Платона, произведениями Гомера. Принимая участие в политической борьбе, Климент на первый план выдвигал личные мотивы, не поднимаясь до обобщений общерусского характера.

На рубеже XII—XIII вв. сложился большой компилятивный памятник церковной литературы — Киево-Печерский патерик (т. е. сборник поучений, рассказов, житий святых). Монахи Киево-Печерского монастыря были заинтересованы в создании истории обители, игравшей видную роль в политической жизни русских земель. Большинство памятников, вошедших в патерик, сложилось ранее. Основу патерика составляют послания суздальского епископа Симона к монаху монастыря Поликарпу и Поликарпа — к игумену Анкиндину. В этих двух посланиях содержатся рассказы о монахах Киево-Печерского монастыря, а также называются исторические события, о которых молчат другие памятники. Правда, эти события окрашиваются церковными рассуждениями и описаниями всевозможных «чудес» (например, о бесах, которые таскают бревна для монастыря, ворочают жернова и молотят пшеницу), но тем не менее они вводят нас в обстановку монастырской жизни с ее духовными и хозяйственными заботами.

Патерик проводит идею главенства Киево-Печерского монастыря над другими. Симон в послании своем писал, «что один день в дому божия матере (в Печерском монастыре) паче тысяща лет». Богатство содержания, выразительный язык, переплетение действительности и фантазии сделали патерик распространенным на Руси.

В сложных условиях политической раздробленности русских земель, усилившегося натиска половцев, в период, когда летопись лишь очень общо и неопределенно отражает идею совместного отпора врагам Русской земли, появляется изумительный памятник гражданской литературы Древней Руси — «Слово о полку Игореве».

Судьба этого памятника печальна, как печальны и события, о которых он рассказывает. Единственный известный список «Слова» находился в составе особого сборника — Хронографа, принадлежавшего ярославскому Спасскому монастырю, а затем в 80-х гг. XVIII в. ставшего собственностью известного собирателя древностей А. И. Мусина-Пушкина¹⁸. При помощи историков-архивистов Н. Н. Бантыша-Каменского и А. Ф. Малиновского А. И. Мусин-Пушкин подготовил и в 1800 г. издал «Слово». Однако единственному списку «Слова» не суждено было сохраниться. В московском пожаре 1812 г. сборник, куда входило «Слово», сгорел вместе с домом Мусина-Пушкина. Осталась копия с него, сделанная для Екатерины II, черновики, связанные с работой по подготовке «Слова» к изданию, и первое печатное издание.

Уже в начале XIX в. появились скептики, ставившие под сомнение подлинность «Слова». Одни видели в нем произведение позднего времени, другие искали сходства и подражания в средневековой литературе Западной Европы. Однако неоспоримые исторические факты, тщательный анализ памятника, его языкового, литературного строя доказали, что «Слово» было создано именно во второй половине XII в.

«Слово о полку Игореве» возникло в тяжелый для Руси период. С 70-х гг. XII в. начинается сильное давление на южные и юго-восточные границы Руси. Летописец характеризует это время как «рать без перерыва». Русские князья, занятые междоусобной борьбой, долгое время не могли организовать активной обороны русских границ. Более того, часто для борьбы со своими политическими противниками князья прибегали к помощи половцев. Так, Игорь Святославич в 1180 г. вместе с Кон-чаком, своим будущим врагом, выступал против киевского князя Рюрика Ростиславича.

Но все же грозная опасность, нависшая над Русью, заставляет князей задуматься над судьбой русских земель, искать путей для организации отпора половцам и другим кочевникам. Они начинают совместные действия против натиска степи.

¹⁸ См.: Моисеева Г. Н. Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». Л., 1977.

«Слово» рассказывает о походе чернигово-северских князей во главе с Игорем Святославичем против половцев в 1185 г. Незадолго до этого похода в 1183 г., киевский князь Святослав Всеволодович вместе с другими князьями нанес сильное поражение половцам. Игорь в это время действовал самостоятельно и победил хана Кобяка.

В 1184 г. русские князья вновь выступили в поход на половцев. Дружина Игоря Святославича не успела к месту боя и не смогла разделить с остальными русскими полками славу победителей.

Игорь решил продолжить борьбу и, «не сдержав юности», с небольшими силами пошел на половцев, «поискать» некогда принадлежавшую его деду далекую Тмутаракань. Но поход окончился тяжелым поражением. Почти вся дружина была перебита или пленена. В плен попал и Игорь с тремя другими князьями. Большим горем для Руси было это поражение. Поход свел на нет все предыдущие успехи, и русские земли вновь оказались перед серьезной опасностью.

«Слово о полку Игореве» возникло сразу же после похода. Оно было написано в 1187—1188 гг. как призыв ко всем русским князьям и русским людям объединиться во имя защиты Руси. Это не обычный летописный призыв, а пламенная агитация, обращение к воинской чести, скорбь о бедствиях Русской земли. Это голос передового человека, видевшего страшную опасность и предупреждавшего о ней. К. Маркс, оценивая значение «Слова», писал: «Суть поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ»¹⁹.

Автор «Слова» с большой художественной силой подчиняет все содержание поэмы ее основной идее. Для него Русская земля — единая, целая; русские князья, все равно Ольго-вичи или Мономаховичи, сильные, могучие, и им любая задача по плечу. Автор не случайно прибегает к такому приему, он хочет показать возможность победы над врагами при условии единения всех князей. Поэтому он рисует поражение Игоря не просто как поражение путивльского князя, а как поражение всей Русской земли, отозвавшееся болью в сердцах русских людей.

Поэтическая манера автора «Слова» широка и эпична. Он начинает издалека, «от старого Владимира», и доводит события «до нынешнего Игоря», сопоставляет прошлое с настоящим. Воспоминания его уводят к далеким временам вещего Бояна, Ярослава, Олега, а взор охватывает необъятные русские и сопредельные с ними земли. Он прославляет Всеволода Большое Гнездо, который может «Волгу веслами расплескать, а Дон шеломами вычерпать», галицкого князя Ярослава Осмомысла, подперевшего «горы угорские своими полками железными, заступив путь королю, затворив Дунаю ворота», и других князей. Но он не может не напомнить и о губительной силе княжеских усобиц, о времени Олега Гориславича (Святославича), когда «сеялось и выросло усобицами, погибало добро Дажьбожьего внука, в княжьих крамолах век людской сокращался», когда вместо голосов пахарей «вороны каркали, мертвечину деля меж собою». Считает он нужным помянуть полоцкого князя Всеслава, своими смелыми, но авантюрными боевыми делами приносившего беды русским землям. Это звучит как бы упреком Игорю. Сила поэтического таланта во всем своем, многообразии проявилась в описании похода.

Мрачные предзнаменования сопровождают начало похода. Солнечное затмение («солнце ему тьмою путь заступало») как бы предвещает неудачу. «Кровавые зори», «черные тучи», вся природа как бы живет ожиданием беды, и на этом фоне идут в глубь половецких степей, навстречу своей гибели полки Игоря. Не раз повторяемое восклицание: «О Русская земля! Уже за холмом скрылась ты!» — как бы усиливает мысль об обреченности похода.

Сам бой, продолжавшийся три дня, «Слово» не описывает. Подведя читателя к кануну боя, автор делает отступление в историческое прошлое, дает характеристики князей и возвращается к бою уже в конце его, когда ясно определилось поражение Игоря.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 16.

Поражение Игоревы войска объясняет он своевољством Игоря и Всеволода, решившихся на поход без согласия главы русских земель — киевского князя. В следующем затем описании сна Святослава и его «золотого слова» автор развивает свою главную идею о необходимости прекращения своевољства и усобиц, о единении князей для защиты Русской земли. Именно здесь он переходит к характеристике славных князей, противопоставляя им носителей феодальных раздоров. Заключительная часть «Слова», с плачем Ярославны, описанием побега Игоря из плена, заканчивается гимном Русской земле, приветствующей возвращение князя. Провозглашая славу князьям, старым и молодым, автор оптимистически завершает повесть о трудных днях. Он зовет к активной борьбе, действию и верит в силу народа, князей, дружины, «что встанут за христиан на поганые полки». Само «Слово» — это в полном смысле поэма о всей Русской земле. Автор «Слова» был человеком образованным, с большим поэтическим даром, он хорошо знал прошлое и настоящее Русской земли, уклад княжеской жизни, военное дело. Все это наводит на мысль о его принадлежности к дружинной среде. Вполне возможно, что он был участником похода и писал свое «Слово» на Черниговщине.

В XII—XIII вв. появилось и другое произведение гражданской литературы — «Слово» и «Моление» («Послание») Даниила Заточника. Фактически мы имеем дело с двумя разными, хотя и связанными друг с другом памятниками. «Слово» относится к XII в., «Моление» — к XIII в. Обстоятельства, время появления, авторство этих памятников оставляют исследователям много загадок. Можно говорить о том, что в обоях произведениях авторами были Даниилы, называющие себя Заточниками. Оба из заточения обращаются к князю о милости. В «Слове» просьба адресована к новгородскому князю Ярославу Владимировичу, в «Молении» — к переяславльскому князю Ярославу Всеволодовичу, сыну Всеволода Большое Гнездо. Полагают, что в первом произведении автор был горожанин, может быть новгородец, мастер-ремесленник, во втором — служилый человек из Ростово-Суздальской земли. Это наложило отпечаток на содержание и характер произведения.

«Слово» — единственный памятник Древней Руси, вышедший из демократических кругов, с множеством социальных и бытовых описаний, изложенных в форме притч и изречений, поучений и афоризмов.

Даниил видит пропасть, лежащую между богатыми и бедными. «Богат возглаголеть — вси молчат и вознесут слова его до облак; а убогий возглаголеть — вси на нь кликнуть. Их же ризы светлы, тех речь честна», — восклицает он.

Автор «Моления», переработав произведение своего предшественника, выступает за сильную княжескую власть, всячески прославляет князя. Власть князя он образно сравнивает с властью орла над птицами, льва — над зверями, осетра — над рыбами. Наоборот, о боярах он говорит явно в недоброежелательных тонах, считает, что служба у бояр унижает человека. Резко отрицательно отзываясь он о монашеской жизни: «Иде же браци и пирове, ту черньци и черницы и беззаконие: ангелский имея на себе образ, а бледной нрав, святительский имея на себе сан, а обычаем похабен». Выступая против бояр, Даниил презрительно относится и к холопам. Он старается подчеркнуть «честь и милость» службы князю, давая тем самым представление о вассальных отношениях.

«Моление», как и «Слово», привлекает внимание читателя художественной стройностью и выразительностью языка. Автор не только хорошо владеет книжным материалом, который обильно цитируется, но и связывает его с живым, бытовым языком.

Заключительные части «Слова» и «Моления» выражают тревогу за независимость Руси и в этом отношении перекликаются со «Словом о полку Игореве» и летописями.

Развитие письменной культуры XII — первой половины XIII в. свидетельствует о создании многих культурных центров, отражающих местные политические идеи, особенности языка, литературную манеру письма.

АРХИТЕКТУРА. ИСКУССТВО

В оформлявшихся новых феодальных центрах велось усиленное каменное строительство. Города как бы соперничали между собой, стараясь всеми средствами подчеркнуть силу, значение и могущество своих князей, своей земли. При этом архитектура XII—XIII вв. отличается от архитектуры предшествующего периода меньшей масштабностью зданий, поисками наиболее простых, но в то же время красивых форм, простотой внутренней отделки. Наиболее типичным становится кубический храм с позакомарным покрытием и массивной главой.

Общие черты в архитектуре сохраняются, но в разных частях Руси возникают местные особенности, которые получают устойчивый характер и определяют архитектурный облик многих городов в дальнейшем. В русских княжествах XII—XIII вв. своим особым характером выделяется архитектура Новгородской и Ростово-Суздальской земель.

Превращение Новгорода в вечевую республику и прекращение княжеского строительства вызвали в новгородской архитектуре стремление строить небольшие скромные храмы, предназначавшиеся для повседневных служб и общественных потребностей жителей прихода. Нередко церкви были складом товаров, местом хранения имущества горожан. В различных концах города на средства жителей строились кубические, как правило, четырехстолпные церкви. К ним относятся церковь Благовещения в Аркажах близ Новгорода (1179 г.), Петра и Павла на Синичьей горе (1185—1192 гг.), Параскевы Пятницы на Ярославовом Дворище (1207 г.) и др. Последние княжеские постройки возведены в XII в. вне города, на Городище или около него, и по своему архитектурному облику приближаются к городским храмам. Среди памятников этого периода выделяется церковь Спаса-Нередицы, построенная в 1198 г.

Церковь стояла напротив Городища на холме у реки, четко выделяясь среди окружающих ее деревянных построек. Небольшой по размеру крестово-купольный храм не отличался геометрической точностью линий и форм. Толстые стены грубой каменно-кирпичной кладки были кривы, плоскости неровны. Три апсиды, из них боковые низкие, замыкали храм по фасаду плоскими лопатками. Хорошо продуманные пропорции храма создавали в то же время впечатление архитектурной законченности здания.

Внутренние стены храма не имели лопаток, четыре квадратных столба поддерживали массивный барабан с узкими прорезами окон. В северо-западном и юго-западном углах на возвышении помещались небольшие приделы. Простая внутренняя композиция создавала простор и позволяла с любого места охватывать взглядом богатейшую фресковую роспись, покрывавшую почти целиком внутреннюю поверхность стен и барабана.

Несколько иной характер носит церковь Петра и Павла на Синичьей горе. В целом напоминая другие новгородские постройки, она имеет крестчатые столбы и внутренние мощные лопатки. Кладка стен резко отличается от общепринятой. Она сделана без камня, из одного кирпича, посаженного на раствор. Толщина стен, столбов и очень массивных внутренних лопаток создает впечатление стесненности, дробит храм на отдельные разобщенные части. Впрочем, исследования последнего времени установили, что утолщение внутренних лопаток и выступов крестчатых столбов было сделано позже.

Для основного типа новгородской архитектуры надолго определяющим стала простота композиции: четырехстолпный кубический храм с одним куполом и тремя апсидами, маленькие деревянные хоры.

Множество церквей, построенных в самом городе и на его окраинах, придавали Новгороду красивый, нарядный вид.

Многие каменные церковные сооружения создавались в землях, принадлежавших Новгороду. Особенно обстраиваются Псков и Старая Ладога.

Древнейшим памятником псковской архитектуры является дошедшая до нашего времени церковь Спаса в Мирожском монастыре. Она была построена новгородским

архиепископом Нифонтом в середине XII в. Ее композиция отличается от новгородских церквей отсутствием внутренних столбов. Угловые пониженные части собора с позакомарным покрытием, мощный барабан с шлемовидным куполом гармонировали с крепостными стенами монастыря. Внутренние стены собора, подобно многим другим постройкам, были покрыты живописью.

Невысокий, приземистый собор Ивановского монастыря (середина XII в.) — трехглавый. Свободная пластическая обработка напоминает Спас-Нередицу. Шесть внутренних столбов несколько скрадывают удлиненность здания. Массивный центральный барабан с широко поставленными окнами и две тонкие главы имеют шлемовидные купола. Наружные лопатки резко подчеркивают ширину крестово-купольного пространства.

Из большой группы памятников старолadoжской постройки сохранились только церковь Георгия и церковь Успения.

По своим архитектурным особенностям они очень близко примыкают к новгородским памятникам. Церковь Георгия по фасадам очень напоминает Спас-Нередицу. Здесь мы видим тот же квадратный план с четырьмя столбами, три апсиды, небольшие замкнутые приделы с деревянными переходами. Вход на хоры сделан в толще западной стены.

Аналогична композиция и церкви Успения.

Не менее широкий размах получило строительство в XII—XIII вв. в Ростово-Суздальской земле.

Ростов, Суздаль, Переяславль-Залесский, Юрьев-Польский, Дмитров, Владимир сохранили до нас своеобразие архитектурного строительства того времени. В условиях феодальной раздробленности города укреплялись мощными земляными валами и специальными деревянными сооружениями. Элементы каменного зодчества входили составной частью в облик города, определяли его вид. Но вполне вероятно, что в случае войны они могли использоваться и как крепостные сооружения. Построенные в середине XII в. церкви Георгия во Владимире и Юрьеве, Спаса в Переяславле, Бориса и Глеба в селе Кидекше под Суздалем носят именно такой характер.

На берегу реки Трубеж стоит Спасский собор Переяславля-Залесского. Небольшой четырехстолпный храм выглядит одной главой из-за вала. Гладкая поверхность белых стен расчленена по вертикалям лопатками с двойными уступами. По горизонтали, несколько выше середины, в стене имеется уступ. Стены собора не имеют характерного для позднейшей владими́ро-суздальской архитектуры аркатурного пояса. Нижний ярус стен лишен оконных проемов. Они располагаются лишь наверху, и их немного. Узкие оконные проемы растесаны в сторону фасада и подчеркивают толщину стен. Увенчаны стены позакомарным покрытием.

Четыре подкупольных столба, высокие хоры у западной стены оставляли свободным внутреннее пространство. Церковь имела фресковую роспись, к сожалению, не сохранившуюся. Хоры имели выход в верхней части стены. Вероятно, наружные деревянные переходы связывали храм с княжескими дворцовыми постройками.

Церкви во Владимире, Юрьеве, Кидекше были подобны Спасскому собору.

Церковь Бориса и Глеба в Кидекше в результате позднейших перестроек потеряла свой первоначальный вид. Как и Спасский собор Переяславля, она была построена за валом. В отличие от Спасского собора уже имеется аркатурный пояс.

Ростово-суздальские церкви середины XII в. строились из местного белого известняка, придававшего сооружению светлый, нарядный вид. Из тесаных камней выкладывали наружный и внутренний края стен, а середину заполняли каменным ломом и валунами, заливали известковым раствором. По своему характеру эта кладка была близка к постройкам Галицко-Волынской Руси. Некоторое сходство наблюдается и в планировке. Причины этого следует искать в том, что в строительном деле Ростово-Суздальской земли

принимали участие мастера «ото всех земель», и главным образом из Галицко-Волынской.

Большого расцвета архитектура Ростово-Суздальской земли достигла во второй половине XII — начале XIII в. Ростово-суздальские князья, проводя объединительную политику, стремились расширить и украсить столицу княжества — Владимир. Окруженный крепостными валами с каменными воротами, обильно застроенный каменными храмами, город, расположенный на высоком берегу Клязьмы, производил неизгладимое впечатление. Белокаменные ворота, сооруженные в 1164 г., были как бы центральным въездом в город. Внутри они были обшиты медными листами — «писаные золотом» и по аналогии с такого типа воротами владимирского и суздальского соборов получили название Золотых ворот. В противоположном, восточном конце города высились Серебряные ворота.

Сохранившиеся до нашего времени Золотые ворота дают представление о первоначальном их виде. Сложенный из тесаного белого камня куб в центре был прорезан высокой стройной аркой. Под большой аркой сделана арочная перемычка, на уровне которой в проезде ворот помещалась деревянная боевая площадка. Крытые сводчатые каменные лестницы вели на боевую площадку и верх башни, в центре которой находилась Ризположенская церковь, своим архитектурным обликом напоминающая обычные однокупольные храмы Ростово-Суздальской земли. Церковь служила наблюдательным, сторожевым постом для города. Смыкаясь непосредственно с валами, ворота служили и для торжественных въездов и выездов и использовались как оборонительное сооружение.

В южной части города, на территории Детинца, и поныне возвышаются два наиболее ценных памятника Владимира — Успенский и Дмитриевский соборы.

Постройка Успенского собора относится к 1158—1161 гг. Для него выбрана была самая лучшая точка городского рельефа. Он господствует над окружающей местностью. С собора открывается вид на далекие окрестности. Собор замышлялся не только как главный храм владимирской епископии, но и как символ владимирской независимости — центр всей церковной жизни русских земель. Летопись с гордостью подчеркивает, что для построения этого собора «бог привел мастеров из всех земель».

Обширный и величественный собор создавался постепенно. После пожара 1185 г., когда выгорели деревянные части и обгорел известняк стен, собор был перестроен. Первоначально одноглавый, шестистолпный, богато декорированный резным камнем, он был обнесен дополнительными стенами — галереями, соединенными со старым собором арками. Закомары старого собора и новой пристройки образовали двухрядную оригинальную композицию перекрытия. Пять золоченых глав собора взметнулись ввысь и дали ему прекрасное завершение.

Наружная и внутренняя отделка собора поражала современников своей роскошью. Тонкие и изящные столбы внутри создавали впечатление большой высоты и широкого пространства. Богатый аркатурно-колончатый пояс покрывал фасад собора. Сами фасады благодаря членению пилястрами казались шире и наряднее. Сравнительно узкие в глубине, окна благодаря растесанным фасадным проемам выглядели гораздо больше. Между колоннами поясного украшения помещены фресковые изображения святых. Фрески в сочетании с позолотой аркатурного пояса рельефно выделялись на белом камне стен.

Внутреннее убранство храма соответствовало его внешнему оформлению. Ткани, золото, драгоценные камни и живопись должны были свидетельствовать о мощи и богатстве владимирских князей. Центральное место среди этой роскоши занимала знаменитая икона Владимирской Богоматери, вывезенная Андреем Боголюбским из Киевской земли. Восторгаясь великолепием церкви, современник, княжеский священник Микула, отмечал, что Успенский собор был очень красивым, внутри его было много изделий из золота и серебра, драгоценных камней, жемчуга. «Так что церковь Богородицы была так же удивительно красива, как храм Соломона», — восклицал он.

Недаром собор во Владимире рассматривался в качестве образца при постройке московского Успенского собора.

Не менее великолепен был Дмитриевский собор (1194 — 1197 гг.). Созданный в годы могущества Ростово-Суздальской земли, он вместе с сооружениями княжеского двора составлял чрезвычайно красивый и неповторимый ансамбль. Уступая по размерам Успенскому собору, он был построен по примеру обычных четырехстолпных одноглавых храмов и играл роль княжеской дворцовой церкви. Напоминая основными пропорциями Спасский собор Переяславля-Залесского, Дмитриевский собор выделялся исключительным богатством отделки. Красивые, стройные пилястры делят стены собора на три широкие части, завершающиеся полукружием закомар. Узкие и высокие окна с уступчато обработанными амбразурами хорошо гармонируют с пилястрами и закомарами. По горизонтали собор делится на три яруса. Нижний ярус, почти лишенный украшений, в западной части прорезан богато обработанным порталом. Цепочка арок портала создает впечатление глубины и объемности.

Средний ярус представляет декорированный пояс из колонок, так называемый «аркатурный пояс», чрезвычайно характерный для владими́ро-суздальского зодчества. Между колонками богатая каменная резьба.

Верхний ярус между пилястрами, закомарами с оконными проемами также заполнен резными камнями. Каменная резьба уходит еще выше, ее можно видеть даже на барабане главы.

Резчики по камню проявили подлинное художественное мастерство. Композиция аркатурного пояса подчеркивается гладкой поверхностью нижней части храма. Колонки как бы нависают над стеной, создавая впечатление изящества и легкости каменного узора. Фигуры святых и камни со стилизованным растительным и животным орнаментом, поставленные между колоннами (за исключением восточного фасада, где они заменены орнаментальным рельефом), дополняют впечатление узорочности аркатурного пояса.

В центральных закомарах фасадов, над окном, трижды помещены прекрасно вырезанные из камня фигурки библейского царя Давида. Вокруг и ниже, по всему свободному пространству верхнего яруса, расположена четко продуманная композиция из рядов растительного и животного орнамента. Этот орнамент не связан с религиозными сюжетами и, видимо, в значительной степени отражает вкусы феодальной знати, носит светский характер. Изображения зверей, птиц, растений, фантастических чудовищ, заполнявшие в это время книжную иллюстрацию, оказывали влияние и на прикладное искусство.

В скульптурной резьбе Дмитриевского собора нашли отражение отвлеченные сюжеты, библейские предания, реальные события и люди. В одной из закомар мастера изобразили Всеволода III в окружении сыновей. Среди фигурок святых можно найти канонические изображения Бориса и Глеба. На закомаре помещена и сценка, заимствованная художником из повести «Александрия», — вознесение Александра Македонского. Он изображен сидящим в корзине, которую несут фантастические грифоны. Эта сцена призвана была прославить княжескую власть.

В манере резьбы по камню у мастеров Ростово-Суздальской земли заметны два направления. Одно из них как бы копирует технику резьбы по дереву и стремится дать плоский рельеф орнаментального характера, второе больше учитывает пластические возможности камня. В резьбе Дмитриевского собора господствует первое направление, чем и объясняется значительная узорочность каменного декора.

О внутреннем убранстве храма в XII—XIII вв. судить трудно. Остатки фресковой росписи позволяют предполагать, что здесь работали греческие и русские мастера. Во внутреннем украшении собора обильно применялся белый резной и плоский камень.

С культом Богородицы связана постройка целого ряда церквей. Среди них шедевр мировой архитектуры — церковь Покрова на реке Нерль под Боголюбском (1165 г.). Построенная в традициях четырехстолпного храма, церковь поражает исключительной

стройностью, легкостью и устремленностью вверх. Строителям удалось найти совершенные пропорции, органически вошедшие в ландшафт. Расположенный на холме у озера, храм словно вырастает из земли, отражаясь в глади воды. Строгие пилястры и небольшой аркатурный пояс, рельефные изображения библейского царя Давида на центральных закомарах, фигуры птиц, львов, грифонов, игра светотени на поверхности стен создают впечатление сказочной красоты.

Ко времени строительства Покрова на Нерли относится сооружение комплекса в Боголюбове, бывшего резиденцией князя Андрея. Расположенный на высоком берегу Клязьмы, замок представлял собой укрепленный городок с валами, деревянными и каменными постройками. Собор был связан деревянными переходами с каменным двухэтажным дворцом. Богатое убранство, каменные рельефы, скульптура, лестничные башни, крепостные стены, вышки теремов составляли единый ансамбль. Дошедшие до нас остатки сооружений позволяют сделать вывод о большом искусстве мастеров Владимиро-Суздальской земли.

С начала XIII в. центр строительного дела из Владимира перемещается в Ростов, Суздаль, Ярославль, Юрьев-Польский и другие города земли. Княжество дробится между наследниками, заботящимися о своих уделах. Основные традиции и приемы, выработанные мастерами владимирской школы, продолжают развиваться в Суздале, Юрьеве-Польском, Нижнем Новгороде. Здесь совершенствуют приемы обработки белого камня, создают богатые резные убранства. В Ростове и Ярославле основное внимание стали уделять кирпичному строительству, сохраняя белый камень лишь как декоративный материал.

В Суздальском соборе Рождества Богородицы (1222—1225 гг.), построенном из белого тесаного камня, мы видим характерный для владимиро-суздальского зодчества аркатурный пояс и фрагменты каменной резьбы. Отличительной особенностью храма были просторные хоры у западной стены. Они предназначались для горожан, на средства которых был воздвигнут храм. Собор украшала фресковая живопись с элементами растительного орнамента.

Достопримечательностью собора были так называемые «Корсунские врата» — образец ювелирного мастерства суздальцев XII в.

Георгиевский собор Юрьева-Польского (1230—1234 гг.) не сохранился в первоначальном виде. После катастрофы, постигшей собор в XV в., когда обрушились верхние части стен, своды, барабан, собор был частично заново сложен в 1471 г. московским зодчим Василием Ермолиным. И хотя собор делали «как прежде», сохранить утраченную форму собора и сложить резной белокаменный орнамент не смогли. Блоки белого камня были частично утрачены, перепутаны. Современный вид собора производит впечатление массивности, тяжеловесности. В древности же собор был выше, изящнее. Сохранившиеся неразрушенные части стен, тщательное изучение орнамента позволили реконструировать первоначальный облик собора и характер украшений. Все стены, лопатки, колонны собора были покрыты ковровым рисунком. Религиозные сюжеты и изображения святых тесно переплетались с орнаментальной резьбой. Стилизованный растительный орнамент и фантастические чудовища невольно напоминают фольклорные мотивы.

Георгиевский собор является последним из известных памятников ростово-суздальского зодчества.

Южнорусская архитектура XII—XIII вв. представлена значительно хуже. Но сохранившиеся памятники, а также археологические раскопки говорят о распространении здесь небольшого четырехстолпного храма. К такого типа постройке относится Трехсвятительная церковь в Киеве (1183 г.) и другие церкви.

Так же как и на севере, в южнорусских землях продолжают поиски новых форм храмов. На рубеже XII—XIII вв. новые элементы в архитектуре стали проявляться у строителей Чернигова. В замкнутый куб здания вводятся ступенчато вздымающиеся усту-

пы. Верхняя часть храма представляет своеобразное сочетание двух ярусов закомар с декоративными кокошниками у основания барабана. Такой характер имела черниговская церковь Параскевы Пятницы, а также Спасский собор полоцкого Евф-росиньева монастыря (середина XII в.), построенный местным зодчим Иоаном.

Хуже сохранились памятники Галицко-Волынской земли. 30 каменных построек Галича XII—XIII вв. известны лишь по археологическим данным. Успенский собор 1160 г. во Владимире-Волынском сильно перестроен: от XII в. до нас дошел лишь древний план собора и характерная кладка части стены. На севере Волынской земли, в Гродно, сохранилась часть церкви Бориса и Глеба XII в., а также отдельные элементы каменной крепости.

Каменное строительство в других княжествах было менее развито.

Архитектура XII — первой половины XIII в. сохраняет известные черты общности: храмы имеют крестово-купольную основу, апсиды, мощные барабаны, купола. Вместе с тем складываются и местные особенности стиля.

Новгородские постройки отличаются строгими пропорциями, простотой, они лишены всяких украшений.

Ростово-суздальская школа, наоборот, характеризуется изумительной декоративной выразительностью.

В памятниках Чернигова, Полоцка заметно стремление переработать крестово-купольную систему, найти башеннообразное решение верхней части храмов.

Общие и характерные местные черты выявляются и в живописи XII—XIII вв. Она по-прежнему больше всего связана с монументальной росписью соборов.

Меньше всего памятники монументальной живописи сохранились в южнорусских городах. Часть фресок сохранилась в церкви Спаса на Берестове под Киевом, в Михайловской церкви Выду-бицкого монастыря, в Кирилловском монастыре. Фрески Кирилловского монастыря отличаются сложностью иконографического состава (изображения Богоматери-Оранты, святительский чин, евангельские сцены, святые) и наличием ряда черт, сближающих их с южнославянскими памятниками. Последнее выражается в обилии изображении болгарских и солунских святых, украшении стен медальонами в рамках с петлями, что характерно для южных славян.

Значительно лучше сохранились фрески в Новгороде. Следуя во многом традициям и приемам фресковой росписи киевского периода, художники постепенно обретают новый стиль, которому свойственна широкая свободная манера письма, сочетание сочности с остротой линейных характеристик, контраст колорита. По сравнению с предшествующим периодом в живописи меньше торжественности, но больше движения, даже экспрессии, что заметно в некоторых памятниках. Эта манера письма проявляется уже в живописи Рождественского собора Антониева монастыря (1125 г.) в Новгороде, линейное начало еще больше усиливается в росписях Георгиевской церкви в Старой Ладоге, покрытой фресками вскоре после ее постройки в 1165 г. Художники расположили фрески пятью поясами. Три основных пояса, включавших евангельские сцены и фигуры пророков в рост, дополнялись двумя малыми поясами с полуфигурами святых, обрамленных богатым орнаментом. Стройность и упорядоченность системы фресок при расчлененности плоскостей делали интерьер изящным по пропорциям и не перегруженным живописью. Одна из композиций фресок храма — «Чудо Георгия о змие», где Георгий изображен как триумфатор, подъезжающий на коне к городу, жители которого с крепостных стен взирают на своего избавителя. Художник дает образ Георгия спокойным и величавым, силуэты всадника и коня выписаны тщательно. Графический стиль исполнения несколько смягчен объемной раскраской.

Наиболее ярким образцом новгородской фрески являются росписи церкви Спаса-Нередицы. Росписи выполнялись по заказу князя Ярослава Владимировича, строившего эту церковь как княжеский храм. Все ее сравнительно небольшое пространство внутри было сверху донизу сплошным ковром записано фресками. Перекликаясь стилистически с

фресками церкви Георгия в Старой Ладогe, росписи Нередицы имеют и свои особенности. Они отличаются живописностью, сделаны в смелой размашистой энергичной манере, порою с некоторой небрежностью. Большинство фигур поставлены фронтально, в застывших позах. Там, где передается движение, есть ощущение тяжелой поступи. Композиция фресок распадается на отдельные замкнутые части. Компоновка фресок очень свободна, без соблюдения симметрии, многофигурные сцены перемежаются с единичными изображениями, медальоны вклиниваются в поля фризов, прямоугольники с отдельными сценами нестандартны.

В купольной части помещалась сцена Вознесения, в барабанах, по традиции, — пророки, а ниже, на арках — погрудные фигуры мучеников. Фигуры святых, сцены по евангельским и библейским сюжетам были выдержаны в красно-коричневых, белых, желтых, зеленых, синевато-голубых тонах. Контурные рисунки резко очерчены. Художники дали изображения и некоторых реальных лиц. Одна из фресок запечатлела князя Ярослава Владимировича с моделью храма перед Христом. Здесь, возможно, художник пытался передать при определенной схематичности и условности индивидуальные черты, присущие Ярославу Владимировичу.

Большинство фресок Спаса-Нередицы погибло во время Великой Отечественной войны, когда собор был разрушен фашистской артиллерией.

Фресковая живопись имела и в соборах Ростово-Суздальской земли. Большинство росписей до нашего времени не дошло. Лишь по небольшим фрагментам можно заключить, что владимирский Успенский собор имел фасадную роспись. В его аркатурном поясе сохранились изображения святых. Расписан был и Спасский собор Переяславля-Залесского, остатки его росписей были уничтожены в конце XIX в.

Несколько большее количество сохранившихся фресок в Дмитриевском соборе Владимира. Для фресок этого собора характерна связь с внешним орнаментальным декоративным оформлением, а также стремление придать изображениям индивидуальные черты.

Сохранившиеся единичные памятники домонгольской Руси еще не дают достаточных возможностей для выделения иконописных школ, которые характерны для последующих периодов. Можно лишь относить те или иные иконы, и то предположительно, к отдельным частям Руси. Среди этих икон выделяются две иконы с изображением святого Георгия, связанные с Георгиевским собором новгородского Юрьева монастыря. В обеих иконах Георгий изображен в облике воина, в боевых доспехах, что типично для домонгольской Руси. Одна из этих икон, возможно первой половины XII в., больших размеров. Георгий с княжеским венцом изображен во весь рост в спокойной недвижимой позе, олицетворяющей его уверенность и мощь. Правой рукой он держит перед грудью копье, левой сжимает меч, как символы готовности к бою. Другая икона, написанная позже, — поясной «Георгий» отличается одухотворенностью и аристократическим изяществом, подчеркнутым алым плащом и коричневыми пластинками лат.

К новгородским иконам относится изображение архангела Михаила (XII в.), известное под названием «Ангел Златые власы». Небольшая по размерам икона привлекает внимание лиризмом образа и светлостью колорита.

Тема «деисуса» — моления, прошения — нашла отражение в двух иконах конца XII — начала XIII в. из Владимиро-Суздальской земли. В композициях такого рода отражалась идея моления, заступничества святых за род человеческий. Имея в центре изображение Спаса-Вседержителя (Христа), обращенные к нему боковые фигуры могли быть: богородица и Иоанн Предтеча, архангелы Михаил и Гавриил, апостолы Петр и Павел и другие святые. Деисусные изображения делятся на оглавные (т. е. с изображением одних голов), оплечные, поясные и в полный рост. Сохранившийся от XII в. «Архангельский деисус» представляет собой образ Христа, помещенный между двумя архангелами — Михаилом и Гавриилом, склонившими к нему головы. Четкий строгий

рисунок в сочетании со сдержанной красочной гаммой придает иконе большую выразительность. Вторая икона «Деисус: богородица, Спас, Иоанн Предтеча» — оплечная. Исследователи этой иконы обращают внимание на близость пропорций лица богородицы к очертаниям его на иконе «Боголюбская Богородица», что может быть истолковано в пользу владими́ро-суздальского ее происхождения.

Выдающимся памятником древнерусской живописи является икона Дмитрия Солунского. Икона принадлежала нижней церкви Дмитрия Солунского Успенского собора Дмитрова. Возможно, она была патрональной иконой князя Всеволода Большое Гнездо (в крещении — Дмитрий), о чем свидетельствует родовый знак, помещенный на спинке трона.

Дмитрий изображен в виде «Архонта» — правителя Солуни, византийской провинции, сидящего на троне. Дорогие одежды, венец, полуобнаженный меч в руках Дмитрия написаны красочно и живо. Горделивая стройность, спокойствие холодного и умного взгляда, мужественная красота образа придают ему черты индивидуальности. Некоторые особенности иконы, связанные с трактовкой лица, объемность, монументальность, парадность фигуры свидетельствуют о связи иконы с киевской художественной традицией.

Сила и напряженность внутреннего образа лаконично и выразительно переданы в иконе «Спас нерукотворный» (середина XII в.). Сочетание оливковых и желтых тонов, легкий переход от света к тени, темные большие округлые глаза, смотрящие вбок, тонко очерченные высокие дуги бровей, притененные киноарные линии губ, век, носа, черно-коричневые волосы, прочерченные золотом, золотисто-охряные нимб, фон и поля создают суровый и величественный образ Христа. На обороте этой иконы, возможно рукой другого мастера, написан другой сюжет — «Прославление креста».

Памятником большого художественного значения является икона, известная под именем «Богородица Великая Панагия», иногда называемая Орантой. Богородица изображена в виде молодой женщины, стоящей во весь рост на овальном орнаментованном красном ковре и поднявшей руки с раскрытыми маленькими ладонями до уровня плеч. На груди у богородицы — золотой диск с поясным Эммануилом (Христом). Строгая фронтальность до пояса в сочетании с круглящимися полами одежды придает фигуре своеобразную статуарность. Художник хорошо использует возможности цвета. Плотные краски темно-зеленой туники и красновато-коричневого мафория покрыты широкими золотыми полосами, обрисовывающими складки. Киноварь ковра перекликается с золотом, киноарными, коричневыми, темно-зелеными и белыми тонами одежд Христа и архангелов, изображенных в белых кольцах в верхних углах иконы. Эта икона была найдена в 1919 г. в кладовой ярославского Спасского монастыря. Датировка ее и место создания вызывают определенные трудности. Одни полагают, что она возникла в XIII в. во Владимиро-Суздальской земле, другие считают, что икона около 1114 г. была написана в Киеве, а затем, при Владимире Мономахе, перевезена в Ростов Великий, откуда после упразднения ростовской митрополии попала в Спасский монастырь в Ярославль.

В отличие от большинства других икон этого времени икона «Успенье» (конец XII — начало XIII в.) из церкви Успенья Десятинного монастыря близ Новгорода — многофигурная. Здесь и двенадцать апостолов, и три епископа-святителя, стоящие у ложа богородицы и оплакивающие ее кончину, вверху слева и справа те же апостолы стоя в рост несутся в раковинообразных облаках. Фигуры Христа, ангелов, архангелов четко выделяются на золотом фоне иконы. Художник тонко использует разбеленные, светлые голубые, розоватые, желтые тона и различные оттенки коричневого цвета.

Большие изменения происходят в XII—XIII вв. в книжном орнаменте и миниатюре. Еще в XI в. в украшениях появляются народно-фантастические элементы. С XII в. новый так называемый «чудовищный» или «тератологический» (от греческого слова, означающего чудовище) орнамент широко распространяется в русских книгах. Заставки и инициалы их составляются из сложных узоров, где переплетаются фантастические звери,

птицы, люди, ремни, ветви. Иногда за рисунком почти невозможно разобрать остов буквы.

«Чудовищный» стиль появляется и в каменной резьбе и в фресках, но здесь он был менее вычурным.

«Чудовищный» стиль орнамента нашел свое отражение в Юрьевском евангелии, сделанном в 1120—1128 гг. для новгородского Юрьева монастыря. Птицы, звери, плетения обильно украшают рукописные листы. Реальные и фантастические животные красиво оформляют инициалы.

Интересно, что орнаментовка евангелия перекликается с ювелирными изделиями этого времени.

Рисунки миниатюристов XII—XIII вв. на пергамене передают сюжеты, заимствованные из фресковых росписей. В частности, в евангелии попа Домки начала XIII в. изображение Иоанна Богослова напоминает, если не копирует, фреску Спаса-Нередицы. Золото, цветовая передача жемчуга и драгоценных камней в фронтальных, плоскостных изображениях напоминают монументальный стиль мозаики и манеру иконописи.

В прикладном искусстве XII—XIII вв. старые языческие символы уступают место изображениям святых. Усиливается стремление к прекрасному. Большую узорчатость получают женские украшения, например височные кольца. Обильный плетеный орнамент покрывает изделия из кости. Бронзовая арка из Вщижского городка XII в. украшена фантастическими птицами и плетеным орнаментом.

Черты местных стилей отчетливо проявляются в украшениях. Галицкие мастера применяют мелкий рисунок, заполняющий всю плоскость украшения, киевские эмали даются отдельными пятнами по золотому фону. Рязанские мастера начала XIII в. достигли большого успеха в эмальерном деле. Сочные цветные изображения святых в сочетании с орнаментированными стилизованными цветами, тончайшей сканью и цветными камнями характеризуют вещи клада из Старой Рязани. Сохранилось богатое золотое оплечье XIII в. работы волынских мастеров. Девять круглых золотых медальонов с изображениями церковного чина вставлены в плоскую овальную пластину. Хорошие, мягкие тона эмали эффектно выделяются на золотом фоне.

Стилизованные изображения животных, птиц, переплетения ремней и веток находим мы на широких пластинчатых браслетах XII—XIII вв. Изображения людей на отдельных браслетах напоминают книжные миниатюры.

Изумительных успехов добились мастера золотого дела. Работы ремесленников Киева, Новгорода, Суздаля, Старой Рязани сбидетельствуют о тонком художественном вкусе, уверенной руке, хорошем понимании свойств материала.

В 1222—1223 гг. суздальские мастера сделали западные и южные врата Суздальского собора. Огромные створы врат были обшиты медными листами, обработанными своеобразной и сложной техникой золотой Наводки по зеленовато-черному фону меди. Золотой рисунок как бы пробивался на поверхность фона, создавая четкий контур изображения. Каждое клеймо было отделено от другого полукруглыми валиками, что создавало впечатление иконостаса. Западные врата заполнены изображениями по мотивам христианских праздников, событиями ветхозаветной истории и деяниями архангела Михаила, патрона суздальского князя. Львиные маски в центральной части врат держат в пасти массивные кольца-ручки.

Орнаментовка, наведенная золотом на медных листах, видна и на Лихачевских воротах из Новгорода. Они меньше по размеру, но очень близки по технике исполнения к суздальским. Центральную композицию рисунка здесь составляют изображения четырех евангелистов.

Интересным образцом прикладного искусства являются русские печати. Они известны еще с XI в., но рисунок этих больших, грубоватых печатей еще очень нечеток.

Печати XII—XIII вв. дают образцы тонкой, изощренной работы резчика. Художники проявляют хорошее чувство пропорции, четко выделяют детали одежды,

надписи. Образцом хорошей пластической работы может служить золотой амулет-змеевик Владимира Мономаха. Женская голова, терзаемая змеями, с одной стороны амулета и фигура архангела Михаила с другой окружены двойным декоративным пояском с буквенными заклинаниями и каймой из листьев. Многочисленные каменные иконки XII—XIII вв. носят самый различный характер. Здесь и грубые, очень нечеткие изображения, и поражающие тщательностью прорисовки сложные, многофигурные композиции.

ГЛАВА III

РУССКАЯ КУЛЬТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII – XV ВВ.

В середине XIII в. на русские земли обрушились монголо-татарские полчища. Еще в 1223 г. они нанесли жестокое поражение дружинам южнорусских князей на реке Калке, а в конце 1237 г. несметные орды хана Батыя начали свое опустошительное движение по русским землям.

События 1237 — 1240 гг. были едва ли не самыми трагическими в многовековой истории русского народа. Скупые сообщения летописей об ужасах монголо-татарского нашествия пополнились теперь материалами археологических раскопок. Следы пожаров, останки людей, погибших в уличных боях и задавленных под обломками рухнувших зданий, массовые погребения многочисленных жертв в Старой Рязани, Киеве и других городах безмолвно свидетельствуют о страшной катастрофе, разразившейся над русскими землями. Погибли города, и вместе с ними были уничтожены ценнейшие произведения богатой и яркой древнерусской культуры. Многие десятки тысяч людей пали в борьбе с врагами, а из тех, кто остался в живых, многие были истреблены завоевателями или уведены в плен. Остатки населения разбежались по лесам, и долго еще после вторжения пустовали недавно многолюдные города и целые области. Только Новгородско-Псковская и Западнорусские земли не подверглись разорению.

С 50-х гг. XIII в. над Русью установилось владычество Золотой орды. Монголо-татарские чиновники составили «число», переписав население страны и обложив его тяжелой данью в пользу завоевателей. На Руси появились баскаки, собиравшие эту дань и чинившие насилия над населением. Русские князья были поставлены в зависимость от ханов и были вынуждены ездить на поклон в далекие ханские столицы, где произвол завоевателя решал, вернется ли князь с ханским пожалованием и ярлыком на княжение или погибнет, обвиненный соперниками в тяжких преступлениях перед могущественными властителями. Нередко на Русь либо для поддержки одного князя против другого, либо для подавления сопротивления игу отправлялись новые монголо-татарские полчища, и опять пылала в пожарах Русская земля, гибли люди, уничтожались здания, фрески, книги.

Двести пятьдесят лет тяготело над Русью тяжкое монголо-татарское иго, и ещё долго после его свержения Россия вела тяжелую борьбу с набегами казанских, астраханских, крымских ханов, поддерживаемых султанской Турцией. Нашествия сильных своей многочисленностью и военной организацией завоевателей с Востока, изнурительная борьба с ними на протяжении почти половины тысячелетия — всего русского средневековья — оставили тяжелый след в истории России. Тяжелое положение разоренной, оказавшейся под жестоким игом Руси второй половины XIII столетия хорошо передают слова современников, воспринявших внезапное вторжение страшного и многочисленного врага как космическую катастрофу. В понятиях господствовавшего тогда религиозного мировоззрения древнерусские публицисты сравнивали Батыя с библейским Навуходоносором, подчеркивая гибельность вторжения не только для Руси, но и для всего христианства. Горькими словами характеризовал тяжкое положение русских земель знаменитый проповедник и писатель XIII в. Серапион Владимирский: «Множайша же братия и чада наша в плен ведени быша, села наши лядиною поростоша, и величество наше смерися, красота наша погыбе, богатство наше онем в корысть бысть,

труд наш поганый наследоваща, земля наша иноплеменником в достояние бысть... Несть казни, кая бы не преминала нас, и ныне беспрестани казнимы есмы»²⁰.

Монголо-татарское иго нанесло огромный урон производительным силам страны. Особенно тяжелый ущерб был причинен русским городам, очагам средневековой культуры. Истребление и увод массы городских ремесленников подорвали самую основу развития городской экономики — ремесло, которое в средние века покоилось на ручной технике и было сопряжено с многолетней выработкой соответствующих навыков профессионального мастерства. Исследователь древнерусского ремесла Б. А. Рыбаков пришел к выводам о том, что «по целому ряду производств мы можем проследить падение или даже полное забвение сложной техники, огрубление и опрощение ремесленной промышленности во второй половине XIII в. После монгольского завоевания исчез ряд технических приемов, знакомых Киевской Руси; в археологическом инвентаре исчезло много предметов, обычных для предшествующей эпохи»²¹. Исчезли шиферные пряслица и сердоликовые бусы, стеклянные браслеты и амфоры-корчаги. Навсегда утратилось искусство тончайшей перегородчатой эмали. Пропала полихромная строительная керамика, полтора столетия не было филигранный и тиснения металла.

Губительные последствия иноземного вторжения сказались не только в отношении техники ремесленного производства, но и его экономики. Б. А. Рыбаков установил, что «зарождавшаяся в XII—XIII вв. связь города с деревней, широкая торговля некоторых крупных городов с далекой периферией, а следовательно, и организация массового производства в городах — все это было уничтожено татарами почти повсеместно» и что «начавшийся в XII в. одновременно на Западе и на Востоке Европы процесс роста городов и выхода городского ремесла на более широкий рынок со времени монгольского завоевания продолжается только на Западе (Венеция, Флоренция, Генуя, французские и прирейнские города) и совершенно прекращается в Киевской Руси»²². Если прибавить к этому вызванный монголо-татарским господством отрыв большинства русских городов от мировых торговых путей (как раз в ту эпоху, когда в страны Западной Европы хлынул поток золота и драгоценностей из вновь открытых заморских земель), систематическое ограбление возрождавшихся русских городов для уплаты тяжелой дани в Орду, быстрый рост феодального землевладения и усиление феодального строя в целом в XIV—XV вв., то станет ясной причина заметного ослабления русских городов в XIII—XV вв. по сравнению с городами некоторых стран Западной Европы. А ослабление городов таило в себе крайне отрицательный фактор для дальнейшего развития Руси: в этих условиях сильно задержалось формирование буржуазных элементов. Россия надолго осталась феодальной страной, в то время как в некоторых странах Западной Европы уже появлялись ростки буржуазных отношений. Господство феодально-крепостнического строя обусловило все более развивавшееся отставание России, хотя домонгольская Русь развивалась на уровне передовых стран тогдашней Европы.

Подрыв материальной основы развития русской культуры и затруднение ее связей с западноевропейской культурой привели к ослаблению культурного развития конца XIII—XIV в. Это сказилось прежде всего в русской литературе того времени. Погибло огромное количество памятников письменности. Летопись указывает лишь на некоторые случаи гибели книжных богатств, но по ним можно представить, как тяжело пострадала русская письменность. В 1382 г., когда москвичи отбивали внезапное нападение Тохтамыша, горожане и жители окрестных деревень снесли свои книги в каменные церкви для сохранения от огня, и этих книг было так много, что они заполнили

²⁰ «Многие братья и дети наши уведены в плен, села наши заросли молодым лесом, померкло наше величие, погибла наша красота, богатство наше досталось другим, дело нашего труда досталось поганым, а земля наша стала достоянием иноплеменных... Нет такой казни, которая миновала бы нас, и ныне мы непрестанно казнимы».

²¹ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 534.

²² Там же, с. 535.

внутренние помещения кремлевских храмов доверху. Все это богатство погибло, когда Тохтамышу удалось путем вероломства ворваться в город. В Древней Руси очень любили и ценили книги, и недаром летописец XII в. назвал книги «реками, напоющими вселенную». Не случайно многие из сохранившихся памятников древнерусской литературы дошли до нас через Новгород, не подвергшийся разгрому. Находка в конце XVIII в. единственного списка «Слова о полку Игореве» наглядно свидетельствует о том, какие шедевры древнерусской литературы могли безвозвратно исчезнуть во время вторжений монголо-татар и насколько вследствие этого, вероятно, обеднены наши представления о древнерусской культуре домонгольского времени.

Ущерб, нанесенный литературе вторжением, не ограничивался только уничтожением памятников письменности. Изменился и самый характер литературных произведений. На время пришло в упадок летописание, которое, по словам Д. С. Лихачева, сказало «прежде всего в полном прекращении летописной работы в целом ряде городов, либо целиком стертых с лица земли, как Старая Рязань, либо опустошенных и культурно обескровленных, как Владимир, Чернигов, Киев. Но и в тех центрах летописной работы, которые подверглись меньшему разорению, летописание все же сужается, бледнеет, становится немногословным, лишается тех выдающихся политических идей и того широкого общерусского горизонта, которыми обладали русские летописи в XI и XII вв.»²³. И лишь после Куликовской битвы наступил подъем летописания и литературы на Руси.

Тяжело пострадало от нашествия русское зодчество, достигшее столь изумительного совершенства и великолепия в домонгольское время. На полвека вообще прекратилось каменное строительство из-за отсутствия материальных средств и мастеров-строителей. Возобновленное в конце XIII в., каменное зодчество теперь утратило многие технико-строительные приемы. Московские мастера XIV—XV вв. вернулись к кладке стен из одного тесаного камня, хотя в первой половине XIII в. владими́ро-суздальские зодчие уже умели сочетать камень и кирпич, плотный известняк и известняковый туф. Исчезло замечательное искусство белокаменной резьбы, делавшее столь нарядными постройки предшествующего периода. Упадок пережили и живопись, и прикладное искусство.

Но, нанеся огромный ущерб русской культуре, монголо-татарские завоеватели не могли ее уничтожить. Русский народ, преодолев невероятные трудности, постепенно восстановил разрушенные города, создал условия для свержения чужеземного ига и вместе с тем для восстановления и подъема культуры. Вопреки мнению некоторых буржуазных исследователей, донине живущему в зарубежной литературе, монголо-татары не оказали, да и не смогли оказывать сколько-нибудь существенного влияния на самый характер русской культуры, стоявшей намного выше культуры завоевателей. Правда, в русский язык проникли отдельные слова, принесенные монголо-татарами (например, «базар», «башмак», «башня», «кафтан», «армяк», «тюфяк», «тархан», «сундук», «чердак», «колпак», «кушак» и др.). Заметно также некоторое воздействие восточной культуры в произведениях русской материальной культуры. Но при всем этом совершенно очевидно, что русская культура развивалась на внутренней основе и монголо-татары задержали это развитие.

Можно наметить несколько этапов историко-культурного процесса на Руси от второй половины XIII до конца XV в., соответствующих этапам общеисторического развития.

Первый этап (от монголо-татарского вторжения — приблизительно до середины XIV столетия) характеризуется заметным упадком различных сфер материальной и духовной культуры; но вместе с тем уже в конце XIII столетия наблюдаются первые признаки начинающегося возрождения. В Твери, Новгороде, потом в Москве

²³ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, с. 280—281.

возобновляется каменное зодчество, появляются новые центры летописания (Москва, Тверь). Вообще география культурных центров меняется, прежние очаги культуры: Владимир, Суздаль, Ростов — отходят на задний план. Это связано с изменением соотношений политических сил на Руси, а также с разгромом городов монголо-татарами. Внешние связи русской культуры в этот период оказываются почти полностью прерванными. Только Новгород и Псков сохраняют общение со странами Запада. Этим двум городам принадлежит особое место в истории русской культуры XIII—XV вв. Уцелевшие от монголо-татарского погрома и установившие политический строй феодальной республики они достигли в этот период расцвета экономики и культуры; здесь сохранялись и продолжались традиции древнерусской письменности, зодчества, живописи; культура приобрела заметные демократические черты. Новгород и Псков были крупнейшими центрами европейской культуры своего времени, об этом убедительно свидетельствуют результаты работ советских археологов в последние десятилетия.

Второй этап (примерно с середины XIV до середины XV столетия) — это хозяйственный подъем Руси, укрепление местных государственных образований, подъем Москвы; Твери, Новгорода, Нижнего Новгорода, Рязани как крупных и сильных экономических и политических центров. Куликовская битва знаменует важный этап на пути освобождения страны от ига иноземных захватчиков и объединения ее под властью Москвы.

Столь крупные и непохожие друг на друга Андрей Рублев и Феофан Грек, возвеличивающее тверских князей «Слово похвальное инока Фомы», летописная повесть о князе Михаиле Ярославиче и противостоящее им московское летописание, настойчиво проводящее идею богоизбранности Москвы и прав потомков Калиты на политическое главенство в русских землях, расцвет своеобразного новгородского и псковского зодчества — все эти и многие другие явления русской культуры отчетливо свидетельствуют о ее несомненном подъеме и о сильных местных особенностях, а также о сознании единства Русской земли и в историческом и в современном аспектах. И дело не только в том, что Киевскую Русь повсюду почитают своей предшественницей, но и в том, что по всей Русской земле расходится знаменитая «Задонщина» и с ней целый цикл сказаний о Мамаевом побоище, проникнутых идеей единства всех русских людей в борьбе с ненавистным врагом.

В этот период начинает ломаться замкнутость русской культуры, устанавливаются связи с болгарской и сербской культурами. Подвергаясь южнославянскому влиянию, русская литература, однако, сохраняет в полной мере свой национальный характер и заметно обогащается за счет этого влияния и в художественном и отчасти в идейном отношении. В литературе возникают и усиливаются элементы психологизма. Атмосфера подъема, наступившая после Куликовской победы, стимулирует развитие культуры во всех отношениях, зарождаются антицерковные «еретические» течения, возникают и смелые зачатки рационалистического мышления. Новгород, Псков, Тверь, где распространяются ереси, находятся в явном контакте с культурой Запада. Русская общественная мысль в целом пытается — еще в рамках религиозного мировоззрения — осмыслить и связать прошлое и настоящее Русской земли.

Новый этап в историко-культурном процессе относится ко второй половине XV в. и продолжается еще в начале XVI столетия. В это время происходит объединение русских земель, усиливается взаимопроникновение местных культур. Псковские зодчие появляются в Москве, местное летописание пристально следит за событиями в Москве. Становясь государственным центром страны, Москва превращается в центр формирующейся культуры русской народности. Предшествующий этап расцвета культуры местных центров обогатил культуру страны в целом, и теперь она сливается в общем потоке, хотя местные черты сказываются еще долго. Это и не удивительно, если вспомнить, что в области социально-экономических и политических отношений еще долго сохранялись «живые следы прежней автономии». Еще более расширяются и

усиливаются связи со странами Запада, но на пути культурного общения с ними встает церковь с ее упорной борьбой против «латинства», против всего нового и иноземного. Это связано прежде всего с особенностями социально-экономической основы Российского государства, возникавшего и развивавшегося на базе феодализма и крепостничества. Отставание и слабость городов сказались особенно сильно на судьбах русской культуры. Борьба прогрессивных и реакционных сил в историко-культурном процессе приобретает острый характер и разворачивается главным образом на протяжении XVI столетия.

Таким образом, XIV—XV вв. — время восстановления и подъема культуры русских земель, начало формирования культуры русской (великорусской) народности. Именно в этот период она обогатилась такими крупнейшими достижениями, как живопись Рублева и Дионисия, явившаяся вершиной развития русской культуры и опиравшаяся на все ее многообразие.

Перед нами — один из важных этапов развития великой культуры русского народа, внесшего богатый вклад в мировую сокровищницу культуры.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Трудом народных масс создавалась и развивалась материальная культура, являвшаяся основой развития культуры в целом. До нашего времени сохранились сравнительно немногие произведения материальной культуры XIV—XV вв., но и они дают возможность судить о том, как постепенно преодолевались тяжелые последствия иноземного вторжения и возобновлялось развитие материальной культуры. С середины XIV в. начался новый подъем ремесленного производства. В это время, в особенности в связи с возросшими военными потребностями, стала получать большее распространение обработка железа, центрами которой были Новгород, Москва и другие города. Замечательным образцом высокого технического и художественного мастерства русских оружейников является стальная рогатина тверского князя Бориса Александровича, сделанная в первой половине XV в. Она украшена позолоченным серебром с изображением различных фигур. Произведения русских оружейников уходили в конце XV в. и за границу — панцири и другие доспехи вывозились в Крымское ханство. Во второй половине XIV в. стали изготавливаться кованые и клепаные пушки.

Получило развитие и литейное дело, в особенности отливка колоколов и пушек из меди. На Руси были выдающиеся мастера этого дела, среди них знаменит тверской мастер Микула Кречетников, «якоже и среди немец не обрести такова». Для литья предварительно изготавливалась восковая модель изделия, в которую затем вливался сплав меди и олова. Литье было трудным делом, требовало большого искусства мастеров. Недаром существовало поверье, что для успеха в таком сложном деле надо пустить какой-нибудь ложный слух, который мог бы отвлечь внимание от производимой работы на случай ее неудачи²⁴.

Русские мастера изготавливали свинцовые и медные листы для кровель и дверей княжеских и церковных построек. Медь, как и в домонгольское время, нередко покрывалась позолотой.

Массовым производством было литье мелких бытовых и культовых предметов — крестов, иконок, застежек для книг и т. п. Наряду с этими предметами, изготавливавшимися обычно по старым образцам, мастера делали и большие изделия на заказ, например массивные кружевные паникадила, состоявшие из нескольких десятков деталей.

Русское ювелирное искусство, как отмечает Б. А. Рыбаков, во второй половине XIII и начале XIV в. переживало упадок, но со второй четверти XIV в. стало прогрессировать. Крупными центрами его были Новгород, затем Москва, Тверь, Суздаль. В ювелирном искусстве сказались известное влияние Востока, а также готического искусства (в

²⁴ Отсюда и выражения, означающие ложь: «залить» («заливаешь!»), «взять на пушку» и т. п.

Новгороде и Пскове) и византийского. В XV в. появился обычай подписывать изделия мастеров.

На заказ выполнялись и различные предметы ювелирного дела, представляющие собой большую художественную ценность. Среди них — сосуды, кадила, панагии, складни, ковчеги для хранения мощей, оклады евангелий. Здесь применялись и литье и ковка отдельных деталей и фигур. Рельефная чеканка производилась также путем тиснения металла на пластинах-басмах. Медная доска отливалась вместе с рельефом какого-либо изображения, затем на него накладывался тонкий лист обычно золоченого серебра, который свинцовой плитой вдавливался в рельеф, создавая рисунок. Применялась также гравировка по металлу. Наиболее распространенным приемом была филигрань, мастера которой со второй половины XIV в. восприняли восточную технику, а впоследствии создали оригинальные технические приемы.

Мастера работали не только по металлу, но и по дереву. Замечательны работы мастера Троице-Сергиева монастыря Амвросия (XV в.), вырезавшего маленькие иконки и кресты из ореха и палисандра со множеством мельчайших по масштабу фигур, объединенных композиционно.

Широкое распространение в XIV—XV вв. имело также гончарное дело, ткачество и другие ремесла. Новые достижения имела строительная техника. В XV в. псковские мастера ввели в употребление железные связи вместо деревянных, научились строить небольшие бесстолпные церкви, верх которых держался на перекрывающихся арках. Получили распространение различные стенобитные орудия, необходимые для взятия крепостей.

Высокого уровня достигла материальная культура наиболее развитого средневекового русского города — Великого Новгорода. Археологическими работами установлено, что улицы города были покрыты деревянными мостовыми уже в X в. Эти мостовые на протяжении 600 лет были сменены 28 раз, восстанавливаясь после разрушений и пожаров. Обнаружено огромное количество разнообразных предметов из дерева, кости, металла. Среди них — остатки новгородского деревянного водопровода, лодей и кораблей, различные деревянные блоки и другие приспособления, беговые лыжи, масса игрушек, шахматы. Очень много костяных гребней одинаковой трапециевидной формы. Собрано много железных предметов, среди которых — ножи, ножницы, клещи, напильники, подковы, пилы, сверла, долота, скребницы и др. Установлено, что в средневековом Новгороде умели закалять сталь. Свыше 100 тысяч остатков кожаной обуви найдено в Новгороде, в то время как часть лаптя встретила только один раз. Нашли свыше ста кожаных мячей, игра в которые была, видимо, популярна в средневековом Новгороде.

Бытовые условия жизни русских людей XIV—XV вв. дифференцировались в зависимости от их социального положения.

Крестьяне и ремесленники жили в деревянных избах и жилищах полуземляночного типа (на юге), топившихся по-черному. Феодалная и городская знать возводила большие, терема и дворцы, иногда из нескольких этажей или нескольких зданий, соединенных между собой переходами. Внутреннее убранство помещений было скромным, предметы обихода были большей частью деревянными. Помещения освещались лучинами, но в богатых домах горели светильники, наполненные маслом.

Заметные различия были и в одежде. Простые люди носили короткое, удобное для работы платье, знать, наоборот, наряжалась в тяжелые и длинные одежды, украшенные дорогим шитьем и драгоценностями. Крестьяне ходили в лаптях, горожане, как в Новгороде, носили кожаную обувь.

В пищу употреблялся хлеб, выпекавшийся из ржи и пшеницы; из пшена делали кашу с медом, из гороховой и овсяной муки варили кисели. Употреблялись овощи — капуста, репа, морковь, огурцы, свекла, редька, лук, чеснок; мясо — говядина, баранина, свинина. Много было рыбных продуктов, так как рыба в изобилии водилась в реках и

озерах. Из молочных продуктов известны с древнейших времен молоко, масло, сыр. Изготавливали разные напитки: квас, пиво, варили мед.

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Устное народное творчество XIV—XV вв. восстанавливается лишь частично на основании позднейших записей фольклора и следов его, сохранившихся в некоторых памятниках письменности того времени. XIII—XV вв. явились важным этапом в развитии устного народного творчества. Именно в этот период сложился и оформился жанр исторической песни, отразившей народное восприятие и народную оценку исторических событий и явлений. В исторической песне, как и в былине, не следует искать точного отражения событий в их конкретных проявлениях, сюжеты их являются результатом художественного вымысла, но зато в них передается отношение народа к определенным явлениям в истории. Исторические песни проникнуты глубочайшей верой в справедливость поступков и действий их героев, в то, что правда на стороне народа.

Одна из главных тем устного народного творчества — борьба против монголо-татарского нашествия и ига. Вокруг событий этой борьбы сложились целые циклы устных народно-поэтических произведений. Среди них — сказания о битве на Калке, о разорении Рязани Батыем и рязанском богатыре Евпатии Коловрате, о подвигах Меркурия Смоленского, о Невской битве и Ледовом побоище, вошедшие в переработанном виде в литературные произведения XIV—XV вв.

Исторические песни, посвященные времени монголо-татарского ига («Князь Роман и Марья Юрьевна», «Авдотья-Рязаночка», «Девушка спасается от татар», «Мать встречает дочь в татарском плену», песни о девушках-полонянках), раскрывают в поэтической форме глубокий драматизм положения народа в условиях опустошительных нападений сильных и жестоких врагов, благородство, мужество простых людей, отстаивающих свою честь и свободу. Образ страдающей под тяжким игом Русской земли воплощается чаще всего в образе чистой и стойкой духом красавицы-невесты, похищаемой злым врагом и попадающей в ненавистный чужеземный плен.

В XVIII в. была записана песня о Щелкане Дудентьевиче, восходящая к событиям XIV в. — народному восстанию в Твери против ханского наместника Чол-хана (Шевкала) в 1327 г. Сильными словами рисует народная песня насилия монголо-татарского баскака: «У которого денег нет, у того дитя возьмет; у которого дитя нет, у того жену возьмет; у которого жены-то нет, того самого головой возьмет». За эти насилия и издевательства тверичи сожгли живьем Чол-хана и его свиту. Хотя в действительности вслед за восстанием последовало жестокое карательное вторжение монголо-татар, народная песня выдержана в оптимистическом духе. В ней говорится, что восстание прошло безнаказанно для тверичей, и тем самым утверждается мысль о правоте и силе народного выступления против чужеземных завоевателей.

Произведения устного народного творчества XIV—XV вв. очень близки по своим формам и даже действующим героям к былинному эпосу Киевской Руси. В этом сказалось стремление подчеркнуть великую силу Руси в недавнем прошлом. Народный эпос, вспоминая былинных богатырей, возбуждал чувство патриотизма и желание восстановить былую славу в борьбе с завоевателями. Именно в этот период происходило создание на основе древних былин жившего потом столетиями цикла былинного эпоса, связанного с Киевом и князем Владимиром Красное Солнышко. Эпизоды борьбы против половцев и монголо-татар, герои Ростово-Суздальской земли и древнего Киева — все это органически сливается в единый цикл, центральная тема которого — борьба Руси против иноземных захватчиков, героические подвиги русских богатырей в этой борьбе. Ростовский герой Алеша Попович превратился в общерусского богатыря, служащего в Киеве князю Владимиру и побеждающего злого врага Тугарина.

Ряд сказаний и песен возник в связи с Куликовской битвой. В одной из песен говорится о богатыре Сухмане, побившем врагов и истекшем кровью на берегу Непры-реки — по-видимому, Непрядвы.

Народно-поэтическая основа видна и в рассказе «Сказание о Мамаевом побоище» о поединке богатырей в начале битвы — русского монаха Пересвета с ордынцем.

Особый цикл песен и повестей был связан с Великим Новгородом и среди них — знаменитые былины о Василии Буслаеве и Садко. В. Г. Белинский называл былинку о Садко одним из «перлов русской народной поэзии». В новгородских былинах ярко отразились богатство и могущество Великого Новгорода, его внутреннее устройство, смелые и сильные образы новгородцев.

Отражением патриотических чувств простых новгородцев является песня о походе новгородцев на помощь Москве во время вторжения Мамаю.

Тема Русской земли, ее красоты и силы, ее героической борьбы против иноземных завоевателей была главной темой устного народного творчества XIV—XV вв.

ГРАМОТНОСТЬ И ПИСЬМЕННОСТЬ

Распространение грамотности в средневековой Руси XIV—XV вв. было, как и прежде, сосредоточено в основном в руках церкви. Однако круг грамотных людей далеко не ограничивался церковниками. Конечно, для подавляющего большинства населения грамота оставалась недоступной. Но в городах грамотность получила значительное распространение, что было обусловлено прежде всего спецификой экономической жизни горожан. Занятия ремеслом и торговлей требовали известной грамотности. Поэтому центрами распространения грамотности и письменности были не только монастыри, но и средневековые русские города. Открытия советских археологов, и в первую очередь работы Новгородской археологической экспедиции, убедительно свидетельствуют о гораздо более широком распространении грамотности в городах, чем это представлялось раньше.

Обнаруженные в Новгороде берестяные грамоты содержат «будничную», повседневную переписку новгородцев, раскрывая самые различные стороны жизни Новгородской феодальной республики. Многие грамоты посвящены хозяйственным вопросам: «Поклон от Михаила к господину своему Тимофею. Земля готова, нужны семена. Пришли, господин, человека, а мы не смеем брать рожь без твоего слова», — это писал, вероятно, приказчик своему господину. Есть грамоты, фиксирующие повинности крестьян. «На Терехе и на Лутьяне рубль. И на их внучате, на Микифоре на Григорь 4 гривне». Некий «раб божий Селивестр», очевидно, ростовщик, перечислил своих должников: «У Лунька полтина. У Захарья полтина... У Бориска полутора рубля... У Сменка шапка в 13 гривен». В другой грамоте записано, что «Гришка и Коста» заложили у Сидора Тадуя сапоги, шапку, рубашки. Есть грамоты о покупке земель, о торговле, о военных походах. Есть в грамотах и ценные упоминания о сопротивлении новгородских крестьян фердальному гнету. Некий Петр сообщает, что он покосил пожню, а люди Села Озеры то сено отняли. Сохранилось начало жалобы: «Бьют челом крестьяне господину Юрию Онцифоровичу на ключника Занда. Не можем, господин, ничем ему угодить». С деятельностью известного новгородского посадника Юрия Онцифоровича и его сына Михаила связан целый ряд грамот, найденных в том месте, где в XV в. стоял один из немногих тогда каменных домов в Новгороде, принадлежавший знатному посаднику.

Многие грамоты посвящены бытовым делам. Борис сообщает своей жене Настасье о том, что задерживается по делам и просит прислать ему рубашку. А из другой грамоты узнаем о горе Настасьи, схоронившей Бориса. Одна из грамот содержит брачное предложение.

Около 600 грамот найдено в настоящее время при раскопках в Новгороде, и каждый год приносит все новые находки и открытия. Интересно, что одна из найденных

грамот написана на латинском языке. Найдена и деревянная дощечка с азбукой, по которой учили новгородских ребятишек читать и писать пять-шесть столетий тому назад. К уникальным находкам относятся берестяные грамоты второй половины XIII в. — «учебные тетрадки» новгородского мальчика Онфима. На одном «листе» записи букв и слогов: Б А ВА ГА ДА Ж А..., БЕ ВЕ ГЕ ДЕ ЖЕ..., БИ ВИ ГИ ДИ ЖИ, и т. д., что свидетельствует о слоговом принципе обучения. На другом записана традиционная формула: «Господи, помози (помоги) рабу своему Онфиму», рисунок зверя и подпись: «Я — зверь». На третьем кусочке бересты рядом с рисунками человечков сделана запись из долгового документа: «На Домире взяти доложзиве». Знал мальчик и числа, набрасывал на бересте начальные фразы богослужбных молитв и песен. Создается впечатление, что 7—8-летнего Онфима готовили к жизни в этом большом торговом городе.

Стены новгородских и псковских церквей покрыты многочисленными надписями, процарапанными на камне и очень похожими на письмо берестяных грамот. Суеверные люди верили, что надпись, начертанная на стене «божьего храма», поможет им или будет иметь силу клятвы, и вот появлялись неровные буквы: «Господи, помози рабу своему такому-то», а иногда и более пространные записи.

На одном из внутренних столбов церкви на Нередице отчетливо видна запись какой-то женщины, фиксировавшая взятый долг: «на Лукин день взяла проску и пшеницю». Такие надписи принадлежали, конечно, простым людям и являются одним из свидетельств их грамотности.

Много надписей имеется на бочках, сосудах, Поплавках, сапожных колодках и других самых разнообразных предметах, обнаруживаемых при археологических раскопках. Чаще всего это имена или инициалы их владельцев. Сделав церковный сосуд — потир — в 1449 г., мастер написал: «А делал Иван Фомин». На «локте» — мере длины, эталон которой хранился в новгородской купеческой церкви Ивана на Опоках, ясно видна надпись «святого еванос...».

Значительно большее, чем прежде, развитие получила в XIV—XV вв. письменная документация, что стимулировалось расширением феодальных отношений, в частности, ростом земельной собственности, требовавшим оформления документов на право владения землей и зависимым населением. Письменная документация была также необходима для органов государственного управления. Наконец, общий подъем культуры и общественно-политической мысли, а также усиление идеологической деятельности церкви обусловили значительно большее распространение письменности.

В настоящее время сохранилось 817 рукописей XIV в., кроме того, 85 рукописей датируются XIII—XIV вв., в то время как от XIII в. сохранилось 215 рукописей, от XII—XIII вв. — 40, а от XII — только 85²⁵. Кроме того, известно около полутора тысяч различных грамот XIV—XV вв. При этом мы должны учесть массовое уничтожение рукописей и книг как более раннего времени, так и XIV—XV вв. во время иноземных вторжений и других бедствий.

Письменность сосредоточивалась, в частности, в монастырях, где составлялись различные грамоты, оформлявшие права и привилегии монастырей на право владения землями, льготные условия торговли, независимость монастырских владений от княжеской судебной-административной власти, а также составлялись летописи, переписывались различные книги и т. п. В монастырях существовали целые объединения писцов; там были и ученики писцов, называвшиеся «паробками», «ребятами» и т. д. Образовались довольно значительные монастырские библиотеки. Наряду с монастырями важными центрами письменности были княжеские и вечевые канцелярии, где также составлялись различного рода документы. На Руси были профессионалы-писцы, причем многие из них были светскими людьми, не принадлежащими к духовному сословию. Между писцами в мастерских существовало определенное разделение труда: одни писали

²⁵ Из московских рукописей, сохранившихся до наших дней, наиболее ранней является «Сийское евангелие», написанное в 1339 г.

текст, другие разрисовывали его цветными заставками и миниатюрами, третьи — ученики — готовили пергамен и бумагу для письма, разлиновывали их, делали чернила и краски, посыпали песком готовый текст, чтобы скорее просохли чернила. Иногда заказ на производство книги осуществлялся в виде специального договора — «ряда».

Развитие письменности сопровождалось рядом изменений в самой технике письма, приспособившейся к возросшему спросу на книги и разного рода документы. На смену дорогому пергамену пришла в XIV в. бумага. Пергамен был не только дорог для большого количества книг, но и неудобен тем, что не позволял писать быстро. Спрос на книги возрастал, требовалось изготавливать их больше и быстрее. Бумага намного лучше отвечала этим требованиям. На Русь ее доставляли в XIV—XV вв. из других стран, главным образом из стран Западной Европы. В XIV в. бумагу привозили из Италии, в конце

XIV в. появилась также французская бумага, а еще через столетие стали привозить и немецкую бумагу. Листы бумаги разрезались и склеивались в виде длинных свитков (столбцов), иногда из бумаги складывали тетради²⁶. Из нескольких сшитых тетрадями делалась книга, которая обычно заключалась в массивную кожаную или деревянную обложку, нередко богато украшенную серебряными с позолотой «окладами», бархатом и т. п. Писали чернилами, рецепты которых известны по записям с XV в. Чернила делались из железной ржавчины, дубовой коры, вишневого клея, кваса или кислых щей, меда, которые определенным образом смешивались, кипятились, выдерживались и давали вещество, удобное для письма и имевшее необходимый блеск и вязкость. Орудиями письма были гусиные перья, для приготовления которых пользовались особыми «перочинными» ножами²⁷. Писцы XIV—XV вв. писали быстрее, чем их предшественники в прошлые века. Вместо строгого «уставного» письма с его геометрически правильными четкими буквами появился так называемый «полуустав». Теперь линии букв потеряли прежнюю стройность, стали неровными, одинаковое расстояние между буквами не выдерживалось, появилось большое количество сокращенных слов. Обозначился наклон в почерке — знак того, что писали теперь размашисто и быстро. А в XV в. появилась так называемая «скоропись». Еще более стали сокращаться слова, буквы выносятся над строчкой, пишутся слитно, концы букв выходят за строчки — появляются «хвосты» и росчерки. Теперь уже нет единообразия в самом рисунке букв — пишут так, как удобнее и быстрее.

Все эти изменения внешнего вида письма — свидетельства растущего распространения письменности.

Страницы рукописных книг украшались цветными заставками и миниатюрами. Выдающимися образцами украшения книжной миниатюры XIV в. являются, например, «Федоровское евангелие», написанное по заказу ярославского князя Федора Черного; тверская рукопись Хроники Георгия Амартола, имеющая более 100 миниатюр. В виде причудливых картинок изображались заглавные буквы начала текста, как, например, в одной новгородской рукописи буква «М» была выполнена в виде двух ругающихся рыбаков и т. п. Часто применялся «чудовищный» орнамент, составленный из изображений фантастических существ. Этот тип орнамента держался в рукописях в XIII—XIV вв. В XV в. получил распространение плетеный и растительный орнамент. Плетеный орнамент широко использовал жгуты, круги, четырехугольники, чем достигалась своеобразная узорчатость рисунка. Особенностью растительного орнамента было стремление художника отойти от традиционного геометрического узора, где стилизованные растения были подчиненными элементами. Новый стиль давал возможность представить реальную растительную природу. Художники свободно

²⁶ Слово «тетрадь» происходит от греческого слова «тетрас», что значит «четверна». Тетрадь обычно делалась из четырех листов, сложенных пополам (16 страниц). Позднее этот типичный объем рукописи стал использоваться для определения размеров печатного листа.

²⁷ Любопытны приписки писцов на полях рукописей XIV в.: «Погибель пера сего» (т. е. сломалось перо), «Лихое (плохое) перо. Невольно им писати рабу многогрешному Леониду Офонасовичю» и т. д.

рисуют ветви, листья, ягоды, цветы, пользуются естественными оттенками красок. В украшение книг средневековые мастера вкладывали много труда и искусства, книжная миниатюра стала особым видом художественного творчества. Русские люди средневековья любили и ценили книгу и не жалели сил для ее украшения. Книга была драгоценностью не меньшей, чем произведения ювелиров.

ЛЕТОПИСАНИЕ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Наиболее значительным произведением письменности были летописи. Русские средневековые летописи представляют собой крупнейшие памятники духовной культуры. Неправильно ограничивать их значение только как источников наших сведений о событиях прошлого. Летописи — это не просто перечисление исторических фактов. В них воплотился широкий круг представлений и понятий средневекового общества. Летописи являются памятниками и общественной мысли, и литературы, и даже зачатков научных знаний. Они представляют собой как бы синтетический памятник средневековой культуры, и не случайно уже более двух столетий к ним приковано внимание исследователей самых разнообразных сторон исторического прошлого нашей страны. Можно сказать без преувеличения, что у нас нет более ценных и вместе с тем интересных памятников духовной культуры прошлого, чем наши летописи — от знаменитой «Повести временных лет» киевского монаха Нестора до последних летописных сводов XVII в.²⁸. То, что таким синтетическим произведением культуры оказались именно летописи, явилось закономерным проявлением характерных особенностей средневекового общественного сознания. Поскольку все происходящее на Земле считалось результатом божественной воли, не оставалось места для выяснения причинно-следственных связей событий и явлений. Господство богословия крайне стесняло развитие теоретической мысли, внимание направлялось в этих условиях на описание конкретных фактов. Поэтому духовная культура, подчиненная богословию, оставалась слабо расчлененной. Все многообразие явлений общественной жизни средневековые мыслители стремились уложить в единую картину проявлений божественной воли. Оставалось только чисто внешне связующее эти явления звено, которым была их хронологическая последовательность, так называемая «погодная сетка» изложения. Так, в летопись наряду с политическими событиями вошли и записи о явлениях природы, и литературные произведения, проникнутые исторической конкретностью, и богословские размышления и поучения — все это приурочивалось к определенным событиям и связывалось в едином хронологическом повествовании.

Естественно, что дальнейший процесс развития духовной культуры неминуче должен был привести к разрушению летописной, синтетической формы. Появлялись сюжетные литературные произведения, самостоятельные произведения общественной мысли, и, наконец, развитие собственно исторической мысли перешагнуло тесные рамки хронологического повествования и привело к возникновению самостоятельных исторических повестей. Это был прогрессивный процесс, зачатки которого отчетливо видны уже в XIV—XV вв. и даже еще ранее — один из южнорусских летописцев XIII в. сетовал на то, что разбивка изложения по годам мешает связному изложению определенной линии событий, и извинялся перед читателями за то, что ему порой приходится забегать вперед, а порой возвращаться назад.

При всем этом летопись была важнейшим политическим документом современности и являлась сильным оружием в политической борьбе. Идеализированный образ летописца, который, «добру и злу внимая равнодушно», записывает бесстрашной рукой происходящие события, очень мало соответствует действительности. Еще крупнейший исследователь русского летописания А. А. Шахматов справедливо заметил,

²⁸ Публикация летописей осуществляется в «Полном собрании русских летописей», начатом еще в середине прошлого столетия и продолжающемся в настоящее время.

что «рукой летописца управляли мирские страсти и мирские интересы». Летопись велась при княжеских дворах и епископских кафедрах, в ней отражались определенные классово-политические интересы разных кругов феодального класса. Сопоставление различных летописей дало ученым интереснейшие материалы, раскрывшие историю политической борьбы. Будучи едины в своих мировоззренческих позициях, оставаясь «провиденциалистами»²⁹ в толковании событий, летописцы разных земель направляли это толкование в пользу определенных политических интересов, соответствующим образом подбирали материал для освещения. Недаром Иван III, отправляясь в поход против Новгорода, взял с собой дьяка Степана Бородатого, потому что тот «по летописцам умел хорошо говорить» — стало быть, хорошо знал летописи и мог на их основании предъявить необходимые обвинения Новгороду.

В конце XIII — начале XIV в. развилось летописание в Твери, примерно с 1326 г. оно началось в Москве, большое развитие оно получило в Новгороде и Пскове, а также Ростове, Суздале и в некоторых других центрах. Не сохранилось памятников рязанского летописания, которое, несомненно, также существовало.

Как на пример отражения политической борьбы в летописании XIV в. можно указать на освещение одних и тех же событий в-московских и тверских летописях. Так, конфликт между тверским князем Михаилом Ярославичем и московским Юрием Даниловичем в 1313 —1319 гг. тверская летопись описывает очень подробно, изображая тверского князя миролюбивым, а московского — вероломным, указывая на его связь с ордынскими ханами. В летопись включено обширное панегирическое сказание об убийстве Михаила в Орде. Московская летопись, наоборот, указала на факт отравления жены Юрия — Агафьи-Кончаки — в тверском плену и очень коротко сообщила о смерти Михаила в Орде, не упоминая, по чьему наущению было совершено это убийство. К сообщению об основании Дмитрием Донским в 1366—1367 гг. каменного Кремля в Москве тверской летописец прибавил, что после этого Дмитрий «князи русьскыи начаша приводити в свою волю, а который почал не повиноватися их воле, на тях почали посягати злобою». Во второй половине XIV в. московское летописание усиленно подчеркивало, что великое княжение является «отчиной» великих князей, в то время как тверские летописи старались бросить тень на великого князя московского, указывая на его связи с ордынцами.

Характерно, что события Куликовской битвы были по-разному освещены в летописях: очень подробно в московском летописании и очень коротко в новгородском.

Летописание по-прежнему отличалось многими местными особенностями не только в политической концепции, но и в самих его приемах. Весьма своеобразны новгородские летописи, в которых наиболее сильно отразилась демократическая струя. Новгородские летописи очень просты, конкретны в изложении, в них заметно большое внимание к обыденным событиям городской жизни. Как военная хроника читается псковская летопись, отразившая героическую историю города-воина, стоявшего на западном рубеже Русской земли и ведшего упорную борьбу против иноземных захватчиков. Возвышенно и высокопарно звучит московское официальное летописание с особенно сильной религиозно-морализирующей струей, проникнутое идеей единства церкви и светской власти. Временами в нем проскальзывает даже назидательный протест против вмешательства княжеской власти в церковные дела, как, например, в «Повести о Митяе» — московском протопопе, которого Дмитрий Донской в нарушение всех церковных правил пытался сделать митрополитом.

При всем различии политических тенденций и стиля изложения во всех летописях XIV—XV вв. отчетливо проявляется их общерусский характер. Где бы ни составлялась летопись, какие бы местные политические интересы она ни защищала, в ней все равно красной нитью проходит тема общности Русской земли, ее борьбы против иноземных

²⁹ Т. е. придававшими решающее значение божественным силам, «провиде- ;'| нию».

завоевателей, понимаемой летописцем как борьба в защиту православия и христианства. Интересно, что война Москвы против Новгорода была облечена также в религиозную форму борьбы против отступничества Новгорода от христианства, для чего был использован факт связей боярской аристократии Новгорода с Литвой и католической церковью. Патриотизм в его своеобразной религиозной окраске, типичной для средневековья, является ярко выраженной чертой русского летописания.

Этот патриотизм нашел свое проявление также и в одной замечательной традиции летописания XIV—XV вв. Составлявшиеся в этот период летописи открывались «Повестью временных лет». В этом сказывалось не только привычное мышление летописца, не представлявшего себе сюжетного исторического повествования и считавшего обязательным установить единую цепь событий от мифического «сотворения мира» до современности, но и внимание к славному прошлому Русской земли, запечатленному в бессмертном произведении Нестора. Летописцы самим включением «Повести временных лет» подчеркивали величие и славу Руси в прошлом, в свете которого тяжкие бедствия монголо-татарского ига приобретали освещение временного упадка, будили стремление добиться восстановления могущества Русской земли. Более того, в летописании XIV—XV вв. стало часто применяться сопоставление современных событий с аналогичными событиями в Древней Руси; последняя становилась как бы «классическим временем», идеалом исторической жизни.

Труд летописца имел огромное общественное значение. Недаром в каждом княжестве, в каждой земле, даже при отдельных церквях, вели летописные записи, по заказу светских и духовных властителей создавались летописные своды.

Московские записи появляются с основания первого каменного Успенского собора (1326 г.). Около 1408 г. в Москве был составлен уже не местный, а общерусский летописный свод (Троицкая летопись, погибшая во время московского пожара в 1812 г.), а в связи с созданием нового большого Успенского собора в конце XV в. возник Московский летописный свод 1480 г.— одно из самых значительных произведений русского летописания. Когда суздальско-нижегородский князь Дмитрий Константинович активно вступил в борьбу за великое княжение, по его заказу в 1377 г. была составлена особая летопись монахом Лаврентием. Составители торопились — рукопись переписана разными почерками, видимо, работа для ускорения была роздана нескольким писцам. Летопись нужна была срочно, как политический документ, подкреплявший авторитет князя.

Закончив свой труд, составитель летописи монах Лаврентий (по имени которого летопись и получила название «Лаврентьевской») обратился к своим читателям с проникновенными словами о том, что «радуется купец, прикуп створив (т. е. получив прибыль), и кормчий, в отишье пристав, и странник, в отечество свое пришед», и сравнил эту радость с радостью «книжного описателя», который «дошед конца книгам», а затем прибавил: «Господа, отцы и братья! Оже (если) ся где буду описал, или переписал, или не дописал (где ошибся), чтите, исправливая Бога дея (читайте, исправляя ради бога), а не клените (не ругайте), занеже книги ветшаны (источники, которыми он пользовался, ветхие), а ум молод, не дошел». Лаврентий спешил в работе и заранее извинялся перед читателями за возможные ошибки.

Как было сказано, летописание находилось в руках феодальных кругов и отражало их классово-политические интересы. Поэтому наряду с патриотизмом и идеей защиты Русской земли, ее силы и процветания в летописях отчетливо видна проповедь классового мира и подчинения народных масс властям. Описания народных восстаний даются во враждебном тоне, летописцы говорят с осуждением о «черни», всячески стараются показать ее низкие нравственные качества и, наоборот, идеальными героями рисуют представителей господствующего класса. Само слово «смерд» нередко употребляется в летописях в ругательном смысле. Реальная действительность острых классовых противоречий заставила однажды летописца с сокрушением заметить в духе религиозной

морали: «все бо сии един род и племя Адамово, цари, и князи, и бояре, и велможи, и гости, и купцы, и ремесвеницы, и работнии люди, един род и племя Адамово, и забывшися, друг на друга враждуют, и ненавидят, и грызут, и кусают».

В то же время в летописи проникали, обычно в переработанном виде, и некоторые мотивы народной идеологии. Это сказывалось более всего в использовании форм устного народного творчества при изложении материала, но, кроме того, иногда и в освещении отдельных событий, особенно в новгородских летописях, где временами видно явное сочувствие летописца народным массам. Так, например, в рассказе об одном восстании летописец прямо пишет, что «бысть в вятских (т. е. среди городской верхушки) совет зол, как победити меншии (городскую бедноту), а князя ввести на своей воле (на своих условиях)».

В рамках средневекового летописания получила развитие историческая мысль, расширился исторический кругозор, появились новые виды исторических произведений. К ним относятся прежде всего «Хронографы», посвященные уже не только русской, а всемирной истории, освещаемой с религиозно-богословских позиций. По мнению некоторых исследователей, первый «Хронограф» был составлен в 1442 г. выходцем из Сербии Пахомием Логофетом на основании южнославянских, переводных с греческого и русских сочинений. «Хронограф» был, по-видимому, составлен в связи с отказом русской церкви признать Флорентийскую унию и имел целью обличить византийских правителей, согласившихся на унию.

Ведущим направлением общественно-политической мысли XIV—XV вв., отразившейся как в летописях, так и в других литературных произведениях, была выраженная в религиозной форме идея общерусского единства и сильной княжеской власти в союзе с церковью. Это была феодальная идеология по своему классово-политическому содержанию, выражавшая прогрессивное в то время движение к созданию единой феодальной монархии. С наибольшей силой эта идеология развивалась в произведениях московской общественно-политической мысли.

РАЗВИТИЕ ЗНАНИЙ О ПРИРОДЕ И ЗАЧАТКИ РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

В народных массах веками накапливались многие практические знания и наблюдения над природой, вырабатывались различные технические приемы. В XIV—XV вв. мы можем отметить их дальнейшее накопление и развитие, связанное в первую очередь с ремесленным производством и сельским хозяйством.

Ремесленные мастера обладали необходимыми навыками и знаниями в области свойств различных материалов, хотя эти знания, по-видимому, еще не обобщались. В первое столетие после монголо-татарского нашествия многие технические приемы строительства были утрачены, но со второй половины XIV в. русские мастера стали вновь возводить сложные сооружения. Они решали, например, практические задачи устойчивости и равновесия сооружений, о чем свидетельствуют, например, такие новгородские памятники, как Евфимьева палата и звонница 30-х гг. XV в. Мастера широко применяли системы рычагов; на них были основаны конструкции стенобитных «порок».

Занятия многих миллионов крестьян сельским хозяйством вырабатывали передававшиеся из поколения в поколение практические сведения о природно-климатических условиях, приемах обработки земли и использовании домашних животных, о свойствах различных почв и растений. Дошедший до наших дней обширный комплекс народных примет в области природных явлений складывался и проверялся еще в отдаленные времена русского средневековья.

Вместе с тем внимание образованных людей того времени привлекали различные необычные явления природы, которые они пытались объяснить преимущественно в духе

господствующей религиозной идеологии. Свидетельства этому мы видим в летописных текстах. Произошло, например, в 1291 г. затмение Луны — и летописец толкует это как предзнаменование случившегося вскоре события — междоусобицы в Орде. В 1402 г. появилась комета («звезда велика зело копейным образом») — и это явление летописец связывает с междоусобными распрями. Солнечное затмение 1366 г. объяснено божьим гневом за то, что египетский султан преследовал христиан, «и сего не терпя, солнце лучи свои скры». Такое мистико-символическое объяснение природных явлений было типичным проявлением средневекового мышления. Но наряду с ним в летописи заметны симптомы зарождающегося свободного наблюдения над природой, не связываемого религиозно-мистической символикой. Проявлением этого явилось пристальное внимание и конкретное описание некоторых явлений, не толкуемых в традиционном плане «знамений». Так, в записи под 1391 г. дано очень подробное описание северного сияния и отмечено, что красный цвет происходил не от изменения окраски самих предметов, а от особого освещения. Под 1419 г. при описании сильной бури с грозой сказано, что гром является результатом «столкновения облаков». В 1459 г. летописец записал, что в этом году должно произойти редкое совпадение двух церковных праздников — пасхи и благовещения и прибавил: «Братия! Зде страх, зде беда, зде скорбь не мала, якоже... сие лето на конци явися, в онь же чаем всемирное при: шествие Христово» (т. е. конец света). Но через несколько строчек летописец написал: «И того лета не бысть ничтоже», т. е. ничего не случилось. В этой короткой реплике — явное удивление по поводу неоправдавшихся опасений, может быть, первое сомнение в вещах, казавшихся незыблемо установленными религиозной проповедью.

Интерес к строению Земли и Вселенной привел к появлению особых сочинений. В одном рукописном сборнике Кирилло-Белозерского монастыря, датированном примерно 1424 г., содержатся статьи: «О широте и долготе земли», «О стадиях и поприщах», «О земном устроении», «О расстоянии между небом и землей», «Лунное течение» и т. п. Как отмечает исследователь истории русской науки Т. И. Райнов, статьи о широте земли, о земном устроении и пр. «отличаются совершенно трезвым натуралистическим характером»³⁰. В них содержатся цифровые данные о некоторых астрономических объектах. Устройство Вселенной понималось как геоцентрическое и уподоблялось яйцу. Земля — это желток, воздух — белок, небо — скорлупа. Небо всюду отстоит от Земли на равном расстоянии и вращается над Землей, причем Луна и планеты помещаются на особых вращающихся поясах. Солнце настолько же больше Земли, насколько Земля больше Луны. Объясняется, почему Солнце выглядит небольшим — вследствие расстояния, при котором человеческое зрение («зрак») видит все в уменьшенном виде. Источником таких представлений явились, по-видимому, переводные сочинения. При всей неправильности и наивности этих представлений важно отметить самую попытку натуралистически-конкретного объяснения Вселенной на основе практических наблюдений.

Немалое внимание уделено в произведениях XIV—XV вв. сведениям в области медицины. Мы находим в летописях очень точные описания эпидемических болезней (например, чумы). Подробно и обстоятельно, с поразительным наблюдением деталей описана смерть князя Дмитрия Красного. В этом внимании к медицинским явлениям также проявилось стремление к опытному наблюдению, неудовлетворенность традиционными богословскими объяснениями причин болезней и смерти человека. В XV в. появился перевод на русский язык трактатов древнегреческого ученого и врача Галена.

В XIV—XV вв. значительно расширились географические представления русских людей. Памятниками их явились записи о путешествиях («хождения») новгородца Стефана в Царьград, смоленца Игнатия — в Царьград, Палестину и Афон, монаха Зосимы — в Царьград, гостя (купца) Василия — в Иерусалим, поездки посольства на Феррарский

³⁰ Райнов Т. И. Наука в России XI-XVII вв. М.-Л., 1940, с. 228.

собор, посла Семена Толбухина — в Венецию и, наконец, знаменитое «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина, совершившего путешествие в далекую Индию.

В этих записях еще много от религиозных представлений: увидев Мертвое море в 1391 г., Игнатий Смолянин описывает его в духе библейской традиции и туманную дымку над морем воспринимает как след от погибших Содома и Гоморры. Монах Зосима вполне серьезно пишет о том, что над Кипром он видел «чудесный крест», якобы держащийся на воздухе, а в Палестине — чудесный колодец, о котором «глаголют: коли девицы испиют тое воды, а не сохранили девства своего, ино им уста позлатею» (покроются золотом). И вместе с тем путешественники вполне реалистично описывали многое из виденного. Новгородец Стефан подробно описал виденные им сооружения и строительные материалы, Игнатий — политические события в Царьграде, гость Василий зафиксировал планировку и благоустройство виденных им городов. Автор описания посольства на Феррарский собор рассказал о венецианской торговле, о фонтанах Люнебурга и флорентийской больнице, о феррарских часах и брауншвейгских черепичных крышах.

Замечательным памятником является «Хождение» Афанасия Никитина. Это — первое в европейской литературе описание Индии, сделанное с большой наблюдательностью. От Афанасия Никитина не ускользнуло и социальное неравенство в Индии. Подробно и обстоятельно описывает Никитин занятия и быт индийского народа. Наблюдая жизнь далеких стран, Никитин постоянно думал о своей родине, Русской земле, любовью к которой окрашено его произведение.

Расширение кругозора русских людей, накопление знаний о природе исподволь начинали подтачивать традиционные устои религиозного мировоззрения, хотя оно продолжало не только оставаться господствующим, но и укрепляться³¹.

ЕРЕСИ

Религиозное мировоззрение было господствующим в средние века. Однако господство христианства было в средневековой Руси далеко не всеобъемлющим.

В народных массах устойчиво держались пережитки языческих верований, что сказывалось в разных праздниках и обрядах и против чего упорную, но довольно безуспешную борьбу вела церковь. На церковном соборе 1274 г. церковные властители ополчились против народных праздников, которые происходили в ущерб церковным. Собор указал при этом на кулачные бои, праздник в субботу под пасху, вождение невест к воде и т. п. Собор пригрозил проклятием всем тем, кто участвует в языческих праздниках, в том числе и самим священникам, из чего можно заключить, что и само низшее духовенство не всегда строго придерживалось христианской религии.

В обычаях и обрядах народных масс было много проявлений невежества, суеверия, вроде колдовства, волхвования и пр., но в устойчивости этих явлений вместе с тем сказывалось и стихийное сопротивление христианской церкви с ее установлениями, освящавшими отношения господства и подчинения. Это сопротивление принимало различные формы. Из посланий митрополитов Петра, Алексея, Фотия мы узнаем, что народу в XIV—XV вв., как и в последующее время, отнюдь не было свойственно чувство глубокой религиозности. Церковные иерархи сетовали на то, что во время служб миряне не слушают священников, разговаривают и смеются, не ходят на исповедь и причастие, а многие вообще не посещают церквей.

Народные массы были той средой, которая оказывала сопротивление религии и церкви и тем самым в конечном счете питала многообразные проявления антицерковной идеологии в русской культуре XIV—XV вв.

³¹ См.: Кузаков В. К. Очерки развития естественнонаучных и технических представлений на Руси в X — XVII вв. М., 1976.

Одним из важнейших и наиболее интересных явлений антицерковной идеологии были ереси. В условиях, когда церковь занимала положение «наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя»³², ереси были проявлением протеста против существующего строя, так как, «для того чтобы возможно было нападать на существующие общественные отношения, нужно было сорвать с них ореол святости»³³. Выступления передовых мыслителей неизбежно облекались тогда в религиозную оболочку, но в них уже содержался протест против господствующей ортодоксальной идеологии. Возникновение и развитие ересей было связано с определенными изменениями социальных условий в жизни средневекового общества. Развитие городов и зарождение в них буржуазных элементов общества было той социальной средой, которая питала еретические выступления против церкви, так как именно города являлись очагами формирования новых общественных отношений. Возникновение и распространение на Руси оппозиционной и еретической мысли следует рассматривать не изолированно, а в связи с общими процессами развития философской и общественно-политической мысли в Византии и в Европе в целом. С другой стороны, степень распространения оппозиционных воззрений и их устойчивость всецело определялись внутренними социально-экономическими и политическими условиями.

Важно отметить, что идейная борьба, развивавшаяся в рамках религиозного мировоззрения, неразрывно переплеталась с политической борьбой и заняла, таким образом, важное место в объединении русских земель в единое государство, поскольку церкви принадлежала значительная роль в этом процессе. В ходе политической борьбы представители различных сторон подвергали критике идейно-политические позиции своих противников, и так как эти позиции были тесно связаны с церковью и подкреплялись авторитетом ее учения, то идейная полемика, вне зависимости от целей, которые преследовали ее участники, неизбежно вела к подтачиванию основ ортодоксального мировоззрения, к развитию критической мысли. Далеко не всякое проявление такой критической мысли было ересью в собственном смысле слова, т. е. выражением антифеодального протеста в религиозной оболочке. Наоборот, многие критические мысли были высказаны представителями феодальных группировок, которые в борьбе с враждебными их политическим интересам церковными деятелями стремились к укреплению феодального строя и более того — к укреплению церкви и ее идеологии. Но объективное значение этих выступлений было шире: в общем потоке развития общественно-философской мысли они подготавливали разрушение всей религиозной ортодоксии.

Так, в 1310—1311 гг. тверскому князю Михаилу Ярославичу и тверскому епископу Андрею удалось организовать церковный собор против сторонника Москвы митрополита Петра. В качестве обвинения было выдвинуто то, что Петр практиковал «симонию», т. е. продажу церковных должностей. Собор при сильном влиянии со стороны Москвы оправдал Петра. Выступление тверского князя и епископа преследовало цели, не выходящие за рамки интересов феодальной междоусобной борьбы, но само обличение церкви в мздоимстве было не чем иным, как попыткой использовать в узкофеодальных интересах недовольство народных масс продажностью и стяжательством духовенства. В Твери не удовлетворились решением собора, и епископ Андрей отправил монаха Акиндина в Константинополь для изучения церковного законодательства. По возвращении в Тверь Акиндин написал послание великому князю Михаилу Ярославичу, в котором подверг критике существующие на Руси церковные порядки и потребовал вмешательства великокняжеской власти в церковные дела. Политический смысл такой постановки вопроса очевиден: так как светская власть находилась в руках тверского князя, а духовная — в руках сторонника Москвы, то интересы тверских феодалов, естественно, приводили к требованию подчинения церкви светской власти. Позднее эта идея упорно

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 361.

³³ Там же.

проповедовалась московскими князьями, когда они сами стали великими князьями. Обличая находящуюся под руководством митрополита Петра русскую церковь, Акиндин — вольно или невольно — переходит в своей критике к обличению православной церкви вообще, рисуя ее погрязшей в еретичестве и отступившей от основ раннего христианства. Особенно сильно Акиндин нападал на торгашество и хищничество церковников, которое, по его словам, превосходит даже насилие со стороны ордынцев. Впоследствии критические идеи Акиндина были восприняты и развиты еретиками конца XIV в.

В свою очередь в Москве такого рода выступления рассматривались как еретические. Московская княжеская власть помогала церкви в борьбе против нападков на нее, и не случайно в одной рукописи Антониева-Сийского монастыря содержится похвала церковников Ивану Калите, при котором прекратились «безбожные ереси». Но это утверждение выдавало желаемое за действительное.

Выступления против церкви и церковной идеологии не прекращались на всем протяжении XIV в.

В середине XIV в. возник богословский спор между тверским епископом Федором Добрым и новгородским архиепископом Василием Каликой о том, существует ли где-нибудь на земле реальный, конкретный рай. Федор Добрый считал, что рая на земле нет, что он погиб вместе с грехопадением Адама и Евы и существует лишь «мыслен». Василий Калика, наоборот, доказывал, что рай есть на земле, что его даже видели новгородцы, доходившие до «края земли». Заметим, что и Колумб спустя полтора года вполне убежденно писал, что, объехав всю землю, он не видел рая только потому, что рай находится в глубинных, отдаленных от моря областях и что он сам не хотел туда пробираться в силу религиозных соображений — в средние века повсюду верили в реальное существование рая. Федор тверской отрицал это.

На первый взгляд отвлеченный богословский спор был, однако, весьма важным проявлением религиозно-критической мысли и политической борьбы. В противовес ставшему ортодоксальным пониманию рая как реально существующего, Федор Добрый представлял рай как духовное состояние самого человека. Он указывал на противоречия в книгах «священного писания» по вопросу о рае, и это было одним из первых проявлений рационалистической критики религиозных воззрений. Если прибавить к этому, что именно к середине XIV в. относится зарождение стригольнической ереси в Новгороде, то понятна озабоченность главы новгородской церкви, выступившего против мнения Федора Доброго. Спор был связан и с политическими отношениями того времени. Новгородский архиепископ Василий Калика был ревностным сторонником политической самостоятельности Новгорода. Наоборот, Федор Добрый был сторонником Москвы и выступал против сепаратизма и междоусобиц тверских князей. Вмешательство Василия Калики в тверские дела было, таким образом, попыткой идеологически скомпрометировать представителя противоположной политической линии.

Примечательно и то, что московские политики поддерживали Федора, так как подчинение церкви интересам светской власти мало-помалу начинало становиться реальной задачей великокняжеской власти в борьбе за укрепление своего положения.

Одним из наиболее крупных выступлений против господствующей церкви была ересь так называемых «стригольников»³⁴, возникшая в Новгороде в середине XIV в. Из Новгорода эта ересь распространилась и в Псков. Судя по обличениям стригольников со стороны представителей официальной церкви (книг стригольников не сохранилось, они, по-видимому, были уничтожены), стригольники выступили с отрицанием церкви как учреждения. Они решительно осуждали мздоимство церковников, поставление церковнослужителей за плату и вообще отрицали церковную иерархию, не признавая за церковнослужителями права быть посредником между богом и людьми, так как видели в

³⁴ Происхождение названия «стригольники» точно не установлено. По мнению одних исследователей, это название указывает на ремесленную специальность (стрижка овец), по мнению других, оно могло быть связано с возможным обрядом посвящения в секту — пострижением.

церковниках обыкновенных людей, зараженных людскими пороками («сии учителя пьяницы суть, ядять и пьют с пьяницами»). Это отрицание церкви как учреждения было наиболее сильной и общественно значимой стороной идеологии стригольников, объективно содержащей в себе протест против господствующего строя. Не выходя в целом за рамки религиозного мировоззрения, стригольники выступили с проповедью демократической церкви, лишенной какого-либо стяжательства и особого сана священнослужителей. Стригольники не признавали обряда причащения, как бессмысленного с точки зрения разума, отвергали исповедь, а также таинства и обряды, связанные со смертью. В учении стригольников содержалась попытка отвергнуть внешнюю, обрядовую сторону религии и церковные учреждения, как противоречащие, по их мнению, самой сущности христианства. Стригольники сосредоточивали все свое внимание на внутреннем, духовном состоянии человека. Они считали, что религия во всей ее полноте доступна восприятию каждого человека, а не только особой касте церковников, что религиозное миропонимание должно быть основано на разуме человека, а не на вере в необъяснимые чудеса и таинства. В этом заключался важный сдвиг средневекового мышления в сторону рационализма, в сторону освобождения человеческого духа от беспомощного преклонения перед таинственной силой «высшего божества», и, следовательно, в конечном счете учение стригольников подрывало основы религии, хотя сами они оставались еще в целом в рамках религиозного мировоззрения. Воззрения стригольников церковь объявила ересью. В 1375 г. в Новгороде была совершена публичная казнь над тремя стригольниками: «побиша стригольников, еретиков, дьякона Никиту и Карпа простыца и третьего человека с ними, свергоша их с мосту». Но учение стригольников продолжало жить в Новгороде и Пскове — крупнейших ремесленно-торговых центрах, имея социальной основой демократические слои горожан. В дело вмешался сам константинопольский патриарх, прислав в 1382 г. архиепископа Дионисия, специально путешествовавшего в Новгород и Псков с обличением ереси. В 1386 г. в Новгород отправился крупнейший церковный деятель того времени Стефан Пермский, составивший поучение против еретиков.

Однако выступления против церкви и критика ее догматов с рационалистических позиций продолжали распространяться. В конце XIV в., несмотря на поддержку Москвы, тверскому князю Михаилу Александровичу удалось согнать с местной епископии Евфимия Висленя, которому было предъявлено обвинение в еретичестве. Судя по дошедшим до нас данным, Евфимий и его единомышленники высказывались против существующей церковной организации в том же духе, что и предшествующие представители рационалистической критики церкви. Нет ничего удивительного в том, что на этот раз во главе такой критики оказался сам тверской епископ, возможно, связанный с городскими кругами Твери, вновь окрепшей во второй половине XIV в. Понятно и то, что Москва поддерживала еретически настроенного епископа: московские правители стремились использовать всякую рознь в стане своих противников и очень часто поддерживали оппозиционные им группы.

Движение стригольников в Новгороде к концу XIV в., видимо, пошло на убыль вследствие репрессий, хотя по состоянию источников, с уверенностью сказать этого мы не можем. Зато в Пскове еретическое движение в первой половине XV в. получило дальнейшее распространение. Этому способствовало более независимое положение Пскова в системе феодальных «полугосударств», а также большой демократизм псковской церкви, ее связь с посадским населением и относительная слабость высшего духовенства.

О распространении ереси стригольников говорят четыре грамоты митрополита Фотия в Псков в конце XIV — первой четверти XV в.

Псковские стригольники пошли еще дальше, чем их новгородские предшественники. Они отвергали не только церковь, но и монашество. Среди псковских стригольников выделилась весьма радикально настроенная группа, которая в своем рационализме пришла даже к отрицанию воскресения мертвых и, следовательно, к отрицанию

загробной жизни. Псковские стригольники отвергали и другой важнейший догмат христианства — о триедином боге, встав на позиции стихийного пантеизма. Будучи монотеистами, стригольники в Пскове, в отличие от новгородских стригольников, отказались признавать евангелие и, стало быть, божественную природу Христа,

Это смелое выступление псковских стригольников против основ христианского вероучения не получило, однако, широкого распространения. В условиях XV в. оно осталось замкнутым в довольно узком кругу «интеллигенции» — выходцев из духовенства, хорошо начитанных в области богословия, и в частности среди, монахов псковского Снетогорского монастыря.

Ересь в Пскове также была подвергнута жестоким преследованиям со стороны официальной церкви.

Заметим, что центрами распространения рационалистического мировоззрения явились именно крупнейшие русские города XIV—XV вв. — Тверь, Новгород, Псков, что определенно указывает на внутреннюю социальную основу еретических движений. Выступления еретиков было проявлением классовых противоречий, обострившихся в ходе развития феодальных общественно-экономических отношений. В наиболее крупных городах социальные противоречия выступали особенно ярко. К тому же следует сказать, что эти города были более связаны со странами Западной Европы, где в то время поднималось реформационно-гуманистическое движение, и выступления русских еретиков нельзя не поставить в определенную идейную связь с этим общеевропейским движением. Но сразу же нужно, оговориться, что слабость развития русских городов в условиях, сложившихся после монголо-татарского нашествия, не дала возможности рационалистическому мировоззрению на Руси развиться в широкое реформационно-гуманистическое движение, для этого необходимо было вызревание буржуазных элементов в обществе, чего на Руси тогда не могло быть.

И все же свидетельства о развитии рационалистического мышления на Руси в XIV—XV вв. ясно говорят о том, что Русь не была в стороне от прогрессивного развития человеческой мысли в средневековье, что на русской земле появились смелые и сильные умы, начавшие борьбу за свободу человеческого разума, против оков официальной религии и церкви.

О том, что рационалистические идеи получили на Руси большее, чем можно было предположить, распространение и именно в среде горожан, говорят интересные наблюдения А. К. Клибанова над сочинением тверского купца Афанасия Никитина. Афанасий Никитин не был еретиком, но в его «Хождении» высказаны мысли, противоречащие официальной религиозной догме и рационалистические в своей основе. Прежде всего — это мысль о равноправии языков и вер, и совсем не случайно так часто употреблял Никитин нерусские слова, мешая их из разных языков, и имя бога писал на многих языках. Ведь согласно религиозной идеологии только одна вера — православное христианство — «истинна», исповедующие другие веры — это «поганые», «иноверцы» и пр. Интересно и то, что в сочинении Никитина нет упоминания Троицы, ему ближе понятие единого бога (как и стригольникам).

Рационалистические идеи, несогласие с церковью и ее догматами были проявлением развития прогрессивной общественной и философской мысли.

ЛИТЕРАТУРА

Русская литература второй половины XIII—XV в., как и в предшествующее время, развивалась в форме различных повестей, многие из которых дошли в составе летописей, житий, сказаний. Проникнутые внешне религиозным мировоззрением, литературные произведения той эпохи, однако, не могут быть отнесены целиком к церковной литературе — напротив, многие из них посвящены чисто светским, гражданским сюжетам. Литература XIII—XV вв., развиваясь на основе традиций, выработанных литературой

Киевского периода, непосредственно откликнулась на важнейшие события эпохи и была одним из важнейших проявлений общественного сознания своего времени. Центральными темами ее стали борьба против иноземных захватчиков и проповедь единства Русской земли, несмотря на ряд местных особенностей и отражение местных интересов, что естественно для периода феодальной раздробленности.

Особенностью средневековой литературы было то, что в основе ее произведений лежали конкретные исторические факты, а персонажи литературных произведений были реальными историческими лицами. Значительно позднее произошло возникновение обобщенного, вымышленного героя литературных произведений. Поэтому не всегда можно отделить литературное произведение той эпохи от исторической хроники.

События монголо-татарских вторжений и героической борьбы русского народа против завоевателей стали во второй половине XIII—XIV в. центральной темой литературы. В составе летописей дошло несколько повестей об отдельных событиях этой борьбы — битве на Калке, вторжении Батыя, обороне Козельска и т. д. Эти повести по своему характеру весьма близки к произведениям народного эпоса, но в то же время в их летописных редакциях заметна обработка в интересах господствующего класса, при которой особенно подчеркивается роль князей, а борьба с завоевателями изображается в плане защиты христианства от «поганых», т. е. религиозный момент как бы выступает на первый план.

Одним из значительных произведений этой темы явилась «Повесть о разорении Рязани Батыем», дошедшая до нас в составе сборника XVI в. В «Повести» содержится решительное осуждение феодальных распр между князьями. Написанная с позиций прославления рязанских князей, «Повесть» обвиняет великого князя владимирского Юрия Всеволодовича в отказе помочь Рязани. В то же время разорение Рязанской земли трактуется в традиционном христианско-морализующем духе, как наказание божье за грехи. Самый факт катастрофы, обрушившейся на русские земли, феодальные идеологи стремились использовать для пропаганды христианских идей и упрочения влияния церкви. Вместе с тем «Повесть» выходит за рамки узкорелигиозного освещения событий и содержит яркие рассказы о героической борьбе населения Рязани. Замечателен рассказ о любви и верности рязанского князя Федора Юрьевича и его жены Евпраксии. Когда князь Федор отправился к Батыю для переговоров, Батый потребовал, чтобы красавица Евпраксия была доставлена ему. Федор отказался выполнить это требование и был убит в ханской ставке. Узнав о гибели мужа, Евпраксия покончила с собой, выбросившись из окна высокого терема. «Повесть» сохранила имя богатыря, храбро сражавшегося с завоевателями, — Евпатия Коловрата. Прозвище «Коловрат» указывает на богатырскую силу Евпатия. Рассказ о Коловрате выдержан в традиционной манере дружинного эпоса. Княжеский дружинник («некий'от вельмож рязанских») Евпатий, находясь в Чернигове, узнал о разорении Рязани Батыем, поспешил в Рязанскую землю, собрал дружину в тысячу семьсот человек из оставшегося населения и пошел в погоню за Батыем. Догнав его в Суздальской земле, Евпатий напал на монголо-татар и нанес им сильное поражение. Батый послал на единоборство с Евпатием своего шурина Хостоврула. Русский богатырь убил Хостоврула, «разсече» его «на полы (пополам) до седла». Только с помощью многочисленных «пороков» (стенобитных машин) врагам удалось убить Евпатия. Склонясь над телом мертвого богатыря, хан Батый воздал должное его храбрости и сказал, что он хотел бы иметь такого воина в своем войске.

Рассказ о Евпатии свидетельствовал о непреклонной воле русских людей продолжать борьбу в самых тяжелых условиях. Характерно, что героический тон рассказа о богатыре Евпатий резко отличается от описания рязанских князей, выдержанного в обычном плане религиозно-житийной литературы. Князья изображены как христианские подвижники, преданные во всех своих поступках учению церкви. Прекрасный рассказ о Федоре и Евпраксии завершается вдруг житийной характеристикой с трафаретными выражениями о том, что князья рязанские «бьяше родом христоролюбивый», «от самых

пелен бога возлюбили», «о церквах божиих велми печашеся», и перечислением всех достоинств, обязательных для положительного героя церковной литературы. В этом снова сказалось настойчивое стремление церковников использовать реальные сюжеты, положенные в основу литературного произведения, для религиозной проповеди.

В еще большей степени религиозное истолкование борьбы против завоевателей проявилось в ярких, эмоциональных произведениях крупного церковного и литературного деятеля, знаменитого проповедника Серапиона, бывшего архимандрита Киево-Печерского монастыря, ставшего в 1274 г. епископом владимирским, суздальским и нижегородским. Разорение Руси монголо-татарами выглядит в поучениях Серапиона как наказание божье за грехи, но при всем этом религиозные идеи сочетаются у Серапиона с горячим патриотическим чувством. Сочинения Серапиона были преисполнены глубокой горечи за судьбы родной земли и вместе с тем уверенности в лучшем будущем ее: «гнев божий престанет... мы же в радости поживем в земле нашей». Серапион убеждал своих слушателей и читателей в том, что добиться смятения божьего гнева можно только выполнением всех требований христианского вероучения. В этой связи Серапион обрушивался на пережитки языческих верований, прочно жившие в народе.

В литературе XIII—начала XIV в. отразилась также борьба против шведских и немецких феодалов. Этой теме посвящены дружинные повести об Александре Невском и псковском князе Довмонте, ставших любимыми героями литературных произведений. Христианско-религиозная окраска деятельности героев борьбы против завоевателей на западных рубежах Русской земли не закрыла главной патриотической идеи, отвечавшей настроениям широких народных масс. Повесть об Александре Невском начиналась «Словом о погибели Русской земли», прославлявшим родную страну³⁵, далее содержалось описание Невского сражения, «Ледового побоища», отношений князя с Ордой и его смерти. Повесть о подвигах Довмонта возникла в XIII в. в Пскове.

Вопрос о происхождении «Слова о погибели Русской земли» остается нерешенным. Возможно, что до нас дошла только часть (может быть, начало) какого-то большого произведения. Изумительный поэтический пафос и глубокий патриотизм сделали «Слово» популярным среди книжников, которые прямо, как в житийной повести об Александре Невском, или в переработанном виде, как в житии о Федоре Ярославском, использовали «Слово» как своеобразный зачин.

Подъем освободительного движения против завоевателей в конце XIII — начале XIV в. и начало объединительных процессов в Северо-Восточной Руси стимулировали и новый подъем литературного творчества, непосредственно откликавшегося на эти важнейшие исторические явления.

В этот период заметно выдвинулась тверская, а затем и московская литература. Ставшая в конце XIII — начале XIV в. одним из ведущих политических центров на Руси, Тверь являлась в то время и крупным культурным центром. Значительный подъем пережило тогда тверское летописание. В Твери в 1293 и 1327 гг. произошли крупные антимонгольские выступления. Борьба против ордынцев ярко отразилась в произведениях тверской литературы, какими явились «Повесть об убиении князя Михаила Ярославича в Орде» и «Повесть о Шевкале». Великий князь тверской Михаил Ярославич в 1319 г. был казнен в Орде, когда московскому князю удалось склонить хана на свою сторону в борьбе с Тверью. Составленная в Твери «Повесть» о смерти Михаила имеет явные антимосковские мотивы, но вместе с этим повествование о гибели тверского князя

³⁵ «О светло светлая и украсно украшенная земля Русская! И многими красотами удивлена еси: озера многими удивлена еси, реками и кладязями местностными (почитаемыми в определенных местностях), горами крутыми, холми высокими, дубравами чистыми, полями дивными, зверьми различными, города великими, селы дивными, винограды обителными (монастырями), дома церковными и князьями грозными, бояры честными, вельможами многими. Всего еси исполнена земля Русская, о правоверная вера христианская!»

отразило не только местные феодальные настроения. Смерть князя Михаила рисуется как мученический подвиг во имя всего христианства, во имя защиты Руси от ненавистных поработителей. Другая повесть посвящена восстанию в Твери в 1327 г. Исследователи древнерусской литературы отмечают, что дошедшая в составе письменных памятников эта повесть является феодальной переработкой того народного сказания о Шевкале («Щелкане Дудетьевиче»), о котором говорилось выше. «Повесть о Шевкале» подчеркивает непричастность тверского князя Александра Михайловича к восстанию, изображая его как возникшее совершенно стихийно, вопреки воле князя.

Во второй половине XIV в. в истории русских земель наступил новый этап. К этому времени были уже преодолены некоторые последствия монголо-татарского вторжения, настало время нового подъема ремесла, сельского хозяйства, торговли. Значительно укрепилось экономическое и политическое положение русских земель. Объединенные московской великокняжеской властью, общерусские силы под предводительством Дмитрия Донского нанесли сокрушительное поражение монголо-татарским завоевателям в исторической битве на Куликовом поле 8 сентября 1380 г. Под главенством Москвы стало складываться единство русских земель.

Русская культура, и в частности русская литература, вступила в этот период в полосу нового подъема. Это сказалось не только в появлении многих новых произведений литературного творчества, но и в существенных изменениях его форм. Исследователи истории древнерусской литературы отмечают появление в конце XIV—XV в. нового, так называемого «экспрессивно-эмоционального» стиля литературных произведений. В этот период усилилось влияние религии на искусство. Писатели и художники конца XIV—XV в. стремились показать исключительную возвышенность психологического состояния, порождаемого религиозным вероучением, противопоставляя его земному миру со всеми его тяготами и заботами. В таком подходе к задачам художественного творчества отражался смутный, неосозанный протест против несправедливости окружающей их жизни. Господство богословия направляло этот протест в русло религиозного мировоззрения. В «чистоте» и «святости» христианского учения мыслящие люди того времени пытались воплотить не ясные для них самих идеалы высокого развития человеческого духа. Стремление к возвышенности и идеализации художественных образов усиливалось еще более в обстановке патриотического подъема, вызванного победой на Куликовом поле.

Необходимо отметить также существенное влияние, оказанное на литературу усилением культурных связей с южнославянскими странами. Распространение южнославянской литературы и деятельность приезжавших из этих стран книжников (что в немалой степени было связано с деятельностью выходца с Балкан митрополита Киприяна) внесли в русскую культуру свойственную южнославянской культуре возвышенность и эмоциональность, но при всем этом, как отмечено выше, развитие названного стиля в русской культуре было обусловлено внутренними закономерностями ее развития, находившегося в теснейшей связи с изменениями в жизни самих русских земель конца XIV—XV в.

Ведущим центром литературы в этот период окончательно стала Москва, где создавались наиболее значительные произведения. Под влиянием Куликовской битвы возник цикл произведений, прославивших великую победу русского народа над завоевателями. Ранее других из повестей этого цикла возникла, по-видимому, так называемая «летописная повесть», вошедшая в состав многих летописей. Осмысление событий Куликовской битвы здесь дано в духе религиозного мышления, конечной причиной поражения Мамайя выступает «божественное провидение»; поведение рязанского князя Олега объясняется как отступление от религиозно-нравственных догм; герой Куликовской битвы — Дмитрий Донской изображен как христианский подвижник, наделенный благочестием и любовью к богу и церкви, во имя которых он и совершает свои поступки. Но вместе с тем в «летописной повести» отчетливо проступают мужественные черты ве-

ликого князя-патриота, пренебрегающего личной опасностью ради общерусского дела. В уста князя вложены слова о том, что он не может отказаться от личного участия в битве: «Да како аз возглаголю: братья моа, да потягнем вси с единого, а сам лице свое почну крыти и хоронитися назади? Не могу в том быти, но хошу якоже словом, такожде и делом напереди всех и перед всеми главу свою положити за свою братью и за вся крестьяны, да и прочьи, то видевше, примуть с усердием дерзновение»³⁶. Изображение событий украшено многими риторическими выражениями, сравнениями («прольяха кровь, аки дождева туча» и т. п.).

В конце XIV в. появилась так называемая «Задонщина», автором которой был «Софоний старец рязанец». «Задонщина», посвященная Куликовской битве, идейно и художественно связана со знаменитым «Словом о полку Игореве», но является не подражанием «Слову», а оригинальным и вместе с тем крупнейшим произведением древнерусской литературы. Со «Словом» «Задонщину» связывает общая идея, которая заключается в том, что «Слово» показало поражение русских князей в борьбе с нашествием вследствие разрозненности и междоусобиц, а «Задонщина» показала победу Руси, когда было достигнуто единство под главенством Москвы. Таков основной замысел «Задонщины», близость художественных приемов к «Слову» и временами даже прямое его цитирование служат подчеркнутому раскрытию главной темы единства Русской земли и сопоставлению условий поражения князя Игоря Святославича и победы князя Дмитрия Донского. Организующая роль Москвы и ее прославление звучат в «Задонщине» с большой силой. Примечательно, что в «Задонщине» раскрылась одна из ведущих общественно-политических идей того времени — мысль об органической связи Московской Руси с Киевской Русью. Автор «Задонщины» видит в событиях своего времени закономерное восстановление прежней славы и могущества Русской земли, лишь временно утраченное в годину иноземных вторжений. В «Задонщине» очень заметно влияние народного эпоса с его богатырскими образами Пересвета и Осляби, песенной символикой (Москва выпускала против врагов «соколов», «кречетов», «белозерских ястребов» и т. п.).

Широкое распространение получило «Сказание о Мамаевом побоище». С одной стороны, оно насыщено религиозной риторикой, с другой — «Сказание» воплотило реальные факты событий, связанных с Куликовской битвой, и даже сохранило имя одного из простых людей — героев битвы («Юрка-сапожник»). Интересно, что в описании сражения автор отходит от религиозной риторики и гораздо ближе стоит к народному эпосу, зато изображение князя Дмитрия Ивановича проникнуто религиозным благочестием; здесь проведена идея тесного союза церкви и княжеской шйсти, воплощенная в описании отношений Дмитрия и Сергия Радонежского.

События печального для Москвы 1382 г., когда произошло нападение Тохтамыша, легли в основу особой повести — «О Московском взятии от царя Тохтамыша и о пленении земли Русской». Эта «Повесть» гораздо ближе к народной традиции, чем другие произведения.

Другая группа литературных произведений конца XIV—XV в. — жития святых. В этих произведениях наиболее выпукло проявились черты религиозной риторики, характерные для того времени. Еще в первой половине XIV в. было составлено «Житие» московского митрополита Петра, которое было предназначено для обоснования важного для московских князей тезиса о том, что внимание святого Петра к Москве явилось выражением божественного предначертания, указавшего на Москву как на центр защиты христианства. «Житие» Петра составлено еще в стиле сухого изложения фактов, почти без риторических украшений, но с обстоятельными указаниями на «чудесные» явления, предопределившие поступки Петра. В конце XIV в. житийная литература приобрела новый

³⁶ «Да как же я скажу: «Братья мои! Пойдем все до одного!» — сам стану прятаться и укрываться сзади? Не могу так делать, но хочу как словом, так и делом быть впереди всех и перед всеми сложить свою голову за братьев и за всех христиан; тогда и остальные, увидев это, станут с усердием проявлять свое мужество».

характер. Произведения этого жанра стали исполняться в возвышенном, панегирическом стиле, они обильно украшены эпитетами, цветистыми оборотами и выражениями, длинными цитатами из «Священного писания». В этом духе были составлены Епифанием Премудрым «жития» Стефана Пермского и Сергия Радонежского. Усиление церковной проповеди в житийной литературе неразрывно сочеталось с развитием в ней идеи о главенствующей роли Москвы и о тесном союзе княжеской власти и церкви как основной гарантии усиления Руси. Близки к житийной литературе и «похвальные слова», написанные в честь московского князя Дмитрия Донского, тверских князей Михаила Александровича и Бориса Александровича³⁷. В этих «словах» развивалась идея сильной княжеской власти.

Во второй половине XV в. в русской литературе стал распространяться жанр сюжетной повести. «Повесть о Петре и Февронии», «Повесть о Петре, царевиче ордынском», «Повесть о Меркурии Смоленском» и другие произведения этого жанра внешне еще вполне историчны, но в действительности здесь уже происходило создание вымышленных литературных сюжетов, что означало значительный шаг вперед в развитии русского литературного творчества.

«Повесть о Петре и Февронии», возникшая, по-видимому, в Муроме, рассказывает о любви крестьянской девушки и князя. В этой «Повести» многое взято и от сказочной фантастики народного творчества, и от религиозного истолкования образов. Феврония, владея тайной исцеления от болезни, вызванной брызгами крови фантастического крылатого змея, убитого князем Петром, соглашается исцелить последнего, если он женится на ней. Этот сюжет был распространен в средневековье — точно так же Изольда лечила Тристана, заболевшего от крови убитого дракона. Князь Петр нарушил обещание, отказавшись жениться на Февронии, но был наказан за это возобновлением болезни. И только после возвращения к Февронии он был излечен ею до конца. Петр и Феврония стали править в Муроме, но бояре были возмущены незнатностью Февронии. Побеждает великая нравственная сила Февронии и Петра — они вместе уходят из города. Сила любви Февронии так велика, что по ее благословию за ночь вырастают деревья. Недовольные правлением бояр, жители Мурома упросили Петра и Февронию вернуться в город. Там они правили до смерти, причем вместе умерли, и как ни старались похоронить их отдельно, тела их чудесным образом оказывались в одном гробу. Заметим, что таков же конец некоторых вариантов упомянутой повести о Тристане и Изольде, к которой по сюжету повесть о Петре и Февронии довольно близка. Дело тут не в механическом заимствовании: «Повесть о Петре и Февронии» является не переводом и не подражанием, а вполне оригинальным произведением русской литературы с особенностями изображения реальной русской жизни. Общность сюжетов вообще характерна для средневековой культуры разных стран и обусловлена единством пути культурного развития. На определенной стадии возникли сюжеты, которые соответствовали общему уровню духовных, морально-этических представлений средневекового общества.

Развитие художественного мышления приводило к более глубокому проникновению в человеческие чувства и характеры. Тема всепобеждающей любви как высокого человеческого чувства, преодолевающего социальные преграды и наделенного чудодейственной силой, появилась в средневековье как предвестие освобождения духовной культуры от суровых аскетических канонов религиозного восприятия действительности. В «Повести о Петре и Февронии» и других аналогичных произведениях авторы еще пытались как бы «уложить» эту тему в рамки религиозного истолкования. От этого произведение получало, конечно, внутреннюю противоречивость.

³⁷ Так, например, Дмитрий Донской восхваляется в таких выражениях: «высокопаривый орел..., баня мыющим..., гумночистоте, ветер плевелы развевая (т. е. развевающий), одр трудившимся, труба спящим..., венец победе, плавающим пристанице, корабль богатству, оружие на врагы, меч ярости, стена нерушима, зломыслящим сеть..., зеркало житию, высокий ум, смиренный смысл, ветрам тишина, пучина разуму».

Характерно, что «Повесть о Петре и Февронии» написана уже не в выпяченной риторической манере, а очень сдержанно. Внутренняя эмоциональность сменила здесь внешнюю аффектацию, и в этом тоже заключается новое важное явление литературного развития.

«Повесть о Меркурии Смоленском» продолжала традиции героических повестей о богатырях — героях борьбы против монголо-татар. И в этой повести переплетаются народно-эпические мотивы (богатырь, один разбивший полчища Батя) с жанром религиозного жития (блаженный праведник, действующий по велению богородицы) в изображении одного и того же героя повести — Меркурия.

Интересна попытка изобразить внутреннее перерождение человека в «Повести о Петре, царевиче ордынском». Эта попытка выдержана еще в последовательно религиозном плане: Петр изменился под влиянием воздействия на него христианского учения, но стремление показать сложный путь духовного развития человека было новым и важным явлением в русской литературе XV в., начавшей преодолевать вековые традиции статичного изображения людей, которые выглядели в литературе предшествующего времени либо крайне идеализированно, либо наделялись исключительно отрицательными чертами.

Идейный пафос общерусского единства, возникший еще в домонгольской Руси и с особой силой проявившийся в «Слове о полку Игореве», в новых условиях XIII—XV вв. становится ведущим и находит, в той или иной степени, отражение в литературных памятниках, как связанных непосредственно с иноземным нашествием, так и в цикле о Куликовской битве, в житиях и поучениях, в «Хождениях» и повестях.

АРХИТЕКТУРА

Как и другим областям культуры, русскому зодчеству и живописи был нанесен тяжелый удар монголо-татарским нашествием. Однако, по мере того как восстанавливалась жизнь в русских землях, оживали и получали новое развитие вековые художественные традиции. В области зодчества древние традиции не прервались. Сохранился, например, белокаменный рельеф от церкви в Коломне, построенной в XV в. Это свидетельство того, что имели место попытки возродить традиционное искусство резьбы по камню, хотя по качеству исполнения коломенский рельеф намного уступает владими́ро-суздальским рельефам XII—XIII вв.

В различных городах Руси в XIV—XV вв. возобновлялось каменное строительство, происходила реставрация старых памятников. Однако ни Суздаль, ни Ростов, ни Владимир, ни Нижний Новгород, ни Рязань не стали ведущими центрами развития искусства в XIV—XV вв.; более того, произведения зодчества и живописи, созданные там, характеризуются архаичными чертами.

Ведущая роль в искусстве перешла к другим центрам, и это вполне понятно: где был достигнут наиболее высокий уровень экономического и политического развития, там создавались и наиболее благоприятные условия для развития художественной культуры. Такими центрами были Тверь, Новгород, Псков, а со второй половины XIV в. наибольшее значение приобрела Москва. Именно Тверь была первым городом Северо-Восточной Руси, где после нашествия снова началось каменное строительство (главный тверской храм Спаса-Преображения в 1285—1290 гг.). Тверской собор был построен в стиле установившейся во владими́ро-суздальском зодчестве традиции. Это был шестистолпный, крестово-купольный храм, украшенный белокаменными рельефами, медными дверями, майоликовым полом. Но каменное строительство в Твери в XIV в. не было значительным: была построена еще одна каменная церковь в 1323 г., а потом разгром Твери после восстания 1327 г. надолго ослабил ее, и лишь в конце XIV в. наступил новый подъем строительной деятельности, продолжавшейся и в первой половине XV в. Сохранилась

построенная во второй четверти XV в. церковь Рождества Богородицы в селе Городне на Волге — небольшой четырехстолпный храм на высоком подклете.

Крупнейшим центром развития искусства XIV—XV вв., имевшим не только русское, но и общеевропейское значение, был Великий Новгород. XIV—XV вв. — время развития самостоятельности Новгородской феодальной республики, экономического и политического подъема Новгорода. Как известно, Новгород не подвергся разорительному нашествию монголо-татарских завоевателей, что создало более благоприятные по сравнению с другими русскими городами условия для развития культуры, хотя и для Новгорода вторая половина XIII в. была тяжелым временем. Отразив натиск врагов с Запада, в конце XIII в. Новгород вступил в полосу большого подъема. Это сразу же проявилось в возобновлении каменного строительства. Церковь Николая на Липне, построенная в 1292 г., являлась как бы форпостом на путях к Новгороду с юга.

Надо иметь в виду, что каменные церкви средневековья имели не только культовое назначение. Они являлись также местом хранения товаров и имели особенно большое военно-оборонительное значение. Когда еще не было огнестрельного оружия, всякое каменное сооружение представляло собой серьезную крепость, поэтому церковное строительство в средние века нельзя расценивать только как свидетельство распространения и утверждения влияния религии и церкви — сооружение каменных храмов отвечало и весьма реальным, земным потребностям. Древние церкви, сохранившиеся доньше, — это не столько религиозные памятники, сколько памятники строительного и художественного мастерства, драгоценные материальные свидетельства жизни общества далеких веков. Гибель и разрушение этих памятников — невосполнимая потеря для истории русской культуры.

Сильно разрушенной во время Великой Отечественной войны оказалась и церковь Николая на Липне, один из интереснейших памятников новгородского зодчества. После войны реставраторы восстановили храм. Сохранив традиционную схему четырехстолпного одноглавого храма, новгородские зодчие внесли много нового в конструкцию. Они отказались от позакомарного покрытия, сделав его трехлопастным (позднее переделанным на восьмикатное, а еще позднее — на четырехскатное, грубо искажившее, как и всюду при подобных переделках, изящный и закономерный переход от основного массива здания к барабану). Вместо трех апсид осталась одна в центре, причем опущенная до половины здания, не стало деления фасадов лопатками, и здание в целом приобрело могучую массивность и монолитность. «Идеал новгородца — сила, и его красота — красота силы», — писал И. Э. Грабарь; и эту характерную особенность новгородского искусства мы ясно видим в сохранившихся его памятниках. Кроме того, новгородские строители перешли от кладки, чередовавшей слои камня и кирпича, к кладке из грубо отесанной известняковой плиты, с использованием валунов и частично кирпича. Это придавало стенам новгородских сооружений неровную волнистую поверхность и лишало их геометрической четкости и строгости, еще более усиливая впечатление грубоватой силы и мощи.

Новгородские постройки XIV—XV вв., как правило, невелики по своим размерам. На смену монументальным, величественным зданиям XI — XII вв. типа Софии, соборов Юрьева и Антониева монастырей, строившихся богатой княжеской властью, пришли небольшие сооружения, возводившиеся на средства отдельных бояр, купеческих объединений и городских «концов». Изменение объемов зданий повлекло за собой и выработку новых приемов их художественного и строительно-технического решения.

Сохранились лишь отдельные фрагменты нескольких зданий первой половины XIV в. Интереснейшие церкви Спаса на Ковалева (1345 г.) и Успения на Волотовом поле (1352 г.) погибли от рук немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Благодаря усилиям реставраторов церковь Спаса на Ковалева восстановлена. Историки архитектуры отмечают, что новгородские сооружения первой половины и середины XIV в. знаменовали собой переходный период к выработке нового стиля

новгородского зодчества, который получил свое яркое воплощение в ряде построек второй половины XIV в.

Одним из классических памятников новгородского зодчества является построенная по заказу посадника Семена Андреевича в 1360—1361 гг. на Торговой стороне церковь Федора Стратилата. Четырехстолпный одноглавый храм был вместе с тем и хозяйственным помещением — в нем были устроены тайники и камеры для хранения ценностей. Нарядно внешнее убранство храма. В настоящее время реставраторы возродили древний облик храма, восстановив его трехлопастное завершение. Строители церкви Федора Стратилата вновь вернулись к членению фасадов лопатками, барабан украшен поясками арок, треугольников, вдоль апсиды спущены валики, соединенные арками, на фасадах много различных украшений над окнами и порталами. В этом ярко сказалось новое в новгородском стиле второй половины XIV в. — стремление к нарядному, декоративному убранству постройки.

Еще более отчетливо это стремление проявилось в церкви Спаса на Ильине, построенной в 1374 г. Здесь декоративная обработка фасадов и апсид еще более разнообразная и богатая, даже разрушающая конструктивную строгость и лаконичность форм. Позднейшие постройки уже избегают такой обильной декоративности, возвращаясь к старым строгим формам или даже совсем отказываясь от украшений, как, например, в церкви Рождества на кладбище (1381 г.). В дальнейшем в новгородском зодчестве еще более стало усиливаться стремление к сохранению и повторению прежних образов.

В XV в. новгородские мастера старались следовать уже выработанным ранее приемам,

и в этой известной консервативности новгородского зодчества отразилась общая политическая линия новгородской аристократии, йаправленная к сохранению строя феодальной республики с ее независимостью от княжеской власти. Ярким памятником новгородского зодчества начала XV в. является церковь Петра и Павла в Кожевниках, подражающая храму Федора Страти-лата. Подражание памятникам древности сказалось в следовании образцам не только XIV в., но и более раннего времени. Таково, например, возведенное в 1454 г. новое здание церкви Иоанна Предтечи на Опоках, центра знаменитой новгородской купеческой корпорации — «Иванского ста» — вместо разрушенного здания постройки 1127 — 1130 гг.

Сохранились и некоторые гражданские постройки XV в. Это — Грановитая палата, построенная в 1433 г. немецкими и новгородскими мастерами, и Часозвоня, возведенная в 1443 г. В Грановитой палате заседал Совет господ — верховный орган боярской аристократии. Грановитая палата имеет ряд специфических черт готического искусства, в то время как столп Часозвони завершался шатровым верхом, являясь одним из ранних образцов русской шатровой архитектуры. Обрушившаяся в 1671 г. Часозвоня через два года была отстроена вновь, с сохранением основ древней формы, но без шатрового верха.

Своеобразное место в русском искусстве XIV—XV вв. занимает зодчество Пскова.

Псковские сооружения XIV—XV вв. производят впечатление крепостных — настолько чувствуется сила в их мощных стенах, несимметричных пропорциях. Военный страж Русской земли на Западе, Псков в течение столетий вел упорную борьбу против завоевателей. В еще большей степени, чем в других городах, каменные постройки Пскова имели военное назначение. Именно в Пскове был возведен в XV в. самыйбольшойкаменныйкремль, стены которого протянулись на девять километров.

После 1348 г. Псков обособился от Новгорода и стал центром самостоятельной феодальной республики. Обособление Пскова наложило заметный отпечаток на его зодчество и живопись, сохранявшие местное своеобразие и довольно замкнувшиеся от влияний со стороны других центров. Сохранение этого местного своеобразия было, как и в Новгороде, отражением политических позиций боярской аристократии, стремившейся к сохранению своей независимости.

Вторая половина XIV и XV в. были временем весьма интенсивного каменного строительства в Пскове, многое сохранилось до нашего времени. В 1365—1367 гг. был заново выстроен главный псковский храм Троицы. Ставя этот храм «на старой основе», псковские мастера внесли много нового в традиционную схему крестово-купольной церкви. Особенно переработана была верхняя часть сооружения, которой был придан динамический ритм по мере приближения к барабану.

Большинство псковских храмов XV в., ранним из которых была церковь Василия на Горке (1413 г.), представляют собой небольшие кубического вида постройки с одной главой, украшенной простыми поясками в виде треугольных и квадратных углублений. Внешний облик этих церквей очень прост и лаконичен. Как и в Новгороде, стены возводились из неровных плит известняка. Верхняя часть зданий завершалась многолопастными арками с восьмискатным покрытием. Церкви обычно имели несколько боковых приделов, еще более усиливавших впечатление тяжести и приземистости зданий. Характерны для псковского зодчества каменные звонницы, состоявшие из нескольких пролетов. Псковские постройки украшались темно-зелеными поливными изразцами. В XV в. Псков был единственным городом на Руси, где существовало производство таких изразцов.

Каменное строительство в Москве началось во второй четверти XIV в. Первый этап его относится к 1326—1333 гг., когда были построены четыре небольших каменных храма в Кремле, не сохранившихся до наших дней. Судя по некоторым косвенным данным, первые белокаменные московские церкви были выстроены в духе традиций владимиро-суздальского зодчества, что соответствовало и политическим замыслам заказчиков, стремившихся подчеркнуть преемственность великого княжения владимирского и московского.

В 1367 г. в Москве был возведен единственный в XIV—XV вв. во всей Северо-Восточной Руси каменный кремль, и с этого времени началась полоса нового интенсивного каменного строительства как в самой Москве, так и в городах Московского княжества. Крупнейшей постройкой XIV в. был Успенский собор в Коломне — городе, которому московские князья придавали исключительно важное значение как стратегическому центру на путях борьбы против иноземных нашествий. Расположенные ступенями, декоративные закомары Успенского собора создавали эффектный переход к барабану. Сохранив формы владимирского зодчества, московские мастера придали коломенскому храму торжественный и величественный вид. Внимание к художественной культуре Владимиро-Суздальской Руси вообще стало отличительной чертой развития московского искусства. Недаром в конце XIV в. было предпринято восстановление древних сооружений во Владимире, Переяславле-Залесском, Ростове.

Древнейшими сохранившимися памятниками московского зодчества являются Успенский собор в Звенигороде (около 1400 г.), собор Саввина-Сторожевского монастыря в Звенигороде (1405 г.) и Троицкий собор Троице-Сергиева монастыря в Загорске (1422 г.). Эти московские сооружения следуют образцам владимирских зданий XII в. — церкви Покрова на Нерли и Дмитриевскому собору во Владимире. Как и названные сооружения, древнейшие московские памятники представляют собой крестово-купольные одноглавые церкви с тремя апсидами, доходящими почти до верха куба, но выполнены они с меньшим декоративным убранством, чем владимирские храмы. Нет ни резных каменных барельефов, ни аркатурно-колончатых поясков. Убранство московских храмов скромнее, но в нем появились новые мотивы — килевидные арочки и «дыньки» в порталах, ставшие характерной особенностью московского зодчества. Очертания храмов, особенно монастырских, более приземисты и суровы, чем изящные и стройные формы владимирских построек. В соборе Спасо-Ан-дронникова монастыря (около 1427 г.) традиционный владимирский «куб» стал нарушаться за счет возвышения средних сводов над боковыми, что придавало более динамичное движение зданию вверх, к барабану, поставленному на квадратный постамент.

ЖИВОПИСЬ

Русское искусство второй половины XIII—XV вв. восприняло и развило дальше художественную культуру Древней Руси, об этом свидетельствуют, например, немногочисленные сохранившиеся памятники владими́ро-суздальской живописи XIV в. — икона «Грузинской Богоматери» и «Покров» из Покровского монастыря в Суздале (хранятся в Государственной Третьяковской галерее), особенно первая с ее тонким рисунком и мягким изображением лица.

Своя живописная школа складывалась в Твери, причем характерно, что борьба Твери против Москвы наложила отпечаток и на формирование тверской живописи, более стремившейся к новгородским образцам, чем к московским.

Высокого развития достигла во второй половине XIII—XV в. и новгородская живопись, опиравшаяся на прочные местные традиции и использовавшая достижения византийского искусства. Как и в зодчестве, в живописи Новгорода XIV в. сложился новый стиль. В новгородских фресках этого времени на смену тяжеловатым, приземистым фигурам пришли узкие, вытянутые изображения людей, многослойные композиции, живопись стала более миниатюрной, изящной, обогатилась цветовая гамма.

Замечательным художником конца XIV в. был знаменитый Феофан Грек, приехавший на Русь из Константинополя. Принеся лучшие традиции византийского искусства, Феофан Грек органически соединил их с русским искусством, став крупнейшим мастером русской живописи и внося большой вклад в ее идейно-художественное развитие. Феофан работал в Новгороде и Москве. В Новгороде сохранились росписи Феофаня Грека в церкви Спаса на Ильине. Живопись Феофана отличается свободой композиционного построения, художественной выразительностью, острыми индивидуальными характеристиками изображаемых персонажей. Проникнутая глубоким философским размышлением, живопись Феофана Грека — одно из самых ярких проявлений того экспрессивно-эмоционального стиля в русском искусстве конца XIV в., который сказался и в литературных произведениях. Феофан воплощал в своих фресковых росписях высокую одухотворенность человека, силу внутренней эмоциональности, страстную волю к возвышенному и прекрасному духовному состоянию человека. Духовная возвышенность и эмоциональность мыслились Феофаном, как и другими художниками того времени, естественно, в религиозных образах, но эти образы были неизмеримо выше, чище, благороднее и окружавшей художника действительности феодального общества, и самой церкви, чью низменность и стяжательство обличали в те же годы новгородские стригольники. Энергичная манера письма Феофана, великолепное мастерство колорита придают изумительную силу выразительности фигурам его фресок. Есть вместе с тем в них что-то суровое, даже грозное.

Феофан Грек оказал большое влияние на новгородскую живопись. По-видимому, его учениками была расписана церковь Федора Стратилата.

Замечательным памятником новгородской живописи второй половины XIV в. был и погибший комплекс фресок Волотовской церкви. Эти фрески, принадлежавшие неизвестному новгородскому мастеру, так же очень экспрессивны и эмоциональны, как и фрески Феофана Грека, но выполнены в другой живописной манере. Исследователь новгородского искусства В. Н. Лазарев отмечает, что «волоотовской росписи присуще нечто резкое, стремительное. Все изображено здесь в бурном движении: одеяния надуваются, как паруса, либо выступают острыми углами; их концы развеваются; фигуры очерчены летящими, не знающими удержа линиями; в позах и жестах всех фигур есть что-то неуравновешенное, стоящее на грани экзальтации; выразительные лица написаны смело брошенными мазками, попирающими все традиционные каноны»³⁸.

³⁸ История русского искусства. М., 1954, т. II, с. 184.

Жизнерадостные и яркие фрески Волотовской церкви далеко выходили из рамок сурового, аскетического мировосприятия официальной церкви и в образных формах искусства были одним из проявлений свободы художественного творчества, стремившегося преодолеть традиционные каноны церковной живописи.

Фашистские захватчики уничтожили в большей части еще один шедевр новгородской живописи XIV в., каким были фрески Ковалевской церкви. В живописи Ковалевской церкви особенно ярко проявилось влияние южнославянской художественной традиции, сочетавшейся с местными, новгородскими традициями. Ковалевские фрески проникнуты чертами аскетизма официальной церкви, и это понятно, если учесть, что заказчиком в данном случае являлся один из представителей боярской аристократии, борющейся против стригольнической ереси и рационализма в истолковании религиозных догматов. Свободная манера живописи Феофана Грека отступила здесь перед линейно-графическим изображением, победившим впоследствии в новгородской живописи XV в. В настоящее время проведены большие работы по восстановлению фресковой росписи, сохранившейся в обломках. Монументальная фресковая живопись XV в., подчиненная социальным интересам боярской аристократии, все более усваивала догматические черты официальной идеологии. Наоборот, иконописание XV в. в Новгороде оставалось более тесно связанным с демократическими кругами, и не случайно именно в иконописании развивались передовые художественные направления в Новгороде. Иконописание постепенно освободилось от следования образцам фресковой живописи и уже в конце XIV в. сложилось в самостоятельное направление живописного искусства. Новгородские иконы этого времени характеризуются чистотой и сочностью красок, среди которых живописцы особенно любили пламенный киноварный цвет. Композиционные схемы новгородских икон просты и лаконичны. Типы святых изображаются в виде крепких фигур со скошенными плечами и мелкими чертами лица. Святые изображались стоящими в ряд, житийные иконы выполнялись в виде большого изображения святого в центре, окруженного со всех сторон маленькими «клеймами», изображающими отдельные эпизоды из жития святого. Большинство икон посвящалось особенно популярным в народе святым — покровителям различных хозяйственных занятий (Илья-пророк — громовержец, дающий дождь и охраняющий от огня; покровитель скотоводства Власий, на которого легко перешел культ языческого Велеса; покровители коневодства Флор и Лавр; покровитель плотников и защитник от пожаров Николай-чудотворец и т. п.). Широко популярен был культ богородицы — заступницы и защитницы обиженных. Посвящались иконы и собственно историческим сюжетам. Так, в Новгороде была распространена икона «Битва суздальцев с новгородцами», посвященная событиям 1169 г. На этой иконе последовательно изображены три эпизода битвы, окончившейся победой новгородцев.

Крупнейшим памятником псковской живописи XIV в. являются фрески Снетогорского монастыря, весьма архаичные по манере исполнения. Вместе с тем в них ярко воплотились своеобразные черты псковского искусства — изображаемые персонажи выглядят сильными и даже несколько грубоватыми, распределение цвета придает им напряженный характер. Многие фигуры весьма динамичны, несмотря на прямолинейное, плоскостное их изображение.

Московская живопись первой половины XIV в. развивалась еще в плане архаических традиций предшествующего времени. В середине XIV в. роспись московских соборов была выполнена греческими (византийскими) и русскими мастерами. С 80-х гг., когда утвердилось руководящее положение Москвы в русских землях, начался расцвет московского искусства. Следует отметить, что хотя по размаху и разветвленности московская живопись не имела себе равных, но число уцелевших московских росписей XIV — начала XV в. сравнительно невелико. Не лучше обстоит дело и с произведениями станковой живописи — иконами XIV в. Многие из них погибли во время Тохтамышева разорения Москвы в 1382 г. Характерной особенностью московской живописи было

сочетание христианской мифологии с местными народными художественными традициями, восходившими к дохристианским культам. Отсюда преобладание чистых, ярких, нежных тонов в произведениях московской живописи XIV в., как, например, в коломенской житийной иконе Бориса и Глеба. Москва стала притягательным центром для лучших мастеров живописного искусства. Приехал в Москву и Феофан Грек, оставивший глубокий след в московском искусстве росписью церкви Рождества Богородицы, Архангельского собора, Благовещенского собора. Феофан украсил стены терема князя Владимира Андреевича видом Москвы; ему принадлежала также роспись дворца великого князя Василия Дмитриевича. Эти работы до нас не дошли, кроме икон Благовещенского собора. Феофан исполнил в нем «Деисус» — композицию из трех фигур: Христа и молящих его о прощении человеческих грехов богородицы и Иоанна Предтечи. Фигуры «Деисуса» написаны Феофаном мягко и пластично, в духе спокойной сосредоточенности. Прекрасно сочетание цветов, делающее икону изумительно красивой. Мастерство Феофана Грека вызвало стремление московских живописцев подражать ему. Следы влияния Феофана отчетливо прослеживаются и в иконах, и в книжной миниатюре того времени. Большая икона- «Преображение» начала XV в. впечатляет феофановской экспрессивностью и динамичностью.

Помимо «феофановского» направления, в московской живописи конца XIV — начала XV в. исследователи отмечают также наличие ряда произведений, связанных с византийской и южнославянской (сербской) художественными традициями. Подъем московского искусства подготовил творчество великого русского художника Андрея Рублева.

К сожалению, источники не сохранили многого о жизни и работах Андрея Рублева. Предположительно он родился около 1360 г., умер 29 января 1430 г. Андрей Рублев был иноком Троице-Сергиева, а потом Спасо-Андронникова монастырей. В 1405 г. вместе с Феофаном Греком и Прохором из Городца он расписывал Благовещенский собор, в 1408 г. работал над росписью восстанавливавшегося Успенского собора во Владимире вместе с Даниилом Черным. Между 1425 и 1427 гг. Рублев принимал участие в росписи Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря, а в 1427 —1430 гг. работал над фресками Спасо-Андронникова монастыря.

Наиболее ранними из известных в настоящее время работ Рублева считаются фрески Успенского собора в Звенигороде (на алтарных столбах). В этой работе уже сказались характерные черты рублевского стиля: сосредоточенность и внутренняя умиротворенность изображенных персонажей, плавные линии рисунка, спокойные тона красок. Все это очень не похоже на бурную, темпераментную живопись Феофана Грека. Андрей Рублев создавал свою художественную школу, следы которой обнаружены и в росписях Рождественского собора Саввина-Сторожевского монастыря. Иконы деисусного чина этого собора, по мнению исследователей, принадлежат самому Рублеву и поражают своей мягкостью и глубокой человечностью, столь отличающимися от византийской суровости. В московском Благовещенском соборе Рублев написал несколько икон, в большинстве плохо сохранившихся. Многофигурные композиции Рублева отличаются точно найденным общим ритмом движения, выражением душевной чистоты и ясности персонажей.

Значительно лучше сохранились фрески Успенского собора во Владимире, в росписи которого Андрей Рублев принимал участие вместе с Даниилом Черным. Очень трудно выделить то, что сделал Рублев или Даниил Черный. Возможно, художники работали вместе, чем объясняется своеобразная слитность во фресках черт письма каждого художника. Одна из лучших фресок собора — «Шествие праведников в рай». В ней найдены новые выразительные приемы, позволившие более динамично и в то же время слитно показать движение праведников во главе с апостолами Петром и Павлом в рай. Апостол Петр, идущий обычно впереди шествия с ключами от рая, объединен с идущими, что создает впечатление объединения толпы, хотя каждая группа (апостолы,

пророки, святители и т. д.) на фреске отчетливо выделена. Выразительно написана фигура апостола Павла, указующего путь в рай. Кроме этой фрески, Рублеву приписывается и ряд других фресок собора. Они являются подлинными шедеврами живописного мастерства. Лица, написанные Рублевым, полны мягкости и благородства, изображению придана удивительная грация, тона красок мягкие и спокойные. С Рублевым связаны также и иконы из иконостаса Успенского собора, вероятно, задуманные самим Рублевым и выполненные в его манере учениками.

Знаменитым произведением Рублева, одним из самых выдающихся памятников мирового искусства, является икона «Троица», написанная для собора Троице-Сергиева монастыря. Эта икона является одной из немногих достоверных работ Рублева. Вероятно икона была написана в 1425—1427 гг., когда для вновь отстроенного на месте деревянной церкви каменного храма были сделаны и другие иконы для нового иконостаса. Долгое время гениальное творение Рублева было практически сокрыто от людского взора под золотой ризой и слоями многочисленных поновлений, последнее из которых было сделано в конце XVIII в.

В настоящее время икона полностью раскрыта, что позволило вскрыть ее идеи и художественные особенности. Сюжет иконы «Троица» основан на библейском рассказе о явлении старцу Аврааму и его супруге Саре в образе юношей трех ангелов, один из которых предсказал Саре рождение сына. Ангелы были олицетворением Троицы: бога-отца, бога-сына, святого духа. Обычно византийские и древнерусские художники в подробностях передавали эту легенду: три ангела, Авраам и Сара, слуга, закалывающий тельца, дом, дерево, скала. Рублев же внимание сосредоточил на главном — на выражении идеи единства и нерасторжимости трех лиц Троицы. Вся композиция, рисунок, колорит подчинены этой идее. В связи с этим художник сознательно исключил Авраама, Сару, слугу. Три ангела восседают у чаши с головой жертвенного тельца. Изображения ангелов привлекают внимание своим глубоким внутренним спокойствием и вместе с тем необычайной одухотворенностью. Все они погружены в себя, лица их задумчивы. В картине очень спокойный, но в то же время последовательный и четкий ритм кругового движения, которому подчинена вся композиция. Настроение бесконечности, безмолвия присущи не только ангелам, но и дереву, скале, дому. Краски чисты и гармоничны.

Идея мира и человеколюбия, готовности к самопожертвованию, нравственного подвига воплощена в символической картине на церковный сюжет с редкой художественной силой. Недаром «Троица» произвела такое большое впечатление не только на современников, но и на потомков и породила огромное количество подражаний. Волнует зрителя «Троица» Рублева и сейчас, спустя пять с лишним столетий.

Рублеву принадлежат и другие работы в Троицком соборе. Среди них — изображения архангела Гавриила и апостола Павла, замечательные по глубине психологической характеристики и мастерству исполнения. В творчестве Андрея Рублева русское искусство делало громадный и очень важный шаг по пути становления реалистического начала с индивидуальной свободой художественного творчества. В творчестве Рублева была преодолена суровая, аскетическая традиция византийского искусства. Работы Рублева в подлинном смысле слова гуманистичны, они раскрывают красоту и силу человеческой души, они проникнуты любовью к человеку.

* * *

Усилившийся интерес к явлениям природы и ересь стригольников, появление сюжетной повести в литературе и блестящий подъем русской живописи XV в. — все это и многое другое является звеньями одной цепи, многообразными проявлениями того общего процесса развития русской культуры XIV—XV вв., в котором зарождалось рационалистическое и гуманистическое начало.

ГЛАВА IV

РУССКАЯ КУЛЬТУРА КОНЦА XV-XVI ВВ.

Конец XV — первая половина XVI в. ознаменовались крупными изменениями в жизни русских земель. Развивавшиеся в течение длительного времени объединительные процессы привели к образованию единого Российского государства. Образование государства происходило в неразрывной связи с борьбой против монголо-татарского ига, ускорившей течение объединительных процессов. Героическая борьба русского народа против завоевателей привела в 1480 г. к свержению зависимости от распадавшейся Золотой орды. Однако борьба не была еще закончена. В течение еще двух столетий Российскому государству пришлось с громадным напряжением сил вести борьбу против остатков Золотой орды, поддерживаемых султанской Турцией — Казанского, Астраханского, Крымского ханств, а также Сибирского ханства и др.

После того как в первой четверти XVI в. завершилось государственное объединение русских земель, Российское государство представляло собой большую, но относительно компактную территорию с историческим центром в междуречье Оки и Волги. Здесь развивался достигший значительной зрелости процесс формирования русской (великорусской) народности. Как на окраинах, так отчасти и в центре страны наряду с русским населением было немало других народностей — потомков древних угро-финских племен этой территории. Некоторые из них ассимилировались с русскими, другие надолго сохранили свой язык, особенности материальной и духовной культуры. Во всяком случае многонациональный характер нового государства был отчетливо виден с самого времени его возникновения, подобно тому как в русских землях и княжествах давно соседствовали русские и нерусские народности и племена. При всем этом существовало достаточно твердое этническое ядро нового государства, которое составляли великороссы.

В письменных источниках уже в XV в. появляются слова «Росия», «Российская земля», «росийский». «В XVI в., — отмечал М. Н. Тихомиров, — рядом с ними, как почти однозначные, существуют названия «Русь», «Русская земля», «русский». Но в это же время все больше утверждается понятие «Росия» с производным от него «росийский» для определения всей страны в целом и всего ее населения. «Русский» становится синонимом определенной народности, «росийский» обозначает принадлежность к определенному государству. Это новое значение названий «Россия» и «росийский» окончательно устанавливается с начала XVII в.

...Термин «Россия» природно русский. Он входил в обиход постепенно, по мере складывания и образования Российского централизованного государства. Поэтому правильнее говорить о России или Российском государстве с конца XV в., заменив этим название «Русское государство», сосуществовавшее с названием «Россия»³⁹.

Условия образования единого государства, создававшегося в борьбе против иноземного ига и при отсутствии сколько-нибудь реальных элементов буржуазных связей, породили специфические черты государственной централизации в России по сравнению с некоторыми централизованными государствами Европы, возникавшими примерно в то же время — в XV в. Феодальные отношения в России находились еще на восходящей стадии своего развития, образование Российского государства оказалось теснейшим образом связано с ростом крепостничества, что наложило сильнейший отпечаток на социальную структуру и экономический строй нового государства.

Российское государство было феодальным по своей социально-экономической структуре и его внутреннее единство только еще начинало складываться. «...О национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время», — писал В. И. Ленин, отмечая, что «государство распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со

³⁹ Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVII веков. М., 1973, с. 16—17.

своими полками), особые таможенные границы и т. д.»⁴⁰. И только в новом периоде русской истории, начавшемся примерно с XVII в., стало происходить действительное слияние отдельных областей и земель в единое целое на основе зарождения буржуазных связей и постепенного складывания всероссийского рынка. Поэтому процесс централизации государственной власти в XV—XVI вв. протекал в очень сложных условиях и сопровождался ожесточенным сопротивлением со стороны феодальной аристократии, долго сохранявшей свое могущество, основой которого было феодальное землевладение.

Российское государство развивалось как государство феодально-крепостническое. Его главной социальной опорой было служилое дворянство и боярство; большую роль в его укреплении сыграла церковь с ее огромными богатствами и влиянием; постепенно развивалась купеческая верхушка городского населения, заинтересованная в сильной государственной власти. Рост и усиление единого государства происходили за счет усиления эксплуатации народных масс. Именно в Российском государстве оформилась в период с конца XV — до середины XVII в. система крепостного права, поставившая миллионы крестьян в положение личной зависимости от феодалов и обеспечившая возможность эксплуатации труда народных масс в интересах господствующего класса. Крепостнические отношения проникали и в города, тормозя процесс зарождения буржуазных элементов. Само феодальное государство выступало непосредственным эксплуататором громадной массы так называемых «черносошных» и дворцовых крестьян, а также городского населения. В этих условиях классовая борьба достигла небывалого размаха, приведя в XVII в. к крестьянским войнам и крупным городским восстаниям. Всю силу аппарата власти феодальное государство направляло на подавление сопротивления народных масс, на упрочение экономического и политического положения господствующего класса. Верным союзником государства в этом была церковь.

Отмечая крепостнический характер Российского государства, мы должны вместе с тем иметь в виду, что его образование в тех исторических условиях было событием крупного прогрессивного значения. Преодоление феодальной раздробленности и создание единой государственной власти создавало более благоприятные условия для хозяйственного и культурного развития страны и неизмеримо увеличивало ее силы для борьбы против внешних нашествий, непрерывно угрожавших русским землям не только с Востока, но и с Запада. Ликвидация княжеских междоусобиц и постепенное ослабление феодальной аристократии, выдвижение дворянства и городского купечества как опоры самодержавия укрепляли Российское государство, превращали его в крупную международную силу. Уже Российское государство начинало борьбу за выход на Балтийское море, необходимый для прогрессивного экономического развития страны, и только сохранение многочисленных пережитков феодальной раздробленности и обусловленная ими неразвитость экономики страны, а также упорное сопротивление феодальной аристократии не позволяли вплоть до начала XVIII в. решить эту важнейшую историческую задачу. Тем не менее на протяжении конца XV—XVI в. связи России со странами Западной Европы постепенно развивались.

В процессе формирования русской (великорусской) народности сложились особенности языка, материальной и духовной культуры великороссов, определилась их основная территория, подвергавшаяся в дальнейшем весьма существенному расширению в ходе колонизационных процессов. Именно в XVI столетии отстоялись и выработались многие явления русской культуры, сохранявшиеся в основных чертах и в последующее время.

Произошли важные изменения в языке. Утратились старые системы прошедших времен и получили новое развитие виды глагола. Усовершенствовалась и приблизилась к современной система склонений и спряжений. Отмерла древняя звательная форма имен

⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 153.

существительных. Ряд слов, возникших первоначально в московской письменности, приобрел в XVI в. общерусское распространение. Среди них — «крестьянин», «деньги», «пашня», «лавка», «деревня», «кружево», «пуговица» и другие, зато стали исчезать долго державшиеся в Новгородской земле такие слова, как «смерды», «куны» и др. Ведущее место в русском языке по-прежнему занимал ростово-суздальский диалект с его московским говором, но существовало несколько других диалектов — тульский, рязанский, курско-орловский, смоленский, псковский, новгородский, подразделявшиеся, в свою очередь, на многие местные говоры. Наличие таких особенностей в языке отражало относительно слабое еще единство русских земель. Но уже в XVI в. все большее значение приобретал московский говор, легший в основу делового языка. Последний все более проникал в географические, исторические, медицинские и другие сочинения. Этот московский деловой язык имел замечательную особенность: он оказался в значительной, степени свободным от церковно-книжного элемента. Московский говор постепенно проникался южновеликорусскими особенностями, приобретая так называемое «аканье» и подготавливая основу для развития более тесного языкового единства русского народа.

Развитие русской культуры в XVI в. протекало в весьма сложных и противоречивых условиях. С одной стороны, невиданный дотоле рост государственных потребностей в развитии самых различных областей материальной и духовной культуры в целях укрепления внутреннего и внешнеполитического положения государства, задачи укрепления положения церкви требовали создания многих произведений в области культуры — зодчестве, живописи, книжном деле и проч. С другой — все более сковывающее господство церкви и рост крепостнических отношений ставили серьезные преграды на пути развития культуры. Однако и в этих сложных исторических условиях развитие русской культуры в XVI в. продолжалось в целом по восходящей линии. Об этом свидетельствуют такие факты, как сохранение и развитие земледельческого, промыслового и ремесленного хозяйства, крупные успехи в области строительной техники. Об этом же свидетельствуют и шедевры русского зодчества XVI в., такие, как кремлевский ансамбль в Москве, соборы Вознесения (в Коломенском) и Василия Блаженного (Покровский), вошедшие в сокровищницу мирового архитектурного искусства. Подъем русской культуры непосредственно отразился в небывалом оживлении общественно-политической мысли, бурно обсуждавшей новые сложные проблемы общественного развития в условиях единого государства. На вершине этого подъема — проявление русского вольнодумства XVI в., выступление еретиков, отзвуки реформационного движения. О движении культуры по восходящей линии свидетельствуют и расцвет мастерства в прикладном искусстве, и новые явления в музыке, и накопление естественнонаучных знаний, и расширение географического кругозора русских людей. Именно в XVI в. произошло событие крупнейшего культурно-исторического значения — появление в России книгопечатания.

В истории русской культуры XVI в. были и трудные времена, и многие темные стороны, тяжелы были условия ее развития. Но, опираясь на богатейшие традиции народного творчества, вдохновленная идеей единства и независимости родной страны, культура России XVI в. стала тем надежным «предмостьем», с которого начиналось в XVII в. развитие новой русской культуры.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Прогресс техники происходил в средние века очень медленно, рутинное состояние техники, как отмечал В. И. Ленин, является характерной особенностью феодальной экономики⁴¹. Тем не менее определенные сдвиги в этом отношении происходили от столетия к столетию и могут быть отмечены для каждого периода.

⁴¹ См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 3, с. 185.

Наиболее застойной была техника сельскохозяйственного производства. Веками здесь сохранялись прежние орудия труда, да в условиях крепостного хозяйства не создавалось и необходимого простора для подъема производительных сил в крестьянском хозяйстве. Как и прежде, в сельском хозяйстве XV—XVI вв. употреблялась «суковатка», разрыхлявшая почву (применялась в конной упряжи), но постепенно ее вытесняла известная и раньше двузубая соха с железными наконечниками, а также деревянный плуг. По-прежнему применяли в сельском хозяйстве бороны, косы, серпы, грабли.

Более заметно прогрессировала техника ремесленного производства, хотя и здесь темпы движения были весьма медленными, поскольку средневековое ремесло базировалось на ручном труде и работало преимущественно на заказ, а не на рынок.

В XVI в. русские мастера научились делать глубокие буровые скважины (свыше 100 м) для добычи соли. Появились более сложные домницы вместо сыродутных горнов для выплавки железа из руды. Заметно выросла обработка металлов. Это сказалось в увеличении ремесленных специальностей. Известны десятки специальностей мастеров по обработке железа — кузнецы, гвоздочники, ножовники, сабельники, стрельники, бронники, кольчужники, скобочники, лемешники, подковщики, секирники, сковородники, забойники, молотники, угольники, замочники, самопальники, ствольники. В XVI в. уже употреблялись механические молоты — «самоковы», приводившиеся в движение водой.

С конца XV в. большое развитие стало получать литейное дело, тесно связанное с обеспечением военных потребностей. Уже в 80-х гг. XV в. был организован государственный Пушечный двор в Москве на реке Неглинной. До нас дошла пушка, отлитая мастером Яковом в 1488 г. (это самая древняя из сохранившихся русских пушек). Известны и ученики Якова — мастера Ваня и Васюк. После 1505 г. в Москву уже не приезжали иностранные мастера пушечного дела. В начале XVI в. русский мастер Петр отлил колокол весом в 350 пудов и крупную пищаль. Мастера умели делать необходимые сплавы из меди, олова и цинка. В конце XVI в. на московском Пушечном дворе отлита знаменитая «царь-пушка», стоящая ныне в Московском Кремле. Эта огромная пушка весит 40 тонн и имеет диаметр канала ствола 89 см. Установлено, что, вопреки распространенному представлению о боевой непригодности «царь-пушки», она могла стрелять. Богато украшенная различными орнаментами и изображениями (среди них — сидящий на коне царь Федор Иванович), «царь-пушка» Андрея Чохова является одним из самых замечательных памятников русского литейного мастерства XVI в. В Москве существовало также производство «зелья» — пороха.

Развитие денежной системы Российского государства обусловило совершенствование приемов чеканки монет, производившейся на специальных Денежных дворах.

Потребности государственного двора и феодальной знати стимулировали развитие ювелирного дела. В XVI в. в русских городах работало много мастеров-серебряников (в Новгороде их было, например, 222 человека). Ряд серебряников на торгу в Пскове насчитывал 140 лавок. Известны многочисленные поделки мастеров-ювелиров XVI в., являющиеся произведениями большого технического умения и художественного мастерства, — различные культовые и бытовые предметы, оклады книг и т. п. Заметно прогрессировало искусство резьбы по кости и дереву.

Большое развитие получили гончарное ремесло, различные виды обработки дерева. Во второй половине XVI в. была предпринята попытка организовать производство бумаги (бумажная мельница в Москве).

В середине XVI в. в Москве была создана специальная Оружейная палата, сосредоточившая хранение и производство дорогого оружия, драгоценной утвари, царских регалий и т. п. предметов.

Дальнейшее развитие получила строительная техника. Возродилось утраченное после монголо-татарского вторжения производство кирпича, центром которого стала Москва. Русские мастера конца XV—XVI в. построили ряд крупнейших крепостных

сооружений. В первую очередь выделяются из них Московский Кремль выстроенный из кирпича в конце XV в., многоярусные башни Псковского и Новгородского кремлей начала XV в. В 30-х гг. в Москве был построен Китай-город, в 40—50-х гг. было осуществлено строительство каменных кремлей в Серпухове, Коломне и других городах. В конце XVI в. были построены Белый город в Москве, каменные кремли в Астрахани, Казани, Смоленске. Выдающимся мастером крепостных сооружений конца XVI в. был Федор Конь (Савельев), который построил Смоленский кремль, прозванный за красоту «ожерельем земли Русской». Каменное строительство в XVI в. приобрело широкий размах не только при сооружении крепостей, но и при возведении многочисленных и крупных по масштабам каменных зданий. Русские мастера сооружали постройки большой высоты, умело рассчитывая прочность стен. Достижением строительной техники явилось возведение в 1532 г. церкви Вознесения в Коломенском под Москвой высотой 58 м. Сложную задачу поддержания сводов здания строители решили за счет увеличения толщины стен нижней части, в значительной степени поглотивших интерьер (до двух третей площади). Тот же прием был применен при строительстве центральной части храма Василия Блаженного (Покровского собора) на Красной площади в Москве высотой 47 м. Следует отметить, что русские мастера в этом отношении справлялись со своей задачей не менее успешно, чем их западноевропейские собратья, возводившие постройки примерно такой же высоты (Амьен — 42 м, Нотр-Дам — 69 м).

В связи с расширением каменного строительства был введен единый размер кирпича, производившегося на государевых заводах и имевшего клеймо (государственный герб). В качестве декоративного материала стали применять терракотовые изразцы. Преобладающим, однако, оставалось по-прежнему деревянное строительство. К XVI в. относится складывание тех типичных конструкций деревянных жилых сооружений, которые устойчиво держались потом в России на протяжении столетий. Крестьянские жилища получили так называемую «трехкамерную связь», т. е. состояли из избы с клетью (горницей) и соединявшими их холодными сенями с выходом наружу, покрывались двухскатной крышей. Помимо избы, в крестьянском дворе обычно имелись житница для хранения зерна, один-два хлева для скота, сенник, баня (мыльня), иногда также риги, овины, сараи, хотя последние чаще всего ставились вне дворов, на поле. Постройки ставились на высоких подклетях — до 12 рядов бревен, в то время как сами избы возвышались на 20—25 рядов бревен, а хозяйственные постройки на 12—17 рядов. Длина изб составляла 4—5 м. Но и в городе, и в деревне были заметные отклонения от этих размеров в ту и другую сторону, а также по количеству построек во дворах, что было обусловлено процессом имущественной дифференциации. В городах уже с конца XV в. стали появляться каменные дома, принадлежавшие боярству, высшему духовенству и крупному купечеству. В Москве одной из первых таких построек во второй половине XV в. явились палаты купца Таракана, о строительстве которых особо сообщается в летописи.

Тогда же, в XVI столетии, сложился своеобразный русский крестьянский костюм — понева и сарафан у женщин, косоворотка с разрезом на левой стороне у мужчин, кокошник у женщин, валенка у мужчин (головные уборы).

Наиболее распространенной пищей в XVI в. были капустные щи, гречневая, овсяная, гороховая каши, печеная и пареная репа, рыба, овсяный кисель, по праздникам — пироги с начинкой, блины, яйца, икра, осетрина, пиво, меды.

Шестнадцатый век был тем временем, когда оформились и укрепились многие специфические черты быта русской народности.

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Как и в отношении предшествующего периода, судить о развитии народного творчества мы можем лишь на основании позднейших записей фольклора, отражения произведений народного творчества в некоторых литературных памятниках того времени,

а также немногих прямых указаний на различные формы народной культуры того времени, содержащиеся в источниках.

Так, в некоторых летописях и произведениях церковников мы встречаем упоминания о народных празднествах, с которыми решительно, но довольно безуспешно боролась церковь. Скоморохи, гусяры с ненавистью назывались митрополитом Даниилом «глумотворцами» — народное искусство носило антифеодальный и антицерковный характер. К сожалению, в нашем распоряжении имеется немного прямых свидетельств об устном народном творчестве того времени.

Видимо, в XVI в. стал складываться цикл сказаний и песен, связанных с укреплением Российского государства, с деятельностью царя Ивана Грозного. Такова, например, сказка о Барме-Ярыжке — простом человеке, добывшем из «Вавилона-града» знаки царского достоинства для Ивана Грозного. Ряд песен возник в связи со взятием Казани. В этих песнях интересно прославление русских пушкарей, взорвавших стены под Казанью. Песня о Кострюке посвящена женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне. В этой песне рассказывается, между прочим, и о том, как простой русский человек победил иноземного князя Кострюка, хваставшегося своей силой. Образ Грозного в народном творчестве выглядит весьма противоречиво, как противоречивы были и его реальные исторические деяния. С одной стороны, народные песни прославляют борьбу Грозного с иноземными врагами и боярами, с другой — осуждают за его жестокость.

В этом отношении интересна, например, песня о гневе Ивана Грозного на сына, бывшая очень популярной. Сюжет этой песни вымышлен. Песня рассказывает о том, как происходил пир у царя, на котором Иван говорил о своем воцарении в результате победы над Казанью и обличал боярскую измену. В ответ один из участников пира говорит царю: «Не вывести тебе изменушки до веку, сидит супротивник супротив тебя, он пьет и ест с одного блюда, цветное платье носит с одного плеча». Царем овладевает приступ гнева: «Тут не мутное око помутилось, его царское сердце разгорелось», царь требует от сына рассказать о том, кто изменник. Царевич Иван напоминает о недавнем походе, когда был разгромлен Новгород: «которыми улицами ты ехал, батюшка, теми улицами кура не пила; и которыми ехал Малюта Скурлатович, и теми улицами кура не пила». Изменником царю оказывается другой царевич, Федор, который щадил новгородцев, послал вперед гонцов, «чтобы мужики новгородский по погребам они бы охиялился, а железными досками задвигались. Он казнил чисто — не начисто». Царевич Федор отвечает, что измена гнездится в самом дворце, за что царь отправляет его на казнь. Народная песня определенно сочувствует безвинным жертвам царского гнева, причем характерно, что речь идет тут не о боярстве, а о простых людях и царевиче, пытавшемся спасти их. Народ осуждал жестокость Грозного по отношению к простым «мужикам новгородским», «старым и малым». Резко отрицательно изображен «Малюта злодей Скурлатович», «Малюта враг», жестоким палачом выступает в сцене казни сына и сам царь Грозный, требующий, чтобы ему показали отрубленную голову. Далее песня рассказывает о глубоком раскаянии Грозного, которое выливается в гнев на бояр за то, что они не удержали его от казни сына. Однако оказывается, что царевич был спасен Никитой Романовым, который и получает за это вотчину, «чтобы не было в ней иску», чтобы «ктой уйдет в Микитину вотчину, тому бог спасет и царь вины простит». Здесь выражена мечта народа о том, чтобы прекратился тот самый сыск беглых крестьян, который стал получать распространение во второй половине XVI в. с развитием закрепощения, чтобы было место, где можно спастись от опричников, бесцеремонно захватывавших и свозивших в свои владения крестьян. Тема антифеодального протеста отчетливо звучит в песне.

Другая песня — об Иване Грозном и разбойниках — рассказывает о том, как простой человек, «добрый молодец», повстречался с разбойниками, попросил у них денег, а когда ему отказали, то побил разбойников и отобрал их добычу — монастырскую казну. Добытые деньги добрый молодец раздал народу в кабаке, но был пойман по обвинению в грабеже церковного имущества. Судил молодца сам Грозный, вынесший неожиданный

приговор — оправдать обвиняемого и заплатить ему за «бесчестье» сорок тысяч рублей. Здесь сказалась явная идеализация образа Грозного, наивная народная вера в «справедливого», «доброе» царя. Эти же настроения видны в песнях, рассказывающих о встречах казаков с Грозным, о плаче над гробом Ивана Грозного и др. При всем этом социальная тематика звучит в народных песнях XVI в. отчетливо и последовательно. Сама идеализация образа царя неразрывно связывается со стремлением народа избавиться от становящегося все более тяжелым положением под гнетом феодальных землевладельцев и государства. Развитие социальной, в своей тенденции — антифеодальной, тематики составляет особенность устного народного творчества XVI в., в особенности второй его половины. Характерна в этом отношении былина о Вавиле и скоморохах, которые борются против «царя Собаки».

Тема борьбы с внешними врагами, прославления мужества и сметки русских людей продолжала занимать одно из центральных мест в устном народном творчестве. Несмотря на ликвидацию Золотой орды, в XVI в. продолжалась упорная борьба против нашествий с Востока, и эта важнейшая сторона исторической жизни, естественно, находила отклик и в народном творчестве. Подвергались в этой связи своеобразной переработке и былины киевского цикла, когда воедино сливались рассказы о борьбе с половцами и монголами. Вместо «Калина царя» теперь в посвященных ему песнях появился Мамай, древнерусские богатыри оказались борцами против монголо-татарского ига. В «Сказании о киевских богатырях», возникшем во второй половине XVI или в начале XVII в., Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович действуют вместе с дворянином Залешанином и другими «Владимировыми» богатырями, отправляются в Царьград, который по описанию весьма похож на Казань, а затем побеждают татарских и царьградских богатырей. Но не только традиционные образы богатырей народ связывал в своем творчестве с борьбой против завоевателей: встречаются песни, в которых сливаются рассказы о взятии Казани (событие крупнейшего значения для России середины XVI в.) и о подвигах Ермака Тимофеевича, в результате чего народный герой Ермак оказывается в числе помощников Ивана Грозного при взятии Казани. «Былины — это история, рассказанная самим народом,— писал Б. Д. Греков.— Тут могут быть неточности в хронологии, в терминах, тут могут быть фактические ошибки... но оценка событий здесь всегда верна и не может быть иной, поскольку народ был не простым свидетелем событий, а субъектом истории, непосредственно творившим эти события»⁴². Связывая образ Ермака со взятием Казани, народ тем самым оценивал падение Казанского ханства как подвиг народа, олицетворявшегося богатырем того времени — Ермаком Тимофеевичем.

Нашла отклик в народном творчестве и героическая оборона Пскова, причем интересно, что она связана опять-таки с борьбой против «царя Крымского». В народном сознании главным врагом были Крымское и Казанское ханства, откуда совершались опустошительные набеги на Русскую землю, и все другие враги Российского государства связывались именно с татарскими ханами. Впрочем, такая связь имела и реальное историческое основание: набег Девлет-Гирея на Москву во время Ливонской войны был результатом сговора между Речью Посполитой и Крымским ханством.

Демократические, и патриотические идеи устного народного творчества оказали большое воздействие на дальнейшее прогрессивное развитие русской культуры рассматриваемого периода.

ГРАМОТНОСТЬ И ПИСЬМЕННОСТЬ

В условиях образования единого государства потребности в грамотных людях значительно возросли. Это было связано с развитием феодального хозяйства, ремесла,

⁴² Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 7.

торговли, а в особенности — с развитием аппарата власти, международных отношений и укреплением церкви. Правительство, например, проявляло особую озабоченность тем, чтобы были подобраны грамотные люди для новых губных учреждений (органов местного управления). На Стоглавом соборе 1551 г. было принято решение: «в царствующем граде Москве и по всем градам... у священников, у дьяконов и у дьячков учинити в домех училище, чтобы священники и дьяконы и все православные христиане в коемже граде предавали им своих детей на учение грамоте и на учение книжного письма». Надо иметь в виду, что в то время даже среди духовенства было много неграмотных людей. Но постановление собора 1551 г. не было осуществлено. Обучение грамоте проводилось в XVI в. по-прежнему в домашних условиях. Учили обычно люди духовного сословия, но были и светские «мастера грамоты». Учеников заставляли сначала выучивать наизусть, тексты книг, а потом разбирали значение букв и слогов. Такое обучение продолжалось около двух лет и за него полагалось «мастеру принести каша да гривна денег». Гривна денег была немалой суммой, и обучение было доступно, конечно, лишь детям состоятельных родителей. Затем начиналось обучение письму. Обучали также сложению и вычитанию, наизусть выучивали числа до тысячи. В качестве учебных пособий служили богослужебные книги. Во второй половине столетия появились специальные грамматики («Беседа о учении грамоте, что есть грамота и что ея строение, и чего рада составися таковое учение, и что от нея приобретение, и что прежде всего учиться подобает», «Сказание граматичным степенем, до колика степеней азбучный слог доходит») и арифметики («Книга, рекома по-гречески Арифметика, а по-немецки Алгоризма, а по-русски цыфирная счетная мудрость»).

Рукописных книг в XVI в. стало значительно больше, хотя «книжное списание» оставалось нелегким трудом. Один писец, занимавшийся «писанием коленным» (т. е. держа рукопись на коленях), просил читателей извинить его за ошибки, которые он допустил, «ли дремля, ли со другом глаголя». Книга, величиной в 380 листов, была переписана им за два месяца и пять дней. Недаром в книгах того времени встречаются такого рода записи писца: «Как рад заяц, тенета избегши, то так рад писец, останош-ную (последнюю) строку исписав». Книги переписывали не только духовные, но и светские лица. В одном сборнике «слов» и поучений конца XVI в. имеется запись: «А писал книгу сию... раб божий Володимер Иосифов сын Казанец, астраханский пушкарь». Имеются сведения о существовании в это время профессиональных торговцев книгами, «книжников». Книга была большой ценностью, она нередко являлась вкладом в монастырь «по душе», а то и военным трофеем. В XVI в. таким путем распространились из Литвы пользовавшиеся большой популярностью сборники различных сведений о природе — «Шестодневы», которые собирались во время военных действий русскими войсками. В 1600 г. \ одна небольшая книга, написанная на 135 листах, была выменена, как об этом сообщает запись в книге, «на самопал, да на саблю, да на сукно черное, да на завесу простую». Обычно в конце книг писались заклинания, предостерегавшие от кражи или подмены.

Широкое распространение письменности привело к вытеснению в XVI в. пергамента, хотя он употреблялся еще в некоторых случаях (например, для написания царских грамот). Теперь основным материалом для письма стала бумага, которую привозили из Италии, Франции, германских государств, Польши. Каждый сорт бумаги имел специфические водяные знаки (например, изображение, перчатки, ножниц и т. п.— на итальянской бумаге, розеток, гербов городов, имен владельцев бумажных фабрик и т. п.— на французской бумаге, вебрей, быков, орлов и т. п.— на немецкой бумаге и т. д.). Эти знаки помогают ученым определять время возникновения того или иного памятника письменности. Была сделана попытка завести бумажное дело и в России, но бумажная мельница, построенная на реке Уче под Москвой, просуществовала недолго.

Рукописные тексты составляли листы, свитки, тетради, книги. В государственном делопроизводстве получили распространение «столбцы». Отдельные листы текста одного

и того же дела склеивались своими верхними и нижними частями в последовательном порядке и получалась длинная бумажная лента — «столбец», достигавшая иногда огромных размеров.

Текст на таком «столбце» писался только с одной стороны. Хранили «столбец» в свернутом виде, так что для того чтобы прочитать текст или найти нужное место, «столбец» следовало разворачивать, что затрудняло чтение. Чтобы исключить изъятие или подмену листов «стобца» писцы (дьяки или подьячие) на местах склеек («сставов») ставили свои подписи («скрепы») таким образом, чтобы роспись по буквам, слогам, словам растягивалась по нескольким склейкам. Для хранения «столбцов» делали специальные лари.

Как и прежде, писали чернилами, а также киноварью и растворенными золотом и серебром, что применялось для украшения текстов. Многие рукописные книги обильно украшались миниатюрами, заставками. Большого искусства достигло переплетное дело.

В графике письма происходили в XVI в. изменения, наметившиеся уже в предшествующий период. Теперь окончательно стала господствовать скоропись, вытесняя полуустав не только в канцелярских документах, но и при переписке литературных и богослужебных произведений.

Интересно распространение тайнописи, которая применялась для шифровки дипломатической переписки, а также для записей еретических мыслей. Иногда в качестве тайнописи употреблялась малоизвестная глаголическая азбука, или пермская азбука, составленная в XV в. Кроме того, применялась литорея — система замены одних букв другими; использовалось буквенное обозначение цифр для обратной зашифровки: назывались цифры, которые должны были в комбинации дать число, обозначаемое соответствующей буквой, и эту букву следовало читать вместо названной комбинации цифр (например, написано «дваши два со единим», это значит $2 \cdot 2 + 1 = 5$; цифра 5 писалась «е», поэтому вместо «дваши два со единим» надо было читать «е» и т. п.). Таким образом зашифровал свое имя один из видных еретиков конца XV в. Федор Курицын⁴³.

В 30—40-х гг. XVI в. отмечается появление нового стиля украшений в рукописях, который впоследствии, с появлением печатных книг, получает название «старопечатного» орнамента. Элементы этого стиля в виде клейм (узорных рамок) имеются уже внутри заставок геометрического типа. Одной из особенностей этого стиля было применение штриховки, чем достигалась объемность формы.

К середине XVI в. изготовление рукописных книг уже не удовлетворяло возрастающим потребностям в книгах. Укрепление централизованной власти, важнейший этап которого наступил с воцарением Ивана IV Грозного, было тесно связано с усилением идеологической деятельности церкви.

НАЧАЛО КНИГОПЕЧАТАНИЯ

Необходимость унификации, исправления и широкого распространения церковных книг побудила Ивана IV обратиться к митрополиту Макарию с предложением об организации в России книгопечатания. Митрополит «зело возрадовася» этому и принял активное участие в организации печатного дела. Начало книгопечатания не случайно относится к середине 50-х гг. XVI в., т. е. именно к тому времени, когда Иван IV начал осуществление широкого круга централизаторских мероприятий, захвативших и церковь, и когда церковные соборы специально занимались вопросами борьбы с еретиками. «Книгопечатание призвано было служить укреплявшемуся самодержавию в его борьбе с попытками вольнодумного толкования церковных текстов. А это вольнодумное толкование было отражением новых идей и классовой борьбы. Недаром же впоследствии к нему прибегнул новый «еретик» — Феодосий Косой, говоривший о равенстве всех

⁴³ Подробнее см.: Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956, с. 392 и др.

людей. Таких же взглядов в какой-то мере держался и Матвей Башкин, отпустивший своих холопов на свободу. Свои взгляды он обосновывал Апостолом, который весь «извозчил», покрыл воском, отмечая соответствующие места»⁴⁴.

Таким образом, организация книгопечатания в XVI в. была обусловлена государственными потребностями, служила определенным политическим целям и явилась отражением нового этапа развития Российского государства.

Работами советских исследователей установлено, что начало книгопечатания в России относится к 1553 г. Косвенные данные в этом отношении нашли теперь точное подтверждение в прямой записи, обнаруженной М. Н. Тихомировым в «Тотемском летописце» («1553. Начатся печатания книг в Москве, при митрополите московском Макарии»). В течение десяти последующих лет в Москве было напечатано девять книг. Первые издания печати не только не имеют обозначения года их выхода, но они и анонимны, т. е. без указания издателей и места издания. Исследователи отмечают большое разнообразие шрифтов и орнаментальных украшений этих изданий, что, по-видимому, указывает на пробный характер производившихся тогда книгопечатных работ. Первые русские печатные книги были еще очень похожи на рукописные, которым мастера старались следовать во всем — в заставках, вязи и т. п. приемах внешнего оформления. Специфические приемы типографского украшения книг еще не были созданы.

Новый этап книгопечатания наступил в 1563 г., когда на средства царской казны была устроена в Москве типография. Именно с этого времени книгопечатание стало непосредственно государственным делом и было связано уже не с деятельностью отдельных лиц при поддержке государства и церкви, а превратилось в государственную монополию. Во главе этой типографии стали Иван Федоров и Петр Мстиславец. О жизни одного из замечательных деятелей русской культуры XVI в. Ивана Федорова известно немного. Иван Федоров был дьяконом одной из кремлевских церквей в Москве. Когда ему было поручено книгопечатное дело, Иван Федоров справился с ним с большим искусством. 1 марта 1564 г. из московской типографии вышел «Апостол». Затем был напечатан «Часословец» (1565 г.), а в 1568 г. печатники Иван Федоров и Петр Мстиславец работали уже не в Москве, а в Заблудове, во владениях литовского гетмана Ходкевича.

Причины перехода Ивана Федорова и Петра Мстиславца не вполне ясны. Обычно уход их из Москвы объясняют тем, что первопечатников преследовала церковь, что типография была подожжена и все это вынудило московских печатников бежать из Москвы в Литву. Несомненно, что определенная часть церковников враждебно отнеслась к организации книгопечатания, хотя оно преследовало цели распространения церковных книг. М. Н. Тихомиров выдвинул другое объяснение причин перехода печатников в Заблудов. По его мнению, Иван Федоров и Петр Мстиславец перебрались в Литву с согласия царя в связи с просьбой о присылке типографских мастеров и типографии, обращенной к царю гетманом Ходкевичем. Усилению православного влияния в Литве в условиях Ливонской войны придавали очень большое значение, и отправка типографии в Литву могла быть весьма важным идеологическим и политическим мероприятием московского правительства. Но в 1569 г. состоялось объединение Литвы и Польши в одно государство. В это время прекратилась и деятельность московских типографщиков в Литве. Иван Федоров перебрался во Львов, где и работал до смерти (1583 г.). Во Львове Федоровым были снова изданы «Апостол», часословцы, а также букварь. Изданный во Львове в 1574 г., этот первый русский букварь, возможно, был также повторением не дошедшего до нас букваря, впервые напечатанного в Москве в 60-х гг.

Несмотря на отъезд Ивана Федорова и Петра Мстиславца, книгопечатание в Москве продолжалось, но в другой типографии, судя по анализу шрифтов. В этой типографии работали Невежа Тимофеев и Никифор Тарасиев. В 1568 г. был издан «Псалтырь». Затем книгопечатание на некоторое время было прервано. Существовала еще

⁴⁴ Тихомиров М. Н. Начало книгопечатания в России. — В кн.: У истоков русского книгопечатания. М., 1959, с. 23.

одна, анонимная типография, шрифты которой впоследствии никогда не встречаются. Видимо, именно эта типография была сожжена (о поджоге какой-то московской типографии сообщают иностранные авторы). Типография Невежи Тимофеева также сгорела, очевидно, во время набега на Москву крымского хана Девлет-Гирея в 1571 г. Тем не менее Иван IV Грозный продолжал уделять большое внимание книгопечатанию, и в 1576 г. в центре опричины — в Александровской слободе была основана новая типография. В этой типографии Андроник Тимофеев Невежа, в котором большинство исследователей видят того же Невежу Тимофеева (М. Н. Тихомиров считал, что Андроник Тимофеев был сыном Невежи Тимофеева), выпустил в 1577 г. «Псалтырь», близкий по стилю к изданиям Ивана Федорова.

В дальнейшем снова произошел перерыв в книгопечатании с 1577 по 1589 г., после чего книгопечатание возобновилось в типографии того же Андроника Невежи. Всего во второй половине XVI в. русские печатники издали около 20 книг. Издание «Апостола» (1597 г.) имело тираж в 1500 экземпляров.

Так возникло русское книгопечатание, ставшее в дальнейшем исключительно важным средством распространения грамотности и книжности в России. Основанное правительством и церковью с определенными классово-политическими целями, книгопечатание далеко вышло за их пределы. Вне зависимости от назначения первых русских типографий и содержания напечатанных в них книг организация книгопечатания явилась событием огромного культурного значения. Русские первопечатники по праву относятся к самым выдающимся деятелям средневековой культуры. Используя достижения других стран в области книгопечатания и опираясь на традиции русского книгописания, первопечатники сумели создать такие книги в России, которые встали в один ряд с лучшими достижениями типографского искусства средневековой Европы. Особенно замечательны книги, напечатанные Иваном Федоровым, который с большим искусством использовал технические средства книгопечатания для создания удобной для чтения и красивой по оформлению книги. Отчетливо сознавая просветительное значение книг и заботясь об их доступности для читателей, Федоров производил редактирование текстов книг, заменяя устаревшие и малопонятные старославянские выражения современными ему русскими словами. Издание Федоровым «Азбуки» и сказания об изобретении славянского алфавита ярко свидетельствуют о понимании Федоровым задач книгопечатания как средства просвещения.

Иван Федоров был великим просветителем и настоящим подвижником культуры, мужественно преодолевшим многочисленные трудности на пути становления русского книгопечатания.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ

Образование единого Российского государства протекало, как было уже отмечено, в обстановке напряженной политической борьбы, и это обстоятельство само по себе вызывало подъем общественно-политической мысли. Но, кроме того, самый факт объединения русских земель в единое государство, его выход на мировую арену и превращение в крупнейшую международную силу явилось мощным стимулом развития национального самосознания и стремления осмыслить значение столь крупных изменений в жизни России. Для объяснения тех или иных явлений и обоснования определенных политических позиций мыслители того времени обращались прежде всего к историческим материалам. В исторических аналогиях и примерах они видели наиболее сильные и убедительные аргументы. Эта особенность средневекового мышления вытекала из самой природы феодального строя, для которого столь характерной была застойность форм экономического и политического развития.

Темпы исторического прогресса в средние века были весьма незначительными; сравнению с той бурной эпохой, которая наступила в позднейшее время, с развитием

капитализма. Поэтому обращение к «старине» было для феодальных идеологов таким же привычным и убедительным аргументом, как и обвинение своих противников в новшествах, считавшихся делом неблаговидным и даже опасным. В борьбе с Новгородом Иван III отстаивал свои права ссылкой на «старину», а новгородская знать, наоборот, обвиняла его в желании отменить старые порядки и ввести новые.

Консерватизм политического мышления был характерной чертой феодальной общественной мысли, и даже в тех случаях, когда определенные идеи направлялись на прогрессивное в тех условиях дело, идеологи старались обосновать свои позиции ссылками на «старину». Даже представители еретических течений, как мы видели, критиковали современные им церковные и общественные порядки с позиций защиты, как им казалось, древнего, «настоящего», христианства.

Вот почему в XVI в. в памятниках общественно-политической мысли так часто мы встречаемся с историческими материалами, а сами исторические сочинения продолжали сохранять значение важнейших политических документов, непосредственно связанных по своему назначению с актуальными политическими задачами современности. Еще более усилился официальный характер московского летописания, подчиненного идее обоснования власти московских государей. Характерной особенностью московского летописания этого времени является широкое использование в нем различных официальных документов – разрядных записей и посольских книг, ведшихся в правительственных учреждениях. Это обстоятельство уже само по себе указывает на тесную связь летописания с правительственными кругами.

Как и прежде, летописи включали в свой состав предшествующие летописные своды, подвергавшиеся, однако, определенной обработке в политических целях.

Начиная изложение с легендарных библейских времен, летописи доводили его до современности, подчеркивая ее неразрывную связь с вековыми традициями.

Одним из таких памятников официального московского летописания первой половины XVI в. является так называемая Воскресенская⁴⁵ летопись, доведенная до 40-х гг. Еще больше внимания составлению исторических сочинений было уделено во время правления Ивана IV. Уже в начале его царствования был составлен «Летописец начала царства великого князя Ивана Васильевича». Этот «Летописец» ставил своей задачей описание уже не всей русской истории, а только времени, связанного с деятельностью нового царя: «Летописец начала царства» охватывает события с 1534 по 1553 г. и посвящен обоснованию необходимости сильной самодержавной власти, что особенно вытекало из описания событий времени боярского правления в малолетство Ивана Грозного. Описание восстания 1547 г. в Москве проникнуто обычным для феодального летописца враждебным отношением к восставшему народу. «Летописец» прославлял заслуги Ивана Грозного, подчеркивая значение его борьбы против Казанского ханства, которая трактуется в традиционном плане борьбы за свободу христианских народов против «бёзсермень-ского пленения».

Тогда же, в начале 50-х гг. XVI в., была завершена работа и над огромным историческим сводом — так называемой Никоновской летописью⁴⁶, в состав которой вошел и «Летописец начала царства». Никоновская летопись — это большая компиляция различных источников, которая лишь внешне сохраняет форму летописной, погодной записи событий. В действительности Никоновская летопись включила большое количество различных повестей и сказаний, приуроченных составителями к определенным годам. Многие из этих повестей, находившихся в распоряжении составителей Никоновской летописи, не дошли до нашего времени. Но составители летописи отказались от точного следования тексту своих источников. Они решительно редактировали эти тексты, соединяли (не всегда удачно) известия разных источников, заменяли

⁴⁵ Названа так по месту обнаружения списка (копии) этой летописи в Воскресенском монастыре в Новом Иерусалиме.

⁴⁶ Названа так по имени патриарха Никона, которому принадлежал один из списков этой летописи.

непонятные уже в то время выражения другими. Такое свободное обращение с материалом стало вообще характерным в XVI в. и объяснялось усилившейся тенденциозностью летописания. Характерно, что Никоновская летопись соединила русскую историю с историей Византии, пользуясь соответствующими византийскими источниками. Такое построение материала должно было способствовать распространению важной для укрепления московского самодержавия идеи о Москве как о «третьем Риме», законной наследнице Византии, павшей под ударами турок. Один из списков Никоновской летописи составил огромный «лицевой» свод, состоявший из нескольких томов с многочисленными (около 16 тысяч) миниатюрами.

В третьей четверти XVI в. при участии самого Ивана IV была составлена «Царственная книга», представляющая собой большую, богато иллюстрированную рукопись. «Царственная книга» возникла в момент обострения борьбы самодержавия против княжеско-боярской оппозиции. Недаром так много внимания в ней уделено описанию боярских «крамол» и мятежей. При описании восстания 1547 г. содержится упрек в адрес бояр Глинских, поведение которых привело, согласно версии «Царственной книги», к народному восстанию. Целям усиления идеологического обоснования самодержавия были подчинены и другие исторические сочинения, возникшие тогда же, в третьей четверти XVI в. Новой по форме изложения была составленная в тот же период «Книга степенная царского родословия». Здесь изложение ведется уже не по годам, а по «степеням», или «граням». Исторический материал сгруппирован и связан по периодам правлений князей и митрополитам. Такое построение давало возможность ярче показать основную идею «Степенной книги» — идею союза великокняжеской власти с церковью. Эту идею особенно развивали представители церковной знати, обосновывая необходимость привилегированного положения церкви в государстве. В «Степенной книге» еще сильнее сказалось распространявшееся в XVI в. свободное обращение с материалом. Главное внимание направлено не на точную передачу известий, а на настойчивое подчеркивание мысли об исключительном значении православия и церкви в истории России. Поэтому здесь сглажены факты противоречий между светской и духовной властями, имевших место в истории, но зато обстоятельно расписаны всякого рода «чудеса» и «подвиги» деятелей церкви. И даже изложение начинается, вопреки традиции, не от Ноя, а от первых христианских князей на Руси — Ольги и Владимира.

Новый тип исторического сочинения отчетливо проявился в возникшей тогда же «Истории о Казанском царстве». Она не претендует на освещение всего исторического прошлого и посвящена определенному сюжету. Здесь нет погодной формы изложения, нет и стремления к документальной точности. Автор пытался создать художественное произведение на историческую тему и воспеть Ивана IV. Справедливость его действий в отношении Казани автор доказывал, пользуясь традиционным приемом ссылки на «старину». «История о Казанском царстве» доказывает, что территория Казанского ханства представляет собой исконную часть Русской земли. «Повесть» получила большую популярность и распространялась в многочисленных списках.

Ярким произведением русской литературы XVI в. является «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков», посвященная одному из выдающихся эпизодов Ливонской войны. Написанная в возвышенно-риторической манере, «Повесть» прославляет высокое мужество героических защитников Пскова и клеймит измену князя Курбского, перешедшего на сторону врага. Повесть выдержана в духе воинствующей религиозной идеологии с обильными рассуждениями о «чудесах» и «божьей благодати». Благодаря такому религиозному обрамлению рассказ об обороне Пскова приобретал церковный характер, а сама оборона оказывалась не столько подвигом псковичей, сколько результатом вмешательства божественных сил.

Стремление осмыслить историю России в связи со всемирной историей, естественно, усилилось с образованием единого Российского государства и ростом его международного значения. Поэтому получили дальнейшее распространение хронографы,

появившиеся, как уже было отмечено, еще в XV в. Известен хронограф редакции 1512 г., описывающий события византийской, южнославянской и русской истории. Хронограф проникнут от начала до конца религиозно-нравоучительной тенденцией.

Исторические сочинения выходили не только из официальных правительственных и церковных кругов. Памятником исторической мысли княжеско-боярской оппозиции является «История о великом князе Московском», принадлежащая князю А. М. Курбскому и написанная им в Литве, куда он бежал, изменив Русскому государству во время Ливонской войны. Это сочинение тоже посвящено не истории вообще, а конкретному историческому сюжету. Князь Курбский старается оправдать свой поступок. Он обвиняет Грозного в преследовании бояр, причем делит историю правления Грозного на два периода — первый, когда Иван IV правил вместе с мудрыми советниками, тогда были достигнуты крупные успехи и во внутренних реформах, и в борьбе с внешними врагами (50-е гг.), и второй, наступивший после падения «Избранной рады», когда Грозный стал преследовать своих советников и его постигли неудачи и во внутренних делах, и в Ливонской войне. Заметим, что такая периодизация истории правления Грозного была воспринята многими историками в XVIII—XIX вв. Курбский настаивал на необходимости совместного правления царя с боярской знатью и решительно осуждал Грозного за привлечение неродовитых, незнатных людей к управлению. Вместе с тем Курбский осуждал и официальную церковь, выступая в защиту «нестяжателей», о которых речь пойдет ниже. Сочинение Курбского представляет собой яркий образец сочетания политического памфлета, исторической хроники и собственных воспоминаний.

Таким образом, оживление общественно-политической мысли и обострение идейной борьбы привело к разрушению летописной формы исторических сочинений и утверждению новых видов сюжетных повестей.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ КОНЦА XV — НАЧАЛА XVI

В.

В новых общественно-политических условиях русская публицистика получила значительно большее развитие. В центре ее внимания стояли прежде всего вопросы самодержавной власти, места и значения церкви в государстве, его международного положения.

Эти проблемы разрабатывались и обсуждались в публицистике конца XV—XVI в. с обычных для феодального общества позиций религиозного мировоззрения и в плане исторического обоснования выдвигаемых тезисов. Так, в начале XVI в. возникло «Сказание о князьях Владимирских», ставшее основой официальной идеологии великокняжеской власти. «Сказание о князьях Владимирских» доказывало, будто московские государи ведут свою родословную от римского императора Августа. Такое изображение происхождения московских государей имело целью подчеркнуть в духе обычных для средневековья понятий исконность самодержавного правления и обоснованное исторической традицией право на власть. С другой стороны, обращение к Древнему Риму как исходному пункту династии Рюриковичей явилось своеобразным откликом на западноевропейское Возрождение с его повышенным интересом к античному миру. Выведение родословной от римских императоров служило также обоснованием прав на выдающееся положение Российского государства в международной жизни. Эта не соответствующая действительности версия широко использовалась в XVI в. для укрепления авторитета царской власти, в том числе и самим Иваном IV Грозным.

По средневековым понятиям иностранное происхождение правящей династии не умаляло ее суверенности, а, наоборот, возвышало ее как силу, пришедшую для управления извне, не связанную с местной знатью и, следовательно, самим своим происхождением стоявшую над всеми, даже высшими, слоями общества. Характерно, что

и многие представители русской феодальной знати впоследствии также сочиняли родословные, в которых старались вывести свой род откуда-нибудь из-за рубежа.

Тогда же, в начале XVI в., оформилась тесно связанная с версией о происхождении московских великих князей от римских императоров идея о Москве как о «третьем Риме». Эту идею сформулировал игумен Псковского Елеазарова монастыря Филофей в своих посланиях великому князю Василию III в 1510—1511 гг. Тезис о «Москве — третьем Риме» был разработан в духе воинствующей религиозной идеологии. Согласно взглядам Филофея, существовало три мировых центра христианства — сначала им был Древний Рим, который пал ввиду отступления от «истинного христианства», потом таким центром стала Византия. Но византийские правители тоже изменили христианству, пойдя на унию с католической церковью в 1439 г.

Следствием этого явилось скорое падение Византии, завоеванной турками в 1453 г. Москва же не признала Флорентийской унии и теперь является мировым центром христианства. Так как только православное христианство является «истинным», а все другие веры — ложны и богопротивны, то Москва «избрана богом» и является единственным законным наследником Древнего Рима. Четвертому же Риму не бывать, так как могут быть только три мировых царства, после чего наступит «конец света». Тезис о «Москве — третьем Риме» был призван служить не только обоснованию мирового значения Российского государства, но и прежде всего обоснованию исключительного значения религии и церкви. Мировоззренческая основа этого тезиса была глубоко консервативной и реакционной. В нем ярко воплотились враждебное отношение ко всему иноземному, проповедь религиозной нетерпимости, стремление к безусловной неизблемости существующих в России порядков, «освящаемых» тезисом о «богоизбранном» царстве, принципиальное непринятие чего-либо нового в идеологии и общественной жизни. Феодальный консерватизм нашел в этом тезисе одно из своих наиболее законченных проявлений.

Стремление обосновать тезис о ведущей роли церкви в общественной жизни проявилось и в других публицистических произведениях конца XV — начала XVI в. Среди них можно указать на «Повесть о белом клобуке», также развивающую мысль о «третьем Риме», но связывающую центр христианства не с Москвой, а с Новгородом⁴⁷. Здесь нашли свое выражение интересы связанного с местной феодальной аристократией новгородского духовенства, сопротивляющегося присоединению Новгорода к единому Российскому государству.

Вопрос о положении церкви в государстве вообще приобрел особую остроту в конце XV — первой половине XVI в. В период объединения русских земель вокруг Москвы церковь была верным союзником великокняжеской власти и широко использовалась ею для достижения необходимых политических целей. Но союз великокняжеской власти и церкви таил в себе глубокое внутреннее противоречие, которое все более выявлялось по мере успехов объединительного процесса. Централизация государственной власти не могла быть полной и последовательной, пока сохранялась экономическая и политическая сила феодальной знати, а самым крупным феодальным собственником была церковь. Московская великокняжеская власть уже во второй половине XIV в. попыталась (при Дмитрии Донском) поставить церковь в прямую зависимость от себя, но эта попытка не увенчалась успехом. Отказ от принятия Флорентийской унии в середине XV в. в немалой степени ослабил самостоятельное положение церкви, так как были разорваны ее связи с такой крупной международной церковной организацией, какой была Константинопольская патриархия. Но церковь не собиралась уступать своих позиций. Опираясь на огромную материальную силу и большое идеологическое влияние,

⁴⁷ Новгородские архиепископы по традиции носили белый клобук. «Повесть о белом клобуке» выводила его происхождение из Византии. В 60-х гг. XVI в. московские церковники добились постановления собора о том, чтобы белый клобук являлся принадлежностью не новгородского архиепископа, а московского митрополита.

церковники настойчиво добивались сохранения и упрочения своего руководящего влияния в светских делах. Если прибавить к этому остроту земельного вопроса, растущую потребность государства в земельных фондах для испомещения своих военных слуг — дворян, борьбу внутри господствующего класса за землю в условиях, когда церковь владела колоссальными земельными богатствами, то станет ясно, что вопрос о положении церкви в государстве совершенно закономерно принял особую остроту именно с образованием единого Российского государства. Поэтому отнюдь не случайным был конфликт между Иваном III и митрополитом Геронтием — за внешними поводами разногласий (например, о направлении движения крестного хода при освящении Успенского собора) скрывались серьезные противоречия.

Споры по вопросу о положении церкви первоначально возникли в церковной среде, но они имели гораздо более широкое общественное значение и привлекли к участию в них многие светские круги.

На первый план в этих спорах вышла распря между так называемыми «нестяжателями» и «осифлянами», разгоревшаяся в конце XV в. В условиях обострения антифеодальной борьбы задача укрепления авторитета церкви сильно беспокоила ее деятелей. Среди них выдвинулся своими поучениями видный знаток церковной литературы Нил, основавший монастырь на реке Соре, на Севере, недалеко от Кирилло-Белозерского монастыря. Нил Сорский выступил с проповедью аскетизма и нравственного самоусовершенствования монахов. Нил хотел реформировать монашество, избавить его от тех пороков, которые вызывали гнев и осуждение верующих. Хотя прямо Нил не высказывался против церковного землевладения, тем не менее общее направление его проповеди приводило к выводу о недопустимости для церкви владеть земными богатствами, тем более что Нил настаивал на необходимости для монахов добывать средства к жизни своим трудом и отрешиться от всего мирского. Выступление Нила Сорского субъективно преследовало весьма консервативные цели и было проявлением воинствующей церковной идеологии, стремившейся отвлечь массы от классовой борьбы и увести их в мир аскетизма, отчуждения от жизни. Но критика Нилом Сорским существующих порядков в церкви приобрела довольно широкий общественный резонанс.

Идеи нестяжательства нашли поддержку даже в кругу великокняжеской власти и непосредственно со стороны Ивана III, так как он был прямо заинтересован в ослаблении материальной силы церкви и в получении в случае отказа церкви от своих богатств необходимых земельных фондов для обеспечения дворянства, являвшегося наиболее важной социальной опорой централизованной власти.

Однако идеи Нила Сорского встретили резко враждебное отношение со стороны представителей официальной церкви. Среди них особенно выдвинулся Иосиф Санин, игумен Волоцкого монастыря. В начале своей деятельности, в 1479 г., Иосиф покинул Пафнутьев Боровский монастырь, находившийся в дружественных отношениях с московским великим князем, и перешел к удельному волоцкому князю. Иосиф находился в оппозиции к великокняжеской власти, противясь ее укреплению. Иосиф Волоцкий развивал взгляды о безусловном превосходстве духовной власти над светской и подчеркивал обязательную необходимость сохранения и укрепления материальных богатств церкви. Вместе с тем Иосиф, как и Нил Сорский, считал необходимым произвести реформу монастырей для поднятия их авторитета. Но если Нил Сорский видел выход в аскетизме и нравственном самоусовершенствовании монахов, то у Иосифа на первый план выдвигалась необходимость строжайшей монастырской дисциплины. Характерно, что Иосиф Волоцкий в своих произведениях коснулся и крестьянского вопроса, выступив с проповедью мягкого отношения к «рабам» и «сиротам». Объяснение этому — борьба за рабочие руки, которая все более разгоралась среди феодалов. Имея в виду, с одной стороны, представить церковные земли как «убежище» для бедных и разоренных крестьян и тем самым привлечь крестьян к переходу во владения церкви, а с другой — призвать феодалов к известной осторожности в обращении с крестьянами в

условиях обострения классовой борьбы, Иосиф Волоцкий и писал о «гладе и наготе» крестьян. Это был демагогический прием, направленный к укреплению авторитета церкви.

Взгляды Иосифа Волоцкого, активно им распространявшиеся в многочисленных сочинениях, разделялись высшими церковными иерархами. Решительное столкновение с нестяжателями произошло на соборе 1503 г. На нем великий князь Иван III поставил перед церковными властями вопрос об отобрании церковных земель в общегосударственном масштабе. Идею эту защищал Нил Сорский, но его инициатива, по всей вероятности, была согласована с великим князем, созывавшим собор. Против Нила Сорского решительно выступило большинство участников собора. Главным противником Нила явился Иосиф Волоцкий. Он горячо защищал право церкви на земные богатства, приводя многочисленные примеры из церковной истории и ссылаясь на различные тексты. Кроме того, он приводил такой довод, весьма отчетливо раскрывающий классовую сущность церкви: если у монастырей не будет права иметь земли, то не смогут постричься в монахи знатные люди, владеющие землями, а если такие люди не будут иметь возможности идти в монахи, то, во-первых, им трудно будет обеспечить себе спасение в загробной жизни, а во-вторых, не из кого будет ставить высших иерархов церкви. Идеолог воинствующей церкви и не мыслил какого-либо иного порядка, кроме того, при котором руководство церковью принадлежало феодальной знати.

С ним были вполне согласны церковные иерархи во главе митрополитом Симоном. Они отрицательно отнеслись к секуляризации церковных земель. Иван III вначале не хотел соглашаться с отказом церкви принять важное для государства решение, но церковники тоже не сдавались и всячески обосновывали тезис о неприкосновенности церковных имуществ. В сложной внутривластной обстановке Иван III оказался вынужденным примириться с решением собора. Великокняжеская власть предпочла не идти на обострение отношений с церковью, рассчитывая использовать ее поддержку в борьбе с противниками централизованной власти, но сама проблема противоречий между светской и духовной властями этим, конечно, не разрешалась. Борьба между ними, объективно диктовавшаяся всем ходом развития единого государства, продолжалась и в дальнейшем.

Но на этом этапе противоречия были смягчены, союз великокняжеской власти с церковью укрепился. Иосиф Волоцкий после 1507 г. стал поддерживать великого князя в его борьбе против удельного сепаратизма. При этом Иосиф Волоцкий развивал идеи о божественном происхождении великокняжеской власти и об ее ответственности перед богом. Отсюда вытекало, что церковь должна иметь привилегированное положение, как учреждение, гарантирующее и освящающее светскую власть. Теория божественного происхождения власти сыграла свою роль в укреплении феодальной монархии в XVI в., но она была выдвинута Иосифом Волоцким прежде всего в интересах укрепления церкви, усиления ее влияния на всю политическую и идеологическую жизнь России того времени. Поддержка церковью великокняжеской власти была далеко не бескорыстной.

ЕРЕСИ

В условиях общего обострения социальных противоречий как между крестьянами и феодалами, так и внутри господствующего класса создалась благоприятная почва для нового подъема еретических движений. Этому способствовало также дальнейшее развитие крупных городов к концу XV в., создавшее более широкую сферу распространения еретических взглядов. Кроме того, споры, происходившие в конце XV — начале XVI в. по церковным вопросам, борьба нестяжателей и осифлян и их взаимные обвинения объективно способствовали развитию критического отношения к религии и церкви. Наконец, сдвиги в накоплении знаний о природе, о которых говорилось выше, также способствовали выработке у передовых людей критического отношения к религии.

Религиозные вопросы стали в конце XV в. предметом широкого обсуждения. Иосиф Волоцкий с неудовольствием писал, что «ныне ив домах и на путях и на торжищах иноки и мирские и все сомнятся, вси в вере пытаются».

В этих условиях произошла активизация еретических движений в России. Центром распространения ереси, как и столетием раньше, явился Новгород. Противники возникшей в конце XV в. новгородской ереси называли ее участников «жидовствующими». Иосиф Волоцкий, яростно обличавший новгородских еретиков, называл основателем ереси некоего «жидовина Схарию», приехавшего в 1471 г. в Новгород из Литвы. Эти сведения и сама зависимость еретических взглядов от иудейства вызвали серьезные сомнения среди исследователей, но за недостатком источников вопрос о происхождении новгородской ереси конца XV в. остается не вполне ясным.

Новгородская ересь конца XV в. представляла собой явление, аналогичное городским еретическим выступлениям в Западной Европе. Во главе ее стояли представители низшего городского духовенства. По подсчетам Я. С. Лурье, из 27 известных по именам участников новгородской ереси не менее 22 принадлежали к попам, дьяконам, клирошанам и членам их семей⁴⁸. Эта «плебейская часть духовенства состояла из сельских и городских священников. Они стояли вне феодальной иерархии церкви и не имели доли в ее богатствах. Их деятельность контролировалась сравнительно мало... они оплачивались гораздо хуже и их духовные, надельные были большей частью очень скудны. Им как выходцам из бюргерства или плебса были достаточно близки условия жизни массы, и потому, несмотря на свое духовное звание, они разделяли настроения бюргеров и плебеев. Участие в движениях того времени, являвшееся для монахов исключением, для них было общим правилом. Из их рядов выходили теоретики и идеологи движения, и многие из них, выступив в качестве представителей плебеев и крестьян, окончили из-за этого свою жизнь на эшафоте. Народная ненависть к попам обращалась против них лишь в единичных случаях»⁴⁹.

О содержании еретических взглядов можно судить на основании сведений, содержащихся в выступлениях противников и преследователей ереси. В ней было немало общего с ересью стригольников. Как и их предшественники, новгородские еретики конца XV в. не признавали основного догмата христианства о троичности бога, как содержащего внутреннее противоречие с тезисом о единобожии. В этом проявилась типичная для ересей рационалистическая критика религиозного вероучения. Еретики отказывались также признавать «священными» иконы, мощи, употреблявшееся для причастия вино, как сотворенные человеческими руками. Как и стригольники, новгородские еретики конца XV в. отрицали церковные обряды и церковную иерархию, они выступали также против церковного стяжательства и доставления священнослужителей «по мзде».

Мировоззрение новгородских еретиков охватывало широкий круг различных вопросов. Как и их предшественники стригольники, еретики конца XV в. подходили с рационалистических позиции к объяснению явлений природы и по существу ставили под сомнение всю религиозную философскую концепцию. Хорошо эрудированные в литературе, они прокладывали пути смелой, передовой научной мысли.

Таково было, например, их отношение к оживленно обсуждавшемуся церковниками в конце XV в. вопросу о «конце мира». Подходило к концу седьмое тысячелетие официального церковного счета времени от «сотворения мира» (по новому летосчислению — в 1492 г.), и среди церковников распространялось мнение о том, что теперь и должен наступить «конец света». Среди тех, кто разделял такие взгляды, был и Иосиф Волоцкий. Уверенность в неизбежности «конца мира» в это время была так велика, что даже церковные «пасхалии» — указатели дней в каждом году, когда должна праздноваться пасха, — были доведены только до 1492 г. «Пасхалия» кончалась словами:

⁴⁸ См.: Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.—Л., 1955, с. 126.

⁴⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7. с. 352.

«Конец седьмая тысящи. Доселе уставиша святые отцы наши держати паскалию до лета семьсотысящного. Неции же глаголить, тогда же будет второе пришествие господне. Глаголет же святой евангелист Марко: о дни том и часе никто же не весть, ни ангелы небесные, ни сын, токмо отец, отец един». В этих словах и особенно в ссылке на Марка уже содержалось несколько скептическое отношение к рассуждениям «неких» о близости «конца света». Еретики же не верили в «конец света» и были убеждены в том, что ничего в 7000 г. (1492) не случится. Церковникам пришлось после 1492 г. искать новых объяснений «конца света». Иосиф Волоцкий к началу XVI в. стал заявлять, что понятие «век» является неопределенным и что календарные расчеты не могут раскрыть «премудрость» бога. Как ни изворачивались церковники, но правда оказалась на стороне еретиков.

Занятия астрономией составляли предмет большого внимания еретиков. У них были астрономические таблицы для определения лунных фаз и затмений, так называемый «Шестокрыл» (перевод сочинения жившего в XIV в. Иммануэль-бен-Якоба). Знания в области практической астрономии воинствующие церковники объявляли «чернокнижием» и «чародейством».

Еретики были хорошо знакомы со многими произведениями не только средневековой, но и древней философии. Они тщательно изучали книги Ветхого завета, усматривая в них противоречия с Новым заветом: Еретикам были известны и произведения классической античной философии, и «Логика» философа XII в. Моисея Маймонида в компиляции с сочинениями арабского ученого Аль-Газали (конец XI — начало XII в.). Последнее произведение содержало ряд сведений об основах логики, о некоторых вопросах теоретической математики (понятие плоскости, линии, неделимых чисел и бесконечности). В противовес реакционным призывам официальной церкви отвергать все, что вышло не из ее среды, смелые поборники свободной мысли в XV в., обвиненные за это в ереси, стремились освоить те знания, которые уже были созданы человечеством к тому времени. Напротив, воинствующие церковники проповедовали отказ от всякого рационального знания и гордились своим незнакомством с научными знаниями. Тот самый Филофей, который разрабатывал тезис о «Москве — третьем Риме», писал, что он «человек сельский и невежа в премудрости, не в Афинах родился, ни у мудрых философов учился, ни с мудрыми философами в беседе не бывал. Учился есмь книгам благодатного закона, чим бо моя грешная душа спасти и избавитися вечного мучения».

Свободная мысль развивалась в конце XV — начале XVI в. не только в Новгороде, но и в Москве. Около середины 80-х гг. XV в. образовался московский кружок еретиков во главе с Федором Курицыным, приближенным Ивана III, выполнявшим сложные дипломатические поручения в Венгрии. В состав кружка входили также дьяки Истома и Сверчок, брат Федора Курицына дьяк Иван-Волк Курицын, Иван Черный, купцы Зубов и Семен Кленов и др. В Москву приехали также руководители новгородских еретиков Алексей и Денис. К еретикам были близки сноха Ивана III — Елена, дочь молдавского господаря Стефана, и сам великий князь Иван III. Даже глава русской церкви митрополит Зосима оказался в числе людей, разделявших еретические воззрения.

Выступление еретиков против официальной церкви произошло в то время, когда, как отмечено выше, особую остроту приобрел вопрос о земельных владениях церкви и когда происходило присоединение Новгорода к Москве. Московская великокняжеская власть, постоянно использовавшая в своих интересах противоречия в лагере противников, воспользовалась также и выступлением еретиков. Оно было тем более для нее полезным, что руководители новгородской церкви сопротивлялись ликвидации независимости Новгородской феодальной республики.

Понятно, что новгородцы Алексей и Денис легко завязали дружеские отношения с московским великим князем. Но со стороны Ивана III это был не более как тактический шаг, облегчивший ему борьбу и с новгородской знатью, и с претензиями церкви в целом.

Взгляды московских еретиков в некоторых вопросах отличались от новгородской ереси, хотя имели с ней и немало общего. Московский кружок еретиков имел иной социальный состав участников. Если новгородская ересь была городской по своему характеру, то в Москве в еретическом движении участвовали преимущественно представители светских феодалов, связанных с великокняжеской властью. Среди московских еретиков мы видим также купцов, но того значительного слоя низшего духовенства, которого было среди еретиков в Новгороде, в московском еретическом кружке нет. Московские еретики связывали свои идеи с задачами государственной централизации.

Наиболее характерной чертой взглядов московских еретиков было отрицание монашества, вытекавшее из их критического отношения к церковным авторитетам. Новгородские еретики не сосредоточивали специального внимания на вопросе о монашестве, наоборот, у московских еретиков эта сторона мировоззрения вышла на первый план, и это еще раз указывает на тесную связь московской ереси с потребностями государственной власти в ослаблении церкви и в изыскании земельных фондов. Немалое место в суждениях московских еретиков, как и новгородских, занял также вопрос об ожидавшемся «конце света». После 1492 г. авторитет церковных предсказаний сильно поколебался. Среди некоторой части рационалистически мыслящих людей возникло даже сомнение вообще в учении о «страшном суде», «воскресении мертвых» и «загробной жизни», являющемся краеугольным камнем христианского вероучения. Такие мысли, как мы видели, намечались уже у псковских еретиков XV в. Теперь, в конце XV в., очень смелое суждение высказал, если верить свидетельству его противников, сам московский митрополит Зосима: «А что то царство небесное? Что то второе пришествие? А что то воскресение мертвым? Ничего того несть! Умерл кто ин, то умер, по та места и был!» Но эта крайняя, радикальная точка зрения, по-видимому, в целом не разделялась московскими еретиками.

Московским еретикам принадлежал также ряд интересных мыслей по различным вопросам философии и научных знаний. Исследователи отмечают, что в так называемом «Лаодикийском послании», принадлежащем Федору Курицыну, звучит мысль о свободе воли («самовластии души»), причем свобода воли непосредственно связывается с грамотностью, образованностью человека. Такой взгляд решительно противоречил ортодоксальным богословским воззрениям о полном подчинении человеческой личности божественному провидению. «Лаодикийское послание» с его таблицей литереи свидетельствует также о серьезном интересе Курицына к вопросам грамматики. Комментируя значение и употребление букв славянской азбуки, Курицын создал «своеобразную научную энциклопедию, дающую вокруг каждой буквы целый свод учености того времени»⁵⁰. Брат Федора Курицына — дьяк Иван-Волк Курицын составил сборник «Мерило праведное», в котором были собраны различные законы (среди них — «Русская правда»), что свидетельствует о повышенном интересе участников еретического кружка к вопросам организации суда, вставшим с особой остротой в связи с централизацией государственной власти.

Участник кружка профессиональный переписчик книг Иван Черный переписал крупнейшее историческое произведение средневековья, так называемый «Еллинский летописец», посвященный событиям всемирной истории. Большой интерес представляют собой сделанные им тайнописью пометки на полях рукописи, специально исследованные А. И. Клибановым и помогающие выявить мировоззрение Ивана Черного и его единомышленников. Как отмечает А. И. Клибанов, «не имея возможности высказать правду своими словами, Иван Черный заставил говорить за себя текст своего сборника, выбирая в нем то, что могло служить выражению его взглядов, и отмечая выбранные

⁵⁰ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Указ, соч., с. 178 (Я. С. Лурье считает возможным предположить, что Курицыну принадлежит и «Сказание о Дракуле воеводе» с его идеей справедливого суда, принадлежащего только государственной власти).

места краткими, состоящими в подавляющем большинстве случаев из одного слова заметками, для зашифровки которых он использовал пермский алфавит. Он останавливает свое внимание (а вместе с тем и внимание своих читателей) на всем, что разоблачает церковную иерархию, культ икон, храмов, веру в чудеса — словом, на том, что составляло предмет еретической пропаганды»⁵¹.

Таким же приемом пользовался Иван Черный и при переписке ряда других книг.

Выступление еретиков конца XV — начала XVI в. было одним из интереснейших явлений русской общественно-политической и философской мысли периода образования единого Российского государства. Было бы неправильным представлять воззрения еретиков как направленные субъективно против религии и церкви вообще. Их целью была борьба против пороков существующей церкви, за торжество «истинных» христианских идеалов. При всем этом объективное значение выступления еретиков было значительно шире. Выступление против официальной религии и церкви неизбежно приобретало характер протеста против существующего строя в целом. Новгородско-московская ересь развивала идеи, которые в своей тенденции (объективно) вели к реформации церкви. Рационалистическая критика богословских догм открывала пути научному познанию, подрывавшему самые основы религиозного мировоззрения.

Понятно, что официальная церковь встретила новое оживление еретических движений в конце XV — начале XVI в. с большой тревогой. Великокняжеская власть, занимавшая особое положение по отношению к ересям, лишь до поры до времени сопротивлялась расправе церковников над еретиками, но в конечном счете перестала поддерживать опасное для всего господствующего класса в целом еретическое движение. Отсутствие широкой социальной базы для реформационного выступления, обусловленное неразвитостью социально-экономических отношений, предопределило поражение еретиков в борьбе с официальной церковью. Против еретиков объединились и сторонники Нила Сорского, и осифляне во главе с самим Иосифом Волоцким.

В октябре 1490 г. в Москве был созван специальный церковный собор для суда над новгородскими еретиками. Они были прокляты и отлучены от церкви, а потом отправлены для наказания в Новгород, где архиепископ Геннадий приказал посадить их на коней лицом к хвосту, одеть в шутовскую одежду и берестяные колпаки и в таком виде провезти по городу. Потом колпаки были сожжены на головах у еретиков. Публичным поруганием церковный владыка хотел унижить и опозорить смелых вольнодумцев, посягнувших на устои религии и официальной церкви. Но несмотря на это кружок новгородских еретиков, по-видимому, еще существовал некоторое время.

В 1494 г. ушел с митрополии Зосима, но еще в течение некоторого времени московские еретики пользовались покровительством великого князя. Однако идти на конфликт с церковной иерархией Иван III не мог и не хотел. Он нуждался в поддержке со стороны церкви, особенно в момент обострения отношений с Литвой, когда выступление церкви в защиту православного русского населения в Литве было особенно необходимо. Постепенно отходили от кружка некоторые его активные участники (например, Федор Курицын). Правда, Иван III не оставлял мысли о секуляризации церковных земель, но поражение его на соборе 1503 г., окончившемся победой осифлян, заставило более решительно пойти навстречу церкви и в вопросе о еретиках. Церковь оказалась более мощной силой, чем, видимо, предполагал Иван III, а социальная опора великокняжеской власти в лице дворянства и горожан была развита еще относительно слабо. Кроме того, как отмечено, ересь представляла собой большую опасность, будучи объективно антифеодальной.

В конце 1504 г. в Москве вновь собрался церковный собор для суда над еретиками. Воинствующие церковники во главе с Иосифом Волоцким и митрополитом Симоном теперь имели большую силу. Иосиф написал специальное сочинение против еретиков —

⁵¹ Клибанов А. И. Книги Ивана Черного. — Исторические записки. М., 1958, т. 62, с. 204.

«Просветитель», в котором и обвинил их в «жидовстве». Собор с согласия великого князя приговорил еретиков к смертной казни. В Москве построили клетку, в нее заключили Ивана-Волка Курицына, Дмитрия Коноплева и Ивана Максимова и сожгли их вместе с клеткой. Казни были произведены также в Новгороде. Так русская церковь, не отставая от западноевропейских католических инквизиторов, с чудовищной жестокостью расправлялась со своими противниками. Не только в католических странах Запада, но и в России пылали в средние века зажженные церковниками костры, на которых гибли смелые мыслители, провозвестники будущей победы науки над религией, гуманизма над аскетизмом.

Поражение еретиков и укрепление позиций церкви в начале XVI в. сыграло печальную роль в судьбах русской культуры, оказавшейся под громадным сковывающим влиянием церковников. Но ее прогрессивное развитие все же продолжалось и в этих тяжелых условиях. Победа воинствующей церкви не была и не могла быть в то время полной и окончательной.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ И СЕРЕДИНЫ XVI В.

Церковный вопрос продолжал оставаться одним из центральных в русской общественно-политической мысли, особенно в отношении церковного землевладения. Противоречие между интересами централизации и положением церкви неизбежно возникало вновь и вновь по мере развития Российского государства. Поэтому продолжали развиваться и идеи нестяжателей.

В первой половине XVI в. среди нестяжателей видное место принадлежало Вассиану Патрикееву. Он принадлежал к княжеско-боярской знати и вместе с отцом — князем И. Ю. Патрикеевым за сопротивление государственной централизации по приказу Ивана III в 1499 г. был насильно пострижен в монахи и отправлен в далекий Кирилло-Белозерский монастырь. Но уже в 1508 г. он был возвращен из ссылки и приближен новым великим князем Василием III. Вассиан Патрикеев в своих произведениях продолжал развивать идеи Нила Сорского, подвергая критике современное ему монашество и указывая на его несоответствие принципам христианства.

Главным несоответствием являлось, по мнению Вассиана, стяжательство монастырей. При этом он указывал на тяжелое положение монастырских крестьян под властью монахов. Но для Вассиана рассуждения о крестьянах были лишь средством в полемике с осифлянами, которых он стремился упрекнуть в нарушении моральных догм христианства. Более того, Вассиан не протестовал в целом против церковного землевладения, но лишь считал, что монастыри не должны использовать земли для собственного обогащения; землевладение должно быть обращено на спасение погибающих от «мразы и глада». «А инокам не подобает богатствовать и земель держати,— писал Вассиан,— понеже отрелись от всего». Он выражал особенное неудовольствие тем, что монастыри распоряжаются землями, пожалованными им князьями.

Нестяжательная программа Вассиана Патрикеева имела более определенное социальное содержание, нежели выступление Нила Сорского. Нила интересовало прежде всего укрепление церкви и в особенности монашества. Вассиана остро беспокоила судьба земельных владений княжеско-боярской знати, на которые посягала церковь, все более усиливавшаяся в первой половине XVI в. Идеи нестяжательства оказались на вооружении боярской знати.

Вместе с тем в полемике против осифлян Вассиан Патрикеев высказал ряд критических мыслей в отношении ортодоксальной церковной литературы, что способствовало развитию рационалистической критики богословских догм. Вассиан высказал, в частности, несогласие с политикой жестоких репрессий по отношению к заблуждающимся еретикам.

Взгляды Вассиана во многом разделял Максим Грек, прибывший в Россию в 1518 г. для исправления и перевода богослужебных книг. Широко образованный и талантливый публицист, Максим Грек близко сошелся с нестяжателями и представителями боярско-княжеских кругов. Рационалистические идеи нестяжательства были близки Максиму Греку, недовольному теми оковами, которые налагала на развитие общественной мысли официальная осифлянская церковь. Максим Грек в своих произведениях (а их было свыше 100) также решительно обличал монахов, писал о тяжелом положении монастырских крестьян. Хотя выступления Максима Грека, как и Вассиана Патрикеева, были направлены в сущности в защиту интересов боярско-княжеских кругов, его критика официальной церкви имела большое положительное значение в истории русской общественно-политической мысли.

Максим Грек писал о падении нравов в среде духовенства, причину которого он видел в погоне за богатствами, развращающими душу. Неприглядная картина русской церкви возникает на страницах его сочинений. Монахи ссорятся, ведут длительные тяжбы из-за сел и земель, пьянствуют, предаются роскошной жизни, богатства церкви тратят в собственное удовольствие. Максим Грек, между прочим, доказывал неправомочность ссылки осифлян на греческие тексты писаний «святых отцов» о праве церкви владеть землями и селами. Переводя заново «Кормчую книгу» (собрание церковных законов), Максим Грек вместо обычного в русских «Кормчих» выражения «села с крестьянами» поставил «пашни и виноградники». «Богомерзским» пороком называл Максим Грек ростовщичество, которым занимались монастыри. Ростовщиков он ставил на одну доску с грабителями и убийцами. Максим Грек раскрывал исключительно тяжелое положение крестьян на церковных землях, беспощадно эксплуатируемых, опутанных тяжелыми долгами за взятые в рост деньги. Максим Грек разоблачал ханжество церковников, описывая их стремление пышными обрядами и службами прикрасить жестокие издевательства над людьми и свою глубоко несправедливую, противоречащую христианской морали жизнь.

Критика Максима Грека не ограничивалась только церковью. В ряде произведений он обращался к оценке существующего государственного порядка и развивал идеал государственного строя. Он выражал резкое осуждение боярскому самовластию, произволу и стяжательству неправедных судей-наместников, писал о беззаконии в стране. Особенно беспокоило Максима Грека положение страны в период боярского правления, бывшего в малолетство Ивана Грозного. В посланиях Василию III и затем Ивану IV Максим Грек рисовал картину того, какой, по его мнению, должна быть государственная власть. В этой части публицистических рассуждений Максима Грека отчетливо проявляется тот компромисс между нестяжательством и осифлянством, который наметился в первой половине XVI в. Как и осифляне, Грек писал о божественном происхождении царской власти. Он настаивал на необходимости тесного союза церкви с царской властью, но при этом царь должен править вместе с мудрыми советниками. Царь должен руководствоваться нормами христианской морали, обуздывать свои страсти, быть мудрым, грозным и справедливым, установить твердые законы, назначить праведных судей, любить войско, заботиться о крестьянах. Это была довольно отвлеченная и идеалистическая программа патриархального устройства государственной власти на основе христианской морали. Высказал Грек и соображения по вопросам внешней политики. Он настаивал на необходимости быстрого нападения на Казань и ликвидации гнездящегося там опасного «змея», а также всемерного укрепления городов и границ Российского государства.

Идеология Максима Грека в целом отражала интересы боярско-княжеских кругов, причем именно той их части, которая понимала необходимость централизации государственной власти при сохранении своего высокопривилегированного положения. Эта часть боярства и пошла в дальнейшем на компромисс с Иваном IV и поддерживала его в «Избранной раде» до определенного времени, когда самодержавие начало

решительное наступление на боярско-княжескую группировку. Не случайно, что в числе почитателей Максима Грека оказался князь А. М. Курбский, заимствовавший у Грека немало рассуждений для оправдания своей политической позиции.

Одним из близких идейных друзей Максима Грека был боярин Федор Карпов, видный дипломат первой четверти XVI в. Большинство сочинений Ф. И. Карпова было уничтожено его противниками, но сохранилось несколько посланий его Максиму Греку и митрополиту Даниилу. Ф. И. Карпов также решительно протестовал против беззакония и произвола, требуя установления строгой законности. При этом он опирался на авторитет Аристотеля и писал о том, что во все исторические эпохи люди управлялись определенными законами. Как и Грек, Карпов мечтал об идеале христианского царя, наделенного мудростью и добродетелями. Что касается состояния русской церкви, то Карпов также видел ее глубокие пороки и даже склонялся к мысли о необходимости объединения православной и католической церкви как средству уничтожения этих пороков.

Выступления Максима Грека и Федора Карпова с критикой существующих порядков в государстве и церкви исходили безусловно из желания воплотить в реальной жизни казавшиеся им высокими идеалы христианства. Не случайно их позитивная программа так расплывчата и идеалистична. Но эти выступления вызвали раздражение со стороны осифлянского духовенства, приложившего все усилия к тому, чтобы преградить путь распространению взглядов Максима Грека и ему подобных.

Во главе осифлянского духовенства стоял теперь митрополит Даниил, также являвшийся выдающимся публицистом своего времени. Даниил оказывал немалую поддержку во внутренней политике Василию III, имея в виду в соответствии с доктриной осифлянства утвердить положение церкви в государстве и свое влияние на нуждающегося в поддержке церкви государя. В своих произведениях Даниил обличал и всячески порочил еретиков, требуя от государственной власти выполнения «божьей воли» в борьбе с инакомыслящими. Развивая тезис о необходимости внутреннего спокойствия, Даниил, как и другие осифляне, предостерегал от чрезмерной эксплуатации крестьян. Представляют интерес поучения Даниила по моральным вопросам. С позиций воинствующей церкви Даниил обличал разврат, пьянство, сквернословие (впрочем, умеренное употребление вина «в скорбех, в бо-лезнех, и от трудов покой в меру и в старости полезно есть», по мнению Даниила). Эти пороки Даниил ставит в один ряд со светскими развлечениями, чтобы осуждение этих развлечений выглядело более внушительно. Даниил с гневом писал о духовных лицах, которые позволяют себе играть на гусях и домрах, играть в шахматы и шашки, петь песни «бесовские» и т. п. Раздражение у, воинствующего церковника вызывали светские пиры и празднества, о которых он писал с явной издевкой, и даже стремление к нарядному одеянию. Саму заботу о красивой одежде Даниил высмеивал и сурово осуждал. В этих писаниях главы русской церкви сквозит страх перед всем земным, перед живой, не скованной религиозными догматами жизнью, и не случайно с особенным негодованием писал Даниил о веселящейся и наряжающейся молодежи. Понятно, какой гнев Даниила и его сподвижников вызвали выступления Вассиана Патрикеева и Максима Грека.

Митрополит Даниил добился в 1525 г. ссылки Максима Грека в монастырь, а в 1531 г. на церковном соборе были осуждены и Вассиан, и Максим. Оба были сосланы — Вассиан умер в Волоколамском монастыре, а Максим Грек получил освобождение лишь после воцарения Ивана IV Грозного.

Середина XVI в. ознаменовалась новым подъемом общественно-политической мысли, чутко реагировавшей на все изменения в ходе развития Российского государства. В этот период наступил новый этап централизации, характеризовавшийся обострением классовой и внутриклассовой борьбы. Середина и вторая половина XVI в. — время острых социальных конфликтов, упорной и тяжелой борьбы крепнущего самодержавия против боярско-княжеской оппозиции. Именно развитие классовой борьбы — этой движущей силы истории — стимулировало развитие общественно-политической и

философской мысли в целом, в том числе и в среде господствующего класса, вынужденного размышлять над путями укрепления своего господства и развития существующего строя. Не случайно поэтому проблема государственной власти заняла столь видное место в публицистике XVI в.

Боярское правление в годы малолетства Ивана IV со всей очевидностью показало реакционность политических устремлений феодальной знати. Заинтересованные в централизации сплотились вокруг молодого Ивана IV, с воцарением которого началась решительная борьба за укрепление власти. Однако обострение классовой борьбы, ярко проявившееся и в московском восстании 1547 г., заставило Ивана IV и его ближайшее окружение принять на время тактику компромисса с княжеско-боярской знатью, чтобы консолидировать силы господствующего класса в целом. С другой стороны, многие дальновидные представители феодальной знати также шли в этих условиях на соглашение с царской властью. Так сложился близкий к царю круг правительственных деятелей, осуществлявших руководство проведением ряда важнейших государственных реформ 50-х гг. XVI в.

Среди этих деятелей был духовник царя, протопоп московского Благовещенского собора Сильвестр, общественно-политические взгляды которого весьма характерны для политики компромисса 50-х гг. XVI в.

В 1550 г. Сильвестр написал послание Ивану IV, где развивал мысль о высокой ответственности царя перед богом, требующей устранения многих существующих в России бед, среди которых «ненависть, и гордость, и вражда, и маловерие к богу, и лихоимство, и грабление, и насилие», и порча нравов. В обстановке обострения социальных противоречий Сильвестр доказывал необходимость мудрого государственного правления. Конкретной программы реформ у Сильвестра не было. Главным средством обеспечения справедливого государственного правления, по мнению Сильвестра, является правдивость и кроткость самого государя, воплощение в нем тех нравственных качеств, которые проповедаются религией. Таким образом, подспудная мысль Сильвестра выступала достаточно определенно: царская власть должна находиться под влиянием церкви и руководствоваться ее установлениями, отвечая перед богом и за положение церкви. В таком понимании задач царской власти многое заимствовано от осифлянской идеологии. Но наряду с этим Сильвестру не чужды были и некоторые элементы нестяжательства. Накануне собора 1551 г. Сильвестр высказывал мысли о необходимости ограничения монастырского землевладения. Как было отмечено, в первой половине XVI в. идеи нестяжательства были восприняты боярской знатью в целях защиты своего землевладения. Сильвестр разделял во многом интересы этой знати, и поэтому не случайно его обращение к идеям нестяжателей. В послании князю А. Б. Горбатову Сильвестр особенно подчеркивал роль боярства во взятии Казани и развивал мысль о «мудрых сподвижниках» царя, ссылаясь даже на Демокрита: «Слыши, что глаголет Демокрит философ: первый князю подобает имети ум ко всем временным, а на супостаты крепость, и мужество, и храбрость, а мы своей дружине любовь и привет».

Так идея политического компромисса между самодержавием и дворянством, с одной стороны, и княжеско-боярской знатью — с другой, отразилась в произведениях Сильвестра, где налицо компромисс между двумя бурно спорившими между собой в начале столетия течениями: нестяжательством и осифлянством. Исчезли те элементы рационализма и решительной критики церковного землевладения, которые были в раннем нестяжательстве. Став идеологическим вооружением княжеско-боярской знати, нестяжательство утратило многие передовые черты и пошло на примирение с воинствующими осифлянами.

Сильвестром же был написан (или отредактирован) знаменитый «Домострой» — своеобразная энциклопедий домашнего хозяйства и моральных норм XVI в. Вопрос о том, чьи социальные интересы отражены в правилах, рекомендовавшихся «Домостроем», довольно сложен и не вполне решен в существующей литературе. «Домострой» содержит

много практических указаний о ведении домашнего хозяйства в условиях городской жизни и адресован, по-видимому, как феодальной знати, имевшей свои городские дворы, так и зажиточной верхушке самого городского населения. Интересно, что «Домострой» дает советы применительно к условиям рыночных отношений, рекомендуя докупать товары, когда они бывают дешевы, и вести самый тщательный учет всем хозяйственным делам. Много места уделяет «Домострой» вопросам морали и воспитания. «Домострой» требует почитания царя земного, но в еще большей степени — царя небесного: «сей временен, а небесный вечен». Духом религиозного благочестия и исключительной роли церкви проникнут «Домострой», указывающий на близость его создателя к осифлянским взглядам.

Обычно на «Домострой» ссылаются как на «классический» образец норм семейного права, построенного на всевластии главы семьи, его жестокости и беспрекословном подчинении домочадцев, принуждаемых к тому побоями. Такие «указания»- в «Домострое», действительно, есть, и они типичны для феодального общества. Но вместе с тем надо заметить, что женщине в «Домострое» отводится не такое уж бесправное место, как может показаться на первый взгляд. Согласно «Домострою» женщине должна принадлежать весьма значительная роль и в управлении хозяйством, и в воспитании детей.

Сложный и интересный памятник общественной мысли XVI в., «Домострой» еще не вполне исследован в литературе. Однако можно сказать с несомненностью, что компромиссные настроения определенной части боярской знати, шедшей на соглашение с самодержавной властью и видевшей необходимость приспособления к новым условиям хозяйственной и политической жизни, нашли своеобразное отражение в нормах «Домостроя».

Одним из наиболее значительных явлений развития русской общественно-политической мысли середины XVI в. были выступления Ивана Семеновича Пересветова. В настоящее время можно считать окончательно опровергнутыми сомнения некоторых дворянских и буржуазных историков в реальном существовании Пересветова. Исследования советских историков раскрыли с большой полнотой характер и содержание произведений Ивана Пересветова⁵².

Выходец из русских земель, находившихся в составе Великого княжества Литовского, И. С. Пересветов служил долгое время польскому королю, затем чешскому и венгерскому, побывал в ряде стран Европы. Он был профессиональным воином. По-видимому, в конце 1538 — начале 1539 г. он выехал на службу к великому князю московскому. Прибыв в Россию, он обратился к правительству с предложением организовать мастерскую по выделке военных щитов литовского образца. Пересветов получил жалованье и поместье, но вскоре мастерская прекратила работу, так как в русском войске все более распространялось огнестрельное оружие. Человек большого жизненного опыта, побывавший в гуще больших событий в странах средневековой Европы в период консолидации национальных государств и больших сдвигов в экономической, политической и идейной жизни того времени, Пересветов внимательно изучил внутреннее положение России и выступил с программой ее преобразования. Именно тогда, в середине XVI в., в обстановке обострения классовой борьбы и углубления противоречий внутри господствующего класса вопросы дальнейшей централизации государства становились предметом оживленного обсуждения. Правительство Ивана IV напряженно работало над осуществлением ряда реформ, направленных на укрепление феодального государства. 8 сентября 1549 г. Иван Пересветов подал царю свою челобитную с проектами государственных реформ. Эти проекты сохранились в архиве царя.

⁵² См.: Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958.

В челобитных Иван Пересветов широко пользовался аналогиями из истории падения Византии под ударами султанской Турции. Гибель центра православного христианства и победа «неверных» произвели огромное впечатление в условиях господства религиозного мировоззрения. Осифляньские церковники в России использовали эти факты для разработки теории о «Москве — третьем Риме». Пересветов подошел к этим событиям с другой стороны. Гибель Византии давала ему возможность представить яркий и убедительный материал о глубоких внутренних пороках, приведших к падению мирового центра православия, с тем чтобы вести борьбу против этих пороков и в Российском государстве, ставшем теперь «третьим Римом».

Главным пороком государства, обличению которого Пересветов посвятил многие страницы своих произведений, являлось, по его мнению, засилье аристократии, ее произвол, неправый суд, ее равнодушие к общегосударственным интересам. С гневом пишет Пересветов об изменах вельмож, об их бесконечных внутренних распрях, когда они «сипели друг на друга, яко змии», о разорении страны непомерными поборами, о нежелании воевать и защищать государственные интересы. Все эти «византийские» картины живо напоминали о недавнем периоде боярского правления в Российском государстве.

В качестве образца мудрого и сильного правления, опирающегося на «воинников», Пересветов приводил турецкого Магмет-салтана. То, что Пересветов рекомендовал учиться у «неверных» организации государства, является свидетельством широты его взглядов, далеко выходящих за пределы узких, консервативных идей церковников, настойчиво проповедовавших вражду ко всему иноверному и иноземному. Вообще говоря, обращение к «турецкому опыту» было в XVI в. не исключением в трудах Пересветова, целый ряд мыслителей в странах Западной Европы, находясь под впечатлением крупных успехов султанской Турции, разделяли взгляды о полезности заимствований у нее форм государственной организации, особенно в условиях, когда шел процесс укрепления национальных государств. Многие из того, что писал Пересветов о правлении Магмет-салтана, совсем не соответствовало действительности. Но обращение к «образцам» турецкого правления давало Пересветову возможность иносказательно аргументировать свои проекты, не затрагивая открыто русскую действительность.

Иван Пересветов выступил решительным сторонником централизованной дворянской монархии. Он настаивал на том, что государство должно возглавляться мудрым и сильным царем: «как конь под царем без узды, тако и царство без грозы». На смену слабой власти при сильной аристократии должна прийти мощная царская власть, располагающая всей полнотой средств для поддержания в стране «правды» и обеспечивающая внешнюю безопасность. Опорой такой власти должны являться «воинники», т. е. дворяне. Так в сочинениях Ивана Пересветова нашла свое воплощение идеология и программа нового, поднимающегося сословия феодального класса — поместного дворянства. Пересветов не выступал против существования знати вообще, но он был против того, чтобы высшее положение в государстве достигалось происхождением. К царю, по мнению Пересветова, должны быть приближены люди, заслужившие этого своими личными достоинствами. Таким образом, Пересветов формулировал ту цель, которой настойчиво добивалось дворянство на протяжении XVI—XVII вв. — оттеснить родовитую знать и занять руководящее положение в государственном управлении, чтобы, как выразился В. О. Ключевский, «порода отступала перед чином». Именно такой строй наиболее отвечал интересам прогрессивного развития централизованной государственной власти.

Для достижения этой цели Пересветов считал необходимым произвести военную, судебную и финансовую реформы, причем центральное место в его планах занимала именно военная реформа. Изменение военной организации должно было стать главным средством утверждения самодержавия. Создание сильной, окруженной заботами царя армии «воинников» — служилых людей — давало бы в руки царя надежную опору в борьбе не только с внешними, но и с внутренними врагами, она подрывала бы силы

боярской аристократии. «Воинники» должны обеспечиваться денежным и натуральным жалованьем. Практика поместной системы, утвердившейся в России с середины XVI в., показала, что Пересветов с большой дальновидностью настаивал прежде всего на денежном обеспечении войска. Земельные владения привязывали дворян к земле, ослабляли их заинтересованность в несении военной службы и порождали стремление к уклонению от нее. Кроме того, Пересветов был решительным противником холопства, в том числе и кабального, подчеркивая небоеспособность войска, составленного из приводимых землевладельцами на службу холопов. Большое значение придавал Пересветов строжайшей дисциплине и централизации управления в войске, выдвижению на командование людей по их личным заслугам и качествам. Военачальникам, возглавляемым самим царем, должно быть предоставлено право суда над «воинниками». Войска должны быть хорошо оснащены огнестрельным оружием. По существу, Пересветов развернул целую программу организации постоянного, хорошо обученного и строго организованного войска — в противовес не соответствующему интересам Российского государства старому порядку феодальных ополчений. Иван Пересветов был крупнейшим военным мыслителем средневековья.

Однако проекты Пересветова не могли получить полного воплощения в условиях России середины XVI в. Слишком велика была еще сила феодальной аристократии, по отношению к которой правительству Ивана IV не раз приходилось прибегать к тактике лавирования и компромисса, в особенности в первые годы его правления. Слишком неразвита еще была экономика страны, чтобы иметь возможность перевести армию на денежное содержание. Правительство пошло по пути создания поместного дворянского войска. Однако учреждение стрелецкого войска наряду с поместным в известной мере воплощало план военных преобразований Пересветова.

В области суда и администрации Пересветов настаивал на упразднении порождавшей произвол системы наместничьего управления и на кодификации законов. Суд и администрацию на местах должны осуществлять царские судьи, находящиеся на определенном денежном жалованье и руководствующиеся в своей деятельности твердо установленными законами. Проект централизации суда и усиления карательной деятельности государства, предложенный Пересветовым, отвечал классовым интересам дворян в смысле защиты их не только от боярского произвола, но и от антифеодальных выступлений народных масс.

Что касается источников денежного обеспечения войска, то Пересветов последовательно проводил мысль о том, что таким источником для государства должны быть доходы от торговли и налогов с горожан. Идеолог феодального класса, Пересветов; отводил решающее место в государстве дворянству, а развитие торговли и городов понимал как предназначенное прежде всего для обслуживания интересов дворянства. Цены на товары должны устанавливаться государством под страхом строгих наказаний за их нарушение. Пересветов полагал, что дворянское централизованное государство вполне может подчинить себе развитие торговли и вообще всю экономическую жизнь страны. В этом отчетливо проявилась ограниченность идеологии Пересветова, ее типично феодальный характер, непонимание им того большого значения, которое имело развитие городской жизни. Стремление подчинить города интересам феодалов, кстати, настойчиво осуществлявшееся во всей политике Российского государства, в конечном счете было консервативным и тормозило развитие социально-экономических отношений в России.

Пересветов высказал также ряд мыслей о внешнеполитических задачах. Прежде всего он настаивал на необходимости решительного наступления против Казанского ханства, что должно было привести к овладению новыми землями и к ликвидации опасного очага постоянных нападений на русские земли. С большим сочувствием писал Пересветов о тяжелом положении славянских народов на Балканах под игом турецких феодалов, но не выдвигал требования о вступлении в конфликт с Османской империей из-за славян. Он считал главной внешнеполитической проблемой борьбу с Казанским

ханством. Что касается необходимости для России установления прямых связей с западноевропейскими странами и овладения морскими выходами, то этих вопросов Пересветов вовсе не затрагивал, и в этом вновь сказались дворянская, феодальная ограниченность его мировоззрения. В дворянстве, и только в дворянстве, видел Пересветов силу государства, развивая идеал типично феодальной централизованной монархии. В этой связи становится еще более понятным обращение Пересветова к образцам турецкой военно-феодальной державы, а не к западноевропейским централизованным монархиям. Именно военно-феодальная организация государства, развитая в странах Востока, была ближе всего к идеалам Пересветова. Бывшая важным шагом вперед по пути государственной централизации по сравнению с феодальной раздробленностью, военно-феодальная организация несла в себе и многие консервативные черты, что сказалось и в мировоззрении Пересветова.

В литературе высказано мнение о том, что воззрения Пересветова в известной мере перекликаются с реформационно-гуманистическим движением. Это — очень сложный вопрос, и его нельзя считать убедительно разрешенным. Бесспорно, что по своему отношению к религии и церкви сочинения Пересветова выделяются из массы публицистических произведений разных направлений того времени своим в общем равнодушным отношением к церковным вопросам. Кое-где проскальзывает у Пересветова скептическое отношение к церкви и церковникам. Он прямо писал, что «бог не веру любит, а правду», и настаивал на необходимости руководствоваться строго установленными земной властью законами в противовес проповедуемой церковниками точке зрения об определяющем значении религиозных норм в государственной и общественной жизни. Объективно взгляды Пересветова в значительной мере противостояли идеологии официальной церкви. Но той критики религиозного мировоззрения и церкви, которая была столь характерна для передовых мыслителей средневековья, шедших по пути реформационно-гуманистической идеологии, у Пересветова нет. Философские вопросы вообще занимали его, видимо, в гораздо меньшей степени, чем практические соображения о судьбах и значении дворянства и централизованной власти. И в этом также проявлялась дворянская ограниченность взглядов Ивана Пересветова, их чисто феодальная основа, в то время как деятели общественно-политической и философской мысли, связанные с городскими кругами, шли значительно дальше Пересветова в осмыслении существующего строя, освященного религией и церковью, и направляли свои удары именно в направлении борьбы с ореолом святости вокруг феодального общества.

В идеологии Пересветова переплетались и прогрессивные, и консервативные черты, что отражало противоречивую природу дворянства и феодальной монархии в России XVI в.

В середине XVI в. получила развитие и идеология воинствующих церковников, упорно боровшихся за сохранение и расширение привилегий церкви и ее определяющего значения в идейной жизни русского государства. Во главе этого направления стоял митрополит Макарий. С именем Макария обычно связывается венчание на царство Ивана IV и осуществление ряда мероприятий, направленных на укрепление централизованной власти. Действительно, Макарию принадлежала в этих делах немалая роль. Необходимо, однако, иметь в виду, что в основе действий Макария лежало стремление обеспечить укрепление руководящего положения церкви в духе основных идей осифлянства.

Митрополит Макарий, поддерживая царскую власть, однако, решительно противился стремлению царя ограничить монастырское землевладение. Позицию Макария разделяли и его сподвижники из среды высших церковных иерархов, как новгородский архиепископ Феодосий, также решительно отстаивавшие в своих произведениях право церкви на земельные и другие богатства. На Стоглавом соборе 1551 г. церковники воспротивились предложениям царя об упорядочении жизни в монастырях, установлении их подсудности царской власти и ограничении монастырского землевладения. Из круга сподвижников Макария вышел целый ряд произведений,

направленных к прославлению и возвеличиванию церкви, содержащих пространные описания «чудес» и подвигов русских святых. Возник грандиозный свод житий святых «Великие Четьи-Минеи», в который были включены также разные поучения и церковные книги и который должен был стать религиозной энциклопедией. Церковники хотели поглотить «Четьями-Минейми» всю литературу своего времени и придать знаниям исключительно религиозный характер. Стоглавый собор 1551 г. установил строгую, регламентацию церковных обрядов, а также образцов религиозной живописи и культового зодчества, что значительно стеснило творческие возможности развития искусства.

Развитие феодальной собственности на землю и усиление наступления феодалов на крестьян, рост феодальной эксплуатации и обострение классовой борьбы заставляли публицистов из среды господствующего класса все более обращать внимание на положение крестьян. В этой связи немалый интерес представляют труды одного из ярких мыслителей середины XVI в. Ермолая-Еразма.

Ермолай-Еразм вышел из среды придворного духовенства и разделял осифлянские взгляды о превосходстве духовной власти над светской. Его сочинения, однако, содержали резкий протест не только против стяжательства светских вельмож-бояр, но и против монастырского стяжательства. Тот компромисс между элементами нестяжательства и осифлянской идеологией, который проявился в сочинениях Сильвестра, сказанся определенным образом и у Ермолая-Еразма. Выступление против стяжательства со стороны Ермолая-Еразма было, несомненно, обусловлено опасениями, возникшими в связи с обострением классовой борьбы. В этом сказались еще раз глубокие внутренние причины, которые обуславливали в середине XVI в. компромиссы между различными группировками класса феодалов и в политической, и в идеологической областях, — страх перед ростом народного сопротивления. Именно в обстановке народных движений появилось сочинение Ермолая-Еразма «Благохотящим царем правительница и землемерие», в котором обращено внимание на тяжелое положение крестьян и предложены меры к исправлению существующего положения. Заметим, что в исторической литературе высказывался взгляд на Ермолая-Еразма как на якобы крестьянского идеолога. Анализ его сочинений убеждает в том, что меры по крестьянскому вопросу, предлагавшиеся Ермолаем-Еразмом, вытекали прежде всего из интересов укрепления положения господствующего класса и феодального государства и предотвращения крестьянских выступлений.

Характерно, что Ермолай-Еразм не касался положения монастырских крестьян. А. А. Зимин справедливо отмечает, что «в известной мере Правительница была ответом Ермолая-Еразма на сочинения нестяжателей, в которой черной краской рисовалось состояние крестьян в церковно-монастырских вотчинах»⁵³.

Ермолай-Еразм предложил заменить все повинности, в том числе и денежные, натуральным оброком в одну пятую часть урожая. Такое изменение обложения крестьянских хозяйств само по себе могло бы значительно облегчить их положение, но предложение Ермолая-Еразма было совершенно утопичным по отношению к реальным условиям экономического развития XVI в. Денежные отношения хотя и имели относительно небольшой удельный вес в экономике страны, тем не менее уже довольно глубоко проникли в нее. Замена всех денежных повинностей натуральными сделала бы невозможным обеспечение необходимых государственных потребностей. Проект Ермолая-Еразма был консервативен по своему существу; его осуществление в конечном счете отбросило бы Россию к уровню раннего феодализма. Наряду с реформой обложения Ермолай-Еразм предложил также изменить приемы определения земельных площадей, с которых должны были взиматься налоги. Вместо традиционной «четверти» Ермолай-Еразм считал более целесообразным применить в качестве поземельной меры квадратную версту — «четверогранное поприще». Это предложение имело важное значение в связи с

⁵³ Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники, с. 135.

осуществлявшейся тогда правительством реформой поместного землевладения и установлением точного соотношения между размерами и качеством владений и обязанностями по военной службе. Но установленная в 1555—1556 гг. система несколько отличалась от проектов Ермолая-Еразма.

Сочинения Ермолая-Еразма свидетельствуют о том, что представители господствующего класса, будучи вынужденными обратить внимание на тяжелое положение крестьян, пытались разрешить его с утопических и консервативных в своей основе позиций. Несомненно, что глубокий консерватизм осифлянской идеологии, лежавший в основе взглядов Ермолая-Еразма, сказался в самом его подходе к оценке положения крестьянства и в выборе средств, долженствовавших, по его мнению, привести к ликвидации народного недовольства. Осифлянство было бессильно по своей природе сколько-нибудь реально подойти к разрешению сложных проблем социально-экономического и политического развития, выдвигаемых всем ходом развития Российского государства. Весьма показательна в этом отношении интереснейшая полемика, развернувшаяся между Иваном IV и А. М. Курбским.

Один из знатнейших русских бояр, бывший сподвижник Ивана Грозного в «Избранной раде», крупный военачальник, князь Андрей Михайлович Курбский в 1564 г. во время Ливонской войны совершил заранее подготовленный и обдуманый побег в Великое княжество Литовское, изменив своему государю и став под знамена его врагов. Из пограничного города Вольмара Курбский написал письмо Грозному с объяснением причин своего поступка и обвинениями царю в гонениях на знать. Царь ответил обширным письмом, в котором отвергал обвинения Курбского. В свою очередь Курбский написал «краткое отвещание». Затем, в 1577 г., заняв Вольмар, царь написал новое письмо Курбскому. Спустя два года Курбский ответил царю из занятого польским королем Полоцка.

Князь Курбский в своих посланиях, так же как и в «Истории о великом князе Московском» (см. выше), развивал мысль о том, что государь должен править только вместе с мудрыми советниками, и решительно возражал против самовластия государя. Причину гонений на боярско-княжескую знать Курбский видел в злом характере Ивана Грозного и дурном влиянии, оказанном на него советниками из числа осифлянских церковников. Курбский отстаивал традиционное феодальное право свободного отъезда от одного государя к другому. Негодуя против осифлян, Курбский развивал взгляды нестяжателей, оказавшиеся удобным идеологическим оружием в руках боярско-княжеской оппозиции в борьбе против самодержавия, поддерживаемого осифлянами.

Иван Грозный в своих посланиях развивал противоположные взгляды. Наряду с многими конкретными обвинениями своих противников царь особенно подробно разбирал вопрос о природе самодержавной власти, разрешая его в основном с позиций осифлянской идеологии. Грозный доказывал, что само-; державная власть имеет божественное происхождение, она вручена царю от бога и поэтому царь только перед богом ответствен за свои поступки. Осифлянский тезис о божественном происхождении царской власти имел своей целью подчеркнуть необходимость влияния церкви на государственную власть. Иван IV сделал упор на другую сторону вопроса — на неограниченность своей власти, как врученной от бога. Ссылаясь на многочисленные тексты «священного писания», большим знатоком которых он был, настойчиво подчеркивая древность своего царского происхождения, царь гневно обрушился на бояр, претендующих на раздел власти; Тезису Курбского о праве свободного отъезда Грозный противопоставил обвинение в государственной измене. Свои представления о царской власти Иван IV выразил в формуле неограниченного ничем самовластия: «А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же есмя». При всем этом в понятие «холопов» входит и высшая знать, от которой царь недостижимо отделен божественным происхождением своей власти. Более того, Иван Грозный считал недопустимым сравнивать царскую власть по своему значению с церковной.

Он осуждал монастыри за поддержку и укрытие опальных бояр, требуя невмешательства церковников в борьбу с противниками самодержавия.

Кроме посланий Курбскому, Ивану IV принадлежит еще несколько посланий разным лицам. Все они посвящены обоснованию осуществлявшихся им мероприятий в области внутренней и внешней политики. Красной нитью проходит через них идея сильной, неограниченной самодержавной власти, освященной религиозным верованием.

Грозный указывал на недопустимость превосходства церковной власти над светской. «Нигде же бо обряшеши, иже не разорится царству, еже от попов владомому»⁵⁴, — писал он, подчеркивая, что «не подобает священникам царская творити». Используя религиозную идеологию, Грозный хотел поднять свою власть на недостижимую высоту, освободиться от какого бы то ни было вмешательства со стороны в ее дела. Вместе с тем понятие неограниченной власти у Грозного заметно отличается от взглядов Пересветова по этому вопросу. Пересветов выдвигал идею сильной власти, управляющей на основе определенных законов. Грозный настаивал на абсолютной свободе поступков самодержца, практически оправдывая любой произвол со своей стороны. Пересветов всесторонне обосновывал тезис о необходимости четко определенной опоры самодержавия в лице служилых людей — «воинников». Грозный направлял всю силу своего гнева против бояр и князей, но не формулировал сколько-нибудь четко понятия об определенной социальной опоре своей власти. Иван Грозный пытался доказать, что власть всеильна сама по себе, в силу своего происхождения, и не может быть связана с какими-либо определенными кругами. Взгляды Пересветова были гораздо более реалистичны, чем воззрения Грозного. Опора на тезисы осифлянской идеологии, хотя и своеобразно интерпретированные, привела Грозного к выработке далекой от реальной жизни концепции о неограниченной власти, опирающейся только на свое божественное происхождение. Заметим, что такое понимание Грозным природы своей власти сказалось и в его практической политической деятельности, еще более усугубив трудности борьбы за централизацию и приводя его не раз к ошибочным действиям. Но это уже предмет особого содержания, выходящий за рамки нашей книги.

Идеология воинствующей церкви встречала сопротивление со стороны различных кругов феодального общества. Так, по-видимому, еще во время работы Стоглавого собора 1551 г. возникла «Беседа валаамских чудотворцев Сергия и Германа», в которой вновь высказывалась резкая критика современного монашества и монастырского землевладения. Выступая как бы от лица монахов, автор «Валаамской беседы» с негодованием писал: «Во иноческом образе строим каменные ограды с полаты и позлащенные узоры с травами многоцветными, аки царские чертоги украшаем себя в кельях, и везде лучшая и завидливая вся, и покоим себе пьянством и брашном от тружующимся на нас, и от мирян вся лучшая имем брацкую пищу и питье себе, а не тружующимся на нас, ниже милующих и питающих нас», в то время как «мы же, иноки, того всего отреклися». В «Валаамской беседе» решительно отвергались претензии духовенства на участие в государственном управлении. «Не с иноки господь повелел царям царство, и грады, я волости держати, и власть имети — с князи и з бояры, и с прочими с миряны, а не с иноки», — пишет автор, называя в одном месте монахов «непогребенными мертвецами». Царская власть должна быть сильной и могучей, ее опорой являются мужественные «воинники». Несколько раз в «Валаамской беседе» повторяется мысль о недопустимости жаловать монастыри землями, о великой опасности «простоты» царей, которые дают землю монастырям и тем самым отвлекают монахов от их главной задачи, для чего, собственно, монахи и существуют, — молиться за царя и государство перед богом. Весьма интересно, что «Валаамская беседа» обличает монахов в сознательном искажении «священного писания» в угоду своим корыстным интересам, создавая ложные аргументы: «А сего цари не ведают и не внимают, что мнози книжницы во иноцях по диавольскому наносному умышлению из святых

⁵⁴ «Нигде не найти не разоренного царства, управляемого попами».

божественных книгах и из преподобных жития выписывают, и выкрадывают из книг подлинное преподобных и святых отец писание, и на то же место в тех книги приписывают лучшая и полезная себе, носят на соборы во свидетельство, будто ся подлинное святых отец писание». Это свидетельство разоблачает те приемы, к которым прибегали церковники в полемике со своими противниками.

Вопрос о том, чьи социальные интересы отражала «Валаамская беседа», вызвал споры в научной литературе. Г. Н. Моисеева обосновывает мнение о том, что, «защищая сильную, самодержавную власть царя, опирающегося на «мирских людей», прославляя «могучих воинов», благодаря которым «мужают грады и царства», отвергая вмешательство церкви в дела государства, подчеркивая свою ортодоксальность и враждебность еретическим учениям конца XV — первой половины XVI в., автор «Валаамской беседы» выступает последовательным защитником интересов дворянства»⁵⁵. Во всяком случае идеи «Валаамской беседы» решительно противостоят идеологии официальной церкви, и в этом заключается прогрессивное значение «Беседы» в истории русской общественной мысли XVI в. Несмотря на наметившийся компромисс некоторых последователей нестяжательства с осифлянкой идеологией, радикальные нестяжательские взгляды продолжали развиваться.

Интересным явлением в истории общественно-политической мысли середины XVI в. была деятельность одного из последователей учения Нила Сорского — игумена Троице-Сергиева монастыря Артемия. Поставленный игуменом по желанию Ивана IV, Артемий недолго находился во главе этого крупнейшего монастыря, вызвав недовольство монахов своей нестяжательской политикой. Он ушел из монастыря, но в 1553 г. был привлечен к церковному суду, отлучен от церкви и сослан в Соловецкий монастырь, бежал оттуда в Литву, где и умер. Артемий придерживался ортодоксальных догматических взглядов, но решительно осуждал официальную церковь того времени. В особенности энергично он обличал стяжательство церкви. Как и Нил Сорский, Артемий проповедовал необходимость монашеского аскетизма, считая его высшим проявлением религиозного чувства. Артемий резко критиковал церковь за ее нетерпимость к заблуждениям, за расправы над еретиками, считая, что «священное писание» надо постигать разумом и подходить к его усвоению сознательно. «Писания много, но не вся божественная суть», — писал Артемий, подчеркивая необходимость изучения книг.

Как и вообще нестяжательская идеология, взгляды Артемия были глубоко консервативны по существу и направлены к возвышению религии и церкви, вплоть до полного подчинения царской власти нормам, установленным религиозным вероучением. Но, независимо от этого, критика Артемия официальной церкви в определенной степени подрывала ее устои. Не случайно церковники так сурово обошлись с Артемием, — даже такая критика, ведшаяся целиком с религиозных позиций, представляла собой опасность для положения официальной церкви. Не случайно и то, что критические идеи старца Артемия оказали известное влияние на формирование взглядов некоторых гораздо более радикальных мыслителей середины XVI в.

Среди них был дворянин Матвей Башкин, вокруг которого образовался кружок единомышленников. М. Башкин, как можно судить об этом на основании следственного дела о нем, выступил с весьма радикальными взглядами. Он отверг официальную церковь, иконопочитание, весьма критически относился к «священному писанию» и творениям «святых отцов», протестовал против тезиса о превосходстве духовной власти над светской, выражал возмущение широко распространенной практикой кабального похолопления свободных людей. В воззрениях М. Башкина намечалась по существу программа реформации церкви, отвечавшая интересам поднимавшегося дворянского сословия. В 1554 г. Матвей Башкин был обвинен осифлянами в ереси, подвергнут отлучению от церкви, проклят и сослан в Волоколамский монастырь.

⁵⁵ Моисеева Г. Н. Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI в. М.—Л., 1958, с. 114.

Наиболее радикальными были взгляды Феодосия Косого, бывшего холопа, который бежал из холопства и постригся на Белоозере в монахи. В 1554 г. Феодосий был арестован за распространение ереси, доставлен в Москву, но сумел бежать в Литву.

Воззрения Феодосия Косого формировались в обстановке обострения классовой борьбы в середине XVI в. и были тесно с ней связаны. Недаром противники Косого называли его взгляды «рабьим учением» и писали о том, что ересь Косого распространялась среди простых людей. Выступление Косого было типичным проявлением антифеодального протеста в религиозной оболочке и отражало настроения народных масс.

Феодосий Косой продолжал развивать взгляды еретиков конца XV — начала XVI в. Он выступил с отрицанием основных догматов православной религии. Феодосий Косой не признавал троичность божества, видел в Христе не бога, а простого человека, подвергая рационалистической критике догматы «священного писания». Он приблизился к пониманию извечности существования мира и отрицанию тезиса о бессмертии души. Феодосий отвергал значительную часть догматической литературы, указывая на ее противоречивость и несоответствие здравому смыслу. Значительное место в его взглядах занимало отрицание церкви как учреждения, противоречащего христианской идее, иконопочитания, всех обрядов, критика стяжательства церковников. Феодосий Косой отказывался верить в «чудеса» и пророчества, обвинял епископов и священнослужителей в лицемерии, резко осуждал то жестокое преследование свободной мысли, которое осуществлялось церковью.

Передовой мыслитель XVI в., Феодосий Косой шел еще далее отрицания церкви. Он выступил с проповедью равенства и братства всех людей и всех народов, отвергая самый принцип господства и подчинения как не соответствующий христианской идеологии и морали, осуждал войны.

В лице Феодосия Косого русская общественно-политическая и философская мысль XVI в. поднялась до наиболее высокого уровня своего развития. В условиях господства крепостничества и воинствующей церкви Феодосий Косой выступил со смелой и последовательной критикой основ существующего общественного строя и освящавшей его церкви. Многие стороны его взглядов сближаются с реформационными и гуманистическими воззрениями передовых идеологов средневековой Европы, в том числе с реформационными движениями в Германии. И так же как и деятелям западноевропейского реформационно-гуманистического движения, Феодосию Косому была присуща слабость в определении позитивной программы переустройства общества, сводившейся к туманным идеалам восстановления раннего христианства. В тогдашних условиях, на том уровне социально-экономического развития феодального общества реальная положительная программа общественного переустройства и не могла быть выработана. Но критика существующего строя имела огромное прогрессивное значение. Разоблачая несостоятельность религиозных догм и обман со стороны церкви она пролагала пути развития свободной естественнонаучной мысли, наносила удар религии, бывшей величайшим тормозом развития культуры в средние века. Имя Феодосия Косого с полным основанием может быть поставлено в ряду выдающихся мыслителей не только русского, но и всего европейского средневековья.

Судя по некоторым косвенным сведениям, влияние учения Феодосия Косого было довольно значительным и в 50-х, и в 60-х гг. XVI в., так как церковники в эти годы вели усиленную борьбу против еретиков. Возможно, что существовали даже общины единомышленников Косого. Но отсутствие в России XVI в. элементов буржуазного развития не давало необходимой социальной базы для распространения реформационно-гуманистических идей.

Вторая половина XVI в. была временем спада активности общественно-политической мысли и литературы в России.

Причинами тому были как тяжелые условия экономической и культурной жизни страны, обусловленные Ливонской войной и опричниной, так и жестокое подавление самодержавием и церковью всякого сопротивления официальной государственной идеологии, всякого свободомыслия. Опричный террор тяжело отразился на русской культуре второй половины XVI в. в целом. Страна переживала не только хозяйственное разорение, но и очевидное замедление темпов культурного развития в различных областях. Разгром свободомыслия и подавление еретических выступлений сыграли отрицательную роль в судьбах русской культуры второй половины XVI в.

РАЗВИТИЕ ЗНАНИЙ О ПРИРОДЕ И РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Образование Российского государства способствовало дальнейшему накоплению знаний о природе и формированию рационалистического мировоззрения. Но, как и всегда в феодальную эпоху, знания о природе продолжали сохранять преимущественно конкретный, прикладной характер. Господствующими по-прежнему оставались наивные, часто мистические представления, порождавшиеся всей системой религиозного мировоззрения.

И все же при этих условиях образование единого государства повлекло за собой значительное развитие зачатков научных знаний, чем в предшествующий период. Этому способствовали прежде всего возросшие и возникшие вновь государственные потребности. Так, вековая практика земледельцев давно уже выработала критерии оценки плодородности почв. Теперь эти критерии понадобились для оценки платежеспособности земель. Правда, они еще не были точно сформулированы, но какие-то определенные понятия скрывались за разделением земли на «добрую», «среднюю» и «худую». Еще более важным делом стало измерение земельных площадей, совершенно необходимое для обеспечения фискальных интересов государства. В 1556 г. было составлено руководство для правительственных писцов, описывавших земли, с приложением землемерных начертаний. Тогда же, во второй половине XVI в., было составлено специальное руководство «О земном же верстании, как земля верстать». В этом руководстве объяснялось, как вычислить площадь квадрата, прямоугольника, треугольника, трапеции, параллелограмма, и были приложены соответствующие чертежи.

Развитие торговли и денежного обращения, усилившееся с объединением русских земель, вызвало потребность в совершенствовании знаний в области арифметики. Интересно, что сама терминология, применявшаяся при арифметических вычислениях XVI в., прямо указывает на чисто прикладной, связанный с торговлей характер этих вычислений: слагаемое называлось «перечнем», уменьшаемое — «заемным перечнем», вычитаемое — «платежным перечнем», делитель — «деловым перечнем» и т. п. В первой половине XVI в. уже умели производить действия над числами с дробями, пользовались знаками + и —.

В конце XV в. произошло новое оживление математической мысли. Когда в 1492 г. «конца света» не произошло, то церковникам пришлось, с одной стороны, объяснить, как это сделал, например, Иосиф Волоцкий, что воля божья никому неведома, а с другой — спешно заняться вычислением новых «пасхалий». Эта довольно сложная вычислительная работа была осуществлена в церковных кругах Новгорода и Москвы, где были составлены новые «пасхалии» на восьмое тысячелетие от «сотворения мира». Так как составление «пасхалий» требовало обязательного учета солнечного и лунного циклов, то оно способствовало также оживлению интереса к астрономическим вопросам.

В связи с этим в России переводились и распространялись иностранные сочинения, содержавшие различный материал и разное толкование астрономических вопросов. Так, был переведен и использовался новгородскими еретиками «Шестокрыл», содержащий

расчеты времени затмений, в Посольском приказе была «Космография», правильно объяснявшая затмения прохождением теней Луны или Земли.

Однако, как уже отмечалось, в обществе продолжали господствовать фантастические, мистические, извращенные взгляды и представления, порожденные религиозным вероучением. Так, придворный астролог и врач Николай Бюлов (Немчин), служивший Василию III, видел в треугольнике воплощение движения «святого духа», следующего внутри «святой троицы» по часовой стрелке от «бога-отца», занимающего вершину треугольника. Видный публицист первой половины XVI в. Ермолай-Еразм написал «Книгу о троице», в которой доказывал, что все в мире подчинено троичности, трехчленному устройству и делению, что является отражением «святой троицы». Ермолай-Еразм комбинировал по три сходных явления, чтобы показать их «троичную сущность»: свет — сумрак — тьма, небо — воздух — земля, солнце — луна — звезды, ветер — гром — молния, голова — туловище — конечности, мышца — локоть — длань, сердце — желчь — печень и т. п. Что касается парных органов, как, например, глаза, то и их Ермолай-Еразм постарался вставить в троичную схему, объяснив, что есть у человека еще третье око — внутреннее, зрение души. Так геометрические, строго конкретные знания пытались «приспособить» к религиозно-мистическим взглядам, и это явление, весьма характерное для средневековой эпохи, показывает, в каких сложных условиях развивались тогда элементарные научные знания. Широким распространением в XVI в. пользовалась «Христианская топография» Космы Индикоплова⁵⁶, в которой содержались фантастические сведения о планетах, о животных (вроде таинственного «ноздророга», якобы живущего в Индии) и т. п. По Индикоплову, небо — круглое, земля — четырехугольная, стоит на бесконечной воде, за океаном находится Земля с раем, в океане стоит столп до небес и к нему привязан дьявол. Уже в XV в. пытались объяснить гром «столкновением облаков», а Косма учил, что гроза есть проявление «святого духа», парящего в воздухе. «Книга Еноха» истолковывала календарь в богословском духе, объясняя, что сам бог разделил время на годы, месяцы, дни и часы, чтобы чувствовали люди течение времени и приближение смерти. В духе мистической символики описывали животный мир «Физиолог» и «Шестоднев» (последний повествовал о «шести днях творения»).

В XVI в. было переведено с византийского оригинала XIII в. «Прение Панагиота с Азимитом», в котором так объяснялось устройство окружающего мира. Существуют четыре яруса. В первом из них — вода, тьма, огонь. Там — ад, пустошь и тартар бездны. Во втором — воздух, облака, в третьем — небо, а в четвертом — опять вода, тьма и огонь, но там уже не ад, а престол бога, свет незаходимый. Что касается звезд, то они делятся на добрые и злые.

Появилось и еще одно переводное сочинение византийского автора VI в. Григория Писидийского — «Похвала к богу от сотворения всей твари». В этом сочинении переплелись религиозно-мистические суждения о природе с заимствованиями из античных авторов, в том числе Аристотеля, Плиния и др. Григорий Писидийский изображал мир состоящим из двух ярусов — неба и земли, но из четырех стихий — воздуха, воды, огня и земли. Земля стоит на воде, как корабль, небо натянуто над землей, солнце по нему проходит днем, а ночью находится под землей, выходя на утро с другой стороны. Солнце похищает влагу и собирает ее в облаках, там влага твердеет, сгущается и падает обратно в виде дождя и града. Дожди устроены богом для того, чтобы не было засухи и неурожая. Драгоценные камни-самородки являются свидетельством мудрости и величия бога. Животные созданы таким образом, что каждое из них раскрывает какую-либо сторону «мудрости» бога (свиньям для защиты бог дал способность пронзительно визжать и т. д.). Некоторые реальные наблюдения терялись в массе фантастических суждений или облекались в мистическую форму.

⁵⁶ Косма (Козьма) Индикоплов — александрийский купец и монах, живший в VI в.; он совершил путешествие в Индию, отсюда его прозвище — «плававший в Индию».

Особенно увлекались мистическим истолкованием различных природных явлений. В особой книге под названием «Астрология» поучали, например: 13 марта Солнце вступает в созвездие Овна, становится мокро и тепло, от этого и в человеке растет мокрота и кровь, поэтому в марте надо выпускать кровь и почаще умыться. Бели в третий день новолуния Луна будет видна чистой и тонкой — будет долго стоять хорошая погода. Были и специальные переводные «лунники», где указывалось, что в первый день новолуния все удачно получается у человека: он может продать и купить, по воде плавать, пахать и сеять и даже может без страха стричь себе волосы — вырастут новые, тонкие и гладкие. Были такого же рода «громники», «моянниники», содержащие справки о всякого рода приметах и предзнаменованиях. Были еще «трепетники», сообщавшие всякие приметы по непроизвольному содроганию органов человеческого тела: если встрепенется вдруг правое веко — то жди добра для бедных, а если мышца задрожит — ожидай болезни. Специальный «лопаточник» учил гадать по овечьей лопатке: если увидишь волоконца на правой стороне лопатки — будет утешение печальным, а если эти волоконца окажутся на нижней стороне, овечьего плеча — кто-то умрет скоро. Гадали по внешнему виду внутренностей убитых животных, по крику зверей и птиц, по их поведению и пр.

В мире суеверий и страхов, наивных, фантастических представлений жили люди средневековья. Со многими из этих представлений, восходившими к языческим культам и противоречившими официальной догме христианского вероучения, церковь формально вела борьбу. Но именно верховное господство религии и церкви создавало благоприятную обстановку для распространения всякой мистики и суеверия, которые в иной форме усиленно насаждала сама церковь. Религия и церковь не просто тормозили, но всеми мерами противодействовали развитию рационалистического мировоззрения. Церковь подвергала гонению малейшие отступления от догмы «священного писания», с лютой нетерпимостью относилась ко всякой критике своего положения. Известный нам настоятель Блазарова монастыря Филофей, сформулировавший идею о Москве как «третьем Риме», прямо писал, что интерес верующих людей к устройству мироздания — порочен, что «православным не подобает о таковых испытывать». Признав возможность вычислить время будущих затмений Солнца и Луны, Филофей, однако, считал это дело ненужным и бесполезным: «о сем подщание и подвиг велик, а приобретения мало». Церковь пресекала всякие попытки и даже самую возможность размышлений над догмами своего вероучения. Не случайно в XVI в. в церквях старались даже избегать чтения проповедей, чтобы не допускать возможных неточностей в речах проповедников, а в одной из летописей были прямо осуждены диспуты по религиозным вопросам, как подрывающие веру.

И все же пытливая мысль передовых людей стремилась пробиться сквозь все преграды и приблизиться к реальному познанию окружающего мира. Недаром видный московский дипломат начала XVI в., широко образованный человек, знаток античной литературы Федор Иванович Карпов писал своему другу, переводчику и публицисту Максиму Греку: «Аз... ныне изнемогаю умом, в глубину впад сомнения». Федор Карпов писал, что у него часто возникают недоуменные вопросы о морях, реках, океане, вообще о мироздании, и что вопросы эти никак невозможно разрешить в духе господствующей традиции. Выше мы говорили о смелых попытках русских еретиков выступить против официальной богословской догмы.

Реальные, практические знания о природе неизбежно накапливались и развивались в ходе самой жизни. Практические потребности заставляли отойти от сомнительных гаданий и мистических обрядов к более надежным средствам лечения болезней, и вот стали появляться переводные «Лечебники» и систематизированные сведения о лекарственных растениях. В 1581 г. в Москве открылась первая аптека, в которой работал приглашенный Иваном IV англичанин Джеймс Френч (Френшам). Аптека обслуживала семью царя и его приближенных. Собранные вековым опытом народа наблюдения над

свойствами лекарственных растений содержались в русских рукописях-лечебниках, хотя и здесь не обходилось без некоторых суеверий. В 1534 г. появился перевод с немецкого языка так называемого «Вертограда», содержавшего много медицинских сведений. «Вертоград» получил широкое распространение и был сильно переработан и дополнен при переводе. Здесь сообщается, например, о правилах личной гигиены, ухода за больными в домашних условиях (особое внимание уделено недопущению сквозняков, а также угара, «чтобы не угорети, да и в голове бы мозг не сохл»), содержатся многочисленные сведения о лекарственных растениях, их свойствах и местах распространения («растеть на Коломне», «растеть на Руси множественно»). Есть специальные указания о лечении «битому человеку от кнутья», и именно «от московского кчутья, а не сельского» — московский кнут был особенно болезнен. Феодальная действительность с ее жестокостью нашла и здесь свое отражение. Многие средства и приемы лечения, стихийно выработанные народным опытом врачевания и описанные в «Вертограде», получают теперь вполне научное обоснование в современной медицине. Сведения о болезнях и их лечении содержатся в разнообразных памятниках письменности русского средневековья и свидетельствуют об оригинальности и реалистичности тогдашних лечебных приемов⁵⁷.

Расширение территории Российского государства и рост связей с зарубежными странами сильно подвинули развитие географических знаний на Руси. И вот наряду с наивными, многовековой давности представлениями о «четырёхугольной земле» среди мирового океана в духе Космы Индикоплова стали появляться совершенно конкретные сведения о географическом расположении различных частей Земли. В 1525 г. русский дипломат Дмитрий Герасимов высказал привлекающую немалое внимание на Западе мысль о том, что до Индии и Китая можно добраться Северным морским путем, и знаменитая экспедиция Уиллоуби и Ченслера явилась в Баренцево, а потом в Белое море именно для того, чтобы найти северную морскую дорогу в манящую сказочными богатствами Индию. В 1558—1561 гг. в Афон, Иерусалим и Египет ездило московское посольство во главе с купцом Василием Позняковым, оставившим описание виденных стран. Правда, в некоторых местах Василий Позняков под влиянием религиозных взглядов «увидел» то, чего увидеть нельзя, — священный огонь, нисходящий на «гроб господень», и т. п. Но это скорее дань литературной традиции, предписывавшей описывать «священные места» в строго определенном духе. Изучали в России и географию своей страны, составляли чертежи районов, особенно пограничных. Развитие торговли привело к составлению справочника по внешней торговле — «Торговой книги» (вторая половина XVI в.).

Интерес к знаниям порождал спрос на всякого рода «Азбуковники», количество которых во второй половине XVI в. стало увеличиваться. В этих «Азбуковниках» содержались в алфавитном порядке всякого рода (зачастую еще глубоко фантастические) сведения о природе, растительном и животном мире, разных странах, явлениях природы и т. п.

АРХИТЕКТУРА

С конца XV столетия в развитии русского зодчества, как и в истории культуры вообще, определился новый этап, обусловленный крупными переменами, которые произошли в жизни русских земель. Объединение страны в единое государство и прогрессирующее укрепление его силы, свержение монголо-татарского ига и рост международного значения и международных связей России, усиление общения с западноевропейской культурой, наконец, значительное увеличение материальных средств государства, развитие городского ремесла — все это создавало новые материальные и идейные условия развития зодчества.

⁵⁷ См.: Богоявленский Н. А. Древнерусское врачевание в XI—XVII вв. М., 1960.

Признаки нового подъема стали проявляться во второй половине XV в. многообразно. Прежде всего они сказались в увеличении самого размаха строительства и особенно в интенсивном восстановлении многих пришедших к тому времени в ветхое состояние ранних построек. Образовались строительные артели под «предстательством» крупных бояр и купцов, выполнявших заказы по строительству и восстановлению зданий. Известны такие крупные предприниматели, как бояре В. и И. Ховрины, В. Д. Ермолин. Восстановление древних храмов, предпринятое с самого начала княжения Ивана III, с XV в., было одним из проявлений возросшего интереса к прошлому в условиях, когда Москва окончательно укрепила свое положение руководящего политического центра на Руси. Целый ряд восстановительных работ был осуществлен под руководством Василия Дмитриевича Ермолина. Сначала в 1492 г. приступили к реставрации сильно обветшавших за столетие каменных стен Московского Кремля. Так много было в стенах деревянных заплат, что одному иностранному путешественнику Московский Кремль показался сделанным из дерева. От Боровицкой до Свибловской башни был произведен ремонт стен, а для Фроловской башни ермолинские мастера высекли из камня два барельефа — Георгия Победоносца и Дмитрия Солунского. На Фроловских воротах была поставлена новая церковь, потом была восстановлена древняя каменная церковь женского Воскресенского монастыря в Кремле. Ермолин вел восстановительные работы и в других городах. Обновлялись храмы древнего Владимира. В 1471 г. начали реставрировать собор в Юрьеве-Польском, построенный еще в первой половине XIII в. и покрытый богатейшим узором каменной резьбы. Но мастера Ермолина, не привыкшие к утраченному за столетия монголо-татарского ига искусству каменной резьбы, перепутали плиты и установили их совсем не в том порядке, в каком они покрывали стены храма в древности.

Подъем строительной деятельности выразился не только в довольно значительных реставрационных работах, но и в сооружении новых каменных зданий, в расширении масштабов каменного строительства. Здесь важно отметить проникновение каменного строительства в некультовые постройки. Возводились не только храмы, но и монастырские трапезные, и палаты знати. Характерным новшеством конца XV в. стало распространение кирпича и терракоты. Традиционное белокаменное строительство уступало место кирпичной кладке, только фундаменты обычно клали из камня. Производство кирпича приобрело сравнительно широкий размах и открыло новые технические и художественные возможности для зодчих. Одним из интересных памятников светского каменного зодчества конца XV в. является дворец в Угличе, сложенный из кирпича и богато украшенный узорной кирпичной кладкой в верхней части фронтонов.

Всматриваясь в постройки конца XV в., в их формы и приемы сооружения, можно заметить, как в этот период отчетливо разрушается прежняя местная четкость архитектурных «почерков» и как все более развивается взаимопроникновение и обогащение различных архитектурных приемов, свойственных ранее лишь определенным городам и землям. Теперь, в условиях объединяющегося Российского государства, стал формироваться и общерусский архитектурный стиль, причем ведущая роль в этом процессе принадлежала московским мастерам — при активном участии мастеров/других земель, особенно Пскова, славившегося своим каменностроительным мастерством. После двух с половиной столетий монголо-татарского ига уже не возродилось изысканное и изящное искусство зодчих древнего Владимира. Новое, московское искусство и формировавшаяся на его основе общерусская архитектурная школа отличались значительно большей простотой и усилением внешней декоративности. Слабо расчлененные, массивные стены обычно контрастировали теперь с пышными узорами, покрывавшими верхние части зданий. Усложнялись объемы зданий и композиции их верхов.

В 1476 г. в Троице-Сергиевом монастыре была возведена Троицкая церковь, ныне называемая Духовской. В ней соединились некоторые характерные приемы

московского и псковского зодчества. Идущие от московских приемов килевидные закомары и перспективные порталы сочетаются с аркой-звонницей под барабаном, связанной по типу с характерными псковскими звонницами XV в. Сочетал различные приемы и построенный в 90-х гг. собор Ферапонтова монастыря на Белоозере. Позакомарное покрытие и перспективные порталы шли в нем от владими́ро-московских традиций, приземистые апсиды напоминали о псковских храмах, широкий пояс узорной кирпичной кладки походил на аналогичные здания в Новгороде. Соединение приемов архитектурного творчества, выработанных в разных русских землях, было не механическим, а, наоборот, создавало новые, взаимно обогащенные, логически и художественно скомпонованные приемы сооружения зданий. Рождался новый архитектурный стиль.

Но его оформление произошло все же не при сооружении этих отдельных храмовых или некультовых построек, лишь отразивших самый процесс складывания нового стиля. Его формирование было обусловлено колоссальной по тем временам перестройкой Московского Кремля и созданием нового городского ансамбля в Москве.

Первоначальный ансамбль кремлевских построек был, как отмечено выше, создан еще во второй четверти XIV в. Главное культовое здание московских великих князей и митрополитов — Успенский собор — совсем обветшало. Соборные своды подперли большими бревнами, чтобы они не рухнули. Но не только бедственное положение Успенского собора определило решение Ивана III и митрополита Филиппа о постройке нового собора. В 1471 г. Иван III вернулся в Москву после успешного похода против Новгорода. В борьбе с самым могучим своим противником Москва одержала решающую победу. Совсем близким стало время объединения всех русских земель в «отчине» великого князя. Победа над Новгородом и должна была быть увековечена строительством в Москве нового Успенского собора, который должен был превзойти своим величием древнюю новгородскую Софию и воплотить могущество объединяемого Москвой Российского государства. Кроме того, строительство собора должно было укрепить положение церкви в государстве.

Митрополит Филипп не пожалел средств для строительства нового Успенского собора. Были дополнительно обложены сборами церкви. Из чужеземного плена выкупили холопов-мастеров, знавших строительное дело. Пригласили для руководства строительством В. Д. Ермолина и И. В. Ховрина, но между предпринимателями произошла какая-то «пря», и Ермолин отказался участвовать в этом деле. Собор стали строить отец и сын Ховрины, которые поручили непосредственную организацию деда мастерам Ивану Кривцову и Мышкину. Им было наказано построить собор по образцу Успенского собора во Владимире. Мастера съездили во Владимир и весной 1472 г. начали строить новый собор вокруг старого здания, потом старые стены разобрали и спустя два года подвели новое здание уже под своды. Но однажды майским вечером 1474 г. недостроенное здание неожиданно развалилось.

Великий князь послал за псковскими мастерами. Приехав в Москву, псковичи осмотрели развалившуюся постройку и пришли к выводу, что причиной катастрофы явился плохой раствор извести, а также неудачный расчет тяжести сводов, легших на облегченную северную стену с лестницей внутри. Сказалось длительное отсутствие опыта в возведении крупных сооружений.

Несмотря на предложение великого князя, псковичи не взялись продолжать постройку. Пришлось искать иноземного мастера, и отправлявшийся тогда в Венецию государев посол Семен Толбузин получил наказ; привезти из Италии лучшего «муро-ля» — мастера каменного дела.

В марте 1475 г. вместе с Толбузиным приехал в Москву знаменитый болонский инженер и архитектор Аристотель Фиораванти, которому и было поручено строительство Успенского собора. Аристотелю Фиораванти было тогда уже около 60 лет, и он имел большой опыт зодчества, военно-фортификационного искусства, литейного дела,

механики. Из разных стран Европы приглашали к себе знаменитого мастера. В Москву он приехал вместе с сыном Андреем и учеником Петром. Осмотрев развалины сооружения, он подтвердил мнение псковских мастеров. Затем он быстро и остроумно разбил оставшиеся стены (ударами окованных железом дубовых брусев, а также выборкой нижней части стен, под которые подставили поленья, потом подожгли их, и стены рухнули) и приступил к делу заново. В селе Калитникове построили кирпичный завод и стали делать прочный кирпич. Показал Фиораванти и как делать известь — такую, что наутро ее нельзя было отковырнуть даже ножом. Вырыли глубокие рвы для фундаментов, заложив дно их дубовыми сваями. Толпы москвичей смотрели на необычные строительные приемы итальянского мастера. Летописец особо отметил, что «хитрый» Фиораванти все делал «в кружало» и «в правило», т. е. пользовался циркулем и линейкой. Впрочем, итальянец не делал никакого секрета из своих приемов и охотно учил русских мастеров, работавших под его руководством и проходивших тем самым прекрасную школу знакомства с архитектурно-строительной техникой итальянского Возрождения.

Заложив здание, Фиораванти отправился сначала во Владимир, а потом проехал через Ростов в Ярославль на Север, в Устюг Великий. Возможно, что на обратном пути он побывал и в Новгороде. Таким образом, итальянский мастер обстоятельно познакомился с традициями и приемами русского зодчества. Благодаря этому Фиораванти удалось создать в Успенском соборе выдающееся произведение именно русского зодчества, обогащенное некоторыми элементами итальянской архитектурной культуры эпохи Возрождения. Успенский собор был закончен в 1479 г. Это великолепное сооружение явилось вместе с тем отнюдь не подражанием собору во Владимире, а совершенно новым, самостоятельным произведением, превзошедшим рекомендованный образец.

Сходство с владимирским собором не выходит за рамки нескольких внешних элементов: оба храма имеют по пять глав и украшены аркатурным поясом по стенам. Но во владимирском соборе — 14 столпов, а московский стоит на шести, причем четыре из них Аристотель Фиораванти сделал не квадратными, как обычно в русских постройках, а круглыми. Вместо трех апсид алтарной части владимирского собора в московском соборе Фиораванти устроил пять апсид, спрятав их за мощные угловые пилястры. Четыре прясла стены завершены спокойными полукружиями. Тот же круговой ритм воплощен в мощных, симметрично расположенных барабанах пяти куполов. Массивные, гладкие стены лишены украшений, кроме крупного пояса аркатур, разбивающих их по горизонтали. Все здание проникнуто как бы торжественной величавостью и вместе с тем очень четким, строгим ритмом. Здесь нет ни внешней пышности, ни бьющей в глаза нарядной декоративности. Государственная сила и строгость нашли превосходное воплощение в четких формах Успенского собора. Такое же внушительное впечатление производил Успенский собор и внутри, с его очень свободными в сравнении с другими постройками XV в. пространствами. Высокая строительная техника позволила Аристотелю Фиораванти увеличить внутренний объем собора за счет прочных, но и необычайно тонких стен и столпов. В 1514—1515 гг. собор был расписан фресками и приобрел нарядный вид. Стенопись была «вельми чудно и всякой лепоты исполнена». Современники с восторгом отзывались об Успенском соборе: «Бысть же та церковь чюдна вельми величеством, и высоту и светлостью, и звоностью, и пространством, такова же прежде того не бывала в Руси, опроче Владимирския церкви, а мастер Аристотель».

Успенский собор стал не только главным сооружением великокняжеской Москвы, но и классическим образцом монументального церковного зодчества XVI в. Пятиглавие московского Успенского собора, его основные формы и пропорции многократно повторились в различных вариантах в соборах того времени.

Сооружение Успенского собора было лишь началом грандиозной перестройки Московского Кремля, задуманной Иваном III, «государем всея Руси». Необходимо было привести вид резиденции великого князя в соответствие с неизмеримо возросшей силой, значением и авторитетом московской великокняжеской власти. Возможно, что в

выработке планов перестройки Кремля принял участие и Аристотель Фиораванти. Вскоре из Италии приехали еще специалисты-строители — Пьетро Антонио Солари, Марко Руффо и др. В 1485 г. началось сооружение новых стен Кремля, закончившееся лишь в 1516 г.

Сначала укрепили южную сторону Кремля. Антон Фрязин построил проездную башню с тайником для добывания воды (Тайницкую). В 1487 г. Марко Руффо начал строительство Беклемишевской башни в юго-восточном углу Кремля, в 1488 г. в юго-западном углу Антон Фрязин поставил Свибловскую (ныне — Водовзводная) башню. Построенные башни соединили несколько изломанной по линии стеной с меньшими стрельницами, и южная, наиболее опасная часть города, выходящая к Москве-реке, была укреплена. Затем стали строить другие башни и стены. Пьетро Солари поставил в 1490 г. с западной стороны Кремля башни у Боровицких ворот и с восточной стороны — башню у Константино-Еленинских и вывел стену от Свибловской до Боровицкой башни. В 1491 г. он вместе с Марко Руффо заложил на восточной стороне новую Фроловскую (ныне — Спасскую), разобрал постройку В. Д. Ермолина с барельефами, и Никольскую башни. Тогда же на Спасских воротах была помещена сохранившаяся до сих пор надпись на русском и латинском языках: «Иоанн Васильевич, божией милостию великий князь владимирский, московский, новгородский, тверской, псковский, вятский, угорский, пермский, болгарский и иных и всея России государь, в лето 30 государствования своего сии башни повелел построить, а делал Петр Антоний Соларий, медиоланец, в лето от воплощения господня 1491». Тот же Солари построил стену от Никольской башни до реки Неглинной, где в 1492 г. поставил круглую Собакину (ныне — Угловая Арсенальная) башню, в основании которой с большим искусством заключен был обильный родник. Солари вскоре умер, но строительство стен продолжалось Алевизом Миланцем. Теперь стали укреплять берег вдоль реки Неглинной и в целях противопожарной безопасности снесли с этой стороны все дворы. В 1495 г. была заложена последняя, Троицкая, башня.

В результате этих строительных работ были возведены ныне существующие стены Московского Кремля (без шатровых завершений на башнях, поставленных в XVII в.), охватившие всю его современную территорию в 26,5 га⁵⁸. Тогда же окончательно служила внутренняя планировка Московского Кремля.

В центре Кремля находилась Соборная площадь с монументальным зданием Успенского собора и высокой башней церкви Иоанна Лествичника, замененной позднее колокольней Ивана Великого. Соборная площадь в конце XV — начале XVI в. интенсивно застраивалась. С севера от Успенского собора поднялся трехглавый собор Богоявленского монастыря, выполненный в духе традиций московского зодчества XIV в.

Вскоре на юго-западной стороне площади было сооружено существующее донныне здание Благовещенского собора, являвшегося частью великокняжеского дворцового комплекса. Этот собор строили псковские мастера, и здесь снова очень ярко проявился творческий синтез различных архитектурных школ — владими́ро-суздальской и псковско-новгородской. Как и раннемосковские соборы, Благовещенский собор был вначале трехглавым, но уже в XVI в. стал пятиглавым. Приемы внешнего убранства заимствованы и от московских традиций (аркатурные пояски) и от псковских (узоры верхней части куполов). Тогда же псковские мастера построили с западной стороны от Успенского собора небольшую церковь Ризположения.

В 1487—1491 гг. ансамбль кремлевских построек пополнился замечательным сооружением Марко Руффо и Пьетро Антонио Солари — Грановитой палатой, предназначенной для приема иноземных послов. Это был самый большой зал того времени. Своды опирались на громадный столп посередине. Наверху были сделаны особые сени с тайником, откуда женщины великокняжеской семьи могли незамеченными

⁵⁸ Часть стен была обновлена позднее; в частности, были восстановлены участки Кремлевской стены, разрушенные наполеоновскими войсками при их отступлении из Москвы в 1812 г.

наблюдать за происходившим в Грановитой палате. Позднее, в конце XVI в., палата была расписана фресками.

В Кремле был построен также великокняжеский дворец и некоторые другие каменные палаты, в том числе и на митрополичьем дворе. Затем в 1505—1508 гг., уже при Василии III, Алевиз Новый построил усыпальницу великих князей — Архангельский собор. В противовес строгому виду Успенского собора Архангельский собор внешне очень наряден и декоративен и даже мало походит на храм. Во внешнем облике Архангельского собора многое взято от приемов зодчества итальянского Возрождения, но внутренняя основа собора сохранена в духе традиций русского зодчества (куб, увенчанный пятиглавием, и т. п. особенности). В самом начале XVI в. был воздвигнут еще один собор в Кремле — собор Чудова монастыря, в котором ярко проявились особенности новой московской архитектуры — сочетание строгости и величественности с декоративными приемами внешнего украшения здания. Этот новый московский стиль явился результатом творческого обобщения всего того яркого и разнообразного художественного богатства, которое было применено разными мастерами, представителями разных школ, во время застройки Кремля. В своеобразном творческом соревновании традиций Владимиро-Суздальской Руси и итальянского Возрождения, раннемосковской школы и новгородско-псковской складывалась и формировалась новая, общерусская архитектурная школа, характеризующаяся большим богатством и разнообразием форм.

Московский Кремль явился поэтому уникальным произведением зодчества, воплотившим все богатство его форм на рубеже XV и XVI столетий. Густо застроенный белоснежными соборами и дворцами различных форм и объемов, сверкающий куполами и крестами, окруженный красной кирпичной стеной с четким зубчатым силуэтом «ласточкина хвоста», Московский Кремль представлял собой исключительно живописное зрелище, поражающее взор и русских людей и иностранцев. Напротив Кремля на другой стороне реки был устроен громадный Государев сад, просуществовавший до XVIII в.

От центра Кремля — Соборной площади — расходились радиусами к воротам московские улицы. Они продолжались за пределами Кремля. Город быстро рос, и на протяжении XVI в. пришлось строить еще три кольца укреплений — сначала в 30-х гг. каменная стена Китай-города окружила посад, потом в 80-х гг. знаменитый градостроитель Федор Конь построил стену Белого города по теперешнему Бульварному кольцу, и, наконец, в 1591—1592 гг. была возведена деревянная стена — Скородом — по нынешнему Садовому кольцу. Четыре линии укреплений со 120 башнями опоясали Москву на протяжении конца XV и XVI в. Планировка Москвы и ее сердца — Кремля послужила образцом планировки многих русских феодальных городов XV—XVII вв. Градостроительство, в особенности создание военно-оборонительных сооружений, приобрело в Российском государстве гораздо более широкий размах, чем в предшествующее время, и привело к выработке ряда новых технических и художественных приемов. Крепостное строительство развивалось не только в городах, но и в монастырях, бывших очень важными звеньями в системе оборонительных сооружений. При этом нужно иметь в виду, что к концу XV в. уже окончательно определился переход к огнестрельному оружию, что сразу коренным образом изменило задачи и характер оборонительных сооружений. Теперь необходимо было возводить гораздо более мощные каменные стены с башнями, бойницами и дозорными вышками. Характерно, что в начале XVI в. мастеров для реконструкции старых укреплений и постройки новых посылала Москва, и даже в такие центры, как Новгород и Псков, еще недавно славившиеся своими строителями. Руководящая роль в крепостном строительстве окончательно закреплялась за Москвой.

Четким квадратом поднялись в 1492 г. стены Иван-города. Затем появились мощные башни на стенах Новгородского и Псковского кремлей. В 1508—1511 гг. с участием Петра Фрязина был построен каменный кремль Нижнего Новгорода. Затем в

1514—1521 гг. построили кремль в Туле, в 1525—1531 гг. — в Коломне, в 1531 г. — в Зарайске, в 1556 г. — в Серпухове.

Подверглись перестройке и укрепления многих монастырей, в том числе Троице-Сергиева, получившего в XVI в. каменные стены, заново были построены укрепления ряда подмосковных монастырей. Одним из памятников монастырского крепостного строительства XVI в. является сохранившаяся в Москве башня «Дуло» Симонова монастыря. Она была выстроена в 80—90-х гг. XVI в. Оригинальны квадратные башни отстроенного в конце века Пафнутьева Боровского монастыря. Тогда же были возведены каменные укрепления Соловецкого, Кирилло-Белозерского и других монастырей. Замечательным итогом развития русского крепостного зодчества в XVI в. явился построенный Федором Конем Смоленский кремль, за изумительную красоту свою названный «ожерельем земли Русской».

Крепостное зодчество составляло важную, но, разумеется, отнюдь не единственную область развития архитектурной культуры. Мы уже говорили выше о сложном процессе формирования общерусской школы зодчества. Дальнейшее развитие русского зодчества в первой половине XVI в. привело к заметному изживанию местных особенностей в архитектуре. Русское средневековое зодчество, как и в других феодальных странах, было, конечно, очень тесно связано с потребностями церкви и направлено в значительной степени на обслуживание ее интересов. Это обстоятельство не могло не отразиться на характере сооружений. Творческий подход зодчего к решению поставленных перед ним задач ограничивался определенными канонами. И тем не менее в развитии русского зодчества в XVI в. можно заметить постепенное проникновение чисто светских элементов в культовые сооружения, прогрессирующее развитие творческой мысли русских архитекторов того времени.

Большое распространение получило строительство каменных монастырских трапезных, количество которых на протяжении XVI в. исчисляется более чем тремя десятками. Это обычно простые, скромные по внешнему облику сооружения, лишь немного украшенные кирпичными орнаментами в верхней части здания. К концу века трапезные стали строить вместе с храмами, лишенными апсид.

Строительство культовых зданий развивалось в основном по двум направлениям: 1) создание монументальных мемориальных храмов и 2) небольших посадских или монастырских церквей. В последнем случае, особенно при создании посадских церквей, светские элементы выступали более отчетливо. Принявшее довольно значительные масштабы строительство небольших посадских и сельских храмов с начала XVI в. поставило новые технические и художественные задачи. Во многом был использован опыт сооружения небольших новгородских посадских церквей, но появились и новые моменты. В технике сооружения — возведение бесстолпных с единым нерасчлененным пространством храмов. Это достигалось совершенствованием системы сводчатых перекрытий. Небольшой храм становился от этого просторнее. При лаконичности и простоте внешних форм наблюдается стремление к некоторой декоративности, в которой многое шло от народного «узорочья».

Другое направление развивалось под влиянием Успенского и Архангельского соборов Московского Кремля. После перерыва в несколько столетий в России опять стали возводить грандиозные величественные сооружения-храмы. В начале XVI в. по распоряжению московских светских и духовных властей были возведены большие храмы во вновь присоединенных землях, причем для образца было приказано взять Успенский собор в Москве. Тем самым хотели подчеркнуть и закрепить идеологически власть Москвы над этими землями. Так возникли большие соборы в Хутынском монастыре под Новгородом, в Тихвине, в Ростове Великом. Все они носят очевидные следы подражания Успенскому собору в Москве, но вносят и нечто новое в этот тип зданий, преимущественно за счет усиления декоративности внешнего оформления, сближающего их порой с Архангельским собором. Подмосковные постройки испытали довольно

сильное влияние внешнего облика Архангельского собора с его пышным убранством. Это сказалось, например, в соборах Дмитрова, Лужецкого монастыря под Можайском, Владычного монастыря под Серпуховом. В отдаленных от Москвы районах продолжали возводиться здания другого типа. Огромный массив собора Прилуцкого монастыря под Вологдой почти лишен всяких украшений, кроме новгородского кирпичного орнамента.

Наряду с этими типами монументальных сооружений продолжали строить и в духе раннемосковских традиций XIV в. Их характерная особенность — трехглавое завершение, восходящее к Коломенскому собору 1382 г. Кроме того, и Благовещенский собор Московского Кремля тоже еще стоял в первой половине XVI в. трехглавым. В этом отношении очень характерен собор Покровского монастыря в Суздале, построенный в 1518 г. Сильное смещение тяжелых глав к мощной алтарной части придает асимметричный, несколько напряженный вид зданию, но уравнивается вытянутыми к западу и нисходящими по ярусам частями храма. Собор выглядел величественно и строго, убранство его было скупое, ограниченное плоскими лопатками и аркатурно-колончатый поясом.

Вместе с тем в монументальных постройках первой половины XVI в. заметна и более серьезная модификация ставшего каноническим образца Успенского собора. Она заключается во все более усиливающемся стремлении вверх, более свойственном русской архитектуре, чем спокойная плавность широких форм Успенского собора. Четырехчастное деление северной и южной стен уступает место более узкой трехчастной организации, купола сдвигаются теснее, здания приобретают более устремленное движение вверх. Если в Успенском соборе соотношение ширины и высоты одного стенового деления составляло 2:5, то в соборе московского Новодевичьего монастыря, построенном в 1524 г., это соотношение выглядело уже как 1:7.

Развитие вертикализма в русском зодчестве было вообще характерным явлением XVI в. Еще ранее, в XIV столетии, была поставлена в Московском Кремле столпообразная церковь Иоанна Лествичника. В 1505—1508 гг. итальянец Бон Фрязин поставил столп Ивана Великого, разобрав предварительно старую церковь. В середине столетия к столпу была пристроена звонница, в конце века, уже при Борисе Годунове, было сделано теперешнее завершение Ивана Великого. Почти восьмидесятиметровый столп Ивана Великого, с его изумительным совершенством пропорций, стал главной вертикалью столяного города, организуя весь его сложный и красивый силуэт. Проявлением того же стремления к созданию столпообразных церквей явились относящиеся к первой половине XVI в. храмы Григория в Хутынском монастыре под Новгородом, церковь-колокольня Болдина монастыря под Дорогобужем и Георгиевская церковь в Коломенском под Москвой, столпообразные храмы — «под звоном» — в Покровском и Спасо-Евфимьевом монастырях в Суздале с шатровыми завершениями.

После многовекового господства принятого из Византии типа крестово-купольного храма в России стали воздвигаться каменные шатровые церкви без внутренних столбов, с единым внутренним пространством. Внедрение этой чисто русской формы в церковное строительство было своеобразной, но чрезвычайно важной победой народного начала в зодчестве. Недаром церковники впоследствии, в XVII в., пытались воспрепятствовать распространению шатрового зодчества как противоречащего древним канонам.

В одном из летописных отрывков, обнаруженных М. Н. Тихомировым, сказано, что шатровые каменные церкви возводили «на деревянное дело», т. е. по образцу деревянных шатровых построек. Русская традиция деревянного зодчества с его специфическими формами шатра и столпа проникла теперь и в каменное строительство, приведя к созданию шедевров архитектурного строительства; конечно, создание каменных шатров не было механическим перенесением конструктивных приемов деревянного зодчества в каменное строительство.

Новая полоса в истории русской архитектуры открывается изумительным по красоте и величию храмом Вознесения в селе Коломенском под Москвой, воздвигнутом в 1532 г. В этом сооружении с удивительной силой воплотилось движение вверх. Общая высота здания составляет более 60 м, почти половину ее занимает восьмигранный шатер, органически сливающийся с четырехугольным зданием храма (так называемые «восьмерик на четверике»). Все здание очень пластично, оно хорошо связано с окружающей природой и кажется огромным монументом, поднявшимся с берегового холма Москвы-реки. Охватывающие здание со всех сторон галереи и ряды кокошников создают постепенный переход от холма к зданию, от здания к шатру — нарастающее движение колоссальной массы вверх. Здание не имеет алтарных апсид, благодаря чему оно подчинено всецело осевому движению по вертикали. Сочетание красного и белого цветов в отделке здания придало ему великолепный цветовой эффект.

Сооружение храма Вознесения в Коломенском выдвинуло русскую архитектуру на самый высокий уровень европейского средневекового зодчества.

Шатровое строительство продолжало развиваться. Возникали все более сложные и замечательные по своей выразительности самобытные архитектурные решения.

Весьма интересным и оригинальным сооружением является построенный в середине XVI в. храм Иоанна Предтечи в селе Дьякове недалеко от Коломенского. Дьяковский храм имеет пять восьмигранных приделов, тесно поставленных вокруг центрального столповидного здания. Центральный столп выполнен в виде многоярусной башни. В дьяковской церкви исходная композиция пятикупольного храма органически сочетается с башенными, столпообразными и шатровыми приемами нового зодчества. Имеет храм и некоторые псковские детали, как, например, звонницу и ее цилиндрические столбы. Богато украшенный дьяковский храм, торжественный и нарядный, производил иное впечатление, чем находящийся неподалеку храм Вознесения в Коломенском. Дьяковский храм гораздо более статичен и несколько тяжеловат, застыв в своем многообразном и пышном наряде.

Историки искусства отмечают, что богатый опыт сооружения храмов Вознесения и Иоанна Предтечи подготовил возникновение такого шедевра русского и мирового зодчества, каким явился Покровский собор на Красной площади в Москве, называемый часто по одному из его приделов, собором Василия Блаженного. Покровский собор был воздвигнут как памятник очень важной для России победы над Казанским ханством.

Его создателями были русские мастера Барма и Постник Яковлев. Собор строили с 1555 по 1561 г. Царь и митрополит Макарий поручили построить собор, состоящий из восьми приделов, но мастер иначе решил задачу — он сделал собор девятиглавым, разместив восемь приделов вокруг одной, центральной оси, смещенной в сторону Кремля. Центр собора был увенчан большим шатром, вокруг которого расположились яркие своеобразные купола приделов. Собор как бы объединяет девять небольших церквей, символизируя объединение русских земель и княжеств под властью Москвы. Главная расположена под центральным шатром, четыре церкви стоят по концам креста, еще четыре, меньшего размера, расположены по диагональному кресту. Все девять церквей конструктивно слиты в одно здание, все они расположены на одном каменном помосте и связаны галереями. Первоначально храм был белым, его главы были покрыты побеленным железом. В XVII в. здание получило теперешнюю пеструю окраску, было изменено и покрытие глав. Покровский собор, воздвигнутый на главной площади города, стал важнейшим элементом его архитектурного облика наряду с Кремлем. Полный изумительного творческого своеобразия, яркий и нарядный, Покровский собор мало походит на традиционное культовое сооружение. Его формы и цветовая гамма скорее напоминают группу деревьев или ярких цветов и плодов, внешний облик храма больше связан с какими-то мотивами русской природы, чем с понятиями и догмами христианского вероучения. Во внешней форме культового строительства развивался и

расцветал в XVI в. могучий талант русских зодчих, воплотивших в своих замечательных произведениях богатство и силу России, красоту ее таланта, славу ее подвигов⁵⁹.

Середина XVI в. была временем, когда в разных концах страны возводились разнообразные по типу сооружения и когда каменное строительство достигло в целом еще больших масштабов. Особенно надо отметить развитие традиций шатрового строительства, получивших воплощение во многих постройках. Среди них — известный храм в селе Острове на Москве-реке, сохранившийся с переделками XVII в., и др. Ливонская война задержала развитие каменного строительства. К концу столетия, во время правления Бориса Годунова, начался новый его подъем.

Выдающимся произведением новой шатровой архитектуры был храм Бориса и Глеба, построенный по желанию Бориса Годунова в 1603 г. в Борисовском городке под Можайском. Огромный шатер этого храма, украшенный изразцами, поднимался на высоту 74 м. Это здание существовало до начала XIX в.

Однако шатровая архитектура с большим неудовольствием воспринималась официальной церковью, видевшей в ней опасный отказ от вековых традиций, от византийских форм.

Церковь толкала зодчих вернуться к формам прошлых столетий — строить храмы византийского типа по образцу московского Успенского собора конца XV в. Но то, что было выдающимся словом в зодчестве в конце XV в., теперь имело совсем иное значение после блестящего взлета русской архитектуры середины XVI в., после Дьякова, Коломенского и Покровского соборов. Кроме того, всякое подражание неизбежно обрекало художников на создание сооружений, лишенных творческого решения.

Консервативные взгляды на задачи зодчества были присущи во второй половине XVI в. и самому Ивану IV, находившемуся под сильным влиянием осифлянской идеологии. По его заказу в 1568—1570 гг. был выстроен громадный собор в Вологде, упрощенно повторивший формы Успенского собора в Москве. Тяжелая массивность оказалась присуща и другому подражанию Успенскому собору — собору Троице-Сергиевой лавры, строительство которого было завершено в 1585 г.

Тем не менее опыт великолепных построек середины XVI в. оказывал свое воздействие на сооружение ряда зданий и в условиях второй половины XVI в. Разнообразием форм и объемов, сочетанием шатров, башен и куполов характерен выстроенный еще в 50-х гг. XVI в. государевым мастером Андреем Малым собор Авраамиева монастыря в Ростове. Очень пышным и декоративным был возведенный в конце столетия храм в селе Вязёмы; столь же интересен также относящийся к концу века Рождественский собор Пафнутьева Боровского монастыря. Вообще следует отметить заметное оживление декоративного начала в зодчестве конца XVI в. Стройные формы и изящная отделка были присущи построенному в 1593 г. собору московского Донского монастыря.

Несмотря на тяжелые условия, созданные господством консервативных взглядов, русская архитектура сделала в XVI в. громадный шаг в своем развитии. Сложилась общерусская архитектурная школа, началось блестящее развитие шатрового зодчества, неразрывно связанного с творчеством народных мастеров. Успехи русского зодчества середины XVI в. подготовили условия для возобновления его подъема в конце столетия и последующих годов, важных изменений в зодчестве, происшедших уже в XVII в.

⁵⁹ В последующие столетия Покровский собор был тесно обстроен другими зданиями и потерял от этого свой облик. Правящие круги - царской России не проявляли заботы о сохранении древних памятников русской культуры и мало ими интересовались. В 1817 г. царь Александр I, увидев в Лондоне гравюру с изображением Покровского собора, заявил, что он хотел бы иметь такое красивое сооружение в Москве. Царю объяснили, что этот собор существует уже почти триста лет и находится именно в Москве. После этого постройки вокруг собора начали сносить, но только в советское время Покровский собор полностью реставрирован и восстановлено все его великолепие.

ЖИВОПИСЬ

Блестящий расцвет русской живописи на рубеже XIV—XV вв., с особенной силой воплотившийся в творениях Феофана Грека и Андрея Рублева, был высшей точкой развития живописного искусства времен феодальной раздробленности. Новая социально-политическая и идейная обстановка непосредственно сказалась и на характере развития живописи в конце XV—XVI в.

С одной стороны, ведущее положение в живописи, так же как и в архитектуре, с конца XV в. заняла московская школа. С другой — централизация власти и усиление роли церкви в идейной и государственной жизни привели к еще большему подчинению искусства официальной идеологии. Эти явления, определившие в значительной мере характер развития живописи, проявились в определенной степени и в творчестве крупнейшего московского мастера конца XV—начала XVI в. — Дионисия.

Дионисий родился около 1440 (или 1450) г., а умер, по мнению ряда исследователей, после 1519 г.

Из дошедших до нашего времени фресок Дионисию и его школе принадлежат часть фресок Успенского собора Московского Кремля и роспись церкви Рождества Богородицы в Ферапонтове монастыре. Не сохранились ранние фресковые работы Дионисия, сделанные в 60—70-х гг. XV в. в Рождественском соборе Пафнутьева Боровского монастыря и фрески Успенского собора Иосифо-Волоколамского монастыря (1481—1486 гг.). Кроме того, Дионисию, или кругу Дионисия, принадлежит целый ряд икон. Так как Дионисий работал обычно с артелями живописцев, то исследователям бывает трудно точно установить степень участия самого мастера в исполнении ряда фресок и икон. Известны имена некоторых мастеров-живописцев, работавших вместе с Дионисием. Так, в росписи собора в Пафнутьевом Боровском монастыре принимал участие старец Митрофан; вместе с попом Тимофеем, Ярцем и Коней Дирнисий писал «деисус с праздники и с пророки» для Успенского собора в Москве; в Иосифо-Волоколамском монастыре вместе с ним работали сыновья — Владимир и Феодосии, старец Паисий и другие художники.

Творческая деятельность Дионисия была тесно связана с высшими светскими и духовными кругами государства. Дионисий исполнял важнейшие заказы митрополита и великого князя, воплощая в своем творчестве те идеи, которые отвечали интересам укрепляющейся великокняжеской власти и церкви. Непосредственная связь художественного творчества с официальной идеологией сказалась в работах Дионисия с большей силой, чем в творениях его предшественников.

С наибольшей полнотой творчество Дионисия нашло свое отражение в росписях Ферапонтова монастыря. Дошедшие до нашего времени почти полностью и никогда не записывавшиеся, они поражают необычным богатством и праздничностью декоративного убранства. Светлые и радостные краски фресок напоминают прозрачностью и нежностью полутона акварелей. Изображаемые фигуры стройны, подтянуты, изящны. Движения сдержанны и медлительны. Действия облакаются в форму торжественной неторопливой церемонии. Для пропорций персонажей характерны преувеличенная удлиненность формы (при маленьких головках — высокие талии, длинные ноги), определенная стереотипность лиц, в которых начинает преобладать иконописный канон. Во фрески вводятся значительные элементы архитектуры, часто навеянные реальными постройками. Горы с уступами, колонны, троны, столы, драпировка создают дополнительный фон, подчеркивая композицию. Для создания впечатления легкости и одухотворенности фигуры и здания писались как бы парящими в воздухе.

Интересен композиционно-иконографический замысел фресок, посвященных прославлению богородицы. Дионисий и его помощники, видимо, специально отказались от ряда традиционных, канонических сцен из жизни богородицы, в частности «Успенья богородицы» и ввели «Акафист божьей матери» — цикл торжественных и лирических

песнопений, прославляющих в символических образах значение богородицы. Этот прием позволил усилить красочность и торжественность праздника Рождества богородицы.

В целом, в отличие от Андрея Рублева, которого интересовал прежде всего внутренний, духовный мир человека, у Дионисия отмечается стремление к внешней красоте и декоративной пышности, усиление плоскостной стилизации, что делало художественный образ более отвлеченным.

Мастерская Дионисия изготавливала житийные иконы, содержавшие в боковых «клеймах» изображения различных эпизодов из «житий святых». Житийные иконы посвящались московским «святым» — митрополитам XIV в. Петру и Алексею, культ которых усиленно пропагандировался Москвой, так как с деятельностью этих митрополитов было тесно связано ее возвышение, а также другим «святым» — Дмитрию Прилуцкому, Кириллу Белозерскому и другим, чья деятельность тоже имела большое значение в истории московской великокняжеской власти и церкви.

Сам Дионисий написал житийную икону «Митрополит Алексей», в ряде клейм которой нашли отражение реальные черты жизни этого известного церковного деятеля.

Под сковывающим влиянием церкви и официальной идеологии живописное искусство становится более каноничным, оно уже не может достичь такой психологичности трактовки образов, которой достигали лучшие мастера прошлого, изображение персонажей становится все более однообразным и традиционным. Стоглавый собор 1551 г. возвел иконописание Андрея Рублева в канон, в образец, следование которому стало обязательным для всех живописцев.

В XVI столетии церковь и великокняжеская власть развернули активную деятельность по пропаганде официальной идеологии. Большое значение придавалось в этой связи и живописному искусству. В Москве под непосредственным надзором со стороны церковной и светской власти работали художники, выполнявшие многочисленные официальные заказы. Специальные старосты, поставленные церковью, контролировали точное соблюдение предъявлявшихся к художникам требований. Живопись стала все более тесно связываться с текстом «священного писания», «житий» и других произведений церковной литературы. От художников требовали точнейшего соответствия изображения тексту иллюстрируемого рассказа, чем сильно притеснялась самостоятельность художественного творчества. Изображения становятся поэтому перегруженными многочисленными деталями. Композиции стали дробными, лаконизм художественных средств был утрачен.

О том, как придирчиво и строго относились правительственные круги к живописным изображениям, свидетельствует, например, протест дьяка Ивана Висковатого против новых икон в Благовещенском соборе. Висковатый возмущался тем, что образ Христа был написан художниками по собственным «мудрованиям». Он заявлял также: «Написан образ Спасов, да ту тож близко него написана женка, спустя рукава — кабы пляшет, и подписано под него блужение, и иные ревности, и иные глумления. И мне, государь, мнится, что то кроме божественного писания». Под давлением официальной идеологии нивелировались местные школы и традиции. Религиозно-схоластическое мышление проявилось также в распространении всякого рода аллегорических изображений.

Характерным памятником живописи первой половины XVI в. являются фрески московского Благовещенского собора, выполненные под руководством мастера Феодосия, сына Дионисия.

Во фресках Благовещенского собора воплотилась официальная государственная идея об исторической преемственности власти московских великих князей. На стенах и столпах собора изображены византийские императоры и русские князья. Подчеркнуто выделялось великолепие и пышность их одежд, вся роспись носит очень торжественный характер. Фрески выполнены с большим искусством, они очень удачно «увязаны» с архитектурой здания, их композиция и цветовое решение помогают раскрыть — с большей

зримостью архитектурные формы внутри здания. Позднее, в 60-х гг. XVI в., когда была переделана бывшая до того открытой галерея собора, была предпринята роспись этой галереи. Здесь были сделаны изображения московских князей, начиная с Даниила Александровича, но, помимо того, появились еще и изображения античных мыслителей — Аристотеля, Гомера, Вергилия, Плутарха и др. Борясь с античной культурой, проникавшей и в средневековую Русь, церковь пыталась вместе с тем исказить эту культуру и придать ей такой вид, который мог быть использован для укрепления авторитета церкви. Поэтому античным мыслителям были приписаны изречения, которые будто бы свидетельствовали в пользу христианского вероучения. Соответствующие тексты были начертаны на свитках в руках изображенных на стенах античных философов. Такая фальсификация античной культуры была одним из средств, к которому прибегали церковники, пытаясь ослабить ее влияние. В изображениях античных мыслителей нет ничего соответствующего древней культуре: они облачены в византийские и даже русские одежды.

Значительное место уделено сюжетам «страшного суда», что вполне понятно как реакция воинствующей церкви в условиях обострения идейной борьбы, распространения еретических идей.

Потребность в усилении религиозной и государственной пропаганды вынудила в XVI в. даже изменить традиционный порядок росписи различных частей соборов, которые обычно посвящались определенным сюжетам. Так, в соборе Свяжского монастыря, построенном в память завоевания Казани, появилось изображение царя Ивана IV, в Спасском монастыре в Ярославле большое место заняли опять-таки сцены «страшного суда». Церковь угрожала и пугала верующих, идея наказания и возмездия за отступление от требований религиозной догмы все с большей силой подчеркивалась в росписи XVI в. Средства изобразительного искусства направлялись на борьбу со свободомыслием, на утверждение враждебной культурному прогрессу силы церкви.

Официальная идея о «Москве — третьем Риме» нашла воплощение в несохранившихся и известных по описаниям XVII в. фресках Золотой палаты в Кремле (середина XVI в.). Здесь были нарисованы своеобразные исторические картины, посвященные принятию христианства в Киевской Руси, связям с Византией, легендарному венчанию князя Владимира венцом Мрномаха и т. п. Царь был изображен как справедливый и победоносный военачальник. Характерно, что одна из картин изображает царя, принимающего поучения мудрого советника. Наряду с этим в Золотой палате было много отвлеченных, аллегорических изображений, столь распространенных в средневековье.

Ярким воплощением официальных религиозных идей была созданная в середине XVI в. в Москве большая икона «Церковь воинствующая». Написанная по случаю победы над Казанью, эта икона имела замысел подчеркнуть значение церкви и религии, истолковать успех Российского государства как победу церкви, подвиг русских воинов как служение православию. На иконе изображены движущиеся воины, предводительствуемые «святыми» и осеняемые богородицей и ангелами. В числе персонажей иконы находится и молодой Иван Грозный. Река в нижней части иконы символизирует религию как источник жизни, причем показаны два водоема — наполненный и пустой. На аллегорическом языке это должно было показать разницу между «живительным» православным вероучением и «бесплодными» отступлениями от него. Икона написана очень торжественно и ярко.

В Новгороде, Пскове, Нижнем Новгороде еще сохранялись старые традиции, но и там все более усваивались ставшие господствующими в Москве приемы живописи. Так же как и в Москве, в этих центрах распространилась многофигурность и аллегоричность изображения, так же проникали в живопись догматические начала.

В условиях подчинения живописного искусства требованиям официальной религиозной идеологии к концу XVI в. выработалось своеобразное художественное

направление, сосредоточившее главное внимание на собственно живописной технике. Оно получило наименование «строгановской школы» по имени известных промышленников и купцов Строгановых, во многом способствовавших развитию этого направления своими заказами. «Строгановская школа» характеризуется замечательным мастерством внешнего исполнения. Внутренний мир изображаемых персонажей, раскрытие определенной идеи уходит на задний план. Главное — это стремление изобразить особую, утонченную красоту фигур, одежды. Красота эта искусственна, она мало связана с реальной жизнью. Композиция произведений всецело подчинена внешней красоте, персонажи облакаются в драгоценные, красивые одеяния, иконы получают изящный и нарядный орнамент. В «строгановской школе» ценилось техническое мастерство, тщательность исполнения. Недаром произведения стали теперь подписными. Известны имена крупных мастеров «строгановской школы» — Прокопия Чирина, Никифора, Истома, Назария и Федора Савиных.

Искусство «строгановской школы» возникло как своеобразная реакция на утверждение официального направления в живописи, на строжайшую регламентацию и стандартизацию художественного творчества. В этих условиях мастерство ряда живописцев направилось в сторону чисто технического совершенства. Лишенное жизненной идеи и удовлетворявшее эстетическим потребностям узкого слоя ценителей живописного мастерства, искусство «строгановской школы» было в целом далеко от народных масс, от демократических традиций и тенденций в искусстве. И вместе с тем «строгановская школа» заняла видное место в истории русского искусства, доведя до высокого совершенства технику письма. Более того, сосредоточение внимания на отдельных деталях и предметах объективно противостояло официальным требованиям нарядности и монументальности изображения религиозных сюжетов, долженствовавших подавлять зрителя и непосредственно воздействовать на его религиозное сознание. Произведения мастеров «строгановской школы» отвлекали зрителей от размышлений на собственно религиозные темы и вызывали прежде всего не религиозное, а эстетическое чувство.

Наряду со «строгановской школой» получила распространение так называемая «годуновская школа», стремящаяся вернуться к монументальным формам, характерным для конца XV в.

Однако и в сложных условиях XVI в. стремление преодолеть догматические оковы хотя и с большим трудом, но все же пробивало себе дорогу. Даже в произведениях московских мастеров, вынужденных строго следовать установленным образцам, это стремление находило проявление в разработке оригинальных цветовых решений, в нарядности и красочности изображений, посвященных религиозным сюжетам.

Более ярко светские элементы в живописи проявились в XVI в. в творчестве мастеров, связанных с посадскими кругами. Это сказалось в некотором «бытовизме» их изображений, когда в иконах появились совершенно реальные, взятые из окружающей жизни предметы, а религиозные персонажи приобретали живую психологическую характеристику. Особенно заметны эти моменты в творчестве художников поволжских городов — Ярославля, Костромы, Нижнего Новгорода, развивавшихся в XVI в. как крупные торговые и ремесленные центры. Все чаще начинает встречаться русский пейзаж, все более внимание концентрируется на реальных предметах. Такими же чертами отмечено искусство далеких северных областей. Здесь можно встретить изображение богородицы, явно похожей на русскую крестьянку, совершенно реальное изображение бревенчатых стен и башен русских монастырей. Тонко опозитивированный русский пейзаж встречается в отдельных произведениях мастера «строгановской школы» Никифора Савина.

Но это были лишь отдельные проблески реалистического начала, преследуемого и душимого церковью. Утверждение осифлянской идеологии, как уже было отмечено выше, тяжело сказалось в целом на русской культуре XVI в. В области живописного искусства это сковывающее влияние церкви проявилось особенно сильно. Ограничены

были возможности развития скульптуры. Сохранившиеся рельефные изображения на «царском месте» в Кремле и других памятниках отличаются ярко выраженной плоскостной их трактовкой.

И тем не менее исподволь накапливались — пока в виде отдельных деталей — элементы нового направления, подготавливая новый этап борьбы за освобождение культуры из-под влияния церкви.

ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

Развитие прикладного искусства XVI в. было обусловлено в целом теми же общими обстоятельствами, что и живопись того времени.

Однако самый характер некоторых видов прикладного искусства способствовал более быстрому и совершенному их развитию, не связанному так строго требованиями официальной идеологии. Значительного расцвета достигла в XVI в. книжная миниатюра, которая отличается богатством художественных приемов, красочностью и яркостью. Известны прекрасным мастерством выполненные в 1507 г. Феодосием миниатюры для евангелия боярина И. И. Третьякова, с их изящным, тонким рисунком и великолепным сочетанием тонов. Крупнейшим произведением этого вида прикладного искусства был так называемый «Лицевой летописный свод» 60—70-х гг. XVI в. Сохранившиеся до нашего времени 10 тысяч листов этого свода содержат около 16 тысяч миниатюр. В XVI в. были созданы и многие другие иллюстрированные рукописные книги, среди них «Житие Сергия Радонежского», «Христианская топография» Космы Индикоплова и др. На развитие книжной миниатюры конца XVI в. большое влияние оказала «строгановская школа» в живописи.

Тесно связанные с традициями и приемами книжной миниатюры были и первые книжные гравюры, появившиеся с началом книгопечатания в России.

Значительного Совершенства достигло в XVI в. художественное шитье. Крупные мастера этого дела работали в мастерской князей Старицких. Произведения этих мастеров характеризуются умело созданными композициями, прекрасным подбором цветов. Замечательные образцы их хранятся в ризнице Загорского историко-художественного музея. К концу XVI в. наметилось стремление украшать шитье драгоценными камнями. Искусной вышивальщицей была Ксения Годунова, которой принадлежит несколько вещей, выполненных на бархате.

МУЗЫКА И ТЕАТР

В нашем распоряжении имеется немного сведений о развитии музыки и театрального искусства в XVI в. Тем не менее на основании некоторых данных можно судить об общем характере этих искусств того времени.

Веками существовали и развивались народная музыка и песня, тесно связанные с эпосом. Как и по отношению к предшествующему времени, источники упоминают о народных певцах-гуслирах, против которых вели борьбу церковники. Наиболее распространенными музыкальными инструментами были духовые деревянные инструменты — волынки, сопели, рожки, свирели, дудки, струнные — гудок, гусли, домра, балалайка, были и ударные — бубны и бряцала. Последние употреблялись главным образом в войске, где были еще трубы и сурны. По-видимому, именно в XVI в. стали складываться мелодичные лирические песни, возникло характерное для русской музыкальной культуры сочетание вариантов-подголосков с основной мелодией.

Народная музыкальная культура оказывала определенное влияние и на церковную музыку. Как отмечают историки русской музыки, под влиянием народной музыки происходила эволюция церковной музыки, приобретающей большую живость и гибкость. Церковь была вынуждена использовать элементы народной музыкальной культуры с

целью привлечения народных масс к богослужениям. В XVI в. получило большое развитие так называемое «знаменное» пение — одноголосное хоровое пение, но в то же время стало распространяться и многоголосное пение с его богатством форм. Крупным центром музыкальной певческой культуры был Новгород, откуда в XVI в. стало распространяться многоголосное пение. Новгородец Иван Шайдуров изобрел сложные «знамена» — знаки для записи мелодии с «распевами», «разводами» и «переводами». Среди новгородских певцов XVI в. получили широкую славу братья Роговы. С XVI в. стал распространяться колокольный звон.

Вместе с тем с конца XV в. в Россию стали проникать и западноевропейские музыкальные инструменты — органы, клавесины и клавикорды.

Дальнейшее распространение получил в XVI в. народный театр. Известно, что существовали большие группы скоморохов, насчитывавшие иногда до 100 человек. Среди них были певцы, драматические актеры, акробаты, фокусники. Как ни боролась церковь против скоморохов, они пользовались широкой популярностью. Без них не обходились народные празднества. Меткое слово скоморохов, их антифеодальные и антицерковные выступления находили живой отклик в народе и были одним из самых ярких выражений народной культуры. К сожалению, мы слишком мало знаем о конкретном содержании произведений народного театра — по вполне понятным причинам, так как письменные источники выходили из среды господствующего класса, враждебно относившегося к народной культуре. Только по той упорной настойчивости, с которой феодальные круги боролись против народного творчества, мы можем судить о силе и распространении его в XVI в. Недаром церковники клеймили искусство скоморохов как «бесовское», изгоняли их из своих владений, устанавливали штрафы за их укрывательство и т. п. Правда, искусство скоморохов использовалось иногда и представителями феодальных кругов — при дворах некоторых князей и бояр были свои труппы скоморохов, бывали скоморохи и в царских палатах. Но при этом их искусство утрачивало, конечно, свой антифеодальный и антицерковный характер.

Большой популярностью пользовались медвежий цирк и кукольный театр Петрушки.

Как и в области музыкально-певческой культуры, элементы театральной культуры пыталась использовать в своих интересах церковь. В богослужения вводились некоторые «действия» — представления отдельных сцен-из «священного писания».

* * *

В тяжелых условиях средневековья русская культура на протяжении конца XV—начала XVI в. достигла больших успехов в различных областях. Господствующим в культуре было феодально-церковное направление, но оно не могло подавить демократической культуры, уходившей в толщу народных масс. Лучшие произведения русской культуры того времени, даже возникшие в рамках культуры господствующего класса, были оплодотворены идеями и богатством форм народной культуры.

ГЛАВА V РУССКАЯ КУЛЬТУРА XVII В.

Семнадцатый век занимает особое место в истории России феодального периода. Господствовавший веками феодально-крепостнический строй еще более укрепился в XVII столетии, и в последующие два столетия он по-прежнему отличался большой прочностью и устойчивостью. И вместе с тем начиная именно с XVII в. стали постепенно вызревать те новые элементы общественно-экономического развития, которые в конечном счете спустя два столетия привели феодально-крепостнический строй к разрушению. В XVII в. не происходило резких изменений в политическом строе, но уже в конце этого столетия и начале следующего господствующий класс оказался перед необходимостью осуществления широкого круга преобразований. Эти преобразования возникли не вдруг и

не случайно, они были подготовлены всем ходом исторического развития. Попытки преобразований были предприняты уже на протяжении XVII в., и даже их конкретные формы тоже были, определены в основном тогда же. При полном сохранении и упрочении старых общественно-экономических отношений и форм политического устройства в XVII в. появилось немало нового в различных сферах исторического развития, и хотя это новое оказывало во многих случаях еще весьма слабое влияние, тем не менее ему принадлежало будущее.

Сущность изменений, начавшихся в историческом развитии России с XVII в., была раскрыта В. И. Лениным. Характеризуя основные этапы истории России феодальной эпохи, В. И. Ленин указал, что «примерно с 17 века» начался «новый период русской истории». Этот период характеризовался «действительно фактическим слиянием всех... областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это... вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных»⁶⁰.

Таким образом, примерно XVII в. датируется начальная стадия зарождения буржуазных связей в недрах феодально-крепостнического строя. «Руководителями и хозяевами этого процесса» В. И. Ленин назвал капиталистов-купцов, и именно в их деятельности, в росте торгового капитала появились первые зародыши буржуазных связей в России. Развитие городских посадов, прогресс общественного разделения труда, рост товарного производства и обращения были условиями и проявлениями начинающихся изменений в общественно-экономической жизни России.

Семнадцатый век ознаменовался небывалым еще обострением классовой борьбы в России. Две крестьянские войны, крупные городские восстания в Москве, Новгороде, Пскове и других городах, массовые побег крестьян от феодалов были яркими проявлениями антифеодальной борьбы народных масс. «Бунташ-ным временем» называли современники XVII век. Глубокими противоречиями был охвачен и господствующий класс феодалов, в особенности в первой половине столетия, когда развернулась упорная борьба дворянства за уравнивание в правах и положении с феодальной знатью. В этих условиях государственная власть все более эволюционировала в сторону абсолютизма, укрепляя аппарат принуждения и централизуя систему государственного управления. В середине XVII в. по «Соборному уложению» была окончательно оформлена общегосударственная система крепостного права в России. Вместе с тем самодержавие оказалось вынужденным пойти на некоторые уступки верхушке городского населения, продолжая, однако, политику феодальной эксплуатации города в целом со стороны государства. Уже в XVII в. наметились основные линии тех широких государственных преобразований, которые были затем осуществлены правительством Петра I в интересах укрепления дворянства и нарождающегося купеческого класса, за счет дальнейшего усиления крепостнической эксплуатации широких народных масс.

С зарождением буржуазных элементов, хотя еще и слабых, в социально-экономическом развитии России начался процесс формирования русской нации. Это был длительный процесс, далеко выходящий за рамки XVII столетия, но уже тогда достаточно отчетливо обнаружилось признаки нового этапа этнического развития русского народа. Утратили свое значение старые его центры, и ведущее значение прочно утвердилось за центральными районами — Москвой и все более развивавшейся черноземной областью к югу от Москвы. Теперь уже не ростово-суздальский диалект, а московский говор становится доминирующим в русском языке. Под южновеликорусским влиянием он превращается в средневеликорусский, известный под названием «московского просторечья». Московская речь оказала очень большое влияние на формирование

⁶⁰ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 1, с. 153—154.

русского национального языка. Хотя диалектные различия оставались еще долго весьма устойчивыми, тем не менее образование новых диалектов прекратилось.

С формированием национальных связей в XVII в. неразрывно связан и новый подъем национального самосознания, особенно выросшего под влиянием событий борьбы против интервенции. Рост социальных противоречий многообразно отразился в культуре XVII столетия, придав ее лучшим произведениям еще невиданно острый социальный характер.

В истории русской культуры XVII век завершает период средневековья и начинает переход к новому периоду. Самое главное состоит в начавшемся разрушении средневекового мировоззрения, в котором в силу исторических условий определяющую роль играли религиозные представления. Начавшиеся перемены в общественно-экономической жизни, возникновение и углубление сложных противоречий в различных областях исторического развития страны находили обостренный отклик в сознании современников.

Новые явления в области культуры затронули прежде всего города. Как и всюду в средневековье, городская жизнь порождала новые представления. Сосредоточение больших масс населения в крупных по тому времени городах, развитие торговли, общение с другими землями и странами подрывали вековую замкнутость, вели к расширению кругозора людей. Земледельческие занятия держали человека в большой зависимости от неподвластных ему сил природы, а самый тип натурального мелкого хозяйства обуславливал застойность, узость мировоззрения. Накопление практического опыта ограничивалось самой системой производства, не выходило за его пределы. Иначе было в городах. Результаты труда ремесленника гораздо в большей степени зависели от его личного опыта, энергии, мастерства. Еще значительнее активная роль человека проявлялась в занятии торговлей. Пусть и здесь еще не поднимались люди до уровня обобщений конкретных, практических знаний, однако удельный вес этих знаний в общей сумме представлений людей значительно увеличился по сравнению с деревней. Начало промышленного производства, поиски полезных ископаемых, далекие походы в Сибирь и в другие районы значительно расширили кругозор русских людей XVII в.

Внимание обращается все более к самому человеку, его роли, в событиях и в определении собственной судьбы. Это явление отчетливо прослеживается в литературе и живописи, в произведениях общественной мысли. Огромное значение в этом начинавшемся осознании роли человека как такового, вне представлений о божественном «предопределении», имела классовая борьба.

Крестьянские войны и другие массовые народные движения и восстания пробуждали и укрепляли веру людей в собственные силы. Расшатывался ореол «святости» вокруг властей и господ. Соединение огромных масс людей в рядах участников движений, прокатившихся на колоссальных территориях, приводило опять-таки к разрушению прежней локальной замкнутости, к осознанию, пусть в самых неразвитых еще формах, значения активной деятельности человека.

Раскол в самой церкви был еще одним крупным фактором начавшегося кризиса средневекового мировоззрения. Вряд ли можно усматривать в идеологии старообрядчества более прогрессивное начало по сравнению с официальной «никонианской» церковью: яростная враждебность ко всему новому, бескомпромиссная ксенофобия, фанатизм, доводивший до самоожжений десятки тысяч людей, осуждение всего земного, светского, мирского исключают возможность видеть в раскольниках носителей реформационных идей в том понимании, с которым обычно связывается Реформация в Центральной и Западной Европе. Конечно, и официальная церковь была не более прогрессивна по отношению к духовной жизни людей — она не менее жестоко преследовала начавшееся «обмирщение» искусства, народный театр и вообще всякие проявления внецерковной, светской культуры. Но самый факт раскола церкви, публичная

распря между «староверами» и «никонианами», их взаимные обличения расшатывали и подрывали авторитет церкви.

Государственные потребности вызывали необходимость ознакомления с достижениями светских знаний в зарубежных странах, ибо без них нельзя уже было в XVII в. обходиться. Светские знания все более проникали в Россию. После воссоединения левобережной Украины с Россией эти связи еще более упрочились.

Не будем преувеличивать их значение для определения причин перемен в русской культуре, особенно сильно сказавшихся уже на рубеже XVII и XVIII столетий. Представления дореволюционных историков (до сих пор бытующие в зарубежной исторической литературе, вплоть до школьных учебников) о том, что влияние Запада предопределило петровские реформы, что вообще произошел насильственный разрыв с «исконно русским» прошлым, не могут быть приняты, потому что в самой России происходили такие перемены, которые предопределили саму необходимость воспринимать достижения ушедших вперед стран, становившихся на путь буржуазного развития в гораздо большей степени, чем это имело место в России XVII в. В восприятии активная роль принадлежала воспринимающим, воспринимали то, что было нужно, в чем была порожденная внутренним развитием страны необходимость. Но и отвергать значение расширения связей с другими странами для развития новой культуры тоже не следует. В истории культуры равно важны и внутренняя основа, и активное взаимодействие с культурами других стран и народов.

Светские элементы в культуре XVII в. становятся заметными, они проникают и в церковное зодчество и живопись, и в прикладное искусство. По своему объективному классовому содержанию светская культура была не только отражением ростков буржуазных тенденций общественного развития, но и активной силой, им способствующей. Не следует забывать, что культура не просто «отражает» тот или иной тип общественных отношений, она, будучи творением ума и рук человеческих, является активной силой, способствующей в конечном счете процессу развития и смены общественно-экономических формаций.

Социальной основой развития светских элементов в культуре были городские ремесленно-торговые слои, однако конкретными носителями их стали, разумеется, представители различных социальных групп и общественных классов.

Сфера потребителей и производителей произведений культуры была также обусловлена социальной структурой тогдашнего общества. Монополия церковников на образование, и грамотность стала уходить в прошлое. В городах повысился процент грамотных людей, что было связано в первую очередь с характером их деятельности. Грамотность стала оружием в антифеодальной борьбе, о чем свидетельствуют, например, «прелестные письма» Степана Разина.

Культура XVII в.— этого яркого времени, когда, по словам современников, «старина и новизна перемешались», — представляет собой одну из самых значительных страниц в истории отечественной и мировой культуры, очевидное и убедительное свидетельство труда и таланта наших далеких предков, силы и мужества в борьбе прогрессивных сил против сил консервативных. Взятая в целом и в отдельных своих произведениях, она является непреходящим вкладом в создание культурных ценностей, выработанных человечеством,— ценностей, знание которых обогащает и будет всегда обогащать духовную жизнь людей, служить раскрытию их неисчерпаемых творческих возможностей, воспитанию благородного чувства уважения к подлинным достижениям человеческого труда, полученным в очень трудных и сложных условиях далекого времени.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

События первого десятилетия XVII в. привели к разорению значительной территории Российского государства и подрыву его материальной культуры. Военные действия этого времени тяжело отразились на положении многих городов и сел. Значительная часть населения ушла из своих обжитых районов, произошло запустение ряда мест. Однако на протяжении последующих десятилетий хозяйство постепенно восстанавливалось, и следы недавнего разорения к середине столетия исчезли в результате упорного труда народа.

Главной отраслью народного хозяйства оставалось земледелие. Орудия земледельческого труда также были прежними — сохи, бороны, косы, серпы, применялись, кроме того, плуги.

В области ремесленного производства на протяжении XVII в. произошли значительные сдвиги. Как и прежде, существовала так называемая домашняя промышленность в крестьянском хозяйстве, производившая холсты, канаты, сермяжные сукна, обувь, одежду, посуду, рогожи, деготь, смолу и т. п. предметы. Но в городах, особенно в наиболее крупных, отчетливо определился процесс массового превращения ремесла в мелкое товарное производство. Более того, в XVII в. возникли первые русские мануфактуры, что привело к значительному обогащению материальной культуры.

Широкое распространение получила обработка металлов — в Москве, Устюжне Железопольской, Тихвине, Заонежье. Кузнецы и другие мастера обработки железа производили в массовом количестве топоры и дверные петли, подковы и сабли, ножи и сошники и другие изделия. С большим искусством выдвигались сложные и хитроумные замки. Было налажено производство многих видов огнестрельного (пушки, мушкеты, пищали, мортиры) и холодного (сабли, пики, латы) оружия. Появились многоствольные «органы» для залповой стрельбы.

Русские мастера-крестьяне, вызванные из Устюжского уезда, Ждан, его сын Шумило Жданов и Алексей Шумилов в 20-х гг. XVII в. сделали башенные часы для новой Спасской башни Кремля (по проекту англичанина Христофора Галовея). Все более применялись разные вододействующие механизмы. В 1615 г. была сделана первая пушка с винтовой нарезкой.

Высокого технического уровня достигла обработка благородных металлов — золота и серебра, особенно в специальных государственных мастерских — Золотой и Серебряной палатах Оружейного приказа. В этих мастерских изготавливались различные предметы царского обихода и другие драгоценные вещи — серебряные ковши, братины (сосуды), предметы культа и т. п., многие из которых являются подлинными шедеврами техники и художественного мастерства. Изделия покрывались тонкими рисунками, вычеканенными или выдавленными на металле. Наряду с этим производилась и массовая продукция — кольца, серьги, крестики и т. п. Важное значение имела чеканка монет. Развитие обработки благородных металлов тормозилось, однако, тем, что в XVII в. в России еще не знали месторождений золотых и серебряных руд и пользовались привозным сырьем. Точно так же на иноземном сырье до 30-х гг. работали мастера-медники. Они производили медную и оловянную посуду. Особое место занимало сложное колоколотейное дело, в котором русские мастера достигли большого совершенства. Среди них был московский литейщик К. Самойлов. В середине XVII в. по царскому заказу в течение одного года был отлит колокол весом 12 500 пудов. Замечательные колокола были отлиты в конце XVII в. мастерами Фролом Терентьевичем и Филиппом Андреевым с сыном для митрополичьего двора в Ростове.

Многовековую традицию имела к XVII в. обработка дерева. Особенно большого искусства достигли в этом деле мастера в северных, богатых лесом, районах. Там возводились замечательные постройки, о которых речь пойдет ниже в разделе о зодчестве XVII в. Поморские плотники умели строить прочные и удобные суда — не только речные, но и морские. Большого развития достиг в XVII в. смоляной промысел, а также производство поташа.

Возникли центры массового производства изделий из льна и пеньки, холстов, канатов в Пскове и Новгороде, Ярославле и Ржеве, Вологде и Нижнем Новгороде и других городах. Ярославль и Вологда стали, кроме того, и центрами массовой выделки различных изделий из кожи. Во многих городах работали скорняки, изготавливавшие разные меховые вещи. Развивалось также производство по переработке шерсти, например изготовление валяной обуви, крупным центром которого стал Углич. Особые отрасли ремесленного производства составили массовое производство сальных свечей и мыловарение. Обработывали также моржовую кость, изготавливая из нее многие богато украшенные предметы. Составленная в начале XVII в. в Тотье «трубным мастером» Семеном «роспись, как зачать делать новая труба на новом месте», свидетельствует о развитой в то время технике бурения соляных скважин на большую глубину (до 90 саженей).

Значительно большее по сравнению с предшествующим временем развитие получило каменное строительство. В XVII в. в России изготавливался высококачественный кирпич, делались обеспечивавшие большую прочность растворы извести. Техника возведения крупных сооружений достигла высокого уровня. Мастера XVII в. научились возводить крепостные сооружения без контрфорсов — специальных пристроек для прочности стен.

В 30-х гг. XVII в. появился первый стекольный завод в России.

Материальная культура в XVII столетии получила большое развитие. Ее творцами и соиздателями были многие тысячи народных мастеров-умельцев, воплотивших в своих творениях замечательную сметку и творческую силу народа.

В этот период сложились устойчивые группы высококвалифицированных мастеров на различных предприятиях. Хотя в ряде случаев производство на этих предприятиях начиналось с приглашения иностранных мастеров, русские люди быстро овладевали необходимым мастерством и выполняли сложные технические работы с большим искусством. Посетивший Россию в 30-х гг. XVII в. немецкий ученый Адам Олеарий писал о русских мастерах: «Люди эти очень способны к разным ремеслам, легко перенимают все, что увидят у немцев, и в немного лет они научились и переняли у последних много такого, чего прежде совсем не знали... Особенно удивили меня русские золотых дел мастера, которые делают теперь серебряную с разными украшениями посуду с таким искусством, что не уступают в том несколько немцам».

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

В XVII в. появились первые записи фольклора, дошедшие до нас, благодаря чему мы имеем более конкретное представление о народном творчестве того времени. XVII в. с его острыми социальными конфликтами и длительной борьбой России против внешних врагов был временем значительного подъема народного творчества. Характерно широкое распространение исторических песен, проникнутых чувством глубокого патриотизма. Продолжали быть популярными различные былины, песни, сказки, сложенные еще в предшествующее время.

Весьма интересны пословицы, записанные в особых сборниках конца XVII в. В пословицах ярко воплотилась народная оценка человеческих качеств и общественных отношений. Недаром многие из них дожили до наших дней, как, например: «баснями соловья не кормят», «взялся за гуж, не говори, что не дюж». Народные пословицы отразили критическое отношение простых людей к церковникам и церковным обрядам: «из одного дерева икона и лопата», «молебен пет, а пользы нет», «кому тошно, а попу в мош-но». Для XVII в. характерна насмешка над людьми, не желающими учиться грамоте: «Аз, буки, веди страшат, что медведи». В пословицах отразилось недоверие крестьян к феодалам: «в боярский двор ворота широки, а со двора узки», «обещать — то дворянски, а слово держать — то крестьянски»; протест против притеснений властей: «наказал бог на-

род — насрал воевод», «лошадь любит овес, земля — навоз, а воевода — привоз»; возникающее в народе сознание своей силы: «мужик гол, а в руках у него — кол», «холопье слово, что рогатина» и т. п. Одним из любимых героев произведений народного творчества стал вождь крестьянской войны Степан Тимофеевич Разин. Вокруг его имени уже в XVII в. стали складываться многочисленные легенды, песни, сказания. В одних случаях эти произведения с большой достоверностью воспроизводили рассказы о действительных событиях, связанных с Разиным, в других — подвергали образ Степана Разина сильной поэтизации в духе традиций народного творчества. Степан Разин наделялся богатырскими чертами, оказывался «заговоренным» от смерти. Древние былины перерабатывались, и Степан Разин оказывался в одном кругу былинных героев вместе с Ильей Муромцем. Более того, в некоторых вариантах былин Илья Муромец оказывался есаулом на корабле Разина. Народные песни рисуют восстание как праздник:

На матушке Волге праздник.
Сходись, голытьба, на праздник.
Готовьтесь, бояре, на праздник.

Очевидно, народное творчество XVII в. приобрело определенные антифеодальные и антицерковные тенденции. Оно стало сильнее оказывать влияние на письменную литературу. Народное творчество явилось настоящей основой развития демократического, светского направления в литературе XVII в. Усиление влияния народного творчества на литературу имело одной из важных своих предпосылок значительное расширение количества грамотных людей в XVII в.

ГРАМОТНОСТЬ И ПИСЬМЕННОСТЬ

Хотя масса населения крепостной страны продолжала оставаться неграмотной, тем не менее количество грамотных людей в XVII в. значительно возросло, особенно в среде посадских людей. Развитие городской жизни, а также системы государственного управления вызывало большую потребность в грамотных людях. По подсчетам А. И. Соболевского, сделанным им на основе изученных, но далеко не исчерпывающих материалов, в XVII в. в России среди помещиков было 65% грамотных, купечества — 96%, посадских людей — около 40%, крестьян — 15%, стрельцов, пушкарей, казаков — 1%. Эти средние и весьма приблизительные подсчеты по стране не отражают, конечно, динамики грамотности на протяжении века. Можно полагать, что во второй половине столетия процент грамотных в различных слоях русского общества был выше, нежели в первой половине. Помимо того что грамотность была необходима для торговых и других занятий, грамотные люди могли вступить на службу в государственные учреждения, приказы и тем самым освободиться от тягла. К концу XVII в. в московских приказах работало 178 дьяков и 1450 подьячих. Кроме того, в городах были еще так называемые «площадные подьячие», которые за плату составляли всякие челобитные и другие документы. Грамотными были земские и церковные дьячки, ведшие текущее делопроизводство. В некоторых феодальных вотчинах существовала письменная хозяйственная отчетность, но достаточно грамотных людей иногда здесь не хватало — столник А. И. Безобразов ругал своего приказчика: «а пишешь ты грамотки тарабарским яыком, здесь и прочесть не умеют...»

Помимо значительно расширившейся деловой письменности, все большее распространение получали и рукописные книги. Несмотря на развитие книгопечатания, рукописные книги пользовались все возрастающим спросом. Расширилось производство книг на продажу наряду с изготовлением книг на заказ. Расширялся круг потребителей книг. Не только феодальная знать и духовенство, но и многие посадские люди хранили книги. Большое распространение получали рукописные сборники, в которых содержались

различные материалы — и духовного, и светского содержания, отрывки из летописей, повести, сказания и т. п. В монастырях были специальные книгохранилища во главе с книгохранителями. Часть книг принадлежала монахам и хранилась в кельях («келейные книги»).

Значительно выросло письменное делопроизводство государственных учреждений — московских приказов, приказных изб в городах и т. п.

С 1621 г. для царя стали изготавливаться рукописные «Куранты» — своеобразные газеты, состоящие из переводных иностранных известий.

Потребность в массовом и быстром изготовлении разного рода рукописей обусловила окончательное установление скорописи. В середине века вновь были предприняты попытки организации производства бумаги в России. Известно, что в 60—70-х гг. в Москве действовали две «бумажные мельницы», отданные правительством, на оброк голландским предпринимателям. Бумаги своего производства, однако, не хватало, и в Россию по-прежнему привозили бумагу из-за границы — из Франции и Голландии.

Кроме того, в XVII в. писали также и на бересте — сохранились берестяные грамоты и даже целые книги сбора ясака в Сибири.

Как и прежде, писали специально приготовленными чернилами, присыпая написанный текст песком для просушки. В московские приказы возили песок целыми возами. Особенно ценился чистый и сухой песок с Воробьевых гор.

Книги «одевали» в деревянные, обитые кожей доски. На коже выделялись различные узоры, накладывались различные металлические украшения. В виде украшений выполнялись и обычно массивные застёжки к книге. Нередко переплеты покрывались дорогими тканями — бархатом, атласом и пр. Искусство изготовления рукописных книг в XVII в. достигло наивысшего расцвета.

Большим совершенством отмечена книжная миниатюра XVII в. Так называемый растительный «травный орнамент» получил в этот период широкое распространение наряду со старопечатным орнаментом.

Со второй половины столетия стал заметен переход к новому стилю книжной миниатюры — так называемому «русскому барокко», характерной чертой которого было сочетание изображения растительного мира с геометрическими фигурами — эллипсами и спиралями.

Особенно богато украшались орнаментами, заставками, инициалами царские грамоты, писавшиеся на пергамене.

Наряду с рукописными книгами и грамотами всё более распространялись печатные книги. Московский Печатный двор представлял собой в середине XVII в. крупное предприятие, на котором работало 165 человек. В первой половине столетия было издано около 200 названий книг. В 1648—1649 гг. на складе Печатного двора хранилось одиннадцать с половиной тысяч экземпляров отпечатанных книг. Половину из них составляли церковные книги, другую половину — разные официальные издания («Соборное уложение», «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей»), учебники.

Распространение книг приобрело значительно более широкие масштабы, чем в предшествующее время. В больших количествах распространялась переводная литература. Стали составляться обширные библиотеки. Большие собрания книг на русском, латинском, польском, греческом языках были у патриарха Никона (около 400 книг), князя В. В. Голицына, А. Л. Ордина-Нащокина, А. С. Матвеева. Большая библиотека была в царском дворце. Немалые собрания книг были у духовенства и посадских людей.

Дальнейшее распространение рукописной и печатной литературы выдвигало потребность более организованного обучения грамоте и письму. Обычно дети и подростки обучались грамоте у духовных лиц, подьячих или у родителей, причем женщины, как правило, даже в семьях знати оставались неграмотными. Возможность

печатного издания учебных пособий значительно улучшала условия обучения грамоте. Характерно, что печатавшиеся в Москве дешевые (по 1 копейке) буквари пользовались широким спросом. Изданные в 1651 г. 2400 экземпляров «Азбуки» патриаршего дьякона Василия Бурцева (первое издание относится к 1634 г.) были распроданы за один день. Во второй половине XVII в. Печатный двор выпустил более 300 тысяч букварей, около 150 тысяч учебных «Псалтырей» и «Часословов». В 1648 г. была напечатана «Грамматика» Мелетия Смотрицкого, в 1682 г. — таблица умножения. С 70-х гг. стали распространяться издания украинских типографий. В 1672 г. открылась первая книжная лавка в Москве.

Вопросы распространения грамотности и организации обучения стали предметом оживленных споров. На протяжении XVII в. в Москве обосновалось немало выходцев из украинских и белорусских земель. Среди них было много образованных людей, которые и вели обучение латинскому и польскому языкам, необходимым для государственной службы иностранных дел, переводили иностранные книги, следили за исправностью текста выпускаемых Печатным двором книг. Заинтересованной в использовании знаний выходцев с Украины оказалась и часть высшего духовенства. Когда Никон решил провести исправление богослужебных книг, то правительство обратилось к киевскому митрополиту Петру Могиле с просьбой о присылке в Москву ученых монахов из Киева. Тогда, в частности, и прибыл в Москву Епифаний Славинецкий, а в 1664 г. приехал из Белоруссии крупный ученый и поэт Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович (Симеон Полоцкий).

Но другая часть высшего духовенства и знати («грекофилы») отрицательно отнеслась к распространению «латинства», видя во всяком отступлении от древних традиций большую опасность. Уже в 20-х гг. московские церковные власти стали запрещать распространение «литовских» книг (т. е. напечатанных в Белоруссии и на Украине), как склонных к «латинству». Эти споры были отражением большой идейно-политической борьбы сторонников поворота к государственным преобразованиям и ревнителей «старинны», борьбы, особенно обострившейся к концу XVII в. Противоречия в вопросе о путях развития просвещения и сопротивление консервативно настроенной знати сказались во время организации первых школ в Москве.

В 40-х гг. XVII в. один из видных правительственных деятелей — Ф. М. Ртищев пригласил из Киева около 30 ученых монахов для организации школ в Андреевском монастыре. Молодые дворяне и сам Ртищев стали обучаться греческому и латинскому языкам, риторике, философии. Многие представители знати косо смотрели на школу Ртищева. Считалось, что в самой латинской грамоте уже заключено «еретичество». Тем не менее частные школы все же существовали и возникали вновь. Епифаний Славинецкий возглавил греко-латинскую школу в Чудовом монастыре. В 60-х гг. священник Иван Фомин на свои средства построил школу в Барашах при Введенской церкви. В 1665 г. открылась школа в Заиконоспасском монастыре, во главе которой стал Симеон Полоцкий. В этой школе обучали подъячих русской грамматике и латинскому языку. Спустя два года открылся «гимнасион» (приходская школа) при церкви Иоанна Богослова в Китай-городе. В 1680 г. была основана школа при Печатном дворе. Монах Тимофей учил в этой школе греческому языку 30 учеников, набранных при ее открытии.

Первые частные школы в Москве подготовили основание в 1687 г. Славяно-греко-латинского училища (академии) во главе с учеными греками Иоанникием и Софронием Лихудами. Это было первое учебное заведение, ставившее своей целью широкое образование. Славяно-греко-латинская академия открывалась для людей «всякого чина, сана и возраста» и предназначалась для подготовки высшего духовенства и чиновников государственной службы. Академия сыграла большую роль в развитии русского просвещения в конце XVII и первой половине XVIII в.

Распространение грамотности и просвещения в России подрывало вековое господство религии и церкви в просвещении. Все более расходилась по рукам светская

литература, все более переводных иностранных сочинений проникало к русским людям. XVII в. занял важное место в истории русского просвещения.

НАУЧНЫЕ ЗНАНИЯ

Начавшееся ослабление позиции церкви, развитие ремесленного производства и торговли, рост связей с зарубежными странами создали предпосылки для дальнейшего накопления научных знаний в XVII в. Конечно, и в это время продолжала распространяться старая литература о природе с ее богословско-мистическим истолкованием различных явлений. Но наряду с этим появлялся интерес к научной литературе западноевропейского Возрождения с ее рационалистическим подходом к явлениям природы. Именно в это время в России появляются переводы целого ряда произведений, оказавших существенное влияние на формирование и распространение научных взглядов. Сами условия жизни Российского государства в XVII в. требовали перехода к более конкретному и реалистичному изучению природы, отказа от богословско-символического и мистического ее истолкования. При этом развивалась чисто практическая сторона научных знаний, в то время как ее теоретическая сторона оставалась в совершенно неразвитом состоянии. Это в значительной мере объяснялось позицией церкви, враждебной научному знанию. Церковники заявляли, что «богомерзостен всяк любяй (любящий) геометрию», что, «кто по латыни учился, тот с прямого пути совратился».

Так, например, в XVII в. умели решать многие практические задачи по математике, но теоретический уровень математических познаний был еще весьма невысок. Математические задачи выдвигались практикой описания земель, торговой деятельности, а также военного дела; умели измерять площади (например, по указаниям в «Книге сошному письму», 1628—1629 гг.), извлекать квадратные и кубические корни, хотя и чисто арифметическими действиями. Решали уравнения с несколькими неизвестными. Например: «Найти ми 4 перечни. Как их сочтешь вместе без первого перечня, ино станет числом в трех перечнях 100 руб-лев. А без другого перечня в тех трех перечнях станет 90 рублей. А без третьего перечня в тех трех перечнях станет 80 руб-лев. А без четвертого перечня в тех трех перечнях станет 70 руб-лев. Ино, сколько в котором перечню денег было, сочти ми». В рукописях XVII в. встречаются также сведения о практическом измерении некоторых простейших объемов.

Для записи денежных сумм, а также мер сыпучих тел и мер веса в рукописях XVII в. нередко применялось особое графическое изображение. Для этого чертилась специальная сетка, в которую вписывались буквенные обозначения соответствующих денежных или иных единиц. В центральном делении этой сетки писались сверху алтыны, внизу — рубли, справа шли меньшие, а слева — большие величины. Так, например⁶¹:

⁶¹ См.: Огризко З. А. К вопросу об условном изображении именованных чисел в XVII в.— Проблемы источниковедения. М., 1959, вып. VII.

десятки алтын	алтыны	деньги	т. е.	к	а	а	= 1523 рубля 21 алтын 1 деньга
десятки, сотни, тысячи рублей	рубли			афк	г		

Для обозначения мер сыпучих тел применялась другая сетка. В ней меры располагались следующим образом:

четвертки	меры	т. е.	а	а	= 1 четверток 1 мера 1 четверик – 1 решето
полумеры	четверики решета			а	

Меры веса изображались так:

пуды	четверти пуда	т. е.	а	а	= 1 пуд 18' фунта (1 пуд + + 10 фунтов + + 5 фунтов + + 2 1/2 фунта + + 1/2 фунта + + 1/4 фунта)
2 безмена	1 безмен		а	а	
полуфунты	четверть фунта		а	а	

Потребности артиллерийского дела выдвинули необходимость определения расстояний. Эти задачи решались с помощью теоремы Пифагора, но без анализа ее теоретического основания.

Крупным памятником научных знаний XVII в. является «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки», составленный Онисимом Михайловым (Радышевским) в 1621 г. Первоначально, еще в 1606 г., М. Юрьев и И. Фомин перевели на русский язык часть труда Л. Фронспергера «Военная книга», изданного на немецком языке во Франкфурте-на-Майне в середине XVI в. Позднее О. Михайлов переработал перевод, изменив структуру изложения и дополнив его рядом других материалов. «Устав» содержит сведения об организации войска, употреблении артиллерии и ее устройстве, о приемах ведения боевых действий. В нем много практических сведений из различных областей знания — геометрии, механики, физики, химии. «Устав» проникнут идеей строго конкретного, опытного, рационалистического подхода к изучению различных явлений. На первый план выдвигается требование конкретного опыта: «который к тому делу не извык, а такой в пушкари не пригодится, хотя будет в нем всего света мудрость».

В «Уставе» содержится ряд сведений из математики, в основном связанных с измерением расстояний и размеров объектов для артиллерийской стрельбы. Дана в «Уставе» также таблица мер. Немалое место уделено практике ведения огня и в этой связи — вопросам динамики. В «Уставе» излагается мысль о том, что существовавшее раньше мнение о прямой зависимости между длиной пушки и ее дальностью — неверно, но что существует зато прямая связь дальности с калибром орудия. Специально

рассматривается вопрос о допустимом угле возвышения пушки, причем описан угломерный прибор — «четверогранец», употреблявшийся тогда пушкарями.

«Устав» содержит также некоторые наблюдения над разницей удельного веса металлов — железа и свинца, хотя само понятие еще не сформулировано. Интересны и наблюдения над составом строительного материала крепостных сооружений по внешнему виду поднимаемой ударами ядер пыли, а также о влиянии различных веществ на разрывание ядер. Имеются интересные, указания о способах уловления звука для обнаружения ведущихся противником подкопов.

Русские пушкари в XVII в. умели пользоваться компасом, описание которого имеется в «Уставе». Компас — это «часы с матошником и указом магнитовым», «которого нрав от прирождения подает противу полунощные страны». Таким образом, природа магнетизма оставалась еще неизвестной, указывалось лишь на «прирожденное» свойство вещи.

Весьма подробно изложены в «Уставе» практические сведения в области химии, необходимой для изготовления и употребления взрывчатых веществ. Здесь описаны рецепты варки селитры и изготовления пороха, а также различные «снасти», т. е. приборы, для осуществления химических реакций. Как и в других областях знания, сведения «Устава» в области химии носят сугубо практический, прикладной характер, без познания каких-либо общих закономерностей. Правда, «Устав» обнаруживает знакомство с более широким кругом веществ (около 50) и с более разнообразными способами их обработки, чем это имело место в XV—XVI вв.

Помимо «Устава», многие руководства в области практической химии содержались также в распространенных в XVII в. пособиях для изготовления красок, левкаса, чернил.

Медицинские знания носили также преимущественно узкопрактический характер и в немалой степени основывались на многовековом народном опыте лечения болезней. Однако продолжали сохраняться наряду с этим и всякого рода суеверия. Правительственные органы и церковь всерьез преследовали «колдунов», «ворожей», «ведьм», якобы приносящих «порчу» людям. В 1632 г. царь приказывал псковскому воеводе, чтобы не покупали хмеля в Литве, потому что «в литовских краях баба-ведунья наговаривает на хмель, который из Литвы возят в наши города, чтоб хмелем в наших городех навести моровое поветрие». В 1649 г. по царскому указу в качестве меры борьбы с эпидемией был послан из Москвы «животворный крест господень». Но вместе с тем принимались и вполне реальные, практические меры борьбы с эпидемиями, как прекращение общения здоровых и больных людей, сжигание одежды больных.

Широкое распространение получили переводы иностранных лечебников и «травников». Среди них — подвергшийся на протяжении столетия дополнениям и переработке «Благопрохладный цветник», который содержал описания лечебных трав и их употребление, переведенный в 1672 г. подьячим Андреем Никифоровым с немецкого языка «Прохладный вертоград» и др. При переводах вырабатывалась русская терминология. Аптекарский приказ в Москве сосредоточил искусных мастеров, умевших изготавливать лекарства и обладавших широкими для того времени познаниями в области химии, ботаники и фармакопеи. Таковы были Тихон Ананьин, Иван Венедиктов, Василий Шилов и др. В том же приказе производилось обучение новых мастеров по изготовлению медикаментов, а также врачей. В 1654 г. в приказе обучались 30 стрельцов, отправленных затем в полки «для лечьбы» ратных людей.

Наряду с практическими знаниями в области медицины на протяжении XVII в. развивался интерес и к общим вопросам биологии. Так, в переводной книге «Проблемата, сиречь гадания или совопрошения различные от книг великого философа Аристотеля...» (в действительности Аристотелю не принадлежавшей) в форме вопросов и ответов изложены средневековые представления о взаимной связи различных органов человека и внешних признаков его внутреннего состояния.

Появились также переводы книг о коннозаводстве («О строении конскому дому») и псовой охоте.

В Россию проникли и первые сочинения по вопросам агротехники. С польского языка была переведена книга «Сокровище известных тайн економии земской», посвященная вопросам земледелия и животноводства, а также сочинение о сортах злаков, условиях их выращивания и употребления.

В целом освещение общих вопросов биологии в литературе XVII в. оставалось по-прежнему богословско-символическим. Например, в переводной «Великой науке» давалась характеристика девяти видов «живых существ», среди которых были бог, ангелы, небо, человек, «мыслительные животные», «чувствительные животные», растительность, «стихийное естество» и «орудительное существо» (искусственные орудия). Таков был уровень общих представлений о природе и в XVII в.

Но наряду с такого рода литературой внимание русских людей стало обращаться и к богатым конкретным материалам сочинениям в области зоологии и анатомии. Среди них — знаменитый труд основоположника научной анатомии, крупнейшего ученого эпохи Возрождения Андрея Везалия «О строении человеческого тела». Труд Андрея Везалия был переведен на русский язык Бпифанием Славинецким в 1658 г., но перевод этот не сохранился.

Астрономические знания в XVII в. также получили свое развитие, так как потребность вычисления праздников и различные хозяйственные нужды требовали более или менее точного знания времени смены фаз Луны, времени года и т. п. Деления суток на 24 часа тогда не применяли, велся отдельный счет дневным и ночным часам, соответственно от восхода и захода Солнца. Распространенные тогда переводные или компилятивные сочинения покоились в основном на древнем представлении о Земле как центре вселенной. Таков, например, известный в XVII в. сборник «Из астрономии, с немецких переводов». В этом сборнике указаны некоторые сведения, например продолжительность года определена в 365 дней 5 часов 50 минут с долями (фактическое время — 365 дней 5 часов 48 минут 46 секунд). Содержались там и практические сведения о положении звезд, важные для мореходства. Приводимые в сборниках приемы расчетов были очень просты и не выходили за пределы правил арифметики.

В середине XVII в. в Россию стали проникать сочинения, знакомившие с гелиоцентрической системой Коперника. Среди них была книга данцигского астронома Гевелия «Селенография», которая помимо подробного описания Луны, содержала также изложение ряда общих вопросов астрономии с позиций учения Коперника. Гевелий пытался также определить время обращения планет вокруг Солнца и их расстояния от него.

Само появление в России сочинений, излагавших гелиоцентрическую систему Коперника, весьма знаменательно для XVII в.

Известно, что на пути развития астрономических знаний серьезнейшим тормозом была позиция церкви, резко враждебно относившейся и к Копернику, и вообще ко всяким попыткам иного объяснения мироздания, чем то, которое содержалось в «священном писании». Проникновение в Россию учения Коперника свидетельствует о том интересе, который возникал к этому учению в XVII в. О прогрессирующем развитии астрономических знаний говорит также и то, что в XVII в. стали все более приобретаться и использоваться в России различные астрономические приборы.

Большое развитие получили географические знания. Одно только продвижение русских землепроходцев в Сибирь, обследование ими рек и морских побережий обогатило географию открытиями исключительного значения. Было составлено несколько карт; еще в начале XVII в. была сделана не сохранившаяся карта всего Русского государства. В 1627 г. в Разрядном приказе была составлена «Книга Большому чертежу». Составление этой карты преследовало в первую очередь военные цели. Специальный чертеж отмечал особо опасные в то время дороги, по которым происходили вторжения крымских войск.

Помимо этой книги (сами чертежи ее не сохранились) в Разрядном приказе имелось также много чертежей различных объектов, имевших военное значение. Много географических описаний содержалось в документах других приказов — писцовых книгах, материалах Поместного приказа и др.

Наиболее ранним из сохранившихся памятников политической географии является новгородский «Чертеж... городам русским и шведским до Варяжского моря», присланный в Москву в 1656 г.

Важный географический материал был получен в ходе освоения Сибири (экспедиции-Стадухина, Реброва, Пояркова, Дежнева, Хабарова, Атласова и др.). В их донесениях — «отписках», «распросных речах» и других документах — содержались многочисленные географические описания. Возникли сводные географические описания, как, например, «Роспись сибирским городам и острогам» (около 1640 г.), «Роспись» морского пути вдоль Охотского моря (конец 40—50 гг.), и др. В 1667 г. в Тобольске царским стольником и воеводой П. П. Годуновым был составлен чертеж сибирских земель с соответствующим описанием. Спустя пять лет был составлен новый чертеж Сибири.

После 1683 г. возникло «Описание новые земли, сиречь Сибирского царства». Все это подготовило появившийся уже на рубеже XVII и XVIII вв. труд С. У. Ремезова «Чертежная книга Сибири».

Значительно расширились сведения о географии зарубежных стран. Эти сведения обстоятельно собирались русскими посольствами за границей и обобщались в «статейных списках». Большое внимание привлекали тогда страны Дальнего Востока — Монголия и Китай. В 1618—1619 га. состоялась поездка казаков во главе с Иваном Петлиным из Томска в Пекин и обратно. Результатом поездки явилась «Роспись Китайскому государству и Лобинскому и иным государствам, жилым и кочевым, и улусам, и великой Оби, и рекам, и дорогам». Иван Петлин описал, в частности, китайские города, искусственные сады и посевы. Большим фактическим материалом был насыщен рассказ Ф. И. Байкова, сына боярского, о поездке в Китай в 1654 г. Его описания очень точны и лаконичны, как, например, о городе Кокотане (Гуйхаучине): «Железа и меди у них много, а сено и дрова привозят у них на телегах, а пашни у них по-русски, а хлеб родится у них просо, и пшеница, и ячмень, и овес, и конопля, а овощи чеснок, и моркови, и орехи грецкие, и масла семенного много, а лес всякой, дубняк и березник, и сосняк, кедроник, и липняк, и ельник, а снегу нет. Стоит тот город в низком месте в долине: долина великая, а около его кругом все горы каменные, а речка под тем городом не велика, течет на запад, а около того города все пашни».

Крупное значение для развития географических знаний имела поездка служившего в Посольском приказе молдавского ученого Николая Спафария-Милеску в 1675 г. в Китай. Эта поездка была хорошо подготовлена и преследовала наряду с дипломатическими и специально научные цели. В экспедицию были взяты «инструменты различные астрономические и компасы, через которые можно расстояние путей и прямой путь обыскать; живописец, который знает землемерие и чертежи писать; книга из Оптике, в которой описано государство Китайское и лексикон Китайский», двое подьячих Н. Венюков и И. Фаворов «для письма», греки С. Евстафьев «для знания камня» и И. Юрьев «для лекарства» и другие сотрудники. Экспедиция Н. Спафария составила самое подробное и всестороннее описание Китая из всех существовавших к тому времени. После краткой исторической справки следуют сведения о границах Китая, путях сообщения с ним. Далее содержится общая характеристика географического положения Китая, описание его климатических условий и природы, после чего следуют материалы о вере, государственном устройстве, характере и быте населения, лечебных средствах, пищевых продуктах, крепостях, дорогах, мостах, реках и судоходстве, Великой Китайской стене, богдыхане, войске, вооружении, столице Китая — Пекине. Во второй части описания содержатся сведения об отдельных провинциях Китая, особые главы посвящены Корее и Японии, в которых посольство Спафария не бывало, но о которых также

собрало сведения. Как и в других областях знания, в XVII в. важное место в развитии географических знаний в России принадлежало переводной литературе. Около 1637 г. в Посольском приказе была переведена книга Г. Меркатора «Космография сиречь всего света описание», «в которой земле и государстве где что родится, и каковы люди чином и нравом, и о их храбрости, и о воинстве, и о городах, и о реках, и о озерах, и о лесах, и о всяких вещах».

Проник в Россию в середине столетия шеститомный атлас Вильгельма и Иоганна Блеу — «Позорище всея Вселенныя или Атлас новый». Перевод его был осуществлен Епифанием Славинецким, Исайей и Арсением — монахами из окружения патриарха Никона. Как и в «Космографии» Меркатора, в атласе Блеу главное внимание уделено политико-экономической характеристике различных стран, в то время как вопросы природоведения занимают подчиненное место. Следует заметить, что эти переводы западноевропейской литературы делались только для царя и патриарха и не получали сколько-нибудь широкого распространения. Вынужденное пользоваться новейшими достижениями в различных областях знания того времени, феодальное государство и церковь в то же время отрицательно относились к распространению этих знаний.

В развитии знаний о природе XVII в. занимает особое место как время явно определившегося кризиса средневекового мировоззрения и подготовки крушения господствовавших безраздельно на протяжении веков религиозно-провиденциалистских взглядов. В то же время совершенно отчетливо проявилась реакционная роль феодального государства и церкви, их тормозящее воздействие на развитие знаний.

О враждебном отношении церкви к знанию ярко свидетельствуют проповеди и поучения самих церковников, распространявшиеся в XVII в. В школьных «прописях», по которым дети учились читать, встречаем такие поучения: «Не ищи, человеце, мудрости, ищи кротости», «не тот мудр, кто много грамоте умеет, а тот мудр, кто много добра творит». Церковь учила: «Аще кто тя воспросит, веси (знаешь) ли всю философию, ты же ему против того отвечаи: учился буквам, еллинских (греческих) же борзостей не текох, риторских астрономов не читал, ни с мудрыми философы в беседе не бывал, философию ни же очима видех, учуся книгам благодатного закона, аще бо можно моя грешная душа очистити от грех». Невежество возводилось в достоинство и противопоставлялось разумному знанию, которое объявлялось греховным и несовместимым с приверженностью христианству. Но как ни пугала церковь стремившихся к знанию людей тем, что души этих людей обречены «на погибель», в XVII в. элементы научных знаний заметно окрепли.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Бурные события и сложные, противоречивые процессы социально-экономического развития, протекавшие на протяжении XVII в., способствовали новому подъему общественно-политической мысли. Проникнутая, как и прежде, историзмом и часто обращающаяся поэтому к истории для доказательства определенных политических идей, публицистика первой половины XVII в. в центре своего внимания имела события начала столетия.

Уже в ходе событий крестьянской войны и борьбы против польской и шведской интервенции возникло несколько ярких публицистических произведений. Так, в конце 1610 — начале 1611 г. в Москве стала распространяться анонимная «Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском», проникнутая страстным патриотическим призывом к борьбе с интервентами. Автором «Новой повести» был, по-видимому, один из приказных людей, опасавшийся репрессий со стороны оккупировавших Москву интервентов и вынужденный поэтому скрывать свое имя. «Новая повесть» гневно обличала захватнические замыслы польского короля Сигизмунда,

называя его «самым лютым супостатом», и его русских пособников. Одного из них — московского торгового человека Ф. Андропова — «Новая повесть» наделяет самыми нелестными эпитетами и заявляет, что он «в подножие ног не гожд». Резко отрицательно относится «Повесть» к боярскому правительству, допустившему интервентов в Москву, и называет бояр-правителей «кривителями», «землеедцами», а Михаила Салтыкова характеризует как «душепагубного волка», «злого разорителя великого государства», «безумного пей». «Повесть» проникнута глубоким патриотическим чувством, она сравнивает Россию с «невестой красной, благородной, богатой и славной», на которую покушается «злый» и сильный «безбожник» — Сигизмунд. Автор «Новой повести» обращается с горячим призывом ко «всяких чинов людям» подняться с оружием на врага, указывая на мужественный пример «крепкостоятельного града» Смоленска и не поддавшегося интервентам патриарха Гермогена. «Что стали? Что оплошали? Чего ожидаете и врагов своих на себя попускаете и злomu кореню и зелию даете в землю вкореняться?» — спрашивает автор «Повести» и требует, чтобы москвичи не дожидались «государева словесного повеления и ручного писания», а препоясались «оружием телесным и духовным» и стали «храборски за православную веру и за все великое государство». В конце «Повести» содержится прямое указание на ее агитационное назначение: «И кто сие письмо возмет и прочтет, и он бы ево не таил, давал бы, рассмотряючи и ведаючи, своей братье, православным христанам, прочитати вкратце»; вместе с тем автор предупреждает, чтобы изменникам «отнюд не сказывали и не давали прочитати». «Новая повесть» явилась, таким образом, прямым призывом к восстанию против интервентов. Можно с уверенностью предположить, что она сыграла свою роль в складывании предпосылок того большого восстания, которое поднялось в Москве в марте 1611 г.

По-другому реагировал на тяжелое положение Русского государства «Плач о пленении и о конечном разорении превысокого и пресветлейшего Московского государства в пользу и наказание слушающим», возникший в 1612 г. Автор «Плача» глубоко скорбит о разорении государства и видит причину его в действиях знати, доведшей страну до крестьянской войны и интервенции. Но в «Плаче» нет призыва к активной борьбе — он проникнут мыслью о необходимости «просить милости у всещедрого бога», зовет своих читателей и слушателей к смирению, покаянию и прочим христианским добродетелям.

Весьма интересным памятником публицистики начала XVII в. является также «Сказание, каких ради грех попусти господь бог наш праведное свое наказание...», возникшее в первой половине 1612 г. В «Сказании», написанном представителем духовенства, осуждается народное восстание против феодалов, но вместе с тем раскрываются и его причины. Автор видит причину народного выступления в жестокости господ, доведших народ до открытого выступления. «Сказание» ярко обличает «грехи» представителей господствующего класса, хотя основная идея его — не одобрение народного выступления, а, наоборот, предотвращение восстаний и укрепление существующего строя.

Появилось тогда и патриотическое «Писание о преставлении и погребении князя Михаила Васильевича, рекомого Скопина», посвященное прославлению одного из героев освободительной борьбы — князя М. В. Скопина-Шуйского. Это «Писание» вышло, видимо, из дворянских кругов и проникнуто антибоярской тенденцией.

Из среды господствующего класса вышли и другие публицистические произведения. Среди них — «Сказание... о Гришке Отрепьеве и о походе его», посвященное прославлению Василия Шуйского и обличению самозванца. С тех же позиций написана «Повесть како восхити неправдою на Москве царской престол Борис Годунов», резко враждебная Борису Годунову и крайне идеализирующая боярского царя Василия Ивановича Шуйского.

События начала XVII в. продолжали оставаться в центре внимания русской общественной мысли и в первой половине столетия.

Современник и очевидец этих событий, дьяк Иван Тимофеев в 20-х гг. написал «Временник». С его точки зрения, политический кризис возник потому, что было допущено выступление народных масс, которых он третирует как «безглавную чадь». Иван Тимофеев осуждал Ивана Грозного за его преследования боярской знати и опричнину, что и привело к подрыву государственной власти. «Истинные цари» должны знать, какому роду какую честь даровать, «худородным же ни», а Иван Грозный и Борис Годунов от этого правила отступили. В изображении Тимофеева Иван Грозный «к ярости удобь подвижен бысть», жесток и порочен. Тимофеев доказывал далее, что только законная династия может обеспечить благоденствие страны. Отсюда вытекало резко отрицательное отношение к «деспоту», «окаянному», «злехотимому», «лжехраброму» Борису Годунову, достигшему власти, по его мнению, преступным путем, и к Василию Шуйскому, не имевшему законных царских прав. С другой стороны, Иван Тимофеев осуждал «безумное всего мира молчание» — непротivление знати Годунову, намекая на необходимость активной борьбы со стороны феодальной знати против посягательств царской власти на ее положение. Выдержанный в духе религиозной идеологии и написанный витиеватым, трудным для понимания языком, «Временник» Ивана Тимофеева в осторожной форме выражал недовольство той части старой московской аристократии, которая была вынуждена отойти на второй план с воцарением новой династии Романовых.

В 1620 г. было закончено «Сказание» («История в память предыдущим родам») келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына. Богатое по фактическому материалу, являющееся одним из ценных источников для изучения событий конца XVI — начала XVII в., «Сказание» Авраамия Палицына подчинено идее прославления роли церкви в защите национальной независимости страны. В центре внимания автора находится оборона Троице-Сергиева монастыря от интервентов. «Сказание» не только возвеличивает роль церкви и ее деятелей в событиях начала XVII в., Авраамий Палицын настойчиво проводит мысль о том, что внутренние «смуты» и вторжение интервентов явились следствием забвения русскими людьми догм православной церкви. С этих же позиций Палицын резко отрицательно относился к антифеодальным выступлениям народных масс. «Сказание» Палицына имело целью поднять авторитет церкви и способствовать укреплению ее положения в государстве.

Во второй половине 20-х гг. появился своеобразный полемический ответ на «Сказание» Авраамия Палицына — так называемое «Иное сказание», которое идеализировало царя Василия Шуйского в противовес отрицательной оценке Палицына. «Иное сказание» опиралось на возникшую еще в 1606 г. «Повесть како восхити неправдою... престол Борис Годунов».

С других позиций осветили события начала столетия две псковские повести: «О псковском разорении», «О бедах, о скорбях и напастях». Они проникнуты антифеодальными настроениями и отражают настроения псковских посадских людей. Одна из повестей прямо обвиняет в народных бедствиях бояр, дьяков, воевод, а также крупных купцов. Третья повесть вышла тоже из городских кругов, но отразила интересы богатой купеческой верхушки Пскова. В этой повести содержится презрительная, осуждающая оценка «невегласов» и «смердов», восставших в 1608—1612 гг. Характерно, что эти городские по своему происхождению и направленности повести лишены церковно-религиозных рассуждений и имеют явно светский характер.

В произведениях князя И. А. Хворостинина и в «Повести», приписываемой князю И. М. Катыреву-Ростовскому, также освещены события недавнего прошлого, но с позиций феодальных верхов общества. И. А. Хворостинин пытался в известной мере оправдать сотрудничество части феодальной знати с Лжедмитрием I. Своеобразна интерпретация событий у И. М. Катарева-Ростовского, который старается объяснить их психологией

действующих лиц. Официальную политическую идеологию самодержавия развивал возникший около 1630 г. «Новый летописец» (другая его редакция называется «Летопись о многих мятежах»). В «Новом летописце», богатом фактическим материалом, излагались события от смерти Ивана IV Грозного до возвращения из плена патриарха Филарета Никитича. Главная идея «Нового летописца» — обоснование законности избрания на русский престол династии Романовых.

«Новый летописец» был одной из последних русских летописей. Летописная форма изложения исторического материала, как мы видели, уже в XVI в. стала изживать себя. Теперь все более распространялись другие виды сочинений. Прежний синтезированный тип сочинения, в котором внешней погодной сеткой объединялись разнообразные сюжеты, окончательно уступил место сюжетной повести. Литература стала в XVII в. гораздо более разнообразной и, если можно так выразиться, «специализированной». В этом изменении внешних форм публицистических сочинений проявилось прогрессирующее разрушение системы средневекового мировоззрения, более глубокое проникновение мыслителей XVII в. в различные области знания. В области собственно исторических знаний широкое распространение получили «Хронографы», содержавшие обзор всемирной истории. Составление «Хронографов» подчинялось как обоснованию международного положения Российского государства, так и развитию в этой связи традиционного тезиса о значении Москвы как мирового центра христианства; «Хронограф» 1617 г. подходил к изображению исторических деятелей с точки зрения борьбы в них «добраго» и «злого» начал, чем и объяснял противоречивость поступков Ивана Грозного и Бориса Годунова. Таким приемом автор «Хронографа» пытался ввести в историческое повествование элементы анализа явлений — традиционные формулы в духе провиденциализма уже не удовлетворяли потребности осмыслить сложные и бурные события недавнего времени.

Иной, чем официальные исторические сочинения, вид имели так называемые Сибирские летописи. В 1636 г. дьяком сибирского архиепископа Саввой Есиповым была составлена так называемая «Есиповская летопись» (точное название «Сибирское царство и княжение и о взятии»). Это скорее литературно-повествовательное произведение, чем летопись в традиционном понятии. Погодной сетки изложения в сочинении Есипова уже нет. Центральным героем «Есиповской летописи» является Ермак Тимофеевич, которого автор изобразил как борца за распространение христианства в Сибири. Здесь проводилась знакомая по многим другим произведениям публицистики идея о решающей роли церкви в развитии и процветании Русской земли.

Своеобразными произведениями исторической мысли в XVII в. были повести «О начале Москвы». Цикл этих четырех повестей возник в связи с усилением московского самодержавия в ХУД в.,¹ что вызывало потребность в углубленном историческом обосновании власти московских государей. В 1652 г. были торжественно «открыты» мощи одного из первых московских князей Даниила Александровича. Одна из повестей о начале Москвы имеет своим героем этого князя. Первая из этих повестей показывала схожесть обстоятельств возникновения Москвы с обстоятельствами возникновения Рима и Константинополя. Таким образом, продолжала развиваться давняя идея о «Москве — третьем Риме», противопоставлявшая Москву всему окружающему Россию миру; и приобретающая все более консервативное содержание. В третьей повести «О начале Москвы» рассказывается, будто власть Рюриковичей одновременно установилась и в Киеве, и в Москве. Согласно этому рассказу Москва была основана родственником князя Игоря. Эта легенда явилась реакцией на воссоединение Украины с Россией и должна была доказать, что Москва не намного моложе Киева и что с очень давних времен Москва и Киев тесно связаны одной властью.

Как и в других произведениях русской литературы того времени, в повестях «О начале Москвы» заметно влияние фольклорных мотивов. Повести отличаются большим патриотическим чувством, стремлением прославить и возвысить Москву.

Несмотря на усиленное стремление церковников обосновать тезис о ведущей роли христианства и церкви, в XVII столетии произошли весьма крупные события в идейной жизни русского общества, приведшие в конечном счете не просто к упадку, но к началу кризиса религиозного мировоззрения в России.

В силу самих условий исторической жизни русская церковь к середине XVII в. оказалась перед необходимостью ряда внутренних изменений. Между тем одним из краеугольных камней идеологии воинствующих церковников-осифлян был тезис о недопустимости отступления от старины, о том, что вся сила православия зиждется на неуклонном сохранении древних устоев христианства.

В сложной обстановке обострения противоречий социально-экономического развития господствующий класс феодалов искал средство усиления своего господства. Мероприятия «Соборного уложения» 1649 г., дальнейшее развитие централизации государственной власти и отчетливо проявившиеся тенденции к абсолютизму были направлены к достижению этой цели. Понятно, что при той большой роли, какую играла тогда церковь во всех сферах общественной жизни, возникла необходимость также и усиления воздействия церкви на народные массы и приведения церковной организации в соответствие с общим процессом усиления централизации государственной власти. Все это требовало осуществления ряда церковных реформ. Но, помимо внутренних потребностей, реформы в церкви настоятельно выдвигались и сложившимся к середине XVII в. международным положением Российского государства. Воссоединение Украины с Россией выдвигало задачу объединения русской и украинской церкви, но между ними существовали образовавшиеся за несколько веков различия в обрядах и правилах. Унификация норм церковной жизни была нужна также для осуществления далеко идущих замыслов в отношении православных народов Балканского полуострова, находившихся под владычеством султанской Турции. Только приведя нормы церковной жизни в России в соответствие с нормами греческой церкви, можно было рассчитывать на успех церковно-политического влияния на эти народы со стороны Российского государства. Все это выдвигало потребность внесения ряда изменений в правила церковной жизни.

Но еще со времен Стоглавого собора 1551 г. незыблемая верность «старине» в обрядах и правилах считалась опорой истинного православия. Вынужденные теперь все же приняться за реформы церкви ее деятели оказались расколотыми на две группы в вопросе о том, каким образом проводить эти реформы. Одна группа считала, что надо проверить и исправить богослужебные книги по греческим образцам. Этим взглядам придерживалось и правительство. В 1649—1650 гг. для такой работы были приглашены с Украины ученые монахи Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский и Дамаскин Птицкий, которые начали вносить исправления в книги.

В то же время образовался кружок «ревнителей благочестия» во главе с протопопом Благовещенского собора в Москве Степаном Вонифатьевым. Среди «ревнителей» были также окольный Ф. М. Ртищев, будущий патриарх Никон, протопоп Иван Неронов, протопоп из Юрьевца Поволжского Аввакум и др. «Ревнители» считали, что надо навести порядок в церкви, преследовать равнодушное отношение населения к церковным службам и обрядам, ввести проповеди. Книги же, по мнению «ревнителей», надо было исправлять не по греческим, а по древним русским рукописям. «Ревнители» враждебно относились ко всему иноземному и с большой тревогой наблюдали проникновение элементов западной культуры в Россию. Глубоко консервативные по своим взглядам, они были живым воплощением тех реакционных сил феодальной знати, которые противились всякому новшеству и опирались прежде всего на тезис о незыблемости церковного вероучения. Воинствующие церковники, они хотели не допустить того, чтобы пошатнулся как-либо авторитет церкви, бывшей оплотом средневековой косности и застоя. Царь Алексей Михайлович в общем поддерживал «ревнителей», но не соглашался с ними в отношении необходимости исправления книг не

по греческим, а по русским образцам, так как это противоречило внешнеполитическим государственным интересам. Патриарх же Иосиф вообще был настроен против всяких реформ, видя в них большую опасность для церкви.

В 1652 г. Иосиф умер и патриархом стал Никон, обладавший сильным, властным характером и огромным честолюбием. Выходец из мордовских крестьян, Никон прошел через все ступени церковной иерархии и поднялся до высшего положения главы всей русской церкви. Став патриархом, Никон изменил своим прежним единомышленникам и начал осуществлять реформы в соответствии с намерениями царской власти.

В 1653 г. последовало распоряжение о том, чтобы заменить при богослужении земные поклоны поясными, а креститься впредь тремя пальцами вместо двух. Затем последовали категорические требования привести все книги в соответствие не с русскими, а с греческими образцами, выбросить иконы, написанные по русским образцам, и т. п. Несогласных Никон подвергал крутым наказаниям вплоть до того, что в 1656 г. защитников старых обрядов официально отлучил от церкви. Эти меры, однако, не помогли: возникло целое течение «старобрядчества».

Так произошел раскол в русской церкви. Вскоре он стал приобретать не только узко догматическое, но и социальное содержание. Прежде всего среди противников нововведений Никона оказалась реакционно настроенная боярская знать, враждебно относившаяся к усилению самодержавия и видевшая в церковной реформе средство усиления царской власти. Феодальная знать, кроме того, с нескрываемой враждебностью относилась ко всякому проникновению каких-либо иностранных элементов в Россию, даже в деле исправления церковных книг по греческим, а не по древнерусским образцам. Однако движение раскольников не ограничилось вовлечением в его ряды узкого круга церковников и боярской знати. В сознании угнетенных народных масс неразрывно сплелось ухудшение их положения, вызванное разорительными войнами и эпидемиями, полным оформлением системы крепостного права и усилением крепостнического гнета во всех его видах, с изменением в церковных обрядах. После того как потерпела поражение крестьянская война под руководством С. Т. Разина, в ряды раскольников стало вливаться все больше и больше людей из числа крестьян и посадских. Страстная и яркая проповедь таких вождей раскола, как протопоп Аввакум, провозглашавший близкий «конец света», привлекала немало народу. Испытывая всю тяжесть крепостнического гнета, увидев неудачу всенародного восстания, темные, забитые крепостным строем люди поверили в правоту учения Аввакума и его единомышленников. Преследования, которым подвергались вожди раскола, еще более усиливали их популярность в народе и привлекали к ним массы сподвижников.

Между тем идеология раскола была глубоко консервативной и менее всего соответствовала действительным интересам народных масс. Более того, она отвлекала народ от активной классовой борьбы против своих угнетателей, направляя всю силу стихийного антифеодального протеста в мистику, религиозную экзальтацию, в сознательный уход от жизни и вообще из жизни. Люди массами бежали в далекие раскольничьи скиты, надеясь найти там избавление от тяжелой жизни. А с 70-х гг. XVII в. начались страшные самосожжения раскольников, продолжавшиеся потом и на протяжении XVIII столетия. Получив значительный размах именно в силу стихийного антифеодального протеста народных масс, раскол ослаблял это антифеодальное движение, и тем более велика была консервативная, реакционная сила раскола, чем более широкие массы вовлекались в него.

Конечно, это не значит, что Никон и его сторонники были носителями прогрессивной идеологии. Позиция официальной реформированной церкви была не менее враждебна интересам народных масс и в целом делу исторического и культурного прогресса России в XVII в. Проповедь руководителей раскола лишь в наиболее яркой форме воплотила глубоко консервативную идеологию, логически вытекающую из всей той позиции, которую занимала церковь в средние века. Догматический спор между

Никоном и Аввакумом шел в сущности об отдельных деталях церковных обрядов и никак не касался самой классовой и идеологической сущности религии и церкви.

Но в условиях XVII в. самый факт глубокого раскола внутри церкви, вовлекшего в религиозную борьбу широкие слои населения, был весьма знаменательным. Мы видели, как в предшествующие столетия споры по вопросам религиозного вероучения оставляли глубокий след в идейной жизни общества и постепенно подтачивали нерушимость догматов религии. Теперь же, когда вся церковь оказалась охваченной расколом, авторитету религии и церкви был нанесен такой удар, какого они никогда еще не испытывали. В своеобразной форме раскол отразил начинающийся кризис средневекового мировоззрения, и, конечно, совсем не случайно то, что раскол произошел именно в XVII в., в эту переломную эпоху русской истории.

Для начинающегося упадка влияния религии и церкви немаловажное значение имело и то обстоятельство, что попытка Никона претендовать не только на равенство, но даже на превосходство духовной власти над светской (его тезис о том, что «священство царства преболе есть») окончилась полным поражением Никона, который был отрешен от патриаршества и сослан в дальний монастырь. Все это подготавливало почву для решительной церковной реформы, проведенной Петром I. Ослабление роли церкви и подчинение ее светской власти сыграло, как мы знаем, немалую роль в том замечательном подъеме русской культуры, который начался в XVIII в.

Признаки нового в идейной и культурной жизни русского общества XVII в. проявлялись многообразно. В области общественной мысли начинали развиваться новые воззрения, и если они не касались прямо общих мировоззренческих основ средневекового мышления, покоившегося на богословии, то в разработке конкретных проблем общественной жизни они шли далеко вперед.

В центр внимания мыслителей XVII в. все более выдвигались вопросы экономической жизни. Рост городов, купечества, развитие товарно-денежных отношений выдвигали новые проблемы, обсуждавшиеся целым рядом общественных деятелей того времени. В самих мероприятиях правительственной политики, осуществлявшихся такими деятелями, как Б. И. Морозов или А. С. Матвеев, отчетливо видно понимание растущей роли денежного обращения в экономике страны.

Одним из наиболее интересных памятников общественно-политической мысли второй половины XVII в. являются сочинения Юрия Крижанича, хорвата по происхождению, работавшего в России над исправлением богослужебных книг. По подозрению в деятельности в пользу католической церкви Крижанич был сослан в 1661 г. в Тобольск, где прожил 15 лет, после чего вернулся в Москву, а затем уехал за границу. В сочинении «Думы политичны» («Политика») Крижанич выступил с широкой программой внутренних преобразований в России как необходимого условия ее дальнейшего развития и процветания. Крижанич считал необходимым развивать торговлю и промышленность и изменить порядки государственного устройства. Будучи сторонником мудрого самодержавия, Крижанич осуждал деспотические методы правления. Планы преобразований в России развивались Крижаничем в неразрывной связи с его горячим интересом к судьбам славянских народов. Выход их из тяжелого положения он видел в объединении их под руководством России, но необходимым условием единства славян Крижанич считал ликвидацию религиозных разногласий путем перехода их, в том числе и России, в католицизм. Славянский патриот Крижанич в то же время был ревностным приверженцем католической церкви и ее агентом в России. Его отношение к историческим судьбам славян и понимание им своей миссии в России в действительности не имели общего с захватническими устремлениями папского престола, сама программа прогресса славянских народов под знаменем католической церкви была утопичной. Католицизм всегда был силой, враждебной единству славян, их прогрессу, активность католической церкви на востоке Европы имела целью использовать славянские народы для борьбы против Османской империи и для укрепления

пошатнувшихся после Реформации позиций католической церкви в Европе. Содержавшая непримиримое внутреннее противоречие между идеей славянского единства во главе с преобразованной Россией и проповедью католицизма программа Юрия Крижанича не отвечала реальным отношениям славянских народов к католической церкви, против агрессии которой славяне вели многовековую борьбу, и не могла встретить сочувствия в России. Не случайно сочинения Крижанича были довольно скоро забыты, несмотря на ряд важных мыслей о внутренних преобразованиях.

Однако потребность в преобразованиях всё более ощущалась во второй половине XVII в. и вызывала к жизни программы их осуществления. Выдающимся мыслителем того времени был Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, который, видимо, был знаком с идеями Крижанича, но обосновывал необходимость преобразований, с совершенно иных, гораздо более отвечающих интересам национального развития России позиций. Сын псковского помещика, Ордин-Нащокин (около 1605—1680 гг.) получил хорошее образование и быстро выдвинулся в государственных делах, получив чин думного дворянина. Ордин-Нащокин выполнял важнейшие дипломатические поручения, был воеводой в Пскове, потом стоял во главе Посольского приказа и других учреждений. Основные идеи Ордина-Нащокина воплотились в его трех «памятях», составленных в 1665 г. для земских старост города Пскова, и Новоторговом уставе 1667 г.

Ордин-Нащокин намечал целую программу правительственной политики. Исходя из интересов укрепления феодально-абсолютистского государства, он считал необходимым обеспечивать всемерное содействие развитию торговли и купечества, был убежденным сторонником борьбы за овладение Балтийским побережьем, даже ценой прекращения борьбы с Польшей за Украину. В этом последнем вопросе он был не прав, не учитывая того важнейшего обстоятельства, что до закрепления Украины в составе Российского государства было невозможно приступить к решению столь большой и сложной внешнеполитической задачи, как борьба за Балтику. Но основное направление его взглядов правильно отражало объективную экономическую потребность выхода на Балтийское море, реализованную Петром I. Ордин-Нащокин считал необходимым оказать большую поддержку и предоставить известную самостоятельность купечеству, правда под контролем государства. Во время своего воеводства в Пскове Ордин-Нащокин попытался ввести там городское самоуправление и оградить купечество от притеснений со стороны феодальной знати. Он доказывал, что необходимо шире развивать частную инициативу и содействовать частному предпринимательству. Решительно настаивая на необходимости обращения к передовому опыту стран Западной Европы, Ордин-Нащокин в то же время требовал ликвидации привилегии для иностранного купечества в России и освобождения внутреннего рынка от его конкуренции. Новоторговый устав 1667 г. вводил строгое территориальное ограничение торговли иностранных купцов в России. Розничная торговля иностранных купцов вообще запрещалась. Ордин-Нащокин добивался строгой регламентации системы таможенных сборов и государственных налогов с купечества с целью достижения активного денежного баланса во внешней торговле. Эти черты экономических взглядов Ордина-Нащокина сближают его с западноевропейским меркантилизмом, столь характерным для эпохи подъема купечества. Он считал необходимым устройство кредитных учреждений.

Программа Ордина-Нащокина намечала, таким образом, комплекс государственных мероприятий, направленных на содействие нарождающемуся купеческому классу. Как никто другой из мыслителей XVII в., А. Л. Ордин-Нащокин верно увидел опасность потери национальной независимости страны путем подчинения ее иностранному торговому капиталу. Он правильно указал на необходимость развития торговли и промышленности как главного средства, обеспечивающего прогрессивное развитие страны. При всем этом он не был идеологом собственно купечества. Его программа исходила в целом из более широко понятых интересов дворянства и феодально-абсолютистского государства. Ордин-Нащокин не касался вопросов,

связанных с феодальным землевладением и крепостным правом. Развитие торговли и промышленности должно было, по его мысли, укрепить тот строй общественных отношений, который тогда существовал и господствовал, т. е. феодально-крепостнический. Но объективно содержание его программы содействовало зарождающимся буржуазным связям.

Понимание того, что существующий строй без развития торговли и промышленности, без обращения к Западу, без выхода на Балтику уже не может обеспечить независимости страны, было свойственно далеко не всем представителям господствующего класса. Консервативная феодальная знать с нескрываемой враждебностью отнеслась и к проектам и к практической деятельности Ордина-Нащокина. В 1671 г. ему пришлось совсем отойти от государственной деятельности, несмотря на личную поддержку со стороны царя Алексея Михайловича.

В общественной мысли XVII в. возвышение купечества отразилось не только в проектах Ордина-Нащокина или Юрия Крижанича. Возникли такие сочинения, которые имели целью прославление деятельности отдельных купеческих семей, как, например, Строгановская летопись конца 60 — начала 70-х гг. «О взятии Сибирской земли». Здесь, правда, нет каких-либо сформулированных требований или идей купечества, но самый сюжет летописи весьма характерен. Летопись прославляет не деятельность царя или церкви, как это бывало традиционно в русском летописании, а деятельность Строгановых, обосновывая их притязания на владения Пермским краем.

Более отчетливо, чем в предшествующее время, мы можем проследить в XVII в. и идеологию народных масс. Ее влияние заметно сказалось, например, в «Псковских повестях». Симпатии этих «повестей» всецело на стороне восставших против насилий знати горожан. «Повести» написаны с большим патриотическим чувством, они разоблачают городских богачей, способных на предательство и отдачу русских земель шведскому королю.

Большой интерес представляют собой те документы, которые вышли из среды восставших крестьян во время крестьянских войн. В «Листах», рассылавшихся от имени Ивана Болотникова, содержался призыв «побивати своих бояр... гостей и всех торговых людей» и «животы их грабити». Такой же призыв к уничтожению представителей господствующего класса и разделу их имущества содержался и в «прелестных письмах» Степана

Разина. Документы, вышедшие из среды восставших, и конкретные действия восставших ярко свидетельствуют о том, что крестьянским восстаниям был свойствен стихийный протест против крепостнического гнета. Вместе с тем очевидно, что крестьяне не имели тогда сколько-нибудь четкой программы социального переустройства. Крестьянам были свойственны монархические иллюзии, вера в «хорошего царя». Не случайно Иван Болотников призывал целовать крест Дмитрию, а Степан Разин распространял слух, что вместе с ним следует сын царя Алексея Михайловича и опальный патриарх Никон. В условиях XVII в. народные массы еще не могли выработать четкой политической идеологии, но в их выступлениях с огромной силой проявился протест против существовавших порядков.

ЛИТЕРАТУРА

Как и в предшествующее время, литература XVII в. была тесно связана с общественно-политической мыслью, она непосредственно отражала и воплощала в своих произведениях социально-политические устремления различных общественных слоев, живо откликалась на важнейшие явления современности. И вместе с тем русская литература вступила в новый этап своего развития, что сказалось и в содержании и в развитии форм литературного творчества.

Наиболее важным явлением в этой области было распространение демократического, светского начала в литературе и ее постепенное высвобождение из рамок церковно-нравоучительного направления — «обмирщение».

Это было обусловлено теми изменениями, которые происходили в общественной жизни страны. Распространение грамотности в среде посадских людей и появление значительного слоя образованных приказных людей способствовали проникновению в литературу демократических элементов. С ростом социальных противоречий и связано непосредственно развитие демократического направления в русской литературе XVII в.

Особенно примечательным было появление и распространение демократической сатиры. Непосредственно отражая настроения народных масс, произведения демократической сатиры разоблачали и высмеивали несправедливость общественных порядков. Весьма характерным является то обстоятельство, что объектом сатиры стала церковь, авторитет которой в середине века был огромен.

Появились различные произведения, остро критиковавшие церковь и церковников. Широкое распространение получило в первой половине XVII в. «Сказание о кура и лисице», в котором изображались лицемерие и стяжательство духовенства. Желая поймать кура, лисица словами «священного писания» обличает «грехи» кура, а поймав его, сбрасывает личику благочестия и заявляет: «А я теперь сама голодна, хочу я тебя скушать, чтоб мне с тебя здоровой быть». «И тако сконча живот кур», — заключает «Сказание». Открытые нападки на церковь содержатся в «Службе кабаку», пародирующей ритуал всенощного богослужения. Вместе с тем «Служба кабаку» представляет собой обличение государственной казны, устроившей в своих целях повсеместное «кабацкое разорение». Еще более ярко возмущение против церковников сказалось в «Калязинской челобитной». В ней сатирически изображаются пьянство и распущенность монахов, высмеиваются монастырские порядки и нравы. В форме челобитной тверскому архиепископу излагаются жалобы привыкших к распущенной жизни монахов на «лихого» архимандрита, вздумавшего требовать соблюдения строгого монастырского устава. В уста монахов вложены жалобы на то, что «он же, архимандрит, приказал старцу в полночь подле келей с дубиною ходить, в келейные двери колотить, нашу братью будить; велит нам в церковь ходить, и нас, богомольцев твоих, томить; а мы, богомольцы твои, круг ведра без порток в одних свитках в кельях сидим, не поспеть нам ночью в девять ковшей келейного правила исправить, и взвар с пивом в ведра испорожнить, чтобы сверху до дна сдуть пенку, и мы все то покидаем, да вон из келей выбегаем... А если бы нам, богомольцам твоим, власти не меняли, и мы бы не пожалели, и колокола бы отвязали, да в Кашин сослали и на вино бы променяли... А как мы того лихого архимандрита избудем, а доброго добудем, который бы с нами горазд лежа вино да пиво пить, а в церковь не ходить, а нас бы не томить, и мы начнем прибыль чинить, вино в чарки наливать, да старое пиво допивать, а молодое затирать, а иное станем на дрожжи наливать, а в доски и в колотовки не станем бить, а в погреб готови и без звону ходить, ладану да свеч не станем жечь, пиво до вино с лучиною станем пить, а ризы да книги в сушила вынесем, церковь замкнем, а печать в лубок загнем...» И вместе с тем «Калязинская челобитная» отразила и противоречия внутри самого духовенства, недовольство его низших слоев поведением «князей церкви», высших духовных чинов. Спившиеся монахи зло высмеивают произвол свирепого архимандрита, жестоко обращающегося с монахами. Распутство церковников обличается также в «Повести о Карпе Сутулове», «Сказании о попе Саве» и в других произведениях. В «Повести о Карпе Сутулове» обличаются и высмеиваются купец, поп и архиепископ, потребовавшие любви от нуждающейся в деньгах купеческой жены Татьяны Сутуловой. Насмешкой над религиозными произведениями пронизана «Повесть а бражнике», весело, остроумно доказывающая, что бражник имеет не меньше прав на «царство небесное», чем «святые». Бражник убедительно парирует возражения «святых», напоминая каждому из них греховные факты их «житий», известные по «священному писанию»: апостол Петр отрекался от Христа, Давид совершил прелюбодеяние с

Вирсавией, Соломон поклонялся идолам и т. д. Тем самым «святые» оказываются не менее согрешившими, чем бражник. Это одно из проявлений вольномыслия XVII в., смело выступающего против официального культа святых. Никогда еще нападки на церковников не достигали такого распространения, как в литературе XVII в., и это обстоятельство весьма показательно для характеристики начинающегося кризиса средневекового мировоззрения в России. Конечно, сатирическая насмешка над церковниками еще не содержала в себе критики религии в целом и ограничивалась пока обличением неблаговидного и возмущавшего народ поведения церковников. Но эта сатира развенчивала ореол «святости» и самой церкви, и общественных отношений, защищавшихся церковью. Общественно-политическое значение демократической сатиры XVII в. было велико, хотя она в силу условий времени была еще очень далека от попыток перейти от обличения социальных несправедливостей к какому-либо указанию выхода для народа из существующего положения.

Объектом литературной сатиры была не только церковь. Широко распространилась остроумная и едкая «Повесть о Шемякинском суде», в которой недвусмысленно разоблачались порядки феодального суда с его продажными судьями и пристрастными решениями. Сочувствие автора всецело на стороне одного из персонажей повести — бедного брата, которому удалось выиграть спор с богатым братом, но лишь путем обмана корыстолюбивого судьи. Горькая мысль о том, что справедливого решения можно добиться лишь нечестным путем, выразительно характеризует общественные порядки своего времени. Та же обличительная трактовка феодального суда с его крючкотворством и волокитой содержится в «Повести о Ерше Ершовиче». Но круг социальных проблем, охватываемых «Повестью», шире. Здесь рисуется образ феодального хищника — мелкого служилого человека, бессовестно и нагло захватывающего чужие владения и пробивающего себе дорогу к благополучию. Повесть проникнута горячим сочувствием к «божиим крестьянам», выигрывающим трудную тяжбу. В. Г. Белинский отмечал, что «особенно любопытны исторически-старинные сказки в сатирическом духе, каковы... «Шемякин суд» и «Сказка о Ерше Ершовиче сыне Щетинникове»... Эти сказки в тысячу раз важнее всех богатырских сказок, потому что в них ярко отражается народный ум, народный взгляд на вещи и народный быт».

В известной мере с обострением национального чувства русских людей связано и появление насмешливого «Лечебника... как лечить иноземцев в их земель людей». Загадочные средства лечения в духе средневековых представлений о медицине, которыми пользовались иноземные врачи в России, остроумно спародированы в «Лечебнике», где в качестве составных частей лекарств рекомендуются «свиной визг», «тележный скрип» и т. п.

Изображение растущего и укрепляющегося дворянства заняло видное место в литературе того времени. Ему посвящена «Повесть о Фроле Скобееве» — пройдохе и плуте, ловко обманывающем старого боярина и устраивающем за его счет свои дела. Фрол Скобеев энергичен и неразборчив в средствах для достижения своей цели — обогащения. Он обманывает боярина Нардина-Нащокина и тайно женится на его дочери Аннушке, которая под стать своему жениху: она тоже предприимчива, энергична, сама участвует в выработке плана своего похищения. Старый боярин оказывается в конце концов вынужденным признать неравный брак и полностью удовлетворить все претензии Фрола Скобеева. Упадок старой знати и выдвижение нового энергичного дворянства, столь типичные для русской действительности XVII в., с явным сочувствием изображены в «Повести». Она представляет собой один из ярких образцов нового литературного жанра — бытовой реалистической повести.

С иных позиций относились к дворянству произведения, возникшие в демократической среде. Так, в «Повести о Фоме и Ереме» высмеяны не способные ни к какому труду дворянские дети.

Многие произведения литературы XVII в. были связаны с посадской средой. Ее настроения, проникнутые деловыми интересами и лишь прикрытые религиозной моралью, ярко выделяются во многих произведениях. Героями их являются предприимчивые купцы, умело и ловко увеличивающие свои богатства. Умно обманывает своих незадачливых ухажеров купеческая жена Татьяна Сутулова и наживает немалые деньги, сохранив в то же время честь семьи, и это вызывает восхищение автора «Повести». Интересно, что в демократической литературе XVII в. заметен отход от традиционных средневековых представлений о «предопределенной» свыше человеческой судьбе. Теперь все более проникает в литературу индивидуалистическая трактовка персонажей. Судьба героя все более зависит от его личных качеств, от его ловкости и деловитости. Так появились в демократической литературе XVII в. первые проблески нового, буржуазного сознания, что было неразрывно связано с вступлением России в «новый период» ее истории, с ростом посадских элементов в обществе, в особенности — с зарождением купеческого класса. Точными, яркими чертами обрисован купеческий быт в «Повести о Савве Грудцыне» и в других произведениях. Из посадской среды выходили и такие сочинения, которые изображали глубокое имущественное расслоение на посаде, тяжелое житье городской бедноты. Такова пародийная «Азбука о голом и небогатом человеке», сама форма которой противостоит обычному содержанию «азбуковников» XVII в., составлявшихся в нравоучительном духе. «Азбука» рассказывает о том, как богачи разорили человека, доведенного теперь до крайней нищеты и грозящего «ожечь» «дубиною по спине» своего разорителя.

С развитием светского начала в литературе связан и наметившийся новый подход к освещению личной жизни людей. Для литературы XVII в. характерен возрастающий интерес к внутреннему миру человека. Хотя обычно рассуждения по этим сюжетам по-прежнему облечены в рамки церковной морали, тем не менее в литературе XVII в. можно уже встретить яркие и сильные описания любви и связанных с ней глубоких человеческих переживаний. Таковы история о похождениях Саввы Грудцына, описание смелого поступка невесты Фрола Скобеева, решившейся на побег из родительского дома. Интересом к человеческой личности отмечена «Повесть о Тверском отроче монастыря», рассказывающая о любовной драме. В этой повести ярко изображены народные свадебные обряды, использована символика народных свадебных песен. Глубоким сочувствием к драме княжеского отрока, у которого князь отнял невесту, проникнута эта повесть. Разрешение личной драмы изображено в религиозном плане: отчаявшемуся от горя отроку богородица повелевает основать монастырь, в котором он и проводит свою жизнь.

Одним из важных проявлений нового этапа развития литературы явилось то, что в XVII в. совершился переход от исторических литературных героев к вымышленным, к созданию чисто литературных обобщенных образов. Следует иметь в виду, что церковь решительно противилась какому-либо вымыслу, проповедуя, что всякий вымысел есть «обман», идущий «от дьявола». Позиция церкви сильно препятствовала развитию литературного творчества в середине века. Именно с начавшимся в XVII в. падением авторитета церкви и связано возникновение в этот период вымышленных литературных героев. В этом проявилось также характерное для XVII в. разрушение историзма, господствовавшего веками в общественном сознании.

С другой стороны, появление вымышленного героя было необходимым следствием развития демократической литературы. Теперь героями литературных произведений становились не только общеизвестные князья и духовные лица. Литература стала изображать простых людей из посадской и крестьянской среды, из низших слоев дворянства, ее героями становились не отдельные выдающиеся личности, а представители массовых слоев населения. Поэтому и персонажи демократической литературы не могли уже быть исторически достоверными лицами.

Правда, многие произведения того времени еще сохраняют видимость исторической достоверности (точное обозначение времени и места действия), но в

действительности они рисуют вымышленные действия вымышленных героев. Появление вымышленного героя было важным шагом по пути развития русской литературы. Безымянность персонажей давала возможность более глубокой характеристики человеческой личности, отказа от вынужденной идеализации ее, создания обобщающих, типических образов. Среди героев мы видим простых, «голых и небогатых» людей. Не высокое общественное положение, а сама личность человека становится предметом внимания в литературе.

В литературе XVII в. стала рассматриваться тема взаимоотношений старого и молодого поколений, что очень характерно для того времени, когда «старые обычаи поисшаталися». В «Повести о Савве Грудцыне» рассказывается история молодого человека, вышедшего из патриархальной купеческой семьи. Оказавшись вдали от родительского дома, Савва нарушил правила благочестивого поведения и сошелся с полубившей его молодой женой старого купца Бажена, оказавшего гостеприимство Савве. Отказавшись подчиниться требованиям родителей вернуться домой, Савва вынужден был бежать, попал в солдаты, совершил чудесные подвиги в Смоленской войне, но все эти успехи «Повесть» традиционно приписывает дьяволу, которому Савва продал свою душу. В духе средневековой религиозной традиции объясняет автор разрушение старых моральных устоев. Замысел «Повести» нравоучителен и должен был показать всю опасность и гибельность отхода от патриархальных устоев для молодых людей. «Повесть» органически связана с прошлыми традициями древнерусской книжности. Примечательно, однако, то, что и в этой «Повести» заметно известное влияние былинного эпоса и народных сказок, благодаря которому многие эпизоды и образ самого героя получили яркое художественное воплощение, противоречащее традициям нравоучительной церковной книжности. Очень ярко описаны многие реальные картины русской жизни XVII в. — торговые операции, нравы купечества, события русско-польской войны 1632 — 1634 гг., быт солдат и обучение их иноземцами и др.

Эта же тема развевывалась в одной из крупнейших повестей XVII в. — «Повести о Горе-Злочастии». Начав с грехопадения Адама и Евы, автор обстоятельно рассуждает о внутренних нравственных причинах людских бедствий, объясняя их моральным падением людей, отказом от «отцова учения», нарушением старых жизненных правил. Характерно, что и здесь в центре внимания история выходца из богатой купеческой семьи. Именно в этих семьях молодежь в новых условиях острее чувствовала потребность отказа от старых патриархальных правил. И в этой повести описание невзгод столкнувшегося с жизнью «добрного молодца» традиционно объясняется дьявольскими кознями. Не умея понять и объяснить причины «нестроения великого», встревоженное сознание людей, воспитанных в духе средневековых религиозных воззрений, обращалось к проповеди патриархальных начал. «Повесть» живо рисует неустойчивость и неуверенность в своих силах «добрного молодца», которого жизнь поставила перед необходимостью самостоятельных решений. Он потерял и личное счастье, и богатство, и свободу и, как и Савва Грудцын, кончил жизнь в монастыре. В «Повести» ясно звучит сочувствие к герою и подчеркнута безвыходность его положения. В этом верно отразилась русская действительность XVII в., когда старое было неизмеримо сильнее нового и попытки жить по-новому кончались трагично. «Повесть о Горе-Злочастии» — выдающееся литературное произведение. В нем широко использованы мотивы народного творчества и его изобразительные средства, подчиненные стройному замыслу.

Идеализированный образ умной и деятельной русской женщины обрисован в «Повести об Улиании Осорьной», написанной муромским дворянином Дружиной Осорьным. В этой повести, как и во многих других, повествование в значительной степени подчинено церковно-нравоучительной традиции, освободиться от которой русская литература XVII в. вполне еще не могла. Однако «Повесть об Улиании Осорьной» возникла уже как светская повесть с элементами семейной хроники. Она была переделана в «житие» и распространялась в церковно-нравоучительных сборниках.

«Повесть об Улиании Осорьной» содержит реалистическое описание тяжелых жизненных условий крестьян и холопов в конце XVI и начале XVII в. Печать житейных приемов изображения лежит на «Повести о Марфе и Марии», в которой описываются покорные судьбе и богобоязненные жены двух ссорящихся братьев-дворян. Но и в этой повести своеобразно отразилось одно из характерных явлений общественной жизни XVII в. — борьба внутри дворянства. Идеиные позиции повести выдержаны в духе консервативно-патриархальных понятий. Автор противопоставляет идеализированную скромность и дружбу двух сестер вражде братьев, пытаясь проповедью христианской морали осудить неприятные ему раздоры в среде дворянства.

В то же время характерной чертой демократической русской литературы XVII в., и в особенности народной сатиры, была ее тесная связь с народным творчеством. По приемам изображения событий сатирические повести непосредственно сближаются с народными сказками. В «Повести о Ерше Ершовиче» действующими героями выступают рыбы, наделенные, впрочем, очень точными в жизненном и социальном отношении чертами современников. В «Повести» много метких народных пословиц, народного юмора, лукавой насмешки. В «Шемякином суде», как и в народных сказках, герои поставлены в исключительные обстоятельства. Использован широко распространенный в сказках прием «отгадывания» загадок, решающий дело в пользу бедного, но находчивого и остроумного персонажа.

Использование пародийных приемов составляет важную особенность демократической литературы XVII в. Характерно, что объектами пародий являлись документы приказного делопроизводства, церковные обряды и службы, всякие практические руководства. Тем самым демократическая сатира направляла свою критику против типичных, широко распространенных явлений общественной жизни своего времени.

Общественная жизнь многообразно отразилась в литературе XVII в. Не прошла она мимо и такого крупного события, остро захватившего мысли и чувства современников, каким был раскол в русской церкви. Появились литературные произведения, запечатлевшие в художественной форме события и личные судьбы людей, связанных с расколом. Выдающимся памятником русской литературы XVII в. стала автобиографическая повесть одного из самых ревностных и неистовых защитников церковной старины — протопопа Аввакума. Его рассказ о своей полной гонимости, жизни написан простым, бесхитростным языком. Живые картины борьбы раскольников и «никониан», очень реалистичное изображение перипетий собственной судьбы, наблюдательные описания сибирской природы, меткие и язвительные характеристики враждебных Аввакуму лиц и явлений, страстная защита своих взглядов и непреклонное мужество в борьбе за них — все это сделало повесть умного и упрямого московского протопопа ярким произведением, получившим широкую популярность. Эта популярность усиливалась тем более, что в сочинениях Аввакума содержались резкие разоблачения церковной верхушки, представителей которой он обличал как «слуг антихристовых», «волков в овечьей шкуре». Обличения Аввакума в известной мере перекликались с антифеодальными настроениями народных масс. Аввакум не останавливался перед прямыми нападениями на самого царя Алексея Михайловича. Он писал, например, о том, что видел во сне «антихриста», за которым шли царь и другие властители. Имея в виду Алексея Михайловича, Аввакум писал: «Бедный, бедный безумный царик! Что ты над собой сделал?.. Ну, сквозь землю пропадай б.... сын! Полно христиан тех мучить!» Патриарха Никона Аввакум называл «кобель борзой». И хотя собственные взгляды Аввакума на жизнь и ее идеалы были глубоко консервативными, его повесть заняла весьма значительное место в истории русской литературы XVII в., потому что она с большой силой отразила многие стороны русской жизни того времени. Особенно замечателен простой, точный, яркий язык Аввакума. Даже персонажи «священной истории» разговаривают у Аввакума простонародным языком.

Например, в его изложении Адам так говорит богу о Еве: «На что-де мне дуру такую сделал?»

Возникли в связи с расколом и другие, менее значительные литературные произведения (например, записка о житии одного из сподвижников Аввакума — протопопа Ивана Неронова и др.). К числу замечательных произведений русской литературы XVII в. относятся казацкие повести. В 1623 г. казаками было составлено «Написание» о походе Ермака Тимофеевича в Сибирь, использованное затем в упомянутом выше сибирском летописании. «Написание» изображало поход Ермака как самостоятельное предприятие. Строганов был лишь вынужден снабдить казаков всем необходимым для похода. Ермак обрисован в «Написании» как народный богатырь. Совсем в иной интерпретации эти события оказались освещенными в «Есиповской летописи». Выдающимися произведениями, вышедшими из казацкой среды являются повести «Об Азовском взятии и осадном сидении». Возникшие в казацкой среде, эти повести ярко отразили демократические настроения казачества и глубокий, самоотверженный патриотизм. Так называемая «историческая» повесть об Азове отличается точностью в изображении описываемых событий и была составлена, видимо, вскоре после взятия Азова казаками. В ней содержится попытка осмысления борьбы за Азов с позиций христианской идеологии — как борьбы против «бусурман», разрушивших православие в странах Востока. Но за этой типичной религиозной оболочкой рассуждений автора повести скрывается понимание огромного международного значения борьбы донского казачества против агрессии Крымского ханства и поддерживавшей его Османской империи.

Вторая, так называемая «поэтическая» повесть была написана в Москве во время подготовки к Земскому собору 1642 г. Это яркое литературно-публицистическое произведение, имевшее целью пропагандировать идею присоединения Азова к Российскому государству и помощи казакам в борьбе с Турцией и Крымом. Характерно использование в этой повести приемов канцелярского, приказного изложения событий. Распространение этой формы изложения в литературных произведениях XVII в. было проявлением роста демократических тенденций в литературе, так как сама эта форма вносилась в литературу подьячими, писцами и другими грамотными представителями городских, казацких и других демократических кругов русского общества. Отсюда и изложение «поэтической» повести в форме казачьей отписки. Подробно, тем точным канцелярским языком, которым славились московские приказные деятели, повесть описывает героическую борьбу казаков. Глубоким презрением к врагу и гордым сознанием достоинства донского казачества проникнута повесть. Вместе с тем в ней звучит ясное понимание положения казаков в Московском государстве: «Обегаем мы ис того государьства Московского из работы вечныя, ис холопства невольного, от бояр и от дворян государевых... Кому об нас там потужить? Ради там все концу нашему... ведаем, какие мы в Московском государстве на Руси люди дорогие, ни к чему мы там не надобны». Но несмотря на это, казаки преисполнены готовности умереть за родную землю. Гордо говорят они о России: «А государ ьст-во Московское многолюдно, велико и пространно, сияет светло посреди паче всех иных государьств и орд, аки в небе солнце». Казаки воюют «за все государьство Московское, и за веру крестьянскую и за имя царское и все крестьянство московское».

«Поэтическая» повесть далеко не свободна от религиозной идеологии, но обильные рассуждения об исполнении казаками «божьей» воли в борьбе за Азов, их верности христианству и готовности уйти в монастыри имели определенный политический смысл дать наиболее убедительное с точки зрения идеологических понятий того времени обоснование необходимости поддержать казачество.

«Поэтическая» повесть впитала в себя казачий фольклор, песни, сказания, меткую народную речь и по своему идейно-художественному содержанию является одним из ярких памятников демократических тенденций в литературе XVII в.

В 70—80-х гг. возникла третья, так называемая «сказочная» повесть об Азове. В значительной степени отойдя от документальной достоверности описания событий борьбы за Азов, «сказочная» повесть вобрала ряд вымышленных сюжетов. Эта повесть отразила, видимо, сложившиеся после азовских событий леген и предания, хранившие память о героическом подвиге донских казаков. В «сказочной» повести уже нет канцелярски-приказной манеры изложения событий — по форме своей она ближе к фольклорному произведению.

Своеобразным литературным памятником является сочинение бывшего подьячего Посольского приказа Григория Котошихина, бежавшего в 1664 г. в Швецию и составившего по заданию шведского правительства подробное описание русского государственного аппарата. Написанное точным, деловым языком московского подьячего, сочинение Котошихина является не только ценным источником для изучения России XVII в., но и одним из интересных памятников простого и строгого стиля, присущего правительственным документам того времени. Сочинение Котошихина отличается разоблачительным сарказмом по отношению к феодальной аристократии и носит заметные черты политического вольнодумства.

Новым явлением в литературе было распространение силлабического стихосложения. Оно связано в особенности с деятельностью белорусского ученого и просветителя Симеона Полоцкого (С. Е. Петровского-Ситниановича), приглашенного в Москву для обучения царских детей. В 1680 г. Симеон Полоцкий переложил! на стихи Псалтырь. Это переложение долгое время было широко распространенным учебным пособием в России.

В 1678—1679 гг. появились два сборника стихотворений Симеона Полоцкого — «Вертоград многоцветный» и «Рифмологион». Стихи Симеона Полоцкого посвящены воспеванию Российского государства и его правителей, они помпезны и нарядны. В творчестве С. Полоцкого воплотился так называемый «стиль барокко» второй половины XVII в. В известной мере этот стиль был привнесен в Россию извне. Для него характерны увлечение внешней отделкой стиха, аллегоризм, разного рода стихотворные ребусы и криптограммы. Произведения Полоцкого охватывают широкий круг различных вопросов общественной жизни, но подчинены при этом своеобразному обоснованию идеи просвещенной монархии. В связи с этим образцы царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича выглядят крайне идеализированно.

Направление в литературе, возглавленное Симеоном Полоцким, получило дальнейшее развитие в конце столетия в стихах Сильвестра Медведева и Кариона Истомина.

В XVII в. вырос интерес к переводной литературе, которая стала теперь значительно шире проникать в Россию.

Среди популярных переводных повестей того времени можно назвать «Повесть о Бове королевиче», наиболее ранние списки которой относятся к середине столетия. На русской почве эта повесть подверглась существенным изменениям. Освободившись от многих атрибутов западногерманского рыцарского романа, «Повесть о Бове королевиче» приобрела сказочный характер, вобрав в себя многие мотивы русского фольклора. «Повесть» привлекала занимательностью сюжета, описанием любовных отношений и пользовалась широким распространением, перейдя впоследствии в измененном виде в устную сказку.

Как и «Повесть о Бове королевиче», проникла в Россию через Белоруссию из Польши «История о семи мудрецах», восходящая еще к древнему индийскому сказанию о философе Синдбаде. В распространявшемся в России варианте «История о семи мудрецах» представляла собой цикл различных новелл, объединенных общим рассказом. Она также привлекала описанием любовных походов, еще мало распространенным в русской литературе вследствие противодействия церкви такого рода сюжетам. Вместе с тем «История о семи мудрецах» проникнута традиционными средневековыми

представлениями о предопределенности человеческой судьбы, о символическом значении числа «семь» (семь мудрецов, семь лет учения персонажа «Истории» — сына римского царя Елизара, семь дней его молчания по обету, в течение которых рассказывается по семи новелл, и т. п.).

Через казачью среду пришла с Востока также получившая большую популярность «Повесть о Еруслане Лазаревиче», прославляющая подвиги героя-богатыря Еруслана в поисках любви и славы. Эта «Повесть» также испытала сильное влияние русского фольклора.

Любовно-авантюрным романом была зародившаяся еще в раннем средневековье и дошедшая в Россию в XVII в. «История о храбром рыцаре Петре Златых Ключей и о прекрасной королеве неаполитанской Магилене». Из Чехии пришли повести о чешском королевиче Василии и о чешском короле Брунцвике, с польского языка была переведена «Повесть от Оттоне цесаре Римском и о супруге его цесаревне Олунде».

Получили распространение в России и переводные сочинения других жанров. Среди них — переведенные с польского четыре книги «Апофегмата», представляющие собой сборники анекдотов и изречений, приписываемых известным философам и политикам античности, сборник нравоучительных рассказов «Римские деяния». В 1677 г. на русский язык было переведено с польского «Зерцало примеров» («Великое зеркало») — сборник рассказов о подвигах святых и мирских грехах.

Распространение иностранной, переводной литературы в России XVII в. было важным явлением в развитии культуры. С одной стороны, оно свидетельствует о возросшем интересе к бытовым, реалистическим изображениям человеческой жизни. Постепенное освобождение культуры от средневекового аскетизма и господства религиозного мировоззрения усиливало потребность в такого рода произведениях, и само их распространение было и следствием, и проявлением общего движения литературы к светскости, к «обмирщению» в условиях «нового периода» русской истории. С другой стороны, переводная литература не противопоставлялась русской, а испытывала очень сильное воздействие с ее стороны. Она подверглась значительной обработке в духе традиций устного народного творчества и вошла органической частью в общее развитие русской литературы XVII в.

Таким образом, на протяжении XVII в. произошли значительные изменения в развитии русской литературы, знаменовавшие собой важный шаг ее движения к реализму, ее раскрепощения от сковывающего воздействия религиозной идеологии. Без учета этих изменений нельзя понять предпосылки того подъема русской литературы на новую ступень развития, который произошел в XVIII столетии.

АРХИТЕКТУРА

Как и в истории всей русской культуры, XVII в. занимает особое место в развитии русского зодчества. И в этой области с большой силой проявилось стремление к отказу от вековых канонов, к «обмирщению» искусства. И здесь ведущая линия принадлежала тем элементам, которые были связаны с демократическими, в первую очередь с посадскими слоями. Город всегда занимал ведущее место в культуре феодального времени, но никогда еще ему не принадлежала столь важная роль в ее развитии, как в XVII в. Это усиление роли городских элементов в культуре явилось прямым следствием значительного по сравнению с предшествующим временем подъема городов, в высших слоях которых появились первые, пусть еще слабые, элементы буржуазии — купечество. Влияние светской городской культуры на зодчество XVII в. было весьма значительным, и оно объясняет сущность того развития, которое переживало зодчество. В архитектуре России этого времени можно установить основные тенденции ее развития. Несмотря на то что церковь прилагала большие усилия, чтобы задержать усиление светского начала, процесс «обмирщения», как образно называли его современники, все больше превращал церкви —

«дом божий» в красивые, нарядные сооружения, которые больше отвечали вкусам их заказчиков — владельцев. Последними часто выступали в городах общины прихожан. Следует иметь в виду, что влияние церкви стало подрываться, но оставалось все еще очень большим. Поэтому тяжелой была борьба светских элементов в искусстве за свое существование и развитие.

По-прежнему подавляющее большинство построек не только в деревнях, но и в городах возводилось из дерева. Каменные храмы и отдельные светские здания были в городах окружены морем деревянных строений. Сооружение деревянных домов приобрело в XVII в. характер массового производства — по свидетельству иностранцев, в Москве на Трубной площади продавались готовые срубы. Частые пожары, среди которых были такие громадные, как пожар 1626 г., уничтоживший значительную часть Москвы, опустошали города и села. Но взамен погибших деревянных строений быстро возводились новые. Веками сложившееся искусство строительства из дерева достигло в XVII в. высокого технического и художественного уровня.

Теперь строились уже двух- и трехэтажные деревянные хоромы в Москве, хотя интересы пожарной безопасности заставляли ограничивать высоту зданий⁶². Деревянное зодчество XVII в. характеризуется богатством и разнообразием форм, стремлением к декоративности и нарядности внешней отделки. Усложнялись композиции объемов и силуэтов зданий. Пути его развития совпадали с путями развития каменного зодчества. Общее движение русской культуры XVII в. к «обмирщению» сильно сказалось в деревянном зодчестве.

Выдающимся произведением деревянного зодчества был знаменитый дворец в Коломенском, построенный в 1667—1678 гг. под руководством плотничьего старосты Семена Петрова и стрельца Ивана Михайлова (в 1681 г. частично перестроен Саввой Дементьевым). Дворец состоял из многих разнохарактерных построек, связанных между собой переходами, и насчитывал 270 комнат с 3000 окон и оконцев. Издали он походил на целый городок с башенками, чешуйчатыми крышами, «гульбищами», кокошниками, крылечками с витыми колонками. Различные части дворца были построены в индивидуальной манере, они были не похожи друг на друга. Разнообразны были объемы, формы покрытий, декоративные приемы — все это придавало замечательную живописность зданию, столь излюбленный в русской художественной культуре сказочный характер. Дворец был разобран в 1768 г.

Деревянное зодчество отличалось большим разнообразием приемов. На Севере России не без влияния раскольников сохранялись старинные традиции возведения зданий. Здесь часто встречались постройки на высоких подклетьях, с крутыми и высокими двускатными крышами. В церковном зодчестве были широко распространены шатровые здания, поставленные по принципу «восьмерик на четверике». Переходы от нижней части зданий к шатрам стали усложняться, придавая постройкам большую нарядность и декоративность. Строили также церкви с так называемым «кубоватым покрытием», в том числе с пятиглавыми «кубами», были ярусные покрытия, как, например, в церкви Ивана Предтечи на Широковом погосте (Пеновский район б. Великолуцкой области), были ярусные церкви, как Вознесенская церковь в Торжке, и др. Деревянное зодчество испытало обратное влияние каменной архитектуры. Некоторые деревянные церкви строились теперь «на каменное дело», подобно тому как «на деревянное дело» возводились шатровые сооружения XVI в. Таков, например, собор в городе Шенкурске Архангельской области, построенный в 1681 г.

В деревянном зодчестве с большой силой проявилась народная художественная культура. Менее связанное с потребностями и вкусами высшей феодальной знати и менее подверженное официальной церковной регламентации, деревянное зодчество воплотило в себе красочность и богатство народных талантов, характерное для XVII в. стремление к

⁶² Царский указ 1688 г. запретил строительство трехэтажных домов.

«узорочью». Религиозная идея отступала на задний план в архитектурном решении деревянных храмовых построек, уступая место живой игре форм и объемов, декоративным украшениям. Не строгую аскетическую идею, а мирскую жизнерадостность выражали живописные и нарядные деревянные храмы XVII в.

Светские элементы проникали все более и в каменное зодчество. Важнейшим фактором, определившим подъем каменного зодчества, было развитие производительных сил. Ремесленное производство поднялось на более высокий уровень развития. Каменные постройки появлялись теперь не только в городах, но иногда и в селах. Строительству каменных сооружений придавалось большое государственное значение. Это диктовалось, с одной стороны, военно-оборонительными потребностями, выросшими в условиях длительных и напряженных войн, которые вело Российское государство в XVII столетии. С другой стороны, рост каменного строительства был непосредственно связан с усилением государственной власти, авторитет и величие которой требовали соответствующего выражения в монументальном зодчестве. Государев Приказ каменных дел, организованный еще в конце XVI в., концентрировал силы опытных мастеров-каменщиков, вызывавшихся из разных городов на службу. Под руководством этого приказа было осуществлено строительство ряда больших каменных построек.

Наконец, немаловажное значение имело совершенствование технических приемов каменного зодчества, имевшего к этому времени уже многовековой опыт. Теперь постройки возводились из кирпича, причем нередко стал применяться фигурный кирпич. Получили распространение железные связи, значительно упро-чающие конструкции. В этот период определилось стремление к «обмирщению» построек. Все более сказывается отход от средневековой строгости и простоты. Сильно усложняются объемы построек. К основному массиву примыкают различные приделы и пристройки, получают распространение крытые паперти-галереи и нарядные крыльца, различные части здания соединяются переходами. Внешний вид построек приобретает большую живописность и нарядность. Массовое применение получают цветные изразцы, сложные кирпичные пояса и другие декоративные детали, сплошным ковром покрывающие здания. Здание становится похожим на целый ансамбль построек.

Выдающимся светским сооружением первой половины XVII в. является Теремной дворец в Московском Кремле, построенный в 1635—1636 гг. Баженом Огурцовым и Трефилом Шарутиным. Вышедшие из народной среды мастера были неграмотны⁶³, но обладали крупным художественным дарованием. Созданный ими Теремной дворец воплотил в себе замечательные черты яркого русского народного искусства. До нас это здание дошло в сильно искаженном виде после неумелой переделки в XIX в. Теремной дворец представляет собой трехэтажное на высоких подклетьях здание, увенчанное высоким «теремком». Золотая кровля и два пояса лазурных изразцовых карнизов придали дворцу нарядный, сказочный вид. Здание богато украшено каменной резьбой. Многие формы отделки непосредственно идут от приемов деревянного зодчества. Богатством декоративного убранства отличается Золотое крыльцо, вызвавшее ряд подражаний.

Черты «обмирщения» и проникновение народных, светских элементов в каменное строительство ярко, сказались и в церковном зодчестве. Становились длинными шеи подкупольных барабанов, а сами главки вытягивались вверх и приобретали луковичную форму. Возводились устремленные в небо шатровые храмы. Все больше карнизов, кокошников, наличников, колонок и других украшений появлялось на зданиях. Характерна для нового стиля названная «дивной» Успенская церковь Алексеевского монастыря, построенная в 1628 г. в Угличе и имеющая три высоких стройных шатра. Во второй четверти века в селе Медведкове под Москвой по заказу князя Д. М. Пожарского был построен интересный храм с мощным шатром, стоящим на низком «восьмерике».

⁶³ Когда Теремной дворец был построен, Важен Огурцов и Трефил Шарутин получили награду хлебом, тафтой и сукном. В получении награды за неграмотность мастеров расписался подмастерье Роман Виванов.

Церковь отличается богатым декоративным убранством. Очень изящна и нарядна украшенная цветными изразцами шатровая церковь Зосимы и Савватия в Троице-Сергиевом монастыре, органически сливающаяся с больничными палатами. Прекрасным памятником архитектуры является церковь в селе Острове под Москвой, перестроенная около 1646 г. Сохранив основу здания XVI в., зодчий увенчал его энергично устремленным вверх шатром. Четырехъярусная пирамида кокошников придала зданию нарядность и живописность. Красив и богато декорирован небольшой пятишатровый собор в Вязьме, построенный в 1637 г. В Москве в 1649—1652 гг. был возведен храм Рождества богородицы в Путниках. Два внутренних помещения церкви увенчаны шатрами и объединены шатровой колокольней. Главам придана грушевидная форма. Все здание украшено многочисленными декоративными деталями, причем с особенной пышностью убраны верхние части храма. «И сложное сочетание столь различных по форме объемов, и разница в их высоте, и несовпадение горизонтальных поясов-карнизов, и особенности убранства неодинаковых по высоте шатров — все создает ту нарастающую динамику архитектурных форм, то впечатление сверкающей жизнерадостности, которые надолго запоминаются как одно из самых блестящих архитектурных решений XVII века»⁶⁴.

В 1628—1651 гг. в Москве появилось еще одно выдающееся сооружение. Им стала построенная по заказу выходца из Ярославля купца Григория Никитникова церковь Троицы в Никитниках. Ее композиция асимметрична и живописна, светское начало сильно выражено в архитектуре храма, напоминающего боярский двор с разнохарактерными, но связанными единым замыслом постройками. Декоративность убранства достигает здесь исключительного богатства. Профилированными поясками перехваченные столбы, три яруса кокошников, арки с висячими гирьками, богато украшенный шатер — все это придало исключительную нарядность зданию. Церковь в Никитниках оказала влияние на целый ряд построек в других городах, таких, как Вознесенский храм в Устюге, построенный по заказу купца Никифора Ревякина в 1648 г., Троицкий храм в Муроме (1642—1648 гг.).

Немалую роль в «обмирщении» церковного зодчества XVII в. играло то обстоятельство, что заказчиками церквей теперь все чаще становятся не высшие светские и духовные феодалы, но представители купечества. Так же как и в литературе, проникновение посадской культуры в зодчество явилось важнейшим фактором усиления его светской направленности.

Стремясь освободиться от гнетущего аскетизма религиозного мировоззрения, зодчие усиленно подчеркивали декоративность и нарядность построек, придавая им жизнерадостный характер.

Декоративность проникла не только в церковное, но и в крепостное зодчество. Суровые крепостные ансамбли уступают место нарядным, богато украшенным и торжественным комплексам оборонительных сооружений. Эстетическое начало все сильнее преобладает над узко утилитарными потребностями.

Значительной перестройке подвергся Московский Кремль. В 1624—1625 гг. англичанин Фристофор Галовой вместе с Баженом Огурцовым возвели Спасскую (Фроловскую) башню в ее теперешнем виде. Новая башня создала парадный въезд в Кремль и связала своей вертикалью кремлевские соборы с храмом Василия Блаженного на Красной площади в единый ансамбль. Спустя полвека шатры появились и на других башнях Кремля. Перестройка кремлевских башен придала Кремлю совершенно новый вид. Строго крепостной его облик уступил место торжественному ансамблю, воплотившему в себе величие и мощь Российского государства.

На протяжении XVII в. изменился и весь архитектурный облик Москвы. На расстоянии нескольких верст от Кремля поднялись вертикали башен подгородных

⁶⁴ История русского искусства. М., 1959, т. IV, с. 140.

монастырей — Симонова, Новодевичьего, Донского и др. Особенно наряден и живописен был ансамбль кремлевских построек, многокрасочных и разнохарактерных, который производил исключительно сильное впечатление. Причудливая игра красок и форм, торжественность и величие окаймлявшей их Кремлевской стены, устремленные вверх нарядные шатры башен образовали редкую по красоте картину, воплотившую яркий и красочный талант русского народа, его высокую художественную культуру.

Богатой декоративной обработкой подверглись и другие крепостные сооружения. Среди них можно назвать стены и башни Калязинского, Троице-Сергиева и других монастырей. Великолепным памятником декоративного убранства является мощная и в то же время нарядная въездная башня Спасо-Евфимьева монастыря в Суздале.

«Обмирщение» зодчества вызвало враждебную реакцию со стороны церкви. Решительно и энергично попытался восстановить строгие традиции церковного зодчества патриарх Никон. Эти действия Никона диктовались стремлением не только восстановить авторитет церкви, но и усилить в целом ее значение; Никон выдвигал, как известно, тезис о превосходстве церковной власти над светской. Одним из средств возвышения церкви Никон считал сооружение величественных, обладающих большой силой воздействия культовых построек. Патриарх установил в 50-х гг. новые, строгие правила церковного зодчества. Он стремился вернуть монументальные, строгие формы древности, воспротивился шатровым постройкам, выдвинув в качестве образца классическое пятиглавие, добивался строгой симметричности и стройности зданий, осуждал стремление к «узорочью», декоративности.

Под влиянием требований Никона в середине и второй половине XVII в. был осуществлен целый ряд построек, торжественных и монументальных.

Памятниками этого направления являются построенные в 1643—1655 гг. Д. Охлебниным и А. Мокеевым Патриаршие палаты в Московском Кремле с большим Крестовым залом — сводчатой палатой без столпов, большие здания Земских приказов (80-е гг.), царицыны палаты Саввино-Сторожевского монастыря под Звенигородом (1650—1652 гг.), монументальный архиерейский дом в Суздале, выстроенный в конце века.

Как воплощение идеи о главенстве церкви был задуман крупный ансамбль построек ростовского митрополичьего двора, так называемый Ростовский кремль, возведенный ростовским митрополитом Ионой Сысоевичем в 70-х гг. XVII в. Крепостная стена с башнями, охватившая постройки митрополичьего двора, практически никакого военного значения в Ростове не могла иметь. Ее сооружение символизировало могущество и силу церкви, воплощенную в традиционных формах крепостного зодчества. Характерно, что башни укреплений были ниже, чем высокие главы церкви, что указывало на преимущество духовной церковной силы над светской. Здания ростовской митрополии, храмы и палаты отличались сдержанностью и строгостью. С особой нарядностью были выполнены лишь ворота с надвратными церквями Воскресения над северным входом и Иоанна Богослова над западным. Палаты ростовского митрополичьего дома были монументальны и обширны, в них много света. Однако и в ростовском митрополичьем доме нашли отражение декоративность и нарядность, с которыми не могла справиться суровая традиция официальных установлений. Облик ростовской митрополии, стоящей над Ростовским озером, многоцветен и многофигурен и представляет собой яркое, праздничное зрелище. Особенно впечатляюще яркие фигурные покрытия храмов.

Еще ранее, в 50-х гг., Аверкием Мокеевым были возведены здания Валдайского монастыря — собор, трапезная и палаты патриарха Никона, выполненные в монументальной манере. Таким же монументальным был и Крестный монастырь, поставленный в Ойежской губе Белого моря на Кий-острове.

Крупной монументальной постройкой стал построенный по замыслу Никона Ново-Иерусалимский монастырь. Никон хотел воссоздать над Москвой подобие главной христианской святыни — храма в Иерусалиме над «гробом господнем». Для постройки

были использованы модель его и чертежи. Однако строители придали сооружению при сохранении плана Иерусалимского храма специфически русские черты. Монументальность собора сочеталась с ярко выраженным декоративным началом, что, в частности, сказалось в широком использовании многоцветных изразцов.

Постройки, возведенные по замыслу Никона, убедительно свидетельствуют о том, что в условиях XVII в. попытки противодействовать развивающемуся «обмирщению» и проникновению светских элементов в искусство оказывались в общем мало-состоятельными. В диктуемые официальным церковным регламентом монументальные формы сооружений неизбежно проникало то самое «узорочье», против которого пытался бороться патриарх. И шатровые сооружения тоже оказалось невозможно изжить. Шатры теперь стали перемещаться на колокольни, образуя красочный ансамбль с пятиглавыми строениями основной части храма. Более того, соперничество со светской властью вынуждало Никона идти на богатое убранство храмов, что открывало дорогу опять-таки преследовавшимся им тенденциям к декоративности и нарядности церковных сооружений.

Религиозная символика все более отступала перед живописным и жизнерадостным искусством, и даже постройки ростовской митрополии приобрели сказочный характер, столь типичный для народного искусства. Посадское направление в зодчестве, светское по своим художественным приемам, не утратило своей силы и в условиях строгой церковной регламентации. На Руси продолжали возводиться замечательные по своей красочности храмы, далекие в сущности от того, чтобы вызывать строго религиозное чувство, радовавшие глаз живой игрой своих форм и богатством цветов. Таковы постройки крупнейшего мастера-декоратора П. Потехина, построившего великолепный по своей отделке храм в селе Останкине под Москвой (1678—1683 гг.), замечательные по красоте церкви в селе Тайнинском, Николы в Хамовниках (1679 г.)» Козьмы и Дамиана в Садовниках (1657 — 1662 гг.).

Особенно сильно светское направление проявилось в ярославском зодчестве. Ярославль стал в это время крупнейшим ремесленно-торговым центром России. В ней выросло богатое купечество, все больше становилось тех самых «капиталистов-купцов», которые явились носителями и организаторами зарождавшихся буржуазных связей в России. Светские мотивы и настроения все сильнее проникали в художественную культуру поволжских городов и в особенности Ярославля, ставшего его передовым центром. Здесь особенное внимание уделяли не воплощению религиозных идей, а богатству и пышности храмов, долженствовавших отразить богатство их заказчиков — крупных купцов. Таков, например, возведенный в 1647—1650 гг. купцами Скрипиными храм Ильи Пророка. Храм представляет собой пятиглавое здание, окруженное папертью-галереей, с запада к нему примыкает шатровый придел. Замечательны цветовые контрасты отделки красным кирпичом на фоне белой стены, которая, в свою очередь, была украшена зелеными, синими и желтыми изразцами. Объемы здания разнообразны, колокольня богато украшена. В 1649—1654 гг. купцы Неждановские построили за рекой Которослью храм Иоанна Златоуста, в котором замечательно сочетание нарядности и строгости. В 1669 г. рядом с ним был построен другой пятиглавый храм. Они были объединены в ансамбль великолепной шатровой колокольней, одним из лучших образцов такого рода построек XVII в. Многокрасочными изразцами, кирпичной отделкой, черепичным покрытием глав и кровель отличался возведенный в 1665 — 1672 гг. храм Николы «Мокрого».

В 1671 — 1687 гг. прихожанами была построена грандиозная церковь Иоанна Предтечу в Толчкове. Богатые горожане-заказчики хотели, чтобы их храм был лучше каменных построек в Ярославле. Зодчему, выполнявшему заказ, удалось соединить торжественную монументальность с декоративной многоцветностью. Каждая деталь была отделана с большим искусством. Церковь в Толчкове является изумительным памятником искусства народных мастеров-резчиков по дереву и кузнецов, живописцев и кирпичников,

создавших прекрасные формы фигурного кирпича, образцом посадской архитектурной культуры второй половины XVII в. Рядом с пятнадцатиглавой церковью была возведена многоярусная колокольня. «Народная любовь к красоте и украшенности мира и вещи была выявлена в Толчковской церкви с предельной полнотой. Архитектура храма резко отступала от феодальной строгости и сухости выражения предшествующего времени и превращалась в ликующую симфонию народной фантазии», — отмечал знаток древнерусской архитектуры Н. Н. Воронин.

Замечательные постройки появились и в других городах Поволжья. Среди них — Воскресенские церкви в Костроме и Романове-Борисоглебске (Тутаеве) и др.

Строгая церковная регламентация оказалась в конечном счете бессильна воспрепятствовать развитию народного, светского начала в зодчестве. Как и в других сферах культуры, влияние религии и церкви в зодчестве оказалось в XVII в. заметно подорванным. Последние два десятилетия XVII в., входящие уже в следующий период развития русской культуры, ознаменовались новым, высоким подъемом зодчества, воплотившимся в так называемом «московском барокко» с его четкой композицией и ясно выраженным вертикальным движением, которые сочетались с великолепным нарядом многоцветной декоративной обработки здания.

СКУЛЬПТУРА И РЕЗЬБА

Общее для русского искусства XVII в. стремление к нарядности и декоративности проявилось и в усиленном развитии резьбы по дереву, камню, а также скульптуры. Высоким образцом искусства резьбы по дереву являются многочисленные резные иконостасы, «царские врата» и другие детали церквей. Богатейшей резьбой был украшен Коломенский дворец. Резьба по дереву, украшавшая дворцы и храмы, была ярким воплощением этого глубокого народного искусства. Деревянной резьбой украшались дома простых людей. Резные наличники и карнизы, обработка резьбой крылец и других частей здания, своеобразие приемов этой обработки и ее рисунков в разных местностях доставляют одну из характерных особенностей русской национальной культуры. Искусство резьбы, веками развивавшееся в народе, было использовано феодальной знатью для украшения воздвигаемых по ее заказу строений. Резчики собирали в Оружейной палате для выполнения государственных заказов. Здесь выработались приемы особой, монументальной резьбы, богатой архитектурно-декоративными элементами. Иконостасы покрывали золотом, придавая им вид металлического литья. Пышной фигурной резьбой отделялись царские, патриаршие, епископские «места», надпрестольные «сени», спинки дворцовых карет и стульев и т. п. предметы культового и бытового обихода знати.

Дальнейшее развитие получила и скульптура, хотя в ней сохранилось много архаических черт. Скульптуры были обычно раскрашены и по большей части выполнялись в плоскостной манере, как горельефы. Таковы, например, сделанные из серебра изображения на крышках «рак» царевича Димитрия (выполнены Гаврилой Овдокимовым в 1630 г.) и Александра Свирского (им же — в 1643 г.). Скульптурные детали помещались на многих предметах, в том числе и на оружии.

В целом развитие скульптуры шло в направлении придания изображению более округлых форм, горельеф вытеснял барельеф, лица становились более индивидуализированными. Реалистические тенденции определились и в этой области искусства.

ЖИВОПИСЬ

Долгое время в литературе имел распространение взгляд на XVII в. как на время упадка древнерусской живописи, искусство этого времени при сопоставлении со временем Андрея Рублева и Феофана Грека рассматривалось как более низкое по силе и

средствам художественной выразительности. Действительно, в живописи XVII в. нет произведений, которые были бы отмечены таким совершенством композиции, живописного мастерства и глубокой одухотворенности, как произведения великих мастеров конца XIV—XV в. И тем не менее неправильно представлять XVII в. как время упадка древнерусской живописи. XVII век — это переломное время в ее истории, как и в истории всей русской культуры. И в области живописи совершались тогда чрезвычайно важные процессы, которые подготовили ее вступление в новый этап блестящего расцвета. Общее для всей русской культуры XVII в. стремление к «живству», к «обмирщению», усиление светских элементов, тенденции к реализму — все это с большой силой проявилось в живописи и представляет собой главное содержание ее развития.

Еще в XVI в., как мы видели это на примере суждений, высказанных И. М. Висковатым и его противниками, задачи живописного искусства становились предметом споров. Теперь в сложной обстановке небывало обострившейся идейной борьбы в «бунташном» XVII в. вопросы содержания и назначения живописи неизбежно стали подвергаться еще большему обсуждению. Церковь прекрасно понимала огромную силу воздействия искусства на народные массы и, как и в других областях культуры, всеми силами старалась обеспечить сохранение контроля над живописью, проповедовала глубоко консервативные идеи с целью полного подчинения ее строго религиозной догматике. Жесткую регламентацию иконописного дела пытался установить патриарх Никон, не останавливаясь перед такими крутыми мерами, как публичное поругание икон, написанных не по «греческому чину». И после падения Никона церковь продолжала действовать в том же направлении. В 1668 г. патриархи александрийский Паисий, антиохийский Макарий, находившиеся тогда в России, и московский Иосиф написали грамоту, в которой утверждали, что первый художник есть бог, который создал человека «по своему образу и подобию», что художественный образ может быть только подражанием, что искусство есть зеркало, отражающее дела провидения. Церковный собор 1667 г. строго регламентировал темы и образцы церковной живописи. Старых иконописных традиций требовала придерживаться и грамота царя Алексея Михайловича 1669 г. Однако взгляды представителей официальной церкви встречали противодействие не только в самой практике живописи XVII в. Появлялись и теоретические размышления над содержанием искусства. Одно из них принадлежит царскому живописцу второй половины XVII в. Иосифу Владимирову, по мнению которого не следует слепо почитать все старинное и следовать невежественным представлениям людей, не понимающих ничего в искусстве. Не следует и игнорировать искусство других стран. Нельзя думать, будто одним русским дано писать иконы и что нужно только одному русскому иконописанию поклоняться, в других странах тоже имеется высокое искусство. Иосиф Владимиров особенно протестовал против канонической регламентации искусства. Где такое указание обрели немислимые любители предания, спрашивал Иосиф Владимиров, которое повелевает писать святых на одно лицо, обязательно смуглыми и темновидными? Разве все люди одинаковы, разве все святые были обязательно смуглыми и тощими? Иосиф Владимиров, оперируя данными «священного писания», доказывал, что образы должны быть индивидуализированы — в сцене благовещения девица должна быть молодой девушкой, а в иконе рождества младенец должен быть румян и прекрасен, в сцене распятия надо изображать мертвое тело, а библейская Сусанна должна быть красивой женщиной. Так, в живописи в рамках еще религиозного содержания начали осмысливаться принципы реалистического подхода к изображению персонажей.

Официальная церковь особенно гневно преследовала распространение в селах и городах произведений народных мастеров-иконописцев, которые нередко далеко отходили от установленных канонов. Среди этих мастеров было немало живописцев, наделенных большим талантом. Обилие орнамента «узорочья», любовь к сказочным мотивам, внимание к пейзажу были характерными проявлениями того народного начала, которое все сильнее проникало в живопись.

Вместе с тем в живописи XVII в. было еще очень сильно направление, связанное с потребностями светской власти и официальной церкви. Так, во фресках Княгинина монастыря во Владимире, выполненных в 1647—1648 гг., сильное впечатление производит огромная композиция «страшного суда», занимающая всю западную стену. Маленькой обнаженной фигуркой, теряющейся в громадном судилище, изображена в композиции человеческая душа. В круглых медальонах расписаны адские муки с ужасающими подробностями. Гигантский страшный змей душит грешников, и на теле его написаны названия смертных грехов, среди которых — «убийство» и «грабление», в которых нередко проявлялся тогда стихийный народный гнев против эксплуататоров. В условиях «бунташного» века церковь усиливала угрожающее направление своей проповеди, стремясь сохранить свое влияние и пугая страшными карами за всякое неповиновение ей и властям. Характерно, что среди осужденных в ад написана группа иноземцев. Церковь проклинала и осуждала все иноземное, боясь западного влияния, все более проникавшего в Россию. Но вот в росписи московского Архангельского собора, усыпальницы московских великих князей и царей, выполненной мастерами Оружейной палаты в 1652 г. во главе с Я. Казанцем и С. Рязанцевым, сцены «страшного суда» вообще нет. Роспись Архангельского собора посвящена другой теме — триумфу светской власти, что отразило растущую силу самодержавия. В росписях Архангельского и Благовещенского соборов видное место заняли изображения князей и царей. Этой задаче — прославлению царской власти — были посвящены также росписи дворцовых палат и многих храмов. Так, в Преображенском соборе Спасо-Евфимьево монастыря в Суздале, где роспись была выполнена в 1689 г., изображения царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, а также великого князя Всеволода III имеют нимбы, как у «святых».

Реалистические тенденции в живописи XVII в. развивались еще очень медленно. Большое место занимала унаследованная от XVI в. традиция отвлеченно-догматического и аллегорического изображения. Хорошо прорабатывались детали, но обобщенного реалистического изображения художники XVII в. еще не могли дать. Росписи и иконы были перегружены мелкими сценами и предметами, вокруг главных изображений нанизывалась масса клейм со всеми подробностями жития. Помимо этого делались еще пояснительные надписи. Внутренний мир человека, как правило, не умели раскрыть, главное внимание уделялось изображению внешних поступков и действий. Эмоциональность отступала перед описанием. Правда, и при этом в некоторых произведениях появились замечательные образцы передачи движения. Таковы росписи церкви в Никитниках, которые по бурному, энергичному движению фигур напоминают старинные фрески Волотовской церкви в Новгороде.

Сохранились в живописи традиционные приемы плоскостного изображения. При росписи стен стремились к сплошному их покрытию, благодаря чему интерьеры храмов становились похожими на цветной ковер. Иконы стали убираться драгоценными окладами из золота, серебра, драгоценных камней, заковывавшими почти все изображения. В оклад одевались и древние произведения, среди которых оказалась и рублевская «Троица». Иконы становились теперь больше произведениями ювелирного, чем живописного искусства.

Были сильны и традиции «строгановской школы», но происходило огрубление техники письма и упрощение композиции.

И наряду со всеми этими явлениями, тормозившими развитие живописного искусства, отчетливо наблюдаются знаменательные новые элементы. В XVII в. замечаются в ряде произведений попытки более точного изображения пространства. Изображения кажутся более объемными, удаляются фоны, художники начинают пользоваться приемами светотени.

Высшая ступень развития живописного искусства в XVII в. связана с деятельностью выдающегося художника Симона Ушакова (1626—1686). Выходец из

посадских людей, Симон Ушаков работал в Оружейной палате и был возведен в дворянское звание. Центральной темой его творчества было изображение человеческого лица. Знаменитым произведением Ушакова является его «Спас нерукотворный», в котором художник изобразил классически правильное лицо. Очень хорошо передана его объемность, ткань, на которой, по церковному преданию, возникло изображение Христа. В 1668 г. Симон Ушаков создал большую икону — картину «Насаждение древа государства Российского», посвященную прославлению самодержавной власти. На фоне прекрасно изображенного Успенского собора — символа власти московских государей — помещены фигуры Ивана Калиты и митрополита Петра, поливающих большое дерево. В ветвях дерева размещены медальоны с портретами князей и царей. По бокам картины помещены фигуры царя Алексея Михайловича и царицы с детьми. Изображение царя портретно, вся фигура его хорошо передана. Симон Ушаков не раз писал портреты Алексея Михайловича.

В 1671 г. Симон Ушаков создал икону на традиционный сюжет «Троицы». Она сильно отличается от рублевской «Троицы». На смену ее глубокой одухотворенности и возвышенности в иконе Ушакова явилось тяжеловатое, «плотское» изображение фигур, в картине появились реалистические детали (стол, уставленный яствами, крупное дерево и др.). Вполне светскими были сделанные Ушаковым в духе западноевропейских гравюр аллегории «Мир» и «Брань».

Отвергая традиционную сказочность и фантастичность, Ушаков стремился к материальному, телесному изображению. Он сосредоточивал все внимание на портретной живописи, на передаче объема, на использовании светотени.

Ушаков оказал большое влияние на развитие русской живописи в конце XVII в., когда его ученики — Григорий Зиновьев, Тихон Филатьев, Никита Павловец, Федор Зубов и др. — выполнили ряд произведений в духе ушаковских традиций.

Наиболее замечательным явлением в истории русского живописного искусства XVII в. была школа ярославских мастеров. Здесь с особенной силой проявилось воздействие светской, посадской культуры, поднимавшейся в поволжских городах с их развитыми посадами и богатым купечеством. В замечательных фресках ярославских церквей светское начало решительно вторгается в церковно-догматическое. Расширился круг сюжетов, теперь фрески стали иллюстрировать и поэтическую «Песнь песней», и новеллы переводного «Зерцала». В росписях церкви Ильи Пророка изображена история «сотворения человека». Идиллические картины перемежаются с излюбленными в народном искусстве фантастическими мотивами. Прекрасно изображены различные домашние животные и звери. «Чудеса» святых явно отходят на задний план перед бытовыми. Художники смело используют привычные образы русской жизни в сценах этой «священной истории». Крестьянская лошадь изображена в сцене пахоты Каина. Жнецы в розовых и голубых рубахах машут русскими серпами. Сочные краски напоминают типичные для среднерусского пейзажа тона. Пейзаж вообще разрабатывается с большим искусством. Красивы люди, они совсем не похожи на тех «смугловидных» и «тощих» персонажей, каких требовали изображать церковники. С особым вниманием художники подчеркивают красоту женских фигур. Сцена «страшного суда», занимавшая столь важное место в церковной символике, вынесена из внутреннего помещения на паперть, и в ней звучат уже не угрожающие мотивы, а явное сочувствие к простому человеку.

Даже в росписях ростовского митрополичьего дома, воздвигнутого с целью утверждения и повышения авторитета церкви, работавшие там мастера поволжских городов внесли новые мотивы. Во фресках Воскресенской церкви много движения и стремительности. Величественна и торжественна роспись церкви Спаса. Здесь есть многофигурная композиция «страшного суда» опять-таки с иноземцами в числе осужденных к адским мучениям. Ростовские фрески замечательны не только своим композиционным совершенством, но и выдающимся мастерством колорита. Даже в апо-

каллиграфических изображениях преобладают не мрачные, устрашающие, а сочные, яркие, жизнерадостные тона, все выглядит очень празднично и нарядно.

Тем более развивалось новое направление живописи в самом Ярославле, в посадских церквях, свободное от тех сковывающих условий, которые ставили церковные иерархи в Ростове. В 90-х гг. XVII в. мастер Дмитрий Плеханов расписал церковь Иоанна Предтечи, и здесь с новой силой засверкало яркое посадское искусство. С увлечением стали передаваться любовные сюжеты библейской истории. На стенах церкви Иоанна Предтечи прихожане увидели Саломею в танце, явно похожем на «русскую», но в ковчег в виде русского теремка с фигурной кровлей. Изображения на фресках стали многолюдными, яркими, часто встречаются в них не только «святые», но и черти, и дьяволы, и сам Христос предстал в очень будничных, «деловых» видах — то у руля на плывущей ладье, то даже с рукоятью меча, зажатой во рту. И нагую Вирсавию тоже увидели ярославцы на стенах Предтеченского храма.

Новое направление в живописи все сильнее распространялось и во второй половине XVII в. Церковь яростно сопротивлялась ему, и тут позиция раскола, враждебная официальной церкви, не отличалась ничем, она была даже еще более непримиримой. Столь вольное обращение с церковными сюжетами и традициями иконописания привело в неистовство Аввакума, обвинявшего, впрочем, в этих новшествах своего противника Никона. Вот как оценивал Аввакум новые явления в искусстве: «...пишут Спасов образ Эммануила, лице одутловато, уста червонная, волосы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые, тако же и у ног, бедра толстыя, и весь яко немчин брюхат и толст учинен, лишю сабли той при бедре не писано. А то все писано по плотскому умыслу, понеже сами еретицы возлюбиша толстоту плотскую... Христос же бог наш тонкостны чюства имеа все... А все то кобель борзой Никон, враг, умыслил будто живья писать, устрояет все по-фряжскому, сиречь по-немецкому. Якоже фрязи пишут образ благовещения пресвятыя богородицы, чреватую, брюхо на колени висит... Вот иконники учнут Христа писать... на кресте раздутова: толстехунек миленькой стоит, и ноги те у него, что стульчики. Ох, ох, бедныя! Русь, чего-то тебе захотелось немецких поступов и обычаев!»

Но гневные обличения Аввакума и других церковников не могли остановить начавшегося уже разрушения традиционно-догматических канонов в искусстве. Напрасно Аввакум пугал русских людей «немецкими» и «фряжскими» обычаями, развитие новых тенденций в искусстве было основано прежде всего на изменениях в самой русской жизни, на росте городской, светской культуры. Наоборот, само проникновение западной культуры в Россию XVII в. явилось следствием роста светской культуры в России, что требовало и подготовляло почву для отказа от веками насаждавшейся изоляции русской культуры от «латинства» и установления необходимых для прогрессивного развития культурных связей с передовыми в то время странами Запада. Наиболее передовое явление русской живописи XVII в. — работы ярославских мастеров — никак не было подражанием каким-либо западным образцам. Это искусство всеми корнями уходило в народное творчество, его образы и художественные приемы глубоко национальны и своеобразны.

Примечательным явлением в живописи, отразившим возросший, как и в литературе того времени, интерес к человеческой личности, было распространение «парсунного» письма, портретных изображений. Это сказалось не только в направлении творчества Симона Ушакова. Многие представители знати стали заказывать свои портреты за границей, но и в самой России тоже появились попытки создания портретов. В первой половине века портреты эти выполнялись еще в иконописной традиции, как, например, изображения Ивана IV или князя М. В. Скопина-Шуйского. Во второй половине столетия изображения стали принимать более реалистический характер, хотя в «парсунах» передавались прежде всего общественное положение, сан, богатство человека, а не его внутреннее состояние. Это были парадные портреты. Таковы изображения царя

Алексея Михайловича конца 70 — начала 80-х гг. XVII в., царя Федора Алексеевича, написанные Ерофеем Елиным и Лукой Смоляниным в 1686 г., стольника Г. П. Грдунова.

Таким образом, русская живопись XVII в. вступила в переломную эпоху, все более выявляя новые тенденции, ведущие ее по пути становления реалистического начала и освобождения от церковно-иконописных традиций.

ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

Высокого расцвета достигло в XVII в. и прикладное искусство, сохранившее многовековые традиции художественного и технического мастерства. Среди памятников прикладного искусства нужно назвать в первую очередь произведения, созданные мастерами Золотой и Серебряной палат. Это — парадное, богато украшенное оружие и предметы царского и митрополичьего обихода, различные культовые предметы. Выдающиеся произведения были созданы мастерами золотого и серебряного дела, часто использовавшими в своих орнаментах и фигурах мотивы русского народного творчества. Для XVII в. характерно массовое украшение золотых и серебряных предметов драгоценными камнями. Высокого совершенства достигло применение эмали. Излюбленными тонами московских эмальеров этого времени были сочетания бирюзового, черного, зеленого, желтого и белого цветов. С большим мастерством выполнялись резьба по металлу и украшение металлических изделий чернью. Сложные работы выполняли чеканщики, умевшие делать многофигурные, изящные композиции. Своеобразным, ярким, тесно связанным с народным творчеством было прикладное искусство Ярославля — деревянная резьба, серебряное дело и др.

В XVII в. было создано много выдающихся произведений художественного Шитья. Теперь оно все более утрачивало сходство с живописью; широкое распространение получило украшение вышивок жемчугом, золотом, серебром и другими драгоценностями. Наряду с так называемым «лицевым» большое развитие получило декоративное шитье. Центром шитья была «царицына мастерская палата», собравшая, как и Золотая и Серебряная палаты, лучших мастеров со всей страны.

Среди «лицевого» шитья XVII в. выделяется группа памятников мастерской Строгановых. Их особенностью является тонкое мастерство исполнения, сложность узора, достигаемая разнообразием швов, выделение складок одежды толстыми серебряными контурами, плоскостность изображения, удлиненность фигур.

Большинство сохранившихся памятников орнаментального шитья были предметами церковного и придворного быта. Среди них нарядные облачения, атрибуты конского убранства — попоны, седлау чепраки.

К XVII в. русская музыкальная культура имела устойчивые многовековые традиции. Как и другие области народного творчества, она была безымянна. Существовали местные певческие школы со своими особенностями «роспевов». Но повсюду господствовало хоровое многоголосие, столь характерное для русской народной музыки. Народные песни были богаты и жанровым разнообразием, и мелодичностью, и глубокой выразительностью, с огромной силой передающей самые различные психофизиологические состояния человека. Особенности народного хорового творчества были восприняты в немалой степени и церковной музыкой.

XVII век оказался переломным и для развития русской музыки. Подобно тому как в зодчестве все больше распространялось стремление к нарядной декоративности и церковные здания «обмирщались» в своем облике, так и церковная музыка в XVII в. становилась более пышной, отказываясь от прежней канонической строгости и суровости. Появились «канты» — музыкальные произведения, исполнявшиеся вне церкви. Они имели, правда, духовное содержание, но хоровое многоголосие было уже иным, новым по характеру. Это было так называемое «партесное пение» — для трех голосов. «Партесное» пение распространялось и в церковных концертах. В этих новых явлениях сказалось

развитие элементов личного, лирического начала в музыкальном творчестве, авторской и исполнительской индивидуальности. Возникла и новая линейная запись нотного письма, унифицированная и точная.

Большой популярностью, как и в предшествующее время, пользовался народный театр. По всей России бродили скоморохи. Народ любил народный театр Петрушки с его весёлыми и меткими выступлениями против богачей, попов, неправедных судей. В устном народном творчестве XVII в. с большой силой звучали антифеодальные и антицерковные мотивы. Не случайно поэтом уто ожесточенное преследование, которому подвергался народный театр со стороны правительства и церкви. Патриарх Филарет требовал, чтобы «на игрищах мисские люди не сходились», так как от этого может быть «смута» православным христианам. В условиях XVII в. церковному богослужению становилось все труднее отвлекать людей от народных празднеств. Влияние церкви стало заметно падать. В 40-х гг. патриарх Иосиф писал, что даже в Москве чинится «мятеж, соблазн и нарушение вере», что мирские люди «стоят в церквах со всяким небрежением», «беседы творят неподобные с смехотворением». Во время праздников народ, вместо того чтобы стоять на церковном богослужении, «затекает игры бесовские». Находятся люди, которые «приказывают медведчикам и скоморохам на улицах, торжищах и распутиях сатанинские игры творить, в бубны реветь, в ладоши бить и плясать». Гнев патриарха мало помогал борьбе церкви с народным творчеством. Не помогали и решительные меры светской власти. В 1648 г. по городам были посланы царские грамоты о запрещении «позорищ» (зрелищ). За ослушание велено было бить батогами, а «хари» (маски) и «бесовские гудебные сосуды» ломать и жечь.

Новым явлением было возникновение первого придворного театра. Инициатором его создания был широко образованный по тому времени боярин А. С. Матвеев. Театр был организован для того, чтобы по-новому отпраздновать рождение царевича Петра в 1672 г. Труппа театра (60 человек) была первоначально набрана из жителей Немецкой слободы, где под руководством пастора И. Г. Грегори ставились иноземцами любительские спектакли. 17 октября 1672 г. состоялся первый спектакль в «клетнем» театре в Преображенском, зимой открыли «зимний» театр в Кремле. Актёров, стали обучать билетному искусству. Сначала спектакли шли на немецком языке, но вскоре стали набирать из мещан и подьячих русских актёров, так как исполнение на немецком языке было непонятно. Положение русских актёров было намного хуже, чем привилегированных иностранцев. Актёрами были только мужчины и мальчики, они же исполняли и женские роли.

В театр допускались только члены царской семьи и их приближенные, причем женщины могли наблюдать за действием только из закрытого помещения. Театр вообще считался греховным делом, и само его устройство оправдывали лишь ссылкой на обычаи древней Византии. Первая представленная пьеса — «Артаксерово действо» — начиналась пышным славословием царю Алексею Михайловичу. Ставились преимущественно переводные пьесы на библейские темы. Спектакли продолжались по многу часов и были заполнены длинными монологами. В «Юдифи», было, например, 29 сцен. Появились и светские пьесы» вроде «Комедии о Тамерлане и Баязете» или «Комедии о Бахусе с Венусом». В 1675 г. во главе театра стал воспитанник Киевской духовной академии Степан Чижинский. При нем были поставлены балет и две комедии — об Адаме и Еве и об Иосифе.

После смерти царя Алексея Михайловича в 1676 г. под влиянием патриарха Иоакима, враждебно относившегося ко всему иноземному, театр прекратил существование.

Оторванный от народного искусства, и предназначенный для узкого круга феодальной знати, театр пастора Грегори не оставил серьезных следов в истории русской театральной культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Определяя основное содержание и направление историко-культурного процесса средневековой России, можно с полным основанием говорить, что эта культура уходила своими корнями в народное творчество и имела в нем главную питательную среду своего развития. В условиях феодального общества, крепостничества, многовековой борьбы с опустошительными нашествиями внешних врагов культура России обнаружила замечательные богатства творческих сил народа. Эти силы питали и культуру господствующих классов, которые использовали ее в переработанном виде в своих классовых целях.

Культура народа проникнута светлым чувством оптимизма, она жизнеутверждающая по своему духу. А. М. Горький отмечал, что наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев созданы фольклором, устным творчеством трудового народа» и что «фольклору совершенно чужд пессимизм, невзирая на тот факт, что творцы фольклора жили тяжело и мучительно — рабский труд их был обесмыслен эксплуататорами, а личная жизнь — бесправна и беззащитна»⁶⁵. Беспредельная самоотверженная любовь к родной земле, красота трудового и ратного подвига, высокое нравственное благородство, твердая вера в победу добра над злом, справедливости над неправдой и обманом и вместе с тем глубокая поэтичность, неистощимый юмор, меткое выделение типичных жизненных явлений, здравость и точность их оценок — все это характерно для произведений народного творчества феодальной эпохи. В той или иной степени, в разных формах эти замечательные качества народного творчества пробивали себе дорогу не только в литературе средневековой России, но и в зодчестве, живописи.

Развитие русской культуры средневековья отразило свойственные этой эпохе особенности и противоречия. Они были обусловлены, в конечном счете, социально-политическими и экономическими процессами, проходившими на Руси. Феодальный способ производства с присущими ему консерватизмом в развитии производительных сил, господством замкнутого натурального хозяйства, слабо развитым обменом, традициями к сохранению политической системы феодальной раздробленности, замедлял темпы развития культуры, формирование местных традиций и особенностей. На развитие русской средневековой материальной и духовной культуры безусловное влияние оказало монголо-татарское нашествие и иго. Известно, что в условиях натурального хозяйства достаточно было «простых случайностей, вроде вторжений варварских народов или даже обыкновенных войн, чтобы довести какую-нибудь страну с развитыми производительными силами и потребностями до необходимости начинать всё сначала»⁶⁶.

Несомненно, что на развитие русской культуры громадное влияние оказало господство религиозного мировоззрения. Церковь, особенно в раннем средневековье, сыграла определенную роль и в распространении грамотности, и в развитии зодчества и живописи. Но в то же время церковь ревниво оберегала свои догматы и враждебно относилась к новым явлениям в культуре, являлась тормозом в развитии наук, технических знаний, литературы, искусства. Всю громадную силу своей материальной мощи и духовного влияния церковь направляла на полное и безоговорочное следование всей культуры узким рамкам религиозно-схоластического мышления, сковывала стремление человеческого ума к свободному творчеству. Отсюда становится понятным, почему духовная жизнь в то время протекала в основном в рамках религиозно-богословской оболочки, почему борьба различных по содержанию классовых тенденций облекалась, как правило, в форму религиозных разногласий и споров. Сковывающее влияние церкви прослеживается и во взаимодействии русской культуры с культурами

⁶⁵ Горький А. М. Соч. М., 1953, т. 27, с. 305.

⁶⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 54.

Запада и Востока. И тем не менее русская культура развивалась не изолированно от мировой культуры, обогащаясь ее достижениями и внося свой вклад в ее развитие.

Выдержавший столько тяжелых исторических испытаний в средние века, народ создал прекрасную духовную и материальную культуру, воплотившую высокие качества богатейшего своими творческими силами народа. Когда в новом периоде русской истории, примерно с XVII в., стала формироваться русская нация и затем наступила пора блестящего расцвета ее культуры в XVIII-XIX столетиях, сокровищница культуры русского средневековья не раз служила источником великолепных творений поэтов и художников, зодчих и композиторов. Культурные достижения русского средневековья вошли в круг непреходящих художественных ценностей нашей страны, они — часть нашего национального богатства, славы и величия нашего народа.

*Анатолий Васильевич Муравьев,
Анатолий Михайлович Сахаров*

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ IX-XVII вв.

Редактор О. Р. Заволокина

Художник В.И. Неволин

Художественный редактор А.Я. Гладышев

Технические редакторы И.В.Квасницкая, Р.С.Невретдинова, Е.В.Богданова

Корректоры Л. А. Ежова, М. Ю. Сергеева

ИБ №7368

Сдано в набор 25.11.82. Подписано к печати 05.01.84. А04306. Формат 60x90 1/16. Бум. офсетн. №, 2. Гарнит. школьн. Печать офсетн. Усл. печ. 21+фор.0,25. Усл. кр. от. 75,5. Уч.-изд. л. 23,71+фор. 0,44. Тираж 170 000 экз. Заказ 2160. Цена 1 р. 50 к. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129846, Москва, ГСП-110, 3-й проезд Марьиной рощи, 41. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Калинин, пр. Ленина. 5.